

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

2020. Том 47, № 1

Ранее журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология»

Основан в 1995 г. Журнал включен в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (07.00.02 – Отечественная история, 07.00.03 – Всеобщая история (соответствующего периода), 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии, 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития). Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ). С 2020 года издается как электронный журнал. Публикация статей бесплатная.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ» Издательский дом «БелГУ».

Адрес редакции, издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ ЖУРНАЛА

Главный редактор серии

О.Н. Полухин, ректор НИУ «БелГУ», доктор политических наук, профессор

Ведущий редактор

В.А. Шаповалов, проректор по качеству и дополнительному образованию НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Н.Н. Болгов, заведующий кафедрой всеобщей истории Педагогического института НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

И.Т. Шатохин, заместитель директора по научной работе и международной деятельности Педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук, доцент

Л.С. Половнева, доцент кафедры российской истории и документоведения НИУ «БелГУ», кандидат политических наук

Ответственный секретарь

И.Г. Оноприенко, доцент кафедры российской истории и документоведения Педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук, доцент

Члены редколлегии:

М.Г. Абрамзон, доктор исторических наук, профессор (Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова)

А.Ж. Арутюнян, доктор исторических наук, профессор (Ереванский государственный университет, Армения)

С. Атлагиц, доктор политических наук (Белградский государственный университет, Сербия)

А.В. Глухова, доктор политических наук, профессор (Воронежский государственный университет)

А.В. Головнев, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук

М. Казански, доктор истории (Центр изучения византийской цивилизации, Париж, Франция)

А.В. Коробков, доктор политологии (Университет штата Теннесси, США)

К.Н. Лобанов, доктор политических наук (Белгородский юридический институт МВД России)

М.М. Марасанова, доктор исторических наук, профессор (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)

Е.А. Молев, доктор исторических наук, профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского)

А.В. Перепелицын, доктор исторических наук, профессор (Воронежский государственный педагогический университет)

С.И. Посохов, доктор исторических наук, профессор (Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Украина)

И.М. Пушкарева, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник (Институт российской истории Российской академии наук)

Х.Р. Туманс, доктор истории (Латвийский национальный университет, Рига, Латвия)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г. Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Л.П. Котенко. Корректурa, компьютерная верстка и оригинал-макет А.Н. Оберемок. E-mail: onoprienko@bsu.edu.ru. Гарнитура Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Дата выхода 30.03.2020. Оригина́л-макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

- 5 **Писаревский Н.П.**
Греческий Дионис в стране индов за Фракией
- 21 **Чореф М.М.**
К истории изучения монетного дела царя Асандра
- 30 **Колесникова А.Ю., Зиньковская И.В.**
Бронзовые изделия круга выемчатых эмалей с памятников юга Восточной Европы
- 41 **Гречухина А.А.**
Варварские вторжения и военное положение Киренаики в IV – начале V вв. (по письмам Синезия Киренского)
- 47 **Гоголев Д.А.**
Поселения, названные городами, в «Церковной истории» Феодорита Кирского
- 54 **Шелудченко Ю.В.**
Савва Освященный (439–532 гг.) и монастыри Иудейской пустыни в изображении Кирилла Скифопольского
- 67 **Болгова А.М., Руднева М.А.**
Александрийская философская школа в середине – 2-й пол. VI в.: Олимпиодор, Элий, Давид
- 78 **Миронов В.В.**
Военная эпидемиология Австро-Венгрии в оккупированной Сербии между медициной и пропагандой. 1915–1918 гг.
- 91 **Парусова Н.В.**
История армянских церквей в квартале Авлабар в Тбилиси

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

- 97 **Сарапулкин В.А.**
Воинские погребения Ржевского могильника Салтово-маяцкой культуры
- 107 **Бондарев Н.И., Бондарева Т.А.**
Назначение дольменов Западного Кавказа
- 113 **Сквородников А.В., Дегтярев Д.С.**
Принятие новых генеральных планов городов во второй половине XIX века (на примере Томской губернии)
- 120 **Острога В.М.**
Учительские съезды в Беларуси (вторая половина XIX – начало XX вв.)
- 130 **Мельников П.Ю.**
Малая крестьянская семья Саратовской губернии (по данным земских сельскохозяйственных переписей 1880–90-х гг.)
- 139 **Оськин М.В.**
Бессарабия в 1917 году: экономическое положение тыла румынского фронта
- 151 **Бугров К.Д.**
Конструктивистские медицинские комплексы Урала 1920-х – 1930-х гг.: архитектура и размещение
- 160 **Остроухова Н.В.**
Особенности нормативно-правового регулирования государственно-церковных отношений в СССР (1953–1963)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

- 170 **Онопко О.В., Борозенец Д.И.**
Контент-анализ как метод определения политической картины мира эксперта-политолога (на примере Н.В. Сунгуровского)
- 178 **Абиева Э.Р.**
Координационный центр как элемент международной защиты экологических мигрантов
- 187 **Попов П.В.**
Возможности демократических государств по реагированию и противодействию гибридным угрозам
- 194 **Рамазанова Ф.М., Лобанов К.Н.**
Новые подходы в формировании политики интеграции мигрантов Европейского союза
- 202 **Белащенко Д.А., Шоджонов И.Ф.**
Украинско-азербайджанские отношения: основные сферы сотрудничества, проблемы и перспективы развития
- 211 **Титов В.В., Самохвалов Н.А.**
К вопросу о некоторых причинах «омоложения» протестных настроений в России
- 218 **Тарасова Д.А., Богданов К.В.**
Оценка возможности регионального лидерства Мексики в Латинской Америке
- 226 **Сведения об авторах**

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE

2020. Volume 47, № 1

Previously, the journal was published under the title «Scientific statements of Belgorod State University. Series: History. Political science»

Founded in 1995. The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (07.00.02 – Russian History, 07.00.03 – World History (of a definite epoch), 23.00.02 – Political Institutions, Processes and Technologies, 23.00.04 – Political Issues of International Relations, Global and Regional Development). The journal is introduced in Russian Science Citation Index (РИНЦ). Since 2020 it has been published as an electronic journal. Publication of articles is free.

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University».

Publisher: Belgorod National Research University «BelGU» Publishing House.

Address of editorial office, publisher: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL SERIES

Editor-in-Chief of the Series

O.N. Poluhin, rector, doctor of political sciences, professor (Belgorod State National Research University)

Commissioning Editor

V.A. Shapovalov, vice-rector on quality and supplementary education, doctor of historical sciences, professor (Belgorod State National Research University)

Deputies of Editor-in-Chief:

N.N. Bolgov, world history department chair, doctor of historical sciences, professor (Belgorod National Research University)

I.T. Shatohin, professor of the Russian history and records management department, candidate of historical sciences, professor (Belgorod National Research University)

L.S. Polovneva, associate professor of the Russian history and records management department, candidate of political sciences (Belgorod National Research University)

Editorial Assistant

I.G. Onoprienko, associate professor of the Russian history and records management department, candidate of historical sciences (Belgorod National Research University)

Members of Editorial Board:

M.G. Abramzon, doctor of historical sciences, professor (Nosov Magnitogorsk State Technical University)

A.Zh. Arutyunyan, doctor of historical sciences, professor (Yerevan State University, Armenia)

S. Atlagich, doctor of political sciences (Belgrade State University, Serbia)

A.V. Glukhova, doctor of political sciences, professor (Voronezh State University)

A.V. Golovnev, doctor of historical sciences; corresponding member of Russian Academy of sciences; Director of the Museum of anthropology and Ethnography. Peter the Great (Kunstammer) Russian Academy of Sciences

M. Kazanski, PhD in history (Center for History and Civilization of Byzantium, Paris, France)

A.V. Korobkov, PhD in political science (Middle Tennessee State University, the USA)

K.N. Lobanov, doctor of political sciences, associate professor (Belgorod Juridical Institute of Ministry of Home Affairs of Russia)

M.M. Marasanova, doctor of historical sciences, professor (Yaroslavl state University after P.G. Demidova)

E.A. Molev, doctor of historical sciences, professor (Nizhny Novgorod State University after N.I. Lobachevskiy)

V.A. Perepelitsyn, doctor of historical sciences, professor (Voronezh State Pedagogical University)

S.I. Posokhov, doctor of historical sciences, professor (Kharkov National University after V.N. Karazin, Ukraine)

I.M. Pushkareva, doctor of historical sciences, leading scientific worker (Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences)

H.R. Tumans, PhD in history (Latvian National University, Riga, Latvia)

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г.

Publication frequency: 4 /year

Commissioning Editor L.P. Kotenko. Pag Proofreading, computer imposition A.N. Oberemok. E-mail: onoprienko@bsu.edu.ru. Typeface Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Date of publishing: 30.03.2020. Dummy layout is replicated at Publishing House «BelSU» Belgorod National Research University. Address: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

CONTENTS

TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

- 5 **Pisarevskiy N.P.**
Greek Dionysus in the country of the Indus behind Thrace
- 21 **Choref M.M.**
On the history of the study of the coinage of king Asander
- 30 **Kolesnikova A.Ju., Zinkovskaya I.V.**
Bronze articles belonging to the group of champleve enamels from sites in the southern part of Western Europe
- 41 **Crechukhina A.A.**
Barbaric invasion and the military situation of Cyrenaica in the 4th – the beginning of 5th centuries (on the basis of Synesius' letters)
- 47 **Gogolev D.A.**
The settlements called the cities in «Church history» by Theodoret of Cyrus
- 54 **Sheludchenko Yu.V.**
St. Sabbas the Sanctified (439–532) and monasteries of the Jewish desert in the depiction of Cyril of Skythopolis
- 67 **Bolgoва A.M., Rudneva M.A.**
Alexandrian school between the middle and the end of 6th century: Olympiodorus, Elias, David
- 78 **Mironov V.V.**
Military epidemiology of Austria-Hungary in the occupied Serbia between medicine and propaganda. 1915–1918
- 91 **Parusova N.V.**
The history of the Armenian churches in Avlabari block of Tbilisi

TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

- 97 **Sarapulkin V.A.**
Military burials of the Rzhev burial ground of the Saltovo-Mayaki culture
- 107 **Bondarev N.I., Bondareva T.A.**
Intention of the Western Caucasus dolmens
- 113 **Skovorodnikov A.V., Degtyarev D.S.**
Adoption of a new master plans of cities at the second half of XIXth century (by the example of Tomsk region)
- 120 **Ostroga V.M.**
Teaching congresses in Belarus (second half of the XIX – early XX centuries)
- 130 **Melnikov P.Yu.**
Nuclear peasant family of the Saratov province (according to data of the Zemsky agricultural census 1880–90s)
- 139 **Os'kin M.V.**
Bessarabia in 1917: the economic situation of the rear of the Romanian front
- 151 **Bugrov K.D.**
Constructivist medical complexes of Urals in the period of 1920-ies and 1930-ies: architecture and exposition
- 160 **Ostroukhova N.V.**
Peculiarities of the legal regulation of the state-church relations in the USSR (1953–1963)

TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

- 170 **Onopko O.V., Borozenets D.I.**
Content analysis as a method for identification of political expert's political picture of the world (N.V. Sungurovsky's case)
- 178 **Abieva E.R.**
Coordination center as an element of international protection of environmental migrant
- 187 **Popov P.V.**
Capabilities of democratic states to respond and counter hybrid threats
- 194 **Ramazanova F.M., Lobanov K.N.**
New approaches in the integration policy of migrants in European Union
- 202 **Belashchenko D.A., Shodzhonov I.F.**
Ukraine-Azerbaijan relations: basic fields of cooperation, problems and prospects for development
- 211 **Titov V.V., Samohvalov N.A.**
To the question of possible causes of «rejuvenation» of the protest moods in Russia
- 218 **Tarasova D.A., Bogdanov K.V.**
Assessment of regional leadership potential of Mexico in Latin America
- 226 **Information about Authors**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

УДК 94 (398.9); 94(38)

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-5-20

ГРЕЧЕСКИЙ ДИОНИС В СТРАНЕ ИНДОВ ЗА ФРАКИЕЙ

GREEK DIONYSUS IN THE COUNTRY OF THE INDUS BEHIND THRACE

Н.П. Писаревский

N.P. Pisarevskiy

Воронежский государственный университет,
394006, Россия, г. Воронеж, Университетская пл., 1

Voronezh State University,
1 Universitetskaya pl., Voronezh, 394006, Russia

E-mail: Pisarevskiy1@rambler.ru

Аннотация

Работа посвящена проблеме поиска греко-арийских параллелей на уровне мифологии. Для этого в статье анализируется свидетельство Аполлодора о посещении богом Дионисом племени индов, проживающих за Фракией. В контексте современных данных лингвистики и археологии о греко-индийских параллелях в языке, эпической поэзии и в материальной культуре в изложении содержится обоснование тезиса относительно общего историко-культурного очага происхождения и проживания двух древних народов в период до их миграции с территории прародины в материковую Грецию и Северо-Западную Индию. «Индию» Аполлодора следует локализовать в Северном Причерноморье.

Abstract

The article analyzes the testimony of Apollodorus about the visit of God Dionysus to the tribe of Indus living beyond Thrace. In the context of modern data of linguistics and archeology about the Greco-Indian Parallels in language, epic poetry and material culture there is a substantiation of the thesis concerning the General historical and cultural center of origin and residence of two ancient peoples in the period before their migration from the territory of the ancestral home to mainland Greece and North-West India. Analysis of the data of the ancient tradition, taking into account the results achieved in the study of the languages of the ancient Greeks and the Vedic Aryans, the similarities and parallels in their mythology and epic poetry, the progress achieved (especially recently) in the study of the monuments of the material culture of the ancestors of their carriers in the Eastern Europe era Middle and Late Bronze Age, indicate a greater likelihood of localization of «India» and, accordingly, «Indians» Apollodorus evidence of campaigns of Dionysus, in the Northern Black Sea.

Ключевые слова: Фракия, Скифия, Индия, индоевропейцы, греко-арии, Дионис, инды, греки, эллины.

Keywords: Thrace, Scythia, India, Indo-Europeans, Greco-Aryans, Dionysus, the Indy, the Greeks, the Hellenes.

Среди прочих аспектов исследования греко-арийского единства и общности происхождения двух древних этносов непосредственное отношение к нему имеет свидетельство

в «Мифологической библиотеке» Аполлодора о странствиях бога Диониса по Фракии, после покорения которой он пришёл в землю «живущих за ней индов».

Попытки интерпретации свидетельств античного автора в отечественной и зарубежной историографии, в особенности относительно поиска исторического объяснения фразы «инды за Фракией» с учётом превратностей мифопоэтического сознания и отображённости в нём исторических реалий, выразилось в существующей полемике и различных подходах к решению этой проблемы. Её дискуссионность связана как с негативной оценкой Страбона (Strabo, XI, 5, 5)¹, так и с нерешённостью самых фундаментальных проблем происхождения индоевропейцев, их греко-арийской ветви и этногенеза древних греков [Подосинов, 1999, р. 101–115, 224–244; Касьян и др., 2014, с. 382–383; Webster, 2016, р. Е-Н; West, 2017, р. 8–13; Backwith, 2009, р. 34; Бонгард-Левин, Грантовский, 1983; Гимбутас, 2006; Дергачев, 2005, с. 361–380; Писаревский, 2018, с. 107–112; Чечушков, 2011, с. 57–65; Antony, 2010; Verma, 2000; Kochhar, 2000; Parpola, 2004–2005, р. 29–30; Tasić, 2014, р. 15–24]. Нельзя не отметить в данной связи и продолжающийся негативизм к существующим интерпретациям сходств между древними греками и индийцами в эпических поэмах двух народов, что придаёт дополнительную актуальность нашему исследованию [Васильков, 2011, с. 41–54; Гринцер, 1974, с. 36; Невелева, 2014, с. 120–133; Hinge, 2008, р. 369–397; Woundhuizen, 2013, р. 5–21].

Обратимся к тексту Аполлодора. Эллинистический автор пишет: «Γιόνςζορ δὲ εὐπεῖηρ ἀμπέλως γενόμενον, Ἦπαρ μανίαν αὐτῷ ἐμβαλούζην πεπιπλανᾶται Αἴγυπτον ἡε καὶ Συρίαν. καὶ τὸ μὲν πῶτον Πτυθεὺρ αὐτὸν ὑποδέσσεια βασιλεὺς Αἴγυπτιν, αὐτὸν δὲ εἰς Κύβελα ἢ Φεργίαν ἀθικνεῖται, κακεῖ καταθθεὶς ὑπὸ Ῥέαρ καὶ ἡρ ηελεῖται ἐκμαθὼν, καὶ λαβὼν παπ' ἐκείνην τὴν ζηολήν, ἐπὶ Ἰνδοὺρ διὰ τῆς Θπάκης ἡπείγειο... διελθὼν δὲ Θπάκην καὶ τὴν Ἰνδικὴν ἄπαζαν, ζηήλαρ ἐκεῖ ζηήζαρ ἦκεν εἰς Θήβαρ, καὶ ἡρ γснаїкар ἡνάγκαζε καηαλιπούζα ρ ἡρ οікіаr баксеύειν ἐν τῷ Κιθαιπῶνι. Πενθεὺρ δὲ γεννηθεὶς ἐξ Ἀγασῆρ Ἑσίονι, παπὰ Κάδμος εἰληθῶρ τὴν βασιλείαν, διεκώλζε ἡῶηα γίνεζθαι, καὶ παπαγενόμενον εἰς Κιθαιπῶνα ἡῶν Βаксῶν καηάзкопор ὑπὸ τῆς μηηπὸρ Ἀγасῆρ καηὰ μανіаn ἐμελίзθη: ἐνόμιζε γὰρ αὐτὸν θηπίον εἶναι. δεі́зар δὲ Θηβαіоіρ θηи θεόρ ἐξ ηиv, ἦκεν εἰς Ἀπγορ...» (Apollod., Myth. Bybl., (III, 5, 1–2).

Из сообщения Аполлодора следует, что после Египта и Фригии Дионис направился через Фракию к индам, после чего, пройдя всю индийскую землю и поставив там свои стелы, он возвратился в Фивы. При этом обе фразы – ἐπὶ Ἰνδοὺρ διὰ τῆς Θπάκης и ἡπείγειο διελθὼν δὲ Θπάκην καὶ τὴν Ἰνδικὴν ἄπαζαν – могут трактоваться «направился через Фракию к индам / пошёл по направлению к индам, живущим за Фракией» в первом случае, либо соответствовать точному переводу – «к индам через всю землю Фракии прошёл» во втором. А это означает, что в тексте «Мифологической библиотеки» Аполлодора об Индии нет и речи, поскольку упоминается только земля и этнос индов.

Более того, анализ контекста обращает внимание как на мифологическое время события – время Ликурга – царя эдонов в первом эпизоде и Агавы и Кадма во втором. Не менее показательны и мифо-географические «реалии». История странствий Диониса развёртывается на пространстве, ограниченном Аргосом, Фивами и Фракией, которые расположены рядом друг с другом. Что касается упоминаний о Египте и Фригии, то их присутствие – отображение в общественном сознании населения эпохи эллинизма смутных представлений о переселении предков эллинов на Балканы через Средний Дунай и Ближний Восток [Тюменев, 1953, с. 27; Дюрант, 1997, с. 47–53; Гиндин, Цымбурский, 1994, с. 27, 37; Гиндин, Цымбурский, 1995, с. 19; Drews, 1988, р. 16, 18–24, 38, 43–44, 158–161].

¹ «Их сочинители, – указывает античный автор, – думали больше о лести, чем об истине. Так, например, они переносят название «Кавказ» с гор, возвышающихся над Колхидой и Евксинским Понтом, на Индийские горы и лежащее поблизости от них Восточное море...». См.: [Габелко, 2012, с. 143–156; Грацианская, 1988, с. 6–175; Peck, 2017, р. 8; Gabelko, 2013, р. 117–132].

В правомерности такого наблюдения убеждает знакомство с аналогичными фразами у Фукидида и Павсания (Paus., VI, 58: *ἐπὶ δια τῆς Θρακῆς ἐπὶ τῆς ἐπὶ πασάν τὴν γῆν* и др.). Переводы этих фраз В.Г. Боруховичем соответствуют смыслу, заложенному в них древним автором [Аполлодор, 1972, с. 52–53].

Любопытна ситуация, сложившаяся и в самой античной историографии по поводу происхождения и странствий Диониса. В ней не было единства [Титова, 2002; Васильева, 2010, с. 125–135; Кузина, 2013, с. 252–259; Taylor-Perry, 2003]. Миф о Дионисе, сыне Зевса и Семелы, был уже известен Гомеру (II. XIV, 325), но о связи этого бога с виноградной лозой там нет никаких известий. Как бог вина Дионис выступает только у Гесиода в поэме «Труды и дни» (614). Диодор называл 5 Дионисов (Diod., IV, 1–6), тогда как Нонн – только 3 из них. Древнейший, по его утверждению, был сыном Зевса-змея и Персефоны (Nonn. VI, 170), а более поздний – умирающий и воскресающий Дионис – почитался, по свидетельству Диодора, на Крите (Diod., IV, 1–6).

В рассмотрении мифов о Дионисе учёные как в отечественной, так и в зарубежной историографии совсем не обращали внимания на празднество в честь Диониса в греческом городе Гелоне на периферии Скифии, о котором имеется сообщение Геродота. А это требует обращения к изучению ситуации, сложившейся в области интерпретации греческих мифов в современной науке. Однако прежде всего следует обратить внимание на оценки зарубежных и отечественных специалистов, которые рассматривают мифы в качестве искажённой формы информации, за которой скрываются зёрна исторической действительности и даже (на этапе миграции этноса) адекватная действительности историческая информация [Мелетинский, 2000, с. 168, 237; Baldursson, 2015, p. 19–20].

Аналогичная ситуация сложилась и в современной историографии античности. Фригийско-фракийская природа Диониса (К.О. Мюллер, Л. Преллер, У. Роде и Л.Р. Фарнелл) накладывается в ней на эгейское (минойско-микенское) происхождение (О. Группе, К. Кереньи, М.П. Нильссон) [Кузина, 2013, с. 252]. В связи с Дионисом, как нам представляется, следует принять во внимание убеждение И.М. Дьяконова, согласно которому греческие боги представляли собой субстратное начало и восходят к более раннему времени, чем VIII–VII вв. до н. э. [Дьяконов, 1990, с. 228].

Версия прихода Диониса к индам вписывается и в ситуацию в современной лингвистике. Имеется в виду оценка, с одной стороны, местоположения прародины племён индоевропейской общности (Urhemait), а с другой – определение не менее дебатированной проблемы состава и территории расселения носителей её греко-арийской ветви, т. е. носителей греко-фрако-фригийско-индоиранских языков. Согласно одной из таких точек зрения, которая считается достаточно обоснованной М. Витцелем, по данным их языка, греко-арии жили в умеренном поясе с прохладным климатом где-то на стыке зон Евразийских степей и лесных поясов, возможно, в Волго-Донском районе.

Несмотря на устоявшиеся взгляды по данному вопросу, традиционные взгляды относительно локализации прародины индоевропейцев (Балканы, Малая Азия, Месопотамско-Анатолийско-Закавказский узел, Понто-Каспийские степи) в последнее время усложнились новыми теориями. В указанном отношении следует назвать гипотезу С.А. Старостина о роли кавказских языков в процессе их глоттогенеза и теорию континуитета индоевропейских племён с эпохи палеолита (протоиндоевропейцы) до финальной стадии эпохи бронзы по аналогии с генезисом финно-угорских и урало-алтайских языков (Вяч. Вс. Иванов) [Гусейнов, Мугумова, 2017, с. 185–194; Alinei, 2003, p. 187–216; Alinei, 2003, p. 121–147; Christian, Parpola, 2017, p. 77–87].

Совсем недавно с подачи Ф. Хёсслера локализация прародины индоевропейцев вообще и греко-ариев в частности на пространстве Понто-Каспийских степей, равно как и вышеупомянутые другие, были объявлены не более чем мифом [Häusler, 2002, S. 10–17]. Более того, Дж. Мэллори, закрывая очередную конференцию лингвистов в Санкт-Петербурге, объявил о нахождении современной науки как никогда далеко от решения

проблемы [Коровина, 2013, с. 163–166; Мэллори, 1997, с. 61–82; Гамкрелидзе, Иванов, 2013, с. 109–136; Kullanda, 2013, p. 137–146; Mallory, 2013, p. 145–154] [Antony, Ring, 2015, p. 199–219]. Примерно такое же отношение сложилось и к концепции Н.Я. Мерперта и Е.Н. Черных о «циркумпонтийском» её адресе [Черных, 1987, с. 136–147].

Как полагают специалисты, данные археологии, указывая на непрерывную преемственность большинства культур со времени палеолита и неолита, свидетельствуют об отсутствии каких-либо крупномасштабных вторжений как в Европу, так и из неё (Г. Томас, М. Отте, Ф. Хёсслер, М. Алинеи и др.) (ср. альтернативу: [Haak, Lazaridis, Patterson, Rohland, Mallick, Llamas, Brandt, Nordenfelt, Harney, Stewardson, Fu, Mittnik, Bánffy, Economou, Francken, et al. 2015, p. 207–211]). Такая оценка встретила отклик и со стороны М. Витцеля, обосновавшего совсем недавно восхождение основного мифа индоевропейцев к мифологии Лавразии и Гондваны [Wiitzel, 2012, p. 401]. По мнению учёного, это последнее проявляется в мифах о сотворении мира из первобытного гиганта (Протея, Пурюши, Ромула – Рема) [Wiitzel, 2012, p. 587].

Однако целый ряд специалистов, прежде всего в области изучения памятников археологии древних ариев, продолжает настаивать на миграциях как эллинов, так и ведийских ариев в новые места поселения в диапазоне между 2000–1380 гг. до н. э. Более того, Т. Вебстер полагает возможным реконструировать арийские миграции в Индию, две отдельные диффузии которых сливаются с элементами Хараппской цивилизации в соответствии со взглядами А. Парполы [Webster, 2016, p. E-H; West, 2017, p. 5–12].

Подтверждение тому, что сокрыто за сообщением о приходе Диониса к индам за Фракией, кроме того, как нам представляется, обнаруживается среди самых разнотипных, но имеющих как прямое, так и опосредованное значение к изучаемой проблеме фактов. С точки зрения изучаемой проблемы интерес представляет ситуация с географией и понятиями «исконные эллины» / «исконная Скифия» в произведениях античных авторов и эпиграфических источниках. С позиций географии на первый план выдвигается гипотеза греко-арийской общности, в содержании которой Трансильванский, Кавказский и Южно-Уральский регионы рассматриваются либо в качестве исходных, либо промежуточных прародин протогреков и протоиндоиранцев на этапе их расхождения друг от друга и последующей миграции на Балканы и в северо-Западный Индостан. В пользу такой постановки вопроса свидетельствует индоевропейская гидронимия юго-востока Балкан и Крыма, представленная как фрако-фригийской, так и индоиранской топонимикой, фиксирующей присутствие греко-ариев, по меньшей мере, в Северо-Западном и Северо-Восточном Причерноморье конца IV – начала III тыс. до н. э., что соответствует убеждениям античных авторов, начиная с Гекатея Милетского и завершая Страбоном, который со ссылкой на Гомера сообщает о родстве по происхождению между скифами и фракийцами [Thomas, 2000, p. 177; Яйленко, 2011, p. 410–453]. Ещё более выразительна информация Геродота, согласно которой эллины и скифы являются древнейшим населением Скифии. Понятия «исконные эллины» (της αρχαίας Ελληνες) в рассказе «отца истории» (IV, 108; V, 62) о гелонах и будинах и определение «исконная Скифия» (Αρχαία Σκυθία), соотносимое им с территорией исторической Фракии, равно как и утверждение Солона (Solon. Fr.4a. West) об Аттике как «исконной земле ионийцев» (το αρχαίον χώρα Ἰωνίων), а Страбона (VII, 4, 1–3) – об «исконном Херсонесе» (τον αρχαίον Χερσονήσος) с дополнениями Диодора (Diod., IV, 1–6) и Павсания, наделявших таким же происхождением и Диониса (το αρχαίον Διονύσος), вполне соответствуют такой возможности².

Не менее информативна ситуация с греко-арийскими параллелями в мифологии, религиозных персонажах и эпической поэзии. В контексте греко-арийской общности к настоящему времени предложено достаточно большое количество примеров, среди кото-

² Относительно трактовки το αρχαίον предлагаются очень выразительные значения этого слова – «извечный, первозданный, издревле установленный». См.: [Чепел, 2007, с. 324–325].

рых одним из самых последних называется тождество греческого Прометея своему ведическому аналогу по имени «Вор» (Pramath/Pramatha). По мнению В. Буркерта и М.Л. Вэста, греко-арийское *Promatheu соответствует протогреческому *Promathes (дор. Promatheias), что находит соответствие в ион. Prometheus, а все они вместе взятые идентичны древнесанскр. Pramath [Burkert, 1992, p. 82; West, 2007, p. 10].

С учётом таких сходств более понятным выступает казавшаяся ранее невозможной взаимосвязь между ведийскими этнонимами Aila и Yadu с одной стороны, и Αιολεις и Ιαδα с другой. В частности, Диодор сообщает, что г. Олен расположен в земле, которая прежде называлась Иада, а теперь зовётся Ахайей (Diod., V, 81). Согласно Гигину, в этом городе жил Гесиод (Hig., 109, 243, 980). Аналогичного порядка хороним встречается у Геродота и Страбона: в первом случае он прилагается к древнейшему наименованию Аттики, во втором – Трояды.

Информация античных источников находит языковые аналоги в топонимике этнонимии Ригведы и эпических поэм Древней Индии (Bhrigu, Aila, Yadu, Haihayoi) [Witzel, 2001]. Македонский род из Мигдонии (Фессалия) Bryges очень близкий скр. Bhrigu имел власть над одним из городов этой области с очень выразительным названием Sind [Шофман, 1960, с. 81–90, 100; Молчанов, 2000, с. 194–196 и др.]. Согласно оценкам Н. Хэммонда, бриги/фригийцы были носителями Лусатской культуры и пришельцами в Пелопоннес [Хэммонд, 2003, с. 30, 48–49, 64–65].

Вполне соответствует имеющимся наблюдениям и ситуация с археологическим аспектом ИЕ проблемы и интерпретация греко-индийских общеконтекстуальных памятников археологии. В указанном отношении особый интерес представляют «памятники героям», на которые в плане компаративистики обратил внимание П. Гринцер, привлекал в подтверждение своих общих построений Л.С. Клейн, а в современной науке изучал Я.В. Васильков [Гринцер, 1974; Васильков, 2011, с. 41–54; Невелева, 2014, с. 120–133]. Исследования такого порядка обратили внимание как на возраст происхождения праиндоевропейского языка, так и на наличие и роли отцовского и материнского языков в языке общения конкретных этносов. Носители одного из них на примере останков 9 человек из погребальных памятников ямной культуры, 4-х особей из культуры шнуровой керамики показали свою идентичность на пути массовой миграции из Северного Причерноморья в Центральную Европу [Juras, 2018]. А это позволило вывести наблюдение о степной родословной у всех культур эпохи европейского энеолита, и направление миграции, обратное тому, на котором настаивают, в частности, в нашей археологии Н.А. Николаева и Л.С. Клейн [Клейн, 2007; Николаева, 2014, с. 355–367].

Таким образом, опирающееся на достижения археологии и лингвистики переосмысление проблем прародин древних эллинов, глотто- и этногенеза, этнической и языковой идентичности, эта тенденция имеет своим результатом как пересмотр состава прагреческой языковой ветви, так и соотношения её представителей с археологическими памятниками культурных общностей Центральной Евразии эпохи Средней и Поздней бронзы.

Согласно Д. Энтони, ямный горизонт (3300–2500 гг. до н. э.) сложился в Дону-Поволжье, где ему предшествовали Хвалынская культура Среднего Поволжья (4700–3800 гг. до н. э.) и родственная ямной Верхне-донская Репинская культура А.Т. Синюка (ок. 3950–3300 гг. до н. э.) [Синюк, 1981, с. 8–20; Anthony, 2007, p. 244]. Афанасьевская культура Западного Алтая в восточной части евразийских степей являлась ответвлением Репинской культуры Верхнего Дона. Горизонт ямников был приспособлен к изменению климата между 3500 и 3000 гг. до н. э. На следующем этапе (между 3100–2800/2500 гг. до н. э. носители ямной культуры и ПИЕ языка, вобрав в себя представителей Усатовской культуры, переселились в долину Дуная, свидетельство чему – 3 000 курганов Трансильвании этого времени 2800–2600 гг. до н. э.) [Anthony, 2007, p. 300].

Дальнейшее расширение к востоку и северу от степной зоны этих массивов населения способствовало образованию промежуточной прародин (по терминологии А.Л. Гиндина и

В.Л. Цымбурского) индоиранцев, олицетворением которой стали памятники Синташтинской культуры юго-востока Уральских гор [Anthony, 2007, p. 317–320]. Основанием для такого заключения учёный считает параллелизм погребального обряда Синташты тому, который отображён в «Ригведе» [Anthony, 2007, p. 367–380].

Нетрудно заметить, из поля зрения Д. Энтони выпадают носители степной поздней культуры (ямно-катакомбной) культуры. Но самое важное состоит в том, что он и отечественные специалисты в настоящее время не обращают никакого внимания на выделение ими в прошлом синкретических культур Днепро-Донского и Донецко-Донского междуречий (ямно-катакомбной, катакомбно-абашевской, полтавкинской и срубно-абашевской культурных общностей (2800/2700–2200/2100 гг. до н. э.). Тем не менее, и это особенно важно, археолог определяет мультисоставной характер степных культур эпохи бронзы между 2200–1800 гг. до н. э., отмечая появление в лесостепной зоне междуречий Днепра-Дона и Волги памятников поздних вариаций археологических культур Среднего Поднепровья и Абашевской культуры. При этом катакомбно-абашевские культуры Потаповки и Полтавки сменяются срубной и синташтинской культурами, тогда как Петровская сменяется андроновской культурой [Anthony, 2007, p. 375–389].

Главное, что просматривается в интерпретации Д. Энтони, – это констатация дуализма этнокультурных черт носителей различных культур Центральной Евразии с тенденцией их расхождения в диаметрально противоположные стороны. С учётом данного наблюдения вполне допустимо предположение и наличия в обществе их носителей ситуации двуязычия как по вертикали (материнский-отцовский язык), так и по горизонтали (ситуация diglosson у носителей ямно-катакомбной, катакомбно-абашевской и срубно-абашевской культур, в частности в Днепро-Донском и Донецко-Донском регионе). Вспомним и то, что в археологии 50-х гг. прошлого века ареал памятников срубно-андоновской культуры рассматривался в качестве единого массива, а сама культура носила определение двусоставной [Мартынов, 2016, с. 166; Mallory, 1989].

Данная гипотеза требует специального исследования. В частности, заметную роль в разработке данной проблемы могло бы сыграть применение общих законов развития языка к изучению «диалектов» геометрической орнаментации на керамике степи и лесостепи Евразии эпохи Поздней бронзы. Однако работы в названном направлении как в зарубежной, так и в отечественной археологии едва лишь начаты [Миронова, 2014, с. 144–168; Палагута, 2012, p. 199–208]. Основная трудность связана с отрицательным отношением большинства специалистов к попыткам отдельных учёных отождествлять отдельные языковые общности (ветви) с археологическими культурами вообще и с памятниками конкретных историко-культурных общностей в частности. И.М. Дьяконовым сформулирован тезис, согласно которому материальная культура, язык и этничность – три источника и три составных части этногенеза – имеют разное происхождение в пространстве и во времени [Дьяконов, 1993, с. 4–6]. Понятно, что абсолютизировать его не нужно, поскольку хорошо известно, что из правила всегда имеются исключения, он является серьёзным препятствием в интерпретации разнотипных данных относительно языков носителей ямно-катакомбно-абашевско-срубных археологических культур к западу и востоку от р. Дон.

Впрочем, одна из попыток решения данной проблемы представляется весьма перспективной. Речь идёт о греко-арийской топонимии Эллады и Малой Азии в топонимике областей, в которых античные авторы зафиксировали присутствие индоарийских, родственных ономастикону древнеиндийских эпических поэм и мифов (например, Айэт-Яяти, Эос-Ушас, Прометей-Праматах и др.) [Griffith, 2008; West, 1994, p. 129–149; Inside the Texts, 1997, p. 15–17].

Целостную картину представлений древних греков относительно своего расселения на Балканах и в Малой Азии мы находим у Страбона. Античный географ пишет: ἐπίδοος μὲν οὖν πολλὰ ἔθνη γεγέννηται, ἡ δ' ἀνωγήρω ἡοῦσα ὅς αὖ καὶ διαλέκτοισι παπειλήθη αὖτε ἡ Ἑλληνίδα· ἡοῦσιν δ' αὖτε ἡ ἡγεμονία οὐκ ὦν ἦν μὲν Ἰάδα ἢ παλαιῇ Ἀθηίδι ἢ

αὐτὴν θαμὲν (καὶ γὰρ Ἴωνες ἐκαλοῦντο οἱ ἠόηε Ἀθηναῖοι, καὶ ἐκεῖθεν εἰσιν οἱ τὴν Ἀσίαν ἐποικίζαντες Ἴωνες καὶ σπηζάμενοι ἤτι νῦν λεγομένη γλῶσση Ἰάδι), τὴν δὲ Γυπίδα ἤτι Αἰολίδι». Из обширного отрывка рассуждений античного географа *особую важность приобретают определения ионийцев как древнейшего населения Аттики* и использование им в их определении родственного вед. *Yadu* определения Ἰάδα: «В Элладе есть много племен, — указывает он, — но древнейших из них столько, сколько мы знаем эллинских диалектов, а этих последних четыре: **ионийский (Ἰάδα) мы считаем тождественным с древним аттическим**, потому что древние жители Аттики назывались ионийцами..., **говорили они на том наречии, которое теперь называется ионийским (γλῶττη Ἰάδι)**. **Дорийский (диалект) мы считаем тождественным с эолийским**, потому что **все народы за исключением афинян, мегарян и дорийцев в области Парнасса называются и теперь эолийцами**. Весьма вероятно, что дорийцы... составляли (с эолийцами — Н.П.) прежде одно племя...» (Strabo, VIII, 1, 2).

Сообщение Страбона весьма символично на фоне археологии. Ещё в 1960-х гг. С.С. Березанской была предпринята оказавшаяся перспективной с точки зрения современного состояния знаний попытка связать процесс прихода эллинов на Балканский полуостров с миграцией на Пелопоннес носителей бабинской археологической культуры Дунайско-Донского междуречья (XXII–XVIII вв. до н. э.), соорудивших шахтные гробницы круга В в Микенах [Березанская, 1986 и др.]. Отдельные сходства погребального инвентаря этих гробниц ещё шире. В частности, орнаментация псалиев тождественна более ранним абашевским, а наконечники кремневых стрел с выемкой в основании вообще рассматриваются в качестве индикатора припонтийского адреса пришельцев в Микены, равно как и роговые псалии с шипами [Василенко, 2014]. Это последнее особенно важно, поскольку краниологические исследования носителей бабинской культуры указали на то, что в её создании **принимало участие население как восточных инурукерамических культур, так и коллективов, происхождение которых было связано с территориями Северного Кавказа и Закавказья** [Казарницкий, 2013, с. 76].

Ещё более показательными являются результаты исследования памятников Доно-Донецкого лесостепного региона [Круглый стол, 2016]. Формирование срубной культуры в нём происходило на основе трансформации абашевской культуры при воздействии носителей культуры Синташты [Отрощенко, 2003, с. 87]. В последующий исторический период носители её покровско-мосоловской ветви не только смешались с посткатакомбным населением бабинской культуры, результатом чего стало образование новой культуры (бережновско-маёвской), но и вынудили мигрировать аристократию бабинского социума в южном и юго-западном направлении, т. е. на Балканы [Ильюков, 2016, с. 88, 98–104]. Выявляемая археологическая картина вполне соответствует как наблюдениям лингвистов, выводам, к которым пришёл М. Витцель [Witzel, 2012, p. 588] и перспективе, которую обрисовал Я.В. Васильков относительно вектора миграции восточноевропейских племён эпохи бронзы [Васильков, 2010; Васильков, 2011, с. 41–54; ср.: Майданов, 2014, с. 261–268; Майданов, 2016, с. 55–86].

К настоящему времени достигнуто понимание того, что при всех имеющихся достижениях изучение мифов сопровождалось односторонним ослаблением интереса к формам отражения в них исторической действительности. Мифы о Дионисе в указанном отношении весьма показательны. В связи с этим в контексте нашего рассмотрения не менее содержательным является и рассмотрение этимологии самого имени этого древнего бога, который было известен уже Гомеру и Гесиоду (Hom., II., XIV, 323–325; Hes., Theog., 609, Herod., II, 498, 52, 143–146; V, 7; Eurip. Bacch., 230, 350, 535, 650, 705–710; Diod., IV, 81, 1; Hyg., Fab., 224, 940–942).

Исследования проблемы показали, что как персонаж греческой мифологии Дионис восходит к её древнейшим фрако-фригийским истокам (лин. B di-vo-ni-si-jo; фрак.-фриг. Duisis) [Цымбурский, 2002, с. 141–166; Шепард, 2010, с. 295–308; Kröl, 2016, S. 65–67].

Совместное проживание греков с фракийцами и фригийцами засвидетельствовано этнонимией (пэоны, абанты и др.), а в мифологических сюжетах он наряду с Афиной является дважды рождённым, причём объяснения составителей, приобретя рационалистическую трактовку мифов, уже потеряли его действительное историческое содержание, близкое мифологии ведийских ариев [Rose, 1959, p. 149; Hard, 2004, p. 170–172]. В пользу этого свидетельствует разброс в определении родины Диониса у лексикографов (Фракия, Фессалия, Киликия, Индия, Ливия, Лидия, Македония) (Theocr. II, 10–11) и попытки современных исследователей сузить поиск её ареала до области Северных Балкан, граничащих с Северным Причерноморьем [Шепард, 2010, с. 298]. Аналогичные данные накоплены к настоящему времени и о разнотипных языковых и ареальных связях фракийцев, синтиев, синдов, скифов, греков и этрусков [Чередниченко, 2012, с. 32–43; Чередниченко, 2013, с. 8–18; Petersen, 2010; Bround, 2018].

Таким образом, за редким исключением практически все имеющиеся источники указывают на весьма вероятную, хотя и весьма специфическую географию мифа о странствиях Диониса по земле индов, расположенной по соседству с Фракией у Аполлодора. Как мы попытались показать, в нём отображена закодированная информация **о родстве и общих истоках культурогенеза древних греков и ведийских ариев** [Яйленко, 2010, с. 30–94].

Излагаемая концепция находит подтверждение в результатах исследования множества родственных аспектов. Это ситуация с персоналией и культом бога Диониса в мифах греков; это вопрос о его истоках; это ситуация с археологией (ямно-катакомбные, абашевская и бабинская культуры). Это новые методики ядерной ДНК; стелы Диониса и надгробия колесничих Евразии. Это ситуация с историографией проблемы; с исследованием мифологии и мифографии; в частности, инды и греки в версиях мифа об Ио. Это ситуация с прародиной ИЕ и её локализацией в современной науке; фракийские мотивы и этимологии ведийских текстов; ситуация с определением *to archaion / ge archaia* (исконный/исконная) по отношению к скифам, афинянам, гелонам и будинам, самому Дионису в текстах источников; проблема греко-арийских сходств и параллелей и др.

Итак, анализ данных античной традиции с учётом результатов, достигнутых в исследовании языков древних греков и ведийских ариев, сходств и параллелей в их мифологии и эпической поэзии, прогресс, достигнутый (особенно в самое последнее время) в исследовании памятников материальной культуры предков их носителей в Восточной Европе эпохи средней и поздней бронзы, указывают на большую вероятность локализации «Индии» и, соответственно, «индов» свидетельства Аполлодора о походах Диониса в Северном Причерноморье³.

Список литературы

1. Аполлодор. 1972. Мифологическая библиотека. Пер., ст. и прим. В.Г. Боруховича. Отв. ред. Я.М. Боровский. Л., Наука, 222.
2. Березанская С.С., Отрошенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. 1986. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, Наукова думка, 165.
3. Березанская С.С. 1982. Северная Украина в эпоху бронзы. Киев, Наукова думка, 210.
4. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. 1983. От Скифии до Индии. Древние арии: Мифы и история. М., Мысль, 206.
5. Бухарин М.Д. 2002. Индийские походы Диониса и Геракла в античной литературной традиции. Индия и античный мир. М., Восточная литература, 380.
6. Василенко А.И. 2014. О названии обществ Бабинской культуры. https://www.academia.edu/11911756/Василенко_А.И._2014 (дата обращения 21.11.2019)
7. Васильева О.А. 2010. Плутарх о мистериях Осириса и Диониса (трактат «Об Исиде и Осирисе», гл. 35). Аристей. Т. 2: 125–135.
8. Васильков Я.В. 2010. Миф, ритуал и история в «Махабхарате». СПб., Европейский дом, 400.

³ См.: [Топоров, 2004, с. 489; Шенкао, 2012, с. 21–25; Manolova, 2018; Berman, 2015; Bruzina, 2006, p. 73–100; Martin, 2018; Hinge, 2008, p. 369–397; Shapiro, 1983, p. 105–114].

9. Васильков Я.В. 2011. Эпические герои и боги (в «Махабхарате» и не только). Зографский сборник. Вып 2: 41–54.
10. Габелко О.Л. 2012. Кое-что новое о родственниках Страбона. Аристей. Т. 6: 143–156.
11. Гамкрелидзе Г.К., Иванов Вяч. Вс. 2013. Индоевропейская прародина и расселение индоевропейцев: полвека исследований и обсуждений. Вопросы языкового родства. Международный научный журнал РГГУ. 9: 109–136.
12. Грацианская Л.И. 1988. «География» Страбона. Проблемы источниковедения. Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1986 год. М., Наука: 6–175.
13. Гиндин А.Л., Цымбурский В.Л. 1994. Прагреки в Трое (Междисциплинарный аспект). Вестник древней истории. 4: 27–37.
14. Гиндин А.Л., Цымбурский В.Л. 1995. Троя и Пра-Аххийява. ВДИ. 3: 21–29.
15. Гринцер П.А. 1974. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. М., Наука, 422.
16. Гусейнов Г.-Р. А.-К., Мугумова А.Л. 2017. Ещё раз об индоевропеизации Кавказа (по данным лингвистики). Индоевропейское языкознание и филология – XXI (чтения памяти И.М. Тронского). Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб., Наука: 185–194.
17. Дьяконов И.М. 1990. Архаические мифы Востока и Запада. М., Наука, 247.
18. Дьяконов И.М. 1993. Три корня этногенеза (к постановке вопроса). Кавказ и цивилизации Востока в древности и Средневековье. Владикавказ, Изд-во Сев.-Осет. гос. ун-та: 4–6.
19. Дюрант В. 1997. Жизнь Греции. М., Крон-пресс, 704.
20. Иванов Вяч. Вс. 2004. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. М., Языки славянской культуры, 208.
21. Ильюков Л.С. 2016. Костяные пряжки-запонки бабинской культуры. Наука Юга России (Вестник Южного научного центра). Т. 12. 2: 98–104.
22. Казарницкий А.А. 2013. Краниология населения Бабинской культуры. Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2 (21): 70–78.
23. Касьян А.С., Живлов М.А., Старостин Г.С. 2014. Вероятностная оценка индоевропейско-уральского родства: формализованное сравнение реконструированной базисной лексики. Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVIII (чтения памяти проф. И.М. Тронского). Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб., Наука: 382–383.
24. Клейн Л.С. 2007. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. СПб. (б. и.), 226.
25. Клейн Л.С. 2010. Время кентавров. Степная прародина греков и ариев. СПб., Евразия, 528.
26. Клейн Л.С. 2016. Общие проблемы культуругенеза энеолита и бронзового века степной зоны Северной Евразии. Круглый стол, посвященный 80-летию со дня рождения С.Н. Братченко (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2016 г.): Материалы. СПб., 6–13.
27. Коровина Е. 2013. Проблемы прародины индоевропейцев. Вопросы языкового родства. Международный научный журнал РГГУ. М., 9: 163–166.
28. Кузина Н.В. 2013. К вопросу о происхождении культа Диониса. Вестник ННГУ. Н. Новгород, 4 (1): 252–259.
29. Кулланда С.В. 2006. Истоки индоиранских варн. Smaranam: Памяти Октябрины Федоровны Волковой. Сб. ст. Составитель В.Г. Лысенко. М., Восточная литература: 19–47.
30. Майданов А.С. 2014. Мифоведение и археология как взаимодополняющие и стимулирующие друг друга дисциплины. Философия науки и техники. 1: 261–268.
31. Майданов А.С. 2016. Соотнесение мифологических и научных образов реальности как метод их взаимной интерпретации. Философская мысль. 5: 55–86.
32. Мартынов А.И. 2016. Археология. М., Юрайт, 472.
33. Миронова Е.А. 2014. Анализ орнаментов энеолита, эпохи бронзы и железного века на артефактах Аравийского полуострова в контексте их сходства с евразийскими и североамериканскими. Эко-потенциал. 2 (6): 144–168.
34. Молчанов А.А. 2000. Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тысячелетия до н. э. М., РАН, 316.
35. Мэллори Дж. 1997. Индоевропейские прародины. ВДИ. 1: 61–82.
36. Невелева С.Л. 2014. О типологии древнеиндийского эпоса. Письменные памятники Востока. Вып. 2 (21): 120–133.
37. Николаева Н.А. 2011. Этнокультурные процессы в Кубано-Терском междуречье в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока. М., МГОУ, 536.

38. Николаева Н.А. 2014. О хронологии древнейшего слоя в индоевропейской мифологии. Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVIII (чтения памяти проф. И.М. Тронского). Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб., Наука: 355–367.
39. Николаев А.С. 2008. *Ιᾶωνες*. Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. II. Ч. 1. СПб., Наука: 109–110.
40. Отрощенко В.В. 2003. К истории племён срубной общности. Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. Воронеж, 68–96.
41. Палагута И.В. 2012. Мир искусства древних земледельцев Европы (культуры Балкано-Карпатского круга в VII–III тыс. до н. э.). СПб., Алетейя, 336.
42. Писаревский Н.П. 2013. Проблемы истории племён «Ригведы» в контексте археологии Центральной Евразии Позднебронзового века. Рец. на кн.: Kocchar R. The Vedic people. Their History and Geography. New Dehli, 2009. Вестник ВГУ. Сер. История, политология, социология. Воронеж, Вып. 1: 190–195.
43. Писаревский Н.П. 2018. Греко-арийские параллели III: Эллинская версия скифской этногонической легенды. Вестник ВГУ. Сер. История, политология, социология. Воронеж, Вып. 1: 107–112.
44. Подосинов А.В. 1999. *Ex Oriente lux*. Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., Языки славянской культуры, 720.
45. Синюк А.Т. 1981. Репинская культура эпохи энеолита-бронзы в бассейне Дона. Советская археология. 4: 8–20.
46. Титова Е.В. 2002. Формирование образа и культа Диониса. М., Лабиринт, 54.
47. Тюменев А.И. 1953. К вопросу об этногенезе греческого народа. Очерк 1. Постановка вопроса и данные античной традиции об этногенезе греков. ВДИ. 4: 20–52.
48. Хэммонд Н. 2003. История Древней Греции. М., Центрполиграф, 703.
49. Цымбурский В.Л. 2002. Имя Диониса. *Colloquia classica et indogermanica* III. Классическая филология и индоевропейское языкознание. СПб., Наука: 141–166.
50. Чередниченко А.Г. 2012. К проблеме этимологии хоронима Θρακίη и этнонима Θρακίς. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 7 (126): 32–43.
51. Чередниченко А.Г. 2013. К проблеме полиэтнического населения Древней Фракии. Древности. Харьков, Т. 12: 8–18.
52. Чепель Д.С. 2007. Kroisos-Logos в «Истории» Геродота (I, 6–94): к вопросу об историографической концепции и источниках Геродота. Индоевропейское языкознание и классическая филология. М., Наука: 324–325.
53. Черных Е.Н. 1987. Протоиндоевропейцы в системе Циркумпонтийской провинции. Античная балканистика. Отв. ред. Л.А. Гиндин. М., Наука: 136–147.
54. Чечушков И.В. 2011. Колесницы Евразийских степей эпохи бронзы. Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 2(16): 57–65.
55. Шепард Г. 2010. К вопросу об истоках культа Диониса. Индоевропейская история в свете новых исследований. М., МГОУ: 297–310.
56. Шофман А.С. 1960. История античной Македонии. Ч. 1. Казань, КГУ, 300.
57. Яйленко В.П. 2010. Три историко-ономастических очерка: алазоны, амазонки, Эксампей. Боспорские исследования. XXIII. Отв. ред. В.Н. Зинько, Н.А. Сон. Симферополь-Керчь, Крымское отделение Института востоковедения: 30–94.
58. Яйленко В.П. 2011. Индоарии – киммерийцы – тавры: Северное Причерноморье VIII–VII вв. до н. э. в мифологической традиции и ономастике. Древности Боспора. М., Вып. 15: 410–453.
59. Alinei M. 2003. Darwinism, traditional linguistics and the new Palaeolithic Continuity Theory of Language Evolution. *Evolutionary Epistemology, Language and Culture. A non-adaptationist, systems theoretical approach*. Ed. by Gontier, Nathalie; Bendegem, Jean Paul van; Aerts, Diederik. Berlin; Heidelberg; New York, 121–147.
60. Alinei M. 2003. Interdisciplinary and linguistic evidence for Palaeolithic continuity of Indo-European, Uralic and Altaic populations in Eurasia, with an excursus on Slavic ethnogenesis. *Quaderni di Semantica*. Vol. 24. Roma, 187–216.
61. Anthony David W. 2007. The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze-Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World. Princeton, 244.

62. Antony D.W., Ringe D. 2015. The Indo-European Homeland from Linguistic and Archaeological Perspectives. *The Annual Review of Linguistics*. Vol. 1. Berkeley, 199–219.
63. Backwith, Chr. 2009. *I. Empires of the Silk Road: A History of Central Eurasia from the Bronze Age*. Princeton, University Press, 472.
64. Baldursson H. 2015. The Interrogation of Proteus. *Aarhus, Iceland Academy of Arts*, 40.
65. Broun D. 2018. *Greek Religion and Cults in the Black Sea Region. Goddesses in the Bosphoran Kingdom from the Archaic Period to the Byzantine Era*. Cambridge, University Press, 329.
66. Burkert W. 1992. *The Orientalizing Revolution: Near eastern Influence on Greek Culture in the early Archaic Age*. Cambridge, University Press, 238.
67. Cochhar R. 2000. *The Vedic People: Their History and Geography*. New Dehly, Orient Longman, 259.
68. Christian C., Parpola A. 2017. On the emergence, contacts and dispersal of Proto-Indo-European, Proto-Uralic and Proto-Aryan in an archaeological perspective. *Language and Prehistory of the Indo-European Peoples*. Copenhagen, 77–87.
69. Drews R. 1988. *The Coming of the Greeks: Indo-European Conquests in the Aegean and the Near East*. Princeton, University Press, 287.
70. Gabelko O.L. 2013. Two new conjectures in Strabon's Geography and certain historic inferences. *Anabasis. Studia Classica et Orientalia*. Vol. 4. Rzeszów, 117–132.
71. Griffith R.T. 2008. *The Rig Veda*. Forgotten Books. Kotagiri (Nilgiri) (1st ed. 1896), 662.
72. Häusler A. 2003. *Nomaden, Indogermanen, Invasionen. Zur Entstehung eines Mythos*. Halle-Wittenberg, Martin-Luther-Universität, 130.
73. Haak W., Lazaridis I., Patterson, N., Rohland N., Mallick S., Llamas B., Brand G., Nordenfelt S., Harney E., Stewardson K., Fu Q., Mittnik A., Bánffy E., Economou C., Francken, M., et al. 2015. Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe. *Nature*. Vol. 522 (7555): 207–211.
74. Hard R. 2004. *The Routledge Handbook of Greek Mythology*. Routledge, 776.
75. Hartman S.S. 2012. Dionysos and Heracles in India according to Megasthenes: a Counter-argument. *Temenos. Nordic Journal of Comparative Religion*. Vol. 1. Helsinki, 17–29.
76. Hinge G. 2007. *Dionysus and Heracles in Scythia: The Eschatological String of Herodotus Book 4. Meetings of Cultures in the Black Sea Region: Between Conflict and Coexistence (Black Sea Studies 7)*. Aarhus, 369–397.
77. Inside the Texts, 1997. *Beyond the Texts. New Approaches to the Study of the Vedas*. Ed. by M. Witzel (Harvard Oriental Series, Opera Minora 2). Harvard, 1–19.
78. Juras A. et al. 2018. Mitochondrial genomes reveal an east to west cline of steppe ancestry in Corded Ware populations. *Nature. Scientific reports*. Vol. 8: 11603 (www.nature.com/scientificreports).
79. Kochhar R. 2010. *The Vedic People: Their History and Geography*. Hyderabad, 259.
80. Kröl N. 2016. *Die Jugend des Dionysos. Die Ampelos-Episode in den Dionysiaka des Nonnos von Panopolis*. Göttingen, De Gruyter, 339.
81. Mallory J.P. 1989. *In Search of the Indo-Europeans: Language, Archaeology, and Myth*. London, Thames & Hudson, 292.
82. Mallory J.P. 2013. Twenty-first century clouds over Indo-European homelands. *Вопросы языкового родства. Международный научный журнал РГГУ [Questions of linguistic kinship. International scientific journal of the Russian State Humanitarian University]*. 9: 145–154.
83. Peck H. 2017. The treatment of Empire, Civilization and Culture in Strabo's Geography. *Atlas*. Vol. 15. Dublin, 80.
84. Oosten J.G. 2015. *The War of the Gods (RLE Myth): The Social Code in Indo-European Mythology*. Routledge, 194.
85. Petersen J.H. 2010. *Cultural Interactions and Social Strategies on the Pontic Shores. Burial Customs in the Northern Black Sea Area c. 550–270 BC*. Aarhus, 1–19.
86. Thomas R. 2000. *Herodotus in Context: Ethnography. Science and the art of Persuasion*. Cambridge, University Press, 332.
87. Puskás I. 1990. *Magasthenes and the «Indian Gods» Herakles and Dionysos*. *Mediterranean Studies*. Vol. 2. North Dartmouth, 39–47.
88. Reciprocal Strategies. 2008. *Imperialism, Barbarism and Trade in Archaic and Classical Olbia. Meetings of Cultures in the Black Sea Region: Between Conflict and Coexistence*. Aarhus, 333–344.
89. Rose H.J. 1959. *A Handbook of Greek Mythology*. New York, Plume, 363.

89. Tasić N. 2014: Some Reflections on the Migrations of Palaeo-Balkan Peoples in Pre-Roman Times. *Balkanica XLV. Annual of the Institute for Balkan Studies*. Beograd, 15–24.
90. Taylor-Perry R. 1994. The God who comes. *Dionysian Misteries revisited*. N-Y., Algora, 220.
91. West S. 1994. Prometheus Orientalized. *Museum Helveticum*. Vol. 51, No. 3. 1994, 129–149.
92. Witzel M. E.J. 2012. *The Origins of the World's Mythologies*. Oxford, UP, 688.
93. Vassiliades D. 2000. *Th. Greeks in India. A survey in Philosophical Understanding*. New Dehly, 10–21.
94. Verma K.V. 2000. *Indo-Aryan Colonization of Greece and Middle East*. New-Dehli, PP, 347.
95. Webster Tr. D. 2016. Proto-Indo-European Roots of the Vedic Aryans. *Entangled Religions – Interdisciplinary Journal for the Study of Religious Contact and Transfer*. Vol. 3: E-H. Bochum, 1–22.
96. West M.L. 2017. *Indo-European Poetry and Myth*. Oxford, UP, 525.
97. Witzel M. 2001. Rigvedic history: poets, chieftains and politics, with minor updates, in raised brackets. *Electronic Journal of Vedic Studies*. Chicago.
98. Woudhuizen, F.C. 2013. Traces of ethnic diversity in Mycenaean Greece. *Dacia*. T. LVII. Bucuresti, 5–21.

References

1. Apollodor. 1972. *Mifologicheskaja biblioteka* [Mythological library]. Per., st. i prim. V.G. Boruhovicha. Otv. red. Ja.M. Borovskij. L., Nauka, 222.
2. Berezanskaya S.S., Otroschenko V.V., Cherednichenko N.N., Sharafutdinova I. N.N. 1986. *Kul'tury epohi Bronzy Ukrainy* [Culture of the Bronze Age in Ukraine]. Kiev, Naukova dumka, 165.
3. Berezanskaya S.S. 1982. *Severnaya Ukraina v epohu Bronzy* [Northern Ukraine in the Bronze Age]. Kiev, Naukova dumka, 210.
4. Bongard-Levin G. M., Grantovskiy E.A. 1983. *Ot Skifii do Indii. Drevnie arii: mify i istoria* [From Scythia to India. Ancient Arias: Myths and History]. M., Mysl, 206.
5. Bucharin M.D. 2002. *Indiyskie pohodi Dionisa I Gerakla v antichnoi literaturnoy tradicii* [Indian campaigns of Dionysus and Heracles in the ancient literary tradition]. *India i antichnyi mir* [India and the ancient world]. M., Vostochnaya literatura, 380.
6. Vasilenko A.I. 2014. *O nazvanii obshestv Babinskoy kulturi* [About the name of the societies of Babin culture]. Academia.edu.
7. Vasil'eva O.A. 2010. *Plutarh o misteriyah Osirisa* (traktat «Ob Iside i Osirise, gl. 35») [Plutarch on the Mysteries of Osiris and Dionysus (treatise «On Isis and Osiris, Ch. 35»)]. *Aristey*. T. 2: 125–135.
8. Vasilkov Ya.V. 2010. *Mif, ritual i istoriya v «Mahabharaty»* [Myth, ritual and history in the Mahabharata]. SPb., Evropeyskiy dom, 400.
9. Vasilkov Ya. V. 2011. *Epicheskie geroi i bogi (v «Mahabharate» I ne tol'ko)* [Epic heroes and gods (in the Mahabharata and not only)]. *Zografskiy sbornic*. Vip. 2: 41–54.
10. Gabelko O.L. 2012. *Koe-cto novoe o rodstvennikah Strabona* [Something New About Strabo's Relatives]. *Aristey*. T. 6: 143–156.
11. Gamkrelidze G.K., Ivanov Vyach. Vs. 2013. *Indoevropeiskaya prarodina i rasselenie indoevropeitsev: polveka issledovaniy i obsuzhdeniy* [Indo-European ancestral home and the resettlement of Indo-Europeans: half a century of research and discussion]. *Voprosy yazykovogo rodstva. Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal RGGU* [Questions of linguistic kinship. International scientific journal of the Russian State Humanitarian University]. 9: 109–136.
12. Gracianskaya L.I. 1988. «Geopgrafia» Strabona. *Problemy istochnikovedenia* [«Geography» of Strabo. Problems of source study]. *Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya 1986 god* [The oldest states in territory of the USSR. 1986]. M., Nauka: 6–175.
13. Gindin A.L., Cymburskiy V. L. 1994. *Pragreki v Troe (Mezhdisciplinarnyi aspekt)* [Pra-Greeks in Troy (Interdisciplinary aspect)]. *Vestnik drevney istorii* [Bulletin of Ancient History]. 4: 27–37.
14. Gindin A.L., Cymburskiy V. L. 1995. *Troya i Pra-Ahhiyava* [Troy and Pra-Ahhiyava]. *VDI*. 3: 21–29.
15. Grincer P.A. 1974. *Drevneindiyskiy epos. Genezis i tipologiya* [Ancient Indian epic. Genesis and typology]. M., Nauka, 422.
16. Guseinov G.-R. A.-K., Mugumova A. L. 2017. *Eschy raz ob indoevropeizacii Kavkaza (po dannym lingvistiki)* [Once again about the Indo-Europeanization of the Caucasus (according to

linguistics)]. Indoeuropeiskoe yazykoznanie I filologiya – XXI (chteniya pamyati I.M. Tronskogo) [Indo-European linguistics and philology – XXI (readings in memory of I.M. Tronsky)]. Otv. Red. N.N. Kazanskiy. SPb., Nauka: 185–194.

17. Diakonov I.M. 1990. Arhaicheskie mify Vostoka I Zapada [Archaic myths of the East and West]. M., Nauka, 247.

18. Diakonov I.M. 1993. Tri kornya etnogeneza (k postanovke voprosa) [Three roots of ethnogenesis (to the question)]. Kavkaz I civilizacii Vostoka v drevnosti i srednevekovie [Caucasus and civilizations of the East in antiquity and the Middle Ages]. Vladikavkaz, Izd-vo Sev.-Oset. gos. un-ta: 4–6.

19. Diyrant V. 1997. Zhizn Grecii [Life of Greece]. M., Kron-press, 704.

20. Ivanov Viyach. Vs. 2004. Lingvistika tret'ego tysyacheletia: Voprosy k budushemu [Linguistics of the Third Millennium: Questions for the Future]. M., Yazyki slavyanskoi kultury, 208.

21. Il'ukov L.S. 2016. Kostyanye pryazhki-zaponki babinskoy kulturi [Bone Buckle Cufflinks of Babinskaya culture]. Nauka Yuga Rossii (Vestnik Yuzhnogo nauchnogo centra) [Science of the South of Russia (Bulletin of the Southern Scientific Center)]. T 12. 2: 98–104.

22. Kazarnickiy A.A. 2013. Kraniologiya naseleniya Babinskoy kultury [Craniology of the population of Babin culture]. Vestnik arheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]. 2 (21): 70–78.

23. Kasyan A.S. et al. 2014. Veroyatnostnaya ocenka indoeuropeisko-uralskogo rodstva: formalizovannoe sravnenie bazisnoy leksiki [Probabilistic assessment of Indo-European-Ural relationship: a formalized comparison of the reconstructed basic vocabulary]. Indoeuropeiskoe yazykoznanie I klassicheskaya filologiya – XVIII (chteniya pam'yaty prof. Iosifa Moiseevicha Tronskogo) [Indo-European linguistics and classical philology – XVIII (readings in memory of prof. I.M. Tronsky)]. Otv. Red. N.N. Kazanskiy. SPb., Nauka: 382–383.

24. Klein L.S. 2007. Drevnie migratsii I proishozhdenie Indoeuropeiskih narodov [Ancient migrations and the origin of the Indo-European peoples]. SPb. (b.i.), 226.

25. Klein L.S. 2010. Vremya kentavrov. Stepnaya prarodina grekov i ariev [Centaur time. Steppe ancestral home of the Greeks and Aryans]. SPb., Evrasia, 528.

26. Klein L.S. 2016. Obshie problem kulturogeneza eneolita I bronzovogo veka stepnoi zony Severnoy Evrazii [General problems of the cultural genesis of Eneolithic and Bronze Age steppe zones of Northern Eurasia]. Krugly stol, posvyashyonnyi 80-letiyu so dnya rozhdeniya S.N. Bratchenko (Sankt-Peterburg, 14–15 noyabrya 2016 g.): Materialy [Round table dedicated to the 80th birthday of S.N. Bratchenko (St. Petersburg, November 14–15, 2016): Materials]. SPb., 6–13.

27. Korovina E. 2013. Problemy prarodiny inoeuropeyev [Indo-European Homeland Problems]. Voprosy yazykovogo rodstva. Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal RGGU [Questions of linguistic kinship. International scientific journal of the Russian State Humanitarian University]. M., 9: 163–166.

28. Kuzina N.V. 2013. K voprosu o proishozhdenii kulta Dionisa [To the question of the origin of the cult of Dionysus]. Vestnik NNGU [Bulletin of UNN]. N. Novgorod, 4 (1): 252–259.

29. Kullanda S.V. 2006. Istoki indoiranskih varn [The origins of the Indo-Iranian Varna]. Smaranam: Pamyati Oktyabrinyy Fyodorovny Volkovoi [Smaranam: In memory of Oktyabrina Fedorovna Volkova]. Sb. St. Sostavitel V.G. Lysenko. M., Vostochnaya literatura: 19–47.

30. Maydanov A.S. 2014. Mifovedenie i arheologiya kak vzaimodopolnyayushie i stimuliruyushie drug druga discipliny [Mythology and archeology as complementary and stimulating disciplines]. Filosofiya nauki i tehniki [Philosophy of Science and Technology]. 1: 261–268.

31. Maydanov A.S. 2016. Sootnesenie mifologicheskikh I nauchnykh obrazov real'nosti kak metod ih vzaimnoi interpretatsii [Correlation of mythological and scientific images of reality as a method of their mutual interpretation]. Filosofskaya mysl [Philosophical thought]. 5: 55–86.

32. Martynov A.I. 2016. Arheologiya [Archeology]. M., Yurait, 472.

33. Mironova E.A. 2014. Analiz ornamentov eneolita, epohi bronzы b zheleznogo veka na artefaktah Araviyskogo poluoostrova v kontekste ih shodstva s Evraziyskimi i Severo-Amerikanskimi [Analysis of the Eneolithic, Bronze and Iron Age ornaments on the artifacts of the Arabian Peninsula in the context of their similarity with the Eurasian and North American]. Eko-potencial [Eco potential]. 2 (6): 144–168.

34. Molchanov A.A. 2000. Social'nye struktury I obshestvennye otnosheniya v Grecii II tys. do n.e. [Social structures and public relations in Greece of the II millennium BC]. M., RAN, 316.

35. Mellori Dzh. 1997. Indoeuropeiskie prarodiny [Indo-European ancestral home]. VDI. 1: 61–82.

36. Neveleva S.L. 2014. O tipologii drevneindiyskogo etnosa [About the typology of the ancient Indian epic]. Pis'mennye istochniki Vostoka [Written Monuments of the East]. Vip. 2 (21): 120–133.
37. Nikolaeva N.A. 2011. Etnokul'turnye process v Kubano-Terskom mezhdurech'e v kontekste drevnei istorii Evropy i Blizhnego Vostoka [Ethnocultural processes in the Kuban-Tersk interfluvium in the context of the ancient history of Europe and the Middle East]. M., MGOU, 536.
38. Nikolaeva N.A. 2014. O khronologii drevneishogo sloya v indoevropeiskoy mifologii [On the chronology of the oldest layer in Indo-European mythology]. Indoevropeiskoe yazykoznanie I klassicheskaya filologiya – XVIII (chteniya pam'yaty prof. Iosifa Moiseevicha Tronskogo) [Indo-European linguistics and classical philology – XVIII (readings in memory of prof. I.M. Tronsky)]. Otv. Red. N.N. Kazanskiy. SPb., Nauka: 355–367.
39. Nikolaev A.S. 2008. Ἰάωνες. Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy [Proceedings of the Institute of Linguistic Studies]. T. II. Ch. 1. SPb.,
40. Otroshenko V.V. 2003. K istorii plemyon srubnoi obshnosti [To the history of the tribes of the Srubnaya community]. Dono-Donetskiy region v epokhu bronzy [Dono-Donetsk region in the Bronze Age]. Voronezh, 68–96.
41. Palaguta I. 2012. V. Mir iskusstva drevnih zemledel'cev Evropy (Kul'tury Balkano-Karpat'skogo kruga v VII–III tys. do n. e.) [The world of art of ancient farmers in Europe (the culture of the Balkan-Carpathian circle in the VII–III millennium BC)]. SPb., Aleteya, 336.
42. Pisarevskiy N.P. 2013. Problemy istorii plemyon «Rigvedy» v kontekste arheologii Central'noy Evrazii v Pozdnebronzovogo veka. Rec. na kn.: Kocchar R. The Vedic people. Their History and Geography. New Delhi, 2009 [Problems of the history of the Rigveda tribes in the context of the archeology of Central Eurasia of the Late Bronze Age. Retz. on the book: Kocchar R. The Vedic people. Their History and Geography. New Delhi, 2009]. Vestnik VGU. Ser. Istoriya, politologiya, sociologiya [Bulletin of the Voronezh State University. Ser. History, Political Science, Sociology]. Voronezh, Vip. 1: 190–195.
43. Pisarevskiy N.P. 2018. Greko-Ariyskie paralleli III: ellinskaya versiya skifskoy etnogenicheskoy legendy [Greco-Aryan Parallels III: Hellenic Version of a Scythian Ethnographic Legend]. Vestnik VGU. Ser. Istoriya, politologiya, sociologiya [Bulletin of the Voronezh State University. Ser. History, Political Science, Sociology]. Voronezh, Vip. 1: 107–112.
44. Podosinov A.V. 1999. A.B. Ex Oriente lux. Orientatsiya po stranam sveta v arhaicheskikh kulturah Evrazii [Ex Oriente lux. Orientation around the world in archaic cultures of Eurasia]. M., Yazyki slavyanskoy kultury, 720.
45. Sinyuk A.T. 1981. Repinskaya kultura epokhi eneolita-bronzy v basseine Dona [Repin culture of the Eneolithic-Bronze Age in the Don basin]. Sovetskaya archeologia [Soviet archeology]. 4: 8–20.
46. Titova E.V. 2002. Formirovaniye obraza i kulta Dionisa [The formation of the image and cult of Dionysus]. M., Labirint, 54.
47. Tyumenev A.I. 1953. K voprosu ob etnogeneze grecheskogo naroda. Ocherk 1. Postanovka voprosa I dannye antichnoy traditsii ob etnogeneze grekov [On the issue of ethnogenesis of the Greek people. Essay 1. Statement of the question and data of the ancient tradition about the ethnogenesis of the Greeks]. VDI. 4: 20–52.
48. Hammond N. 2003. Istoriya drevney Grecii [History of Ancient Greece]. M., Zentrpoligraf, 703.
49. Cymburskiy V.L. 2002. Imya Dionisa [Name of Dionysus]. Colloquia classica et indogermanica III. Klassicheskaya filologiya I indoevropeiskoe yazykoznanie [Classical Philology and Indo-European Linguistics]. SPb., Nauka: 141–166.
50. Cherednichenko A.G. 2012. K probleme etimologii khronima Θρακη i etnonima Θρακης [To the problem of the etymology of choronym Thracie and etnonim Thrakes]. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, Politologiya [Scientific reports of Belgorod State University. Series: History. Political science]. 7 (126): 32–43.
51. Cherednichenko A.G. 2013. K probleme polietnicheskogo naseleniya Drevnei Frakii [To the problem of the multiethnic population of Ancient Thrace]. Drevnosti [Antiquities]. Khar'kov, T. 12: 8–18.
52. Chepel D.S. 2007. Kroisos-Logos v «Istorii» Gerodota (I, 6–94): k voprosu ob istoriograficheskoy koncepcii v istorii Gerodota [Kroisos-Logos in the «History» of Herodotus (I, 6–94): to the question of the historiographic concept and sources of Herodotus]. Indoevropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European linguistics and classical philology]. M., Nauka: 324–325.

53. Chernyh E.N. 1987. Protoindoeuropeicy v sisteme Circumpontiyskoy provincii [Proto-Indo-Europeans in the Circumpontian Province System]. *Antichnaya Balkanistika* [Antique balkanistics]. *Otv. Red. L.A. Gindin. M., Nauka*: 136–147.
54. Chechushkov I.V. 2011. Kolrsnicy Evraziyskih stepey epohi bronzy [Chariots of the Eurasian steppes of the Bronze Age]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]. *Vip. 2(16)*: 57–65.
55. Shepard G. 2010. K voprosu ob istokah kul'ta Dionisa [On the origins of the cult of Dionysus]. *Indoeuropeiskaya istoriya v svete novyh issledovaniy* [Indo-European History in the Light of New Studies]. *M., MGOU*: 297–310.
56. Shofman A.S. 1960. *Istoriya antichnoy Makedonii* [History of Ancient Macedonia]. Ch. 1. *Kazan, KGU*, 300.
57. Yaylenko V.P. 2010. Tri istoriko-onomasticheskikh ocherka: alazoni, amazonki, eksampey [Three historical and onomastic essays: Alazones, Amazons, Examples]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporus Studies]. XXIII. *Otv. red. V.N. Zin'ko, N.A. Son. Simferopol'-Kerch, Krymskoe otdelenie Instituta vostokovedeniya*: 30–94.
58. Yaylenko V.P. 2011. Indoarii-kimmeriycy-tavry: Severnoe Prichernomor'e VIII–VII v.v. do n. e. v mifologicheskoy tradicii i onomastike [Indo-Aryans – Cimmerians – Taurus: Northern Black Sea Region of the 8th – 7th centuries BC e. in mythological tradition and onomastics]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus]. *M., Vip. 15*: 410–453.
59. Alinei M. 2003. Darwinism, traditional linguistics and the new Palaeolithic Continuity Theory of Language Evolution. *Evolutionary Epistemology, Language and Culture. A non-adaptationist, systems theoretical approach*. Ed. by Gontier, Nathalie; Bendegem, Jean Paul van; Aerts, Diederik. *Berlin; Heidelberg; New York*, 121–147.
60. Alinei M. 2003. Interdisciplinary and linguistic evidence for Palaeolithic continuity of Indo-European, Uralic and Altaic populations in Eurasia, with an excursus on Slavic ethnogenesis. *Quaderni di Semantica*. Vol. 24. *Roma*, 187–216.
61. Anthony David W. 2007. *The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze-Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World*. *Princeton*, 244.
62. Antony D.W., Ringe D. 2015. The Indo-European Homeland from Linguistic and Archaeological Perspectives. *The Annual Review of Linguistics*. Vol. 1. *Berkeley*, 199–219.
63. Backwith, Chr. 2009. *I. Empires of the Silk Road: A History of Central Eurasia from the Bronze Age*. *Princeton, University Press*, 472.
64. Baldursson H. 2015. *The Interrogation of Proteus*. *Aarhus, Iceland Academy of Arts*, 40.
65. Broun D. 2018. *Greek Religion and Cults in the Black Sea Region. Goddesses in the Bosporan Kingdom from the Archaic Period to the Byzantine Era*. *Cambridge, University Press*, 329.
66. Burkert W. 1992. *The Orientalizing Revolution: Near eastern Influence on Greek Culture in the early Archaic Age*. *Cambridge, University Press*, 238.
67. Cochhar R. 2000. *The Vedic People: Their History and Geography*. *New Dehly, Orient Longman*, 259.
68. Christian C., Parpola A. 2017. On the emergence, contacts and dispersal of Proto-Indo-European, Proto-Uralic and Proto-Aryan in an archaeological perspective. *Language and Prehistory of the Indo-European Peoples*. *Copenhagen*, 77–87.
69. Drews R. 1988. *The Coming of the Greeks: Indo-European Conquests in the Aegean and the Near East*. *Princeton, University Press*, 287.
70. Gabelko O.L. 2013. Two new conjectures in Strabon's Geography and certain historic inferences. *Anabasis. Studia Classica et Orientalia*. Vol. 4. *Rzeszów*, 117–132.
71. Griffith R.T. 2008. *The Rig Veda*. *Forgotten Books. Kotagiri (Nilgiri)* (1st ed. 1896), 662.
- Häusler A. 2003. *Nomaden, Indogermanen, Invasionen. Zur Entstehung eines Mythos*. *Halle-Wittenberg, Martin-Luther-Universität*, 130.
72. Haak W., Lazaridis I., Patterson, N., Rohland N., Mallick S., Llamas B., Brand G., Nordenfelt S., Harney E., Stewardson K., Fu Q., Mittnik A., Bánffy E., Economou C., Francken, M., et al. 2015. Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe. *Nature*. Vol. 522 (7555): 207–211.
73. Hard R. 2004. *The Routledge Handbook of Greek Mythology*. *Routledge*, 776.
74. Hartman S.S. 2012. Dionysos and Heracles in India according to Megasthenes: a Counter-argument. *Temenos. Nordic Journal of Comparative Religion*. Vol. 1. *Helsinki*, 17–29.

75. Hinge G. 2007. Dionysus and Heracles in Scythia: The Eschatological String of Herodotos Book 4. Meetings of Cultures in the Black Sea Region: Between Conflict and Coexistence (Black Sea Studies 7). Aarhus, 369–397.
76. Inside the Texts, 1997. Beyond the Texts. New Approaches to the Study of the Vedas. Ed. by M. Witzel (Harvard Oriental Series, Opera Minora 2). Harvard, 1–19.
77. Juras A. et al. 2018. Mitochondrial genomes reveal an east to west cline of steppe ancestry in Corded Ware populations. Nature. Scientific reports. Vol. 8: 11603 (www.nature.com/scientificreports).
78. Kochhar R. 2010. The Vedic People: Their History and Geography. Hyderabad, 259.
79. Kröl N. 2016. Die Jugend des Dionysos. Die Ampelos-Episode in den Dionysiaka des Nonnos von Panopolis. Göttingen, De Gruyter, 339.
80. Mallory J.P. 1989. In Search of the Indo-Europeans: Language, Archaeology, and Myth, London, Thames & Hudson, 292.
81. Mallory J.P. 2013. Twenty-first century clouds over Indo-European homelands. Вопросы языкового родства. Международный научный журнал РГГУ [Questions of linguistic kinship. International scientific journal of the Russian State Humanitarian University]. 9: 145–154.
82. Peck H. 2017. The treatment of Empire, Civilization and Culture in Strabo's Geography. Atlas. Vol. 15. Dublin, 80.
83. Oosten J.G. 2015. The War of the Gods (RLE Myth): The Social Code in Indo-European Mythology. Routledge, 194.
84. Petersen J.H. 2010. Cultural Interactions and Social Strategies on the Pontic Shores. Burial Customs in the Northern Black Sea Area c. 550–270 BC. Aarhus, 1–19.
85. Thomas R. 2000. Herodotus in Context: Ethnography. Science and the art of Persuasion. Cambridge, University Press, 332.
86. Puskás I. 1990. Magasthenes and the «Indian Gods» Herakles and Dionysos. Mediterranean Studies. Vol. 2. North Dartmouth, 39–47.
87. Reciprocal Strategies. 2008. Imperialism, Barbarism and Trade in Archaic and Classical Olbia. Meetings of Cultures in the Black Sea Region: Between Conflict and Coexistence. Aarhus, 333–344.
88. Rose H.J. 1959. A Handbook of Greek Mythology. New York, Plume, 363.
89. Tasić N. 2014: Some Reflections on the Migrations of Palaeo-Balkan Peoples in Pre-Roman Times. Balcanica XLV. Annual of the Institute for Balkan Studies. Beograd, 15–24.
90. Taylor-Perry R. 1994. The God who comes. Dionysian Misteries revisited. N-Y., Algora, 220.
91. West S. 1994. Prometheus Orientalized. Museum Helveticum. Vol. 51, No. 3. 1994, 129–149.
92. Witzel M. E.J. 2012. The Origins of the World's Mythologies. Oxford, UP, 688.
93. Vassiliades D. 2000. Th. Greeks in India. A survey in Philosophical Understanding. New Dehly, 10–21.
94. Verma K.V. 2000. Indo-Aryan Colonization of Greece and Middle East. New-Dehli, PP, 347.
95. Webster Tr. D. 2016. Proto-Indo-European Roots of the Vedic Aryans. Entangled Religions – Interdisciplinary Journal for the Study of Religious Contact and Transfer. Vol. 3: E-H. Bochum, 1–22.
96. West M.L. 2017. Indo-European Poetry and Myth. Oxford, UP, 525.
97. Witzel M. 2001. Rigvedic history: poets, chieftains and politics, with minor updates, in raised brackets. Electronic Journal of Vedic Studies. Chicago.
98. Woudhuizen, F.C. 2013. Traces of ethnic diversity in Mycenaean Greece. Dacia. T. LVII. Bucuresti, 5–21.

Ссылка для цитирования статьи

Link for article citation

Писаревский Н.П. 2020. Греческий Дионис в стране индов за Фракией. *Via in tempore. История. Политология*, 47(1): 5–20. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-5-20

Pisarevskiy N.P. 2020. Greek Dionysus in the country of the Indus behind Thrace. *Via in tempore. History and political science*, 47(1): 5–20 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-5-20

УДК 930

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-21-29

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ МОНЕТНОГО ДЕЛА ЦАРЯ АСАНДРА ON THE HISTORY OF THE STUDY OF THE COINAGE OF KING ASANDER

М.М. Чореф
M.M. Choref

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, ул. Гагарина, 23

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,
23 Gagarin Avenue, Nizhnij Novgorod, 603950, Russia

E-mail: choref@yandex.ru

Аннотация

Наше внимание привлекли две монеты, отнесенные В.А. Анохиным к выпускам царя Асандра: золотая, на реверсе которой исследователь разобрал «ΒΑΣΙΛΔΩΣ ΑΣΑΝΓΡΟΤ ΒΟΣΠΟΡΟΤ», и бронзовая, с легендой «ΒΑΣΙΛΔΩΣ ΑΣΑΝΓΡΟΤ» на оборотной стороне. Настаиваем на том, что их атрибуции, приведенные исследователем, безосновательные и ошибочные. Первая из этих монет явно новодельная, причем фантазийная. Полагаем, что ее изготовили в Новое время для доверчивых коллекционеров. Причем на ней отсутствует легенда, которую привел В.А. Анохин. Подчеркнем, что текст «ΒΑΣΙΛΔΩΣ ΑΣΑΝΓΡΟΤ ΒΟΣΠΟΡΟΤ» вряд ли мог появиться на боспорской монете. Немаловажно и то, что опубликованное исследователем фото этого артефакта несет следы основательного ретуширования. Приведенная им надпись неразличима. Вторая монета, безусловно, подлинная, но нет оснований для отнесения ее к боспорскому чекану. Однотипные монеты известны уже не первое столетие. Речь идет об ординарных дилептонах сирийского царя Александра I Бала.

Abstract

Our attention was attracted by two coins attributed by V.A. Anokhin to the issues of King Asander: gold, on the reverse of which the researcher took apart «ΒΑΣΙΛΔΩΣ ΑΣΑΝΓΡΟΤ ΒΟΣΠΟΡΟΤ» and bronze, with the legend «ΒΑΣΙΛΔΩΣ ΑΣΑΝΓΡΟΤ» on the flip side. We insist that their attributions given by the researcher are baseless and erroneous. The first of these coins is clearly remakeable, and fantasy. We believe that it was made in modern times for gullible collectors. Moreover, there is no legend on it that brought V.A. Anokhin. We emphasize that the text «ΒΑΣΙΛΔΩΣ ΑΣΑΝΓΡΟΤ ΒΟΣΠΟΡΟΤ» could hardly have appeared on the Bosphorus coin. It is also important that the photo published by the researcher of this artifact bears traces of thorough retouching. The inscription given by him is indistinguishable. The second coin is certainly genuine. But there is no reason to attribute it to the Bosphorus coinage. Coins of the same type have been known for more than a century. They see the ordinary dileptons of the Syrian king Alexander I Balas.

Ключевые слова: история, нумизматика, Боспор, Сирийское царство, новодельные монеты.

Key words: history, numismatics, Bosphorus, Syrian kingdom, restrike.

Уже не первое поколение историков уделяет внимание изучению нумизматики Боспора эпохи правления Асандра ⁴ (48/47–19/18 гг. до н. э.). И это не случайно. Его монеты являются ценнейшими источниками исторической информации [Анохин, 1986, с. 77–80; Анохин, 1999, с. 119–120; Фролова, 1997а, с. 14–23, 165–177; Фролова, 2001,

⁴ Так, статеры Асандра издали Ф. де Кари [Cary, 1752, p. 35, 36, pl. I, 4, 5] и М. Гатри [Guthrie, 1802, No. 4, 5].

с. 17–60; Чореф, 2014, с. 456–487; Чореф, 2016, с. 119–124]. Однако процесс их изучения все еще далек от завершения. До сих пор идет дискуссия по вопросу атрибуции ряда выпусков этого государя. Продолжая изучение монетного дела Асандра [Чореф, 2014, с. 456–487; Чореф, 2016, с. 119–124], перейдем к золотой и бронзовой монетам, изображения ⁵ которых приведены на рис. 1. Их ввел в научный оборот В.А. Анохин [Анохин, 1986, № 246; Анохин, 2011, № 1318, 1342]. Приводим их описание, представленное ученым в его фундаментальном каталоге «Античные монеты Северного Причерноморья»:

1318. Л. с. Голова в диадеме вправо.

О. с. Всадник мечет копье вправо; внизу ΒΑΣΙΛΕΩΣ/ΑΣΑΝΓΡΟΤ/ΒΟΣΠΟΡΟΤ.
Золото. Статер.

8,50 г.

Ч. к.

1342. Л. с. Голова Гелиоса анфас.

О. с. ΒΑΣΙΛΔΩΣ/ΑΣΑΝΓΡΟΤ. Пегас вправо; внизу – Γ (4 год?).

Медь.

2,12 г.

SNG Fitzwilliam 1604.

Сразу же заметим, что приведенное В.А. Анохиным описание золотого (рис. 1, 1) нельзя признать точным. Нумизмат не акцентировал внимание читателя на том очевидном факте, что этот артефакт представляет собой подвеску с массивным золотым ушком. Этим обстоятельством следует объяснять его неординарно большой вес. Напомним, что статеры Асандра чеканили по стопе ок. 8,25 г [Анохин, 1986, с. 146–147; Фролова, 1997а, с. 165–174; Фролова, 2001, с. 18–27]. Кроме того, исследователь не отметил тот факт, что, судя по опубликованному им изображению, на лицевой стороне золотого просматривается одна из лент диадемы, которая развевается у затылка. Этот элемент оформления аверса характерен для золота царя Асандра [Анохин, 1986, табл. 9, 228–239, 10, 240–245; Анохин, 1999, рис. 29, 6; Анохин, 2011, № 1319–1341; Фролова, 1997а, табл. Ia, 5 – IIIa, 1–8; Фролова, 2001, табл. Ia, 5 – III, 1–4].

Мы вынуждены обратить внимание читателя и на следующее, с нашей точки зрения, весьма досадное обстоятельство. Дело в том, что фотографии артефактов подвергли ретушированию. Хорошо видно, что буквы легенд реверса обведены белыми линиями (рис. 1). Причем эту операцию проделал один и тот же человек. Судим по написанию слов «ΒΑΣΙΛΔΩΣ» и «ΑΣΑΝΓΡΟΤ». Да и «ΒΟΣΠΟΡΟΤ» на реверсе золотого передано со столь же характерными для почерка ретушера буквами «В», «О», «Σ», «Р» и «Т» (рис. 1). Однако бронзовая монета была опубликована в 1986 г. [Анохин, 1986, № 246], а золотая – только в 2011 г. [Анохин, 2011, № 1318]. Полагаем, что этот факт весьма неамложажен.

Действительно, заинтересовавшие В.А. Анохина монеты, судя по изображениям лицевой и оборотной сторон, сильно изношены. Однако ретуширование фотографий не дает оснований считать их качественным воспроизведением изображений изучаемых древностей. Куда целесообразнее было бы добавить их прорисы. Но такова была воля исследователя.

Учитывая сложившиеся обстоятельства, ставим перед собой цель проверить атрибуцию артефактов, опубликованных В.А. Анохиным. Для этого попытаемся найти качественные изображения их или подобных им предметов.

⁵ Опубликованы В.А. Анохиным [Анохин, 1986, № 246; Анохин, 2011, № 1318, 1342].

И они имеются. Сравнительно недавно на сайте «Монеты Боспора» появилось краткое сообщение о первом из интересующих нас артефактов ⁶ (Монета: 232-4473). Оно снабжено высококачественной фотографией (рис. 2, 1). Согласно сообщению, артефакт в настоящее время хранится в коллекции Ю.Л. Покрасса. Есть все основания полагать, что речь должна идти о том самом золотом, который в 2011 г. издал В.А. Анохин. И авторы сообщения информируют об этом читателей. Приведем подробное описание этого артефакта.

На его лицевой стороне отчеканен весьма грубо исполненный бюст безбородого мужчины вправо. Вряд ли есть основания считать его портретным. Однако допустим, что резчик штемпеля все же смог передать самые заметные черты лица изображенного. Так, стоит обратить внимание на нависший над глазами непропорционально массивный, гротескный лоб, на массивный нос и на губы, переданные двумя толстыми короткими линиями, а также на тяжелый волевой подбородок.

Что касается развевающейся ленты диадемы, то она, хорошо заметная на иллюстрации в каталоге «Античные монеты Северного Причерноморья» [Анохин, 2011, № 1318], на качественном фото едва различима. Похоже, что мы имеем дело с очередным случаем ретуши. Зато просматривается другая, ниспадающая лента диадемы. Ее конец просматривается под шеей бюста (рис. 2, 1). Заметим, что этот элемент оформления характерен для золотых Асандра [Анохин, 1986, табл. 9, 228–239, 10, 240–245; Анохин, 1999, рис. 29, 6; Анохин, 2011, № 1319–1341; Фролова, 1997а, табл. Ia, 5 – IIIa, 1–8; Фролова, 2001, табл. Ia, 5 – III, 1–4].

Куда сложнее определить, что за прическа у изображенного. Складывается впечатление, что его голову обрамляет высокий и широкий валик. Неслучайно он так рельефен. Может даже показаться, что на голове мужчины шляпа. Но вряд ли это так. Вполне возможно, что резчик штемпеля пытался повторить бюст с завитыми концами прядей, украшающий статеры Асандра ⁷ [Анохин, 1986, табл. 9, 228–239, 10, 240–245; Анохин, 1999, рис. 29, 6; Анохин, 2011, № 1319–1341; Фролова, 1997а, табл. Ia, 5 – IIIa, 1–8; Фролова, 2001, табл. Ia, 5 – III, 1–4] (рис. 2, 2). Правда, они не напоминают поля шляпы. Так что резчик штемпеля или не был профессионалом, или не отдавал себе отчет в том, что копировал.

В любом случае ясно, что лицевая сторона артефакта не могла быть отчеканена при Асandre. Ведь на аверсе его золотых выбивали идеализированный бюст правителя. Вполне возможно, что его трактовали как ипостась Мена-Фарнака [Чореф, 2012, с. 47]. А на лицевой стороне изучаемого артефакта, как уже было отмечено выше, отчеканено грубое, можно даже сказать гротескное изображение.

Не менее примечателен и реверс. На нем различима фигура скачущего вправо всадника. Под ней была отчеканена трехстрочная надпись. Разобрать ее не представляется возможным. Мы в очередной раз вынуждены констатировать неуместность ретуширования, результаты которого были приведены В.А. Анохиным [Анохин, 2011, № 1318].

Перейдем к изучению выявленных элементов оформления реверса. Начнем с того, что на бесспорно атрибутируемых выпусках боспорского золота неизвестны изображения скачущего всадника [Анохин, 1986; Анохин, 1999; Анохин, 2011; Фролова, 1997а; Фролова, 1997b; Фролова, 2001]. Однако схожая композиция характерна для драхм Гигиэонта ⁸ [Анохин, 2011, № 1276; Чореф, 2017, с. 62, рис. 1, 2, 3]. Правда, на них всадник скачет влево. Но куда важнее то, что на этих монетах легенда

⁶ К сожалению, размеры монеты не указаны. Не привел их и В.А. Анохин [Анохин, 2011, № 1318].

⁷ На рис. 2, 2 приведена фотография статера Асандра; находится в коллекции Staatliche Museen zu Berlin [Фролова, 2001, с. 22, табл. Ia, 12].

⁸ Приведено изображение одной из таких монет, опубликованное в [Чореф, 2017, с. 62, рис. 1, 2].

«ΑΡΥΟΝΣΟΣ ΤΓΙΑΙΝΟΝΣΟΣ» размещена под композицией реверса (рис. 2, 3).

Заметим, что куда более схожее изображение всадника, причем скачущего не влево, а вправо, известно на сестерциях ⁹ Рескупорида I (69–91/92 гг.) (рис. 2, 4). Примечательно и то, что на лицевой стороне этих монет выбит портрет правителя со столь же рельефным, широким и изогнутым обрамлением головы из завитых концов прядей волос. Следует обратить внимание и на то, что у Рескупорида I на монете крупные черты лица: массивный, правда, не до гротескности, лоб, большой нос, а губы переданы двумя короткими тонкими линиями (рис. 2, 4).

Основываясь на выявленных фактах, заключаем, что на аверсе золотого, изданного В.А. Анохиным, отчеканена непрофессионально выполненная копия бюста Рескупорида I, известная на монетах его чекана. А на реверсе объекта нашего изучения размещена фигура скачущего вправо всадника, характерная для сестерциев вышеупомянутого государя, ниже которой, как на драхмах Гигиэнонта, выбита трехстрочная надпись.

Подчеркнем, что оформленные в таком духе золотые монеты чекана Асандра, равно как и прочих правителей Боспора, не известны [Анохин, 1986; Анохин, 1999; Анохин, 2011, № 1267–2203; Фролова, 1997а; Фролова, 1997b; Фролова, 2001, с. 17–60]. Это дает нам основание видеть в артефакте, опубликованном В.А. Анохиным, новодел, причем фантазийный, изготовленный для доверчивых коллекционеров.

Перейдем к бронзовой монете на рис. 1, 2. В.А. Анохин писал, что ее изображение издано в SNG Fitzwilliam [Meadows, Purefoy, Robinson, 1972, p. 1604]. И это так. На рис. 3, 1 приводим фотографию этой монеты из цитируемого исследователем издания. Однако по фотографии в SNG Fitzwilliam на реверсе бронзы читается только верхняя строка, в которой, действительно, различимо слово «ΒΑΣΙΛΔΩΣ». В то же время имя правителя на монете разобрать не представляется возможным. Мы вынуждены в очередной раз констатировать факт неуместности ретуши.

Но куда важнее следующее обстоятельство. Составители SNG Fitzwilliam не были склонны отнести эту монету к выпускам Асандра. Они действительно полагали, что ее выпустили на Боспоре. Но ученые допустили, что эту монету следует датировать правлением Митридата VIII(III) (39–44 гг. н. э.) ¹⁰. И этот вывод вполне объясним. Ведь на реверсе описанной учеными бронзы оттиснута фигура пегаса, характерная для ранних серий серебра Митридата VI Евпатора Диониса, поступавших в обращение до 86/85 г. до н. э. [Сапрыкин, 1996, с. 173; Сапрыкин, 2009, с. 138–139; Чореф, 2016, с. 539; de Callataÿ, 1997, pl. I, *D1-R1a–D5-R1a*, II–VII, *D65-R1a–D69-R1a*, XIV, *D1-R1a–D4-R1b*, *D3-R1b*, A, C–F], а также для бронз понтийских городов периода его правления [Сапрыкин, 2009, с. 133–134; de Callataÿ, 1997, pl. XLVIII, I, J]. В то же время на ее лицевой стороне отчеканена эгида, не известная на выпусках этого государя. Так что есть основания считать, что монету выпустили при правителе, попытавшемся продолжить дело великого врага Рима, причем чеканившего именно бронзы. Кандидатура Митридата VIII(III) напрашивается здесь сама собой.

Однако этот вывод все же следует пересмотреть. Дело в том, что хорошо известны однотипные бронзы ¹¹ (рис. 3, 2–8), причем с полностью или с частично читающейся нижней строкой легенды реверса. На их оборотной стороне отчеканено «ΒΑΣΙΛΔΩΣ ΑΛΕΞΑΝΓΡΟΥ». Эти монеты ввел в научный оборот Ж. Пелерье

⁹ Монета, изображение которой приведено на рис. 2, 4, хранится в собрании Museum of Fine Arts, Boston (Inv. No. 64.2163).

¹⁰ SNG. No. SNGuk_0402_1604. URL: <http://www.sylloge-nummorum-graecorum.org/> (дата обращения: 10.08.2019).

¹¹ Первые две монеты изданы Ж. Пелерье (рис. 3, 2), Ж. Бабелом (рис. 3, 3). Они находятся в коллекции Bibliothèque nationale de France (рис. 3, 4, 8). Остальные бронзы хранятся в собраниях American Numismatic Society (рис. 3, 6, 7) и Bibliothèque nationale de France (рис. 3, 5, 8).

[Pellerin, 1762, pl. X]. Ученый заключил, что они были выпущены при Александре I Теопаторе Эвергете (Бале) (150–145 гг. до н. э.), уроженце Смирны, самозваном сыне Антиоха IV Эпифана (175–164 гг. до н. э.), узурпировавшем на время трон государства Селевкидов. Его точку зрения принял Й.Х. Эккель [Eckhel, 1828, p. 228]. К тому же выводу пришел и Ж. Бабелон [Babelon, 1936a No. 3355; Babelon, 1936b, pl. CXXIII, 3355].

Привлекшие наше внимание бронзы оформлены следующим образом:

Л. с. Эгида с горгонейоном в центре.

О. с. ΒΑΣΙΛΔΩΣ ΑΛΕΞΑΝΓΡΟΥ в две строки. Они размещены в верхней и в нижней частях поля реверса. Между ними отчеканена фигура Пегаса, скачущего вправо. Между ног животного выбита монограмма Α.

К настоящему времени известно две их разновидности. Они различаются оформлением аверса. На лицевой стороне монеты, опубликованной в SNG Fitzwilliam, оттиснута прямоугольная эгида (рис. 3, 1). Аналогичным образом оформлен аверс бронз на рис. 3, 2, 4–6. А на монетах на рис. 3, 3, 7, 8 она квадратная.

Но не это самое важное. Куда существеннее то, что эти бронзы, судя по легенде реверса, отчеканили не при Асандре, а при Александре. А гипотетическая буква «Г», в которой В.А. Анохин видел обозначение даты выпуска, которые, к слову, не известны на монетах Боспора, является монограммой Α. Заметим, что ее не удалось выявить на деньгах этого государства. Так что у нас нет никаких оснований считать изучаемую бронзу боспорской.

Перейдем к выводам. Очевидно, что монеты на рис. 1 не могли быть отчеканены на Боспоре в период царствования Асандра. Причем первая из них, золотая (рис. 3, 1), вряд ли является античной. Вернее всего, она представляет собой фантазийный новодел. Что же касается второй, бронзовой, то она была отчеканена в государстве Селевкидов.

Что же могло побудить В.А. Анохина отнести их к официальному чекану Боспора? Этот вопрос останется открытым. Заметим лишь, что не видим оснований подозревать ученого в низкой профессиональной подготовке. Настаиваем на том, что его ввели в заблуждение недобросовестные информаторы. Вполне возможно, что В.А. Анохин не был непосредственно знаком с цитируемым им каталогом SNG Fitzwilliam. Это допущение позволяет объяснить тот факт, что исследователь привел фотографию интересующей его монеты с ретушью.

Вполне возможно, что ученый получил описания этих двух монет, снабженных ретушированными фотографиями, в период работы над своей монографией «Монетное дело Боспора». Его внимание привлекла бронза. Действительно, вопроса о ее подлинности не возникает. Куда позже, на склоне лет, он пришел к выводу, что и золотая монета является аутентичной. И сведения о ней появились в «Античных монетах Северного Причерноморья». Причем вряд ли его информатором являлся нынешний владелец монеты. Ведь он мог бы предоставить не отретушированное, а качественное цветное фото. Но это, повторимся, только наше допущение. Очевидно лишь одно. Фотографии, опубликованные В.А. Анохиным, не соответствуют внешнему виду артефактов. И их не могли отчеканить при Асандре.

Выносим результаты нашего исследования на научное обсуждение.

Рис. 1. Золотая и бронзовая монеты, отнесенные В.А. Анохиным к выпуску царя Асандра
 Fig. 1. Gold and bronze coins attributed by V.A. Anokhin to the release of King Asander

Рис. 2. К атрибуции золотой монеты: 1 – ее качественное фото; 2 – статер Асандра;
 3 – драхма Гигиэнонта, 4 – сестерций Рескупорида I
 Fig. 2. To the attribution of a gold coin: 1 – its high-quality photo; 2 – stater of Asander;
 3 – drachma of Hygiainon, 4 – sestertius of Reskuporid I

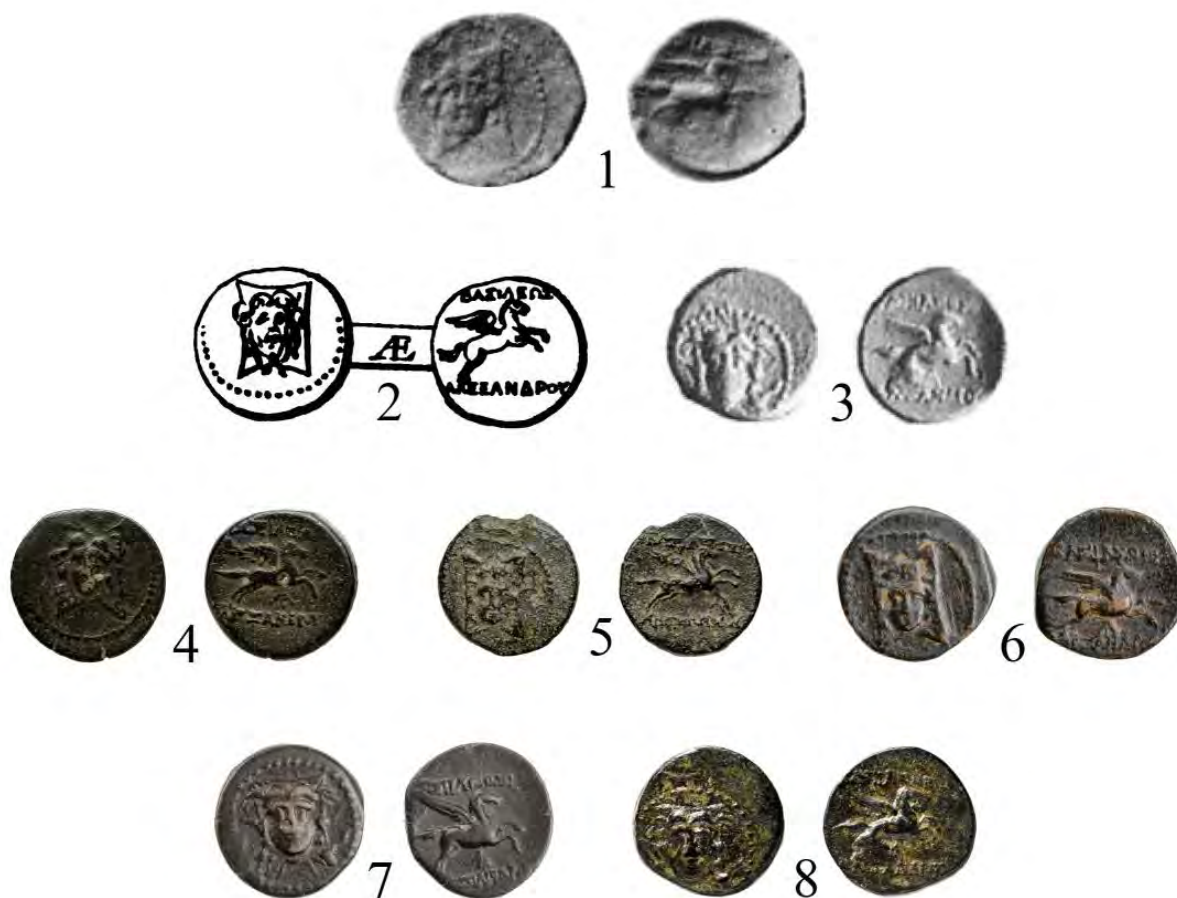

Рис. 3. К атрибуции бронзовой монеты: 1 – ее фотография из SNG Fitzwilliam; 2 – рисунок, изданный Ж. Пелерье; 3 – фотография монеты из «Catalogue de la collection de Luynes. Monnaies grecques» Ж. Бабелона; 4–8 – фотографии монет этого типа из собраний American Numismatic Society и Bibliothèque nationale de France

Fig. 3. To the attribution of a bronze coin: 1 – her photo from Fitzwilliam SNG; 2 – a drawing published by J. Pelerier; 3 – is a photograph of a coin from the «Catalog de la collection de Luynes. Monnaies grecques» by J. Babelon; 4–8 are photographs of coins of this type from the collections of the American Numismatic Society and the Bibliothèque nationale de France

Список литературы

1. Анохин В.А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев, Наукова думка. 183.
2. Анохин В.А. 1999. История Боспора Киммерийского. Киев, Одигитрия. 240.
3. Анохин В.А. 2011. Античные монеты Северного Причерноморья. Киев, Стилос. 328.
4. Монета: 232-4473. URL: <https://bosporan-kingdom.com/000-4770/1.html> (дата обращения: 10.08.2019)
5. Сапрыкин С.Ю. 1996. Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. М., Наука. 430.
6. Сапрыкин С.Ю. 2009. Религии и культы Понта эллинистического и римского времени. М., Тула, Триумф принт. 430.
7. Фролова Н.А. 1997а. Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. – середина IV в. н. э.). Ч. I. Монетное дело Боспора 49/48 гг. до н. э. – 210/211 гг. н. э. М., Эдиториал УРСС. 448.
8. Фролова Н.А. 1997б. Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. – середина IV в. н. э.). Ч. II. Монетное дело Боспора 211–341/341 гг. н. э. М., Эдиториал УРСС. 536.
9. Фролова Н.А. 2001. Боспорские монеты времени правления Асандра (49/48–21/20 гг. до н. э.). В кн.: Труды Государственного исторического музея. Вып. 115. Нумизматический сборник. Ч. XIV. Нумизматика в Историческом музее. М., ГИМ: 17–60.

10. Чореф М.М. 2012. «Calamitas virtutis occasio», или к истории последних лет царствования Фарнака II. Научные ведомости Белгородского государственного университета. № 7(126). Вып. 22: 44–59.
11. Чореф М.М. 2014. К биографии Асандра: путь к престолу. Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. 6: 456–487.
12. Чореф М.М. 2016. К вопросу о дешифровке монограмм на боспорских монетах Митридата VI Евпатора Диониса. Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. 8: 523–562.
13. Чореф М.М. 2017. К истории правления архонта Гигиэнонта. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 6: 62–72.
14. Babelon J. 1936a. Catalogue de la collection de Luynes. Monnaies grecques. Vol. IV. Syrie, Egypte, Cyrénaïque, Maurétanie, Zeugitane, Numidie. Paris, J. Florange, L. Ciani, 152.
15. Babelon J. 1936b. Catalogue de la collection de Luynes. Monnaies grecques. Vol. IV. Syrie, Egypte, Cyrénaïque, Maurétanie, Zeugitane, Numidie. Planches. Paris, J. Florange, L. Ciani, 76.
16. Cary F. 1752. Histoire des rois de Thrace et de ceux du Bosphore cimmérien éclaircie par les médailles. Paris, Ches Desaint & Saillantm, 212.
17. de Callataÿ F. 1997. L'histoire des guerres mithridatiques vue par les monnaies. Publications d'Histoire de l'Art et d'Archéologie de l'Université Catholique de Louvan XCVIII. Numismatica Lovaniensia 18. Louvain-la-Neuve, Département d'Archéologie et d'Histoire de l'Art, Séminaire de numismatique Marcel Hoc, 312.
18. Eckhel I. 1828. Doctrina numorum veterum. Vol. III. Continens Reliquam Asiam Minorem, Et Regiones Deinceps In Ortvm Sitas. Pt. I. De numis urbium, populorum, regum. Vindobona: Sumptibus Friderici Volke, 573.
19. Guthrie M., 1802. A tour, performed in the year 1795–6, through the Taurida, or Crimea, the ancient Kingdom of Bosphorus, the once-powerful Republic of Tauric Cherson, and all the other countries on the north shore of the Euxine, ceded to Russia by the peace of Kainardgi and Jassy. London, Nichols and son, 471.
20. Pellerin J. 1762. Recueil de médailles de rois. Paris, Guerin et Delatour, 278.
21. Meadows A., Purefoy P.B., Robinson E.S.G. 1972. Sylloge nummorum Graecorum. Vol. IV. Fitzwilliam Museum: Leake and General Collections. Pt. II. Sicily–Thrace. London, Oxford University Press, 38.

References

1. Anokhin V.A. 1986. Monetnoye delo Bospora [Bosporus Coin]. Kiyev, Naukova dumka. 183.
2. Anokhin V.A. 1999. Istoriya Bospora Kimmeriyskogo [History of the Bosporus of Cimmeria]. Kiyev, Odigitriya. 240.
3. Anokhin V.A. 2011. Antichnyye monety Severnogo Prichernomor'ya [Antique coins of the Northern Black Sea]. Kiyev, Stilos. 328.
4. Moneta: 232-4473. URL: <https://bosporan-kingdom.com/000-4770/1.html> (date of the application: 10.08.2019)
5. Saprykin S.Yu. 1996. Pontiyskoye tsarstvo. Gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'ye [Pontic Kingdom. The state of the Greeks and barbarians in the Black Sea]. M., Nauka. 430.
6. Saprykin S.Yu. 2009. Religii i kul'ty Ponta ellinisticheskogo i rimskogo vremeni [Religions and cults of Pontus of Hellenistic and Roman times]. M., Tula, Triumf print. 430.
7. Frolova N.A. 1997a. Monetnoye delo Bospora (seredina I v. do n. e. – seredina IV v. n. e.). Ch. I. Monetnoye delo Bospora 49/48 gg. do n. e. – 210/211 gg. n. e. [The coin business of the Bosporus (mid-1st century B. C. – mid-4th century A. D.). Part I. The coin business of the Bosporus 49/48 years B. C. – 210/211 years A. D.]. M., Editorial URSS. 448.
8. Frolova N.A. 1997b. Monetnoye delo Bospora (seredina I v. do n. e. – seredina IV v. n. e.). Ch. II. Monetnoye delo Bospora 211–341/341 gg. n. e. [The coin business of the Bosporus (mid-1st century B. C. – mid-4th century A.D.). Part II. The coin business of Bosporus 211–341/341 A. D.]. M., Editorial URSS. 536.
9. Frolova N.A. 2001. Bosporskiye monety vremeni pravleniya Asandra (49/48–21/20 gg. do n. e.) [Bosporus coins during the reign of Asander (49/48–21/20 B. C.).]. In: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. Vyp. 115. Numizmaticheskiy sbornik. CH. XIV. Numizmatika v Istoricheskom

muzeje [Proceedings of the State Historical Museum. Vol. 115. Numismatic collection. Part XIV. Numismatics in the Historical Museum.]. M., GIM: 17–60.

10. Choref M.M. 2012. «Calamitas virtutis occasio», ili k istorii poslednikh let tsarstvovaniya Farnaka II [«Calamitas virtutis occasion», or the history of the last years of the reign of Farnak II]. In: Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific reports of Belgorod State University]. 7 (126). Vyp. 22: 44–59.

11. Choref M.M. 2014. K biografii Asandra: put' k prestolu [To the biography of Asander: the path to the throne]. In: Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. Vyp. 6: 456–487.

12. Choref M.M. 2016. K voprosu o deshifrovke monogramm na bosporskikh monetakh Mitridata V.I. Yevpatora Dionisa. In: Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma [Materials on archeology and history of ancient and medieval Crimea]. Vyp. 8: 523–562.

13. Choref M.M. 2017. K istorii pravleniya arkhonta Gigienonta [To the history of the reign of Archon Hygienont]. In: Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Bulletin of the Nizhny Novgorod University name N.I. Lobachevsky]. 6: 62–72.

14. Babelon J. 1936a. Catalogue de la collection de Luynes. Monnaies grecques. Vol. IV. Syrie, Egypte, Cyrénaïque, Maurétanie, Zeugitane, Numidie. Paris, J. Florange, L. Ciani, 152.

15. Babelon J. 1936b. Catalogue de la collection de Luynes. Monnaies grecques. Vol. IV. Syrie, Egypte, Cyrénaïque, Maurétanie, Zeugitane, Numidie. Planches. Paris, J. Florange, L. Ciani, 76.

16. Cary F. 1752. Histoire des rois de Thrace et de ceux du Bosphore cimmérien éclaircie par les médailles. Paris, Ches Desaint & Saillantm, 212.

17. de Callatay F. 1997. L'histoire des guerres mithridatiques vue par les monnaies. Publications d'Histoire de l'Art et d'Archéologie de l'Université Catholique de Louvan XCVIII. Numismatica Lovaniensia 18. Louvain-la-Neuve, Département d'Archéologie et d'Histoire de l'Art, Séminaire de numismatique Marcel Hoc, 312.

18. Eckhel I. 1828. Doctrina numorum veterum. Vol. III. Continens Reliquam Asiam Minorem, Et Regiones Deinceps In Ortvm Sitas. Pt. I. De numis urbium, populorum, regum. Vindobona: Sumptibus Friderici Volke, 573.

19. Guthrie M., 1802. A tour, performed in the year 1795–6, through the Taurida, or Crimea, the ancient Kingdom of Bosphorus, the once-powerful Republic of Tauric Cherson, and all the other countries on the north shore of the Euxine, ceded to Russia by the peace of Kainardgi and Jassy. London, Nichols and son, 471.

20. Pellerin J. 1762. Recueil de médailles de rois. Paris, Guerin et Delatour, 278.

21. Meadows A., Purefoy P.B., Robinson E.S.G. 1972. Sylloge nummorum Graecorum. Vol. IV. Fitzwilliam Museum: Leake and General Collections. Pt. II. Sicily–Thrace. London, Oxford University Press, 38.

Ссылка для цитирования статьи Link for article citation

Чореф М.М. 2020. К истории изучения монетного дела царя Асандра. Via in tempore. История. Политология, 47(1): 21–29. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-21-29

Choref M.M. 2020. On the history of the study of the coinage of king Asander. Via in tempore. History and political science, 47(1): 21–29 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-21-29

УДК 902/903

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-30-40

БРОНЗОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ КРУГА ВЫЕМЧАТЫХ ЭМАЛЕЙ С ПАМЯТНИКОВ ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

BRONZE ARTICLES BELONGING TO THE GROUP OF CHAMPLEVE ENAMELS FROM SITES IN THE SOUTHERN PART OF WESTERN EUROPE

А.Ю. Колесникова, И.В. Зиньковская**A.Ju. Kolesnikova, I.V. Zin'kovskaya**

Воронежский государственный университет,
Россия, 394018, г. Воронеж, Университетская пл., 1

Voronezh State University,
1 Universitetskaya pl., Voronezh, 394018, Russia

E-mail: a.granuaile@gmail.com, zinkovi@yandex.ru

Аннотация

Одними из самых ярких элементов культур римского времени лесной и лесостепной зон Восточной Европы являются бронзовые изделия с выемчатыми эмалями. Они получили свое название по характерной геометрической орнаментации, в которой широко использовались эмали разной окраски. Их набор весьма устойчив и включает украшения (браслеты, разнообразные подвески, нагрудные цепи), детали одежды (фибулы, пряжки и другие детали поясов), а также шпоры. Отдельные находки изделий круга «варварских эмалей» известны далеко от основного ареала их распространения – на Юге Восточной Европы в античных, позднескифских, сарматских могильниках. При этом, подавляющее большинство лесостепных эмалей найдены вне комплексов, или, в лучшем случае, в культурном слое. Практически все южные находки происходят, как правило, из хорошо датированных погребений. В статье рассмотрены вопросы хронологии и этнокультурной атрибуции бронзовых изделий круга выемчатых эмалей с памятников юга Восточной Европы. Эти изделия были характерны для этнического костюма «северных варваров», которые продвинулись на юг Восточной Европы и в Крым вместе с поздними сарматами в конце II – середине III в.

Abstract

One of the most striking elements of Roman period cultures in the the forest and forest-steppe zones of Eastern Europe are bronze items with champlevé enamels. They got their name by a specific geometric ornamentation, in which enamels of different colors were widely used. The set is very stable and includes: jewelry (bracelets, various pendants, chest chains), clothing parts (brooches, buckles and other belt parts) as well as spurs. Some finds of «barbaric enamels» circle are known far from the main area of their distribution – in the south of Eastern Europe in late Scythian, Sarmatian and antiquity cultures burial grounds. Moreover, if the vast majority of forest-steppe enamels are found outside the complexes or in the cultural layer, almost all southern finds come from well-dated burials. The article deals with the issues of chronology and ethnocultural attribution of bronze items belonging to the group of champlevé enamels from sites in the southern part of Eastern Europe. These articles were characteristic of the traditional costume of «northern barbarians» who moved to the southern part of Eastern Europe and Crimea together with the late Sarmatians in late 2nd – middle 3rd centuries A. D.

Ключевые слова: выемчатые эмали, варвары, сарматы, балты, германцы, Восточная Европа, Крым.

Key words: champlevé enamels, barbarians, Sarmatians, Balts, Germans, East Europe, Crimea.

Одними из самых ярких элементов культур римского времени лесной и лесостепной зон Восточной Европы являются бронзовые изделия с выемчатыми эмалями. Они получили свое название по характерной геометрической орнаментации, в которой широко использовались эмали разной окраски. Их набор весьма устойчив и включает украшения (браслеты, разнообразные подвески, нагрудные цепи), детали одежды (фибулы, пряжки и другие детали поясов), а также шпоры.

Первая сводка находок предметов с выемчатыми эмалями в Восточной Европе была составлена А.А. Спицыным [Спицын, 1903, с. 149–192]. По заключению Х.А. Моора, группа украшений с выемчатыми эмалями появилась в Мазурии на рубеже I–II вв., откуда они распространились в Поднепровье и другие районы Восточной Европы [Moora, 1938, S. 110–113]. В.Н. Даниленко первым из исследователей включил эмали в состав вещей памятников киевского типа II–IV вв., и на основе позднелатенских и римских аналогий отнес их возникновение к концу II в. [Даниленко, 1955]. Серьезная попытка изучения изделий с выемчатыми эмалями была предпринята Г.Ф. Корзухиной [Корзухина, 1978], составившей в 1978 г. их свод. Местом возникновения стиля восточноевропейских эмалей она считала Юго-Восточную Прибалтику и Мазурию, а украшения с эмалью датировались ею IV–V вв. В разработку хронологии изделий круга эмалей наиболее существенный вклад внес Е.Л. Гороховский [Гороховский, 1982а], который обоснованно отнес их к середине II – началу IV в. Он не только существенно удревнил их хронологию, но и доказал связь с постзарубинецкими и киевскими древностями. Истоки «эмалевого» стиля находятся, по мнению этих исследователей, в традициях раннеримского и позднелатенского прикладного искусства, существенное влияние на его формирование в Среднем Поднепровье оказали древности Западной Литвы [Корзухина, 1978, с. 51–53; Гороховский, 1982, с. 133–144]. По мнению М.Б. Щукина, находки на постзарубинецких памятниках вещей с эмалями, подковообразных фибул серии Гришинцы – Малышки – Межонис обусловлены пронизывавшими лесную зону во II в. «балтийскими культурными импульсами», а также тесными днепро-балтийскими контактами. В результате «брожения» в лесной зоне вещи с эмалью были постепенно разнесены от Прибалтики до пограничья со степью [Щукин, 1994, с. 282–283].

Из последних работ по изделиям с выемчатыми эмалями следует выделить сводку А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского [Обломский, Терпиловский, 2007], которые проанализировали 55 находок из лесостепной полосы Восточной Европы и обосновали их датировку 2-й половиной II в. – серединой III в. Близкую точку зрения на хронологию вещей с выемчатыми эмалями высказал А.Г. Фурасев. Выпадение в землю многочисленных кладов с украшениями круга выемчатых эмалей он связывает с событиями 250–260-х гг., «с дестабилизацией политической ситуации в Европе, вызванной бурными миграционными процессами, возникновением черняховской культуры в Северном Причерноморье (период C1b, 230–260 гг.) и экспансией готов на земли, занятые прежде сарматами и населением киевской культуры» [Фурасев, 2002, с. 86]. По мнению А.М. Обломского, днепровские (южные) клады с выемчатыми эмалями могли выпасть в землю в результате Скифских или Готских войн сер. III в., а верхнедонские клады выпали в результате «удара некой третьей силы», которой было черняховское население, продвинувшееся в Верхнее Подонье и оставившее в регионе памятники типа Каширки – Седелок [Обломский, 2018, с. 252–253].

По мнению О.С. Румянцевой, время возникновения стиля восточноевропейских выемчатых эмалей и существования украшений первой и второй стадий его развития совпадает с периодом расцвета провинциально-римского эмалирования на континенте, которое начинается во 2-й половине II в. и длится 1-ю половину III в.

Украшения с эмалями были произведены мастерами Римской империи специально для варварского населения Восточной Европы. Отливка металлических основ украшений и эмалирование могли происходить в одних и тех же мастерских и, возможно, делаться одними и теми же ремесленниками. В сер. III в. в римских провинциях на Дунае происхо-

дит упадок эмалирования, что повлекло за собой прекращение экспорта изделий с выемчатыми эмалями [Румянцева, 2018, с. 222–226].

В последнее время стали известны новые районы концентрации изделий круга выемчатых эмалей: в Подонье [Зиньковская, 2011; Обломский, 2018], в Среднем Прихопье в древностях «иняевского типа» II в. – середины III в. [Хреков, 2012, Хреков, Шуваев, 2016; Зиньковская, 2019]. Отдельные находки изделий круга «варварских эмалей» известны далеко от основного ареала их распространения – на Юге Восточной Европы, в античных, позднескифских, сарматских могильниках [Зиньковская, 2009; Обломский, 2017]. При этом, если подавляющее большинство лесостепных эмалей найдены вне комплексов или, в лучшем случае, в культурном слое, практически все южные находки происходят, как правило, из хорошо датированных погребений. Остановимся на них подробнее.

1. Бедражи Нои, Молдавия. Из погр. 5 кург. 8 позднесарматского могильника происходит подковообразная фибула со вставками красной эмали на концах (рис. 1:1). По Е.Л. Гороховскому, она относится к типу 2 серии III фазы А его схемы относительной хронологии подковообразных фибул, т. е. к ранней стадии эволюции вещей с эмалями [Гороховский, 1982, с. 25–28]. Вместе с фибулой в захоронении найдены наконечник ремня и бронзовая пряжка [Kurciatov, Bubulici, 1997, p. 224, fig. 3,1]. Наконечник ремня – фасетированный, одночастный, слегка сужен книзу, относится к типу Н3а по В.Ю. Малашеву. Пряжка с овальной рамой, слегка прогнутым язычком без выступов и фасетированным округлым щитком близка к типу П26 по В.Ю. Малашеву. Эти вещи датируются концом II в. – III в. [Малашев, 2000, с. 195–208].

2. Дивизия, Буджак, Украина. В позднесарматском женском погр. 1. кург. 2 у левого плеча скелета найдена подковообразная фибула без иглы с ромбическими гнездами для эмали на круглых окончаниях и прямоугольным гнездом с двумя сегментами по бокам на корпусе (рис. 1:2) [Субботин, Дзиговский, 1990, с. 2–4, рис. 3]. У правого плеча скелета была найдена лучковая подвижная двучленная фибула. В этом захоронении обнаружены другие бронзовые вещи: позднесарматское зеркало-подвеска типа Хазанов IX с тамгообразным знаком боспорского царя Инисимея Боспорского (234–239), фасетированный наконечник ремня, а также застежка-зажим («бигуди»). Погребение позднесарматское, по мнению А.А. Васильева и О.К. Савельева, оно датируется 240–270 гг. [Васильев, Савельев, 2008, с. 32–36].

3. Красный Маяк, Украина. В позднескифском могильнике в погр. 48 в грунтовой овальной яме, ориентированной по линии СЗ-ЮВ, были найдены останки двух младенцев, возрастом от 6 месяцев до полутора лет, которые лежали вытянуто на спине, головой на северо-запад. Отдельные кости имели следы обожженности [Гей, Бажан, 1993, с. 52–58, рис. 3]. В районе черепа первого ребенка находился бронзовый проволоочный налобный венчик, диаметром 11,5 см, с замком в виде двух крючков, один из которых заканчивается конической шишкой. Передняя часть венчика расплющена в ромбическую пластину, орнаментированную пуансоном (рис. 1:3). Здесь же обнаружены бронзовые колечки из тонкой проволоки диаметром 1,6 – 1,8 см и три бронзовые трубочки-пронизки длиной 0,8 – 2,5 см. Эти украшения вместе с налобным венчиком представляли элементы единого головного убора, типа вайнаги. Аналогии налобному венчику известны в культурах Прибалтики и лесной зоны Восточной Европы II в. В погребении была найдена бронзовая круглопроволочная одночленная лучковая фибула, длиной 6 см, с трапецевидной ножкой и длинной обмоткой корпуса. По В.В. Кропотову, эта фибула входит в серию 1 варианта 4 формы 1 и датируется концом II в. – 1-й половиной III в. [Кропотов, 2010, с. 80, 110]. Кроме этого были обнаружены: бронзовая фибула длиной 3,3 см, с пластинчатой спинкой, украшенной пуансонным орнаментом и завитком на конце приемника, а также два бронзовых пирамидальных колокольчика высотой 1,8–2 см, три спиральных кольца, изготовленных из бронзовых пластин, диаметром 0,8–1 см. На кисти левой руки был обнаружен бронзовый спиральный браслет диаметром 4 см с расплюснутыми и орнаментированными концами. Справа от скелета находился еще один бронзовый спиральный браслет диаметром 3,5 см из массивного овального в сечении стержня, концы которого

были расплющены и оформлены в виде «змеиных головок». В районе груди были найдены разнообразные бусы.

Около черепа второго младенца были найдены обломки бронзового колечка, бронзовой ворворки и железные обоймочки, скреплявшие ремешок вокруг головы, бусины. На месте левой руки находился бронзовый браслет диаметром 3,4 см, изготовленный из прямоугольного в сечении стержня, один конец его был расплющен и орнаментирован.

По мнению О.А. Гей и И.А. Бажан, погребение датируется 2-й половиной II в. – 1-й половиной III в. Такие элементы погребального обряда, как тип погребального сооружения (простая грунтовая яма с каменной стелой), наличие фрагмента челюсти лошади, расчлененность костяков имеют истоки в культурах римского времени в Прибалтике. Комплекс свидетельствует о наличии в составе населения Нижнего Поднепровья накануне эпохи «Готских» войн и появления здесь черняховской культуры чужеродного компонента, связанного своим происхождением с балтским миром [Гей, Бажан, 1993, с. 55–58].

4. Валовый 1, Нижний Дон. В подбойной женской могиле кургана 33 лежал скелет головой на север, череп слегка деформирован. Слева от правой ноги были найдены три бронзовых изделия с выемчатыми эмалью. Два из них однотипные – крестовидной формы, на пересечении лучей имеется крестовидное углубление, заполненное красной эмалью (рис. 1: 4, 5). От трех лучей отходят полумесяцы, концы которых завершаются расширениями в виде дисков. Диски украшены крестообразными углублениями, заполненными желтой эмалью. На четвертом луче имеется литой вертикальный сегмент, выше его стержень обломан. Размер 6×5 см. Третье изделие в виде стилизованного солярного знака украшено красной эмалью (рис. 1:6). Его основу составляет круг с мальтийским крестом внутри, от круга отходят лучи, завершающиеся крестовидными фигурами, их три конца оформлены в виде конических утолщений. Размер 6×6,5 см. Оно является круглым звеном нагрудной цепи.

В погребении также были найдены: лучковая подвижная одночленная фибула 5 варианта и сильно профилированная фибула причерноморского типа (1 тип, 2 вариант), литой бронзовый котел, бронзовое китайское зеркало, набор украшений и посуды. Погребение – позднесарматское, скорее всего, датируется рубежом II–III вв. [Беспалый, Беспалая, Раев, 2007, с. 80–81].

5. Клинь-яр, г. Кисловодск. В погр. 11 в грунтовой могиле найден скелет женщины, положенной вытянуто, на спине, головой на юго-запад. При ней найдена железная пряжка с округлой рамкой и подвижным язычком, бронзовая фибула и бронзовая подвеска-лунница треугольной формы, окончания которой украшены тремя кружочками с эмалью. По обрядовым признакам (кисти рук на тазовых костях, ноги перекрещены в голених) захоронение позднесарматское. Бронзовая сильно профилированная фибула причерноморского типа (тип 1, вариант 2) позволяет датировать его 2-й половиной II в. [Виноградов, Рунич, 1969, с. 118–119].

6. Кены, Краснодарский край. Погр. из раскопок Н.И. Сокольского 1962 г. было введено в культурный слой, поэтому тип могилы не установлен. Скелет женщины лежал вытянуто, на спине, головой на юго-запад, а кисти ее рук находились на нижней части живота. При ней найден фрагмент бронзовой треугольной фибулы (эмаль не сохранилась) (рис. 1:7), лежавшей выше левого плеча, а также бронзовое зеркало, находившееся на правой части груди. Зеркало на обороте было украшено рельефным орнаментом из concentрических кругов и полукружий. По описанию Н.И. Сокольского, оно имеет «короткую боковую ручку без дырочки» [Сокольский, 1964, с. 207–209, рис.1, 2], хотя в публикации на фотографии она заметна. Если это так, то оно является сарматским зеркалом-подвеской с боковой петлей, типа Хазанов IX. В таком случае, погребение следует датировать 2-й половиной II в. – серединой III в.

7. Нейзац, Крым. В склепе № 275 на тазовых костях одного из погребенных найдена бронзовая ажурная плакетка. Она завершается кольцом, украшенным изображением ушастого животного. Поверхность орнаментирована зигзагообразными линиями (рис. 1:8). Размеры

плакетки 10,1×2,4 см. По мнению И.Н. Храпунова, плакетка была частью нагрудной цепи. Вероятно, она использовалась как украшение, а настоящее ее предназначение неизвестно [Храпунов, 2011, с. 47–48, рис. 40, 4]. В женских и детских погребениях III в. были обнаружены бронзовые пластинки, украшенные пуансонным орнаментом, с загнутыми краями. В погр. 174 таких пластинок было найдено 10 экз., в погр. 59 – 7 экз. В тех случаях, когда бронзовые пластинки находятся *in situ*, они лежат на черепаках. Иногда под ними сохраняется полоса кожаного тлена. По мнению И.Н. Храпунова, пластинки являлись деталями головного убора – кожаных ремешков, на котором в ряд, в нескольких см друг от друга, крепились бронзовые пластинки [Храпунов, 2011, с. 37, рис. 34, 5–14].

8. Чатыр-Даг, Крым. В погр. 15 в каменном ящике с кремацией были найдены изделия из бронзы: фрагмент крупной перекладчатой фибулы (рис. 1:9), пряжка с овальным щитком и железным язычком (тип П2а, конец II в. – III в. по В.Ю. Малашеву), бронзовая бляшка с отверстием в центре и пуансонным орнаментом, обломок круглопроволочного браслета, две подвески из сильно истертых боспорских монет с отверстиями у краев [Мыц и др., 2006, с.15, табл. 19а]. Погр. 15 датируется концом II в. – III вв.

В погр. 14 в каменном ящике размером 0,6×0,34 м, с кремацией, были найдены предметы личного убора, изготовленные из бронзы. Прежде всего следует обратить внимание на 6 прямоугольных с загнутыми краями накладок, украшенных пуансонным орнаментом, являвшихся элементами головного убора (венца) [Мыц и др., 2006, таб. 17, 1]. Они аналогичны пластинкам, найденным в погр. Нейзац. Кроме этого в погр. были найдены другие бронзовые изделия: 2 несомкнутых браслета с расширяющимися концами, 2 пластинчатых браслета, браслет четырехгранный в сечении, обломок ложновитой гривны, 2 перстня, 6 колокольчиков, 3 пряжки с овальным щитком, а также фаянсовые и стеклянные бусы, 2 медные истертые боспорские монеты II–III вв. и серебряная римская III в. [Мыц и др., 2006, с.15]. Из орудий труда найдены: 2 ножа, 1 игла, 2 обоймицы для игл. По мнению исследователей, погр. 14 датируется сер. III в. [Мыц и др., 2006, с. 158].

9. Херсонес, некрополь, Крым. В погр. 3 в каменном ящике в 1891 г. было обнаружено коллективное захоронение в нескольких урнах. Были найдены две треугольные фибулы с эмалью красного и зеленого цветов (рис. 1:10,11). Они относятся к типу III, варианту 1 по типологии Г.Ф. Корзухиной [Корзухина, 1978, с. 24, 77, табл. 23, 1,2]. Также были найдены серебряная монета Каракаллы (212–217), переделанная в подвеску, и две фибулы-цикады. Гробница использовалась с сер. III в.

10. Скалистое III, Крым. В погр. 28 вместе с мечом и набором воинского снаряжения рядом с погребенным найдены две бронзовые, украшенные красной эмалью, шпоры (рис. 1:12,13). Они принадлежат подгруппе Е по классификации Е. Гинальского [Ginalski, 1991, S. 59–64]. Из погр. также происходят удила, кувшин и краснолаковая тарелка, три браслета, пять фибул, бусы, колечко с шишечками по ободу, две поясные пряжки, два наконечника ремней. Погр. 28 – единственное в некрополе воинское, всадническое погребение. По набору фибул: смычковые II в. – 1-й половины III в., луковая подвязная 1-й половины III в. [Кропотов, 2010, с. 148, 180], погребение датируется 1-й половиной III в.

Таким образом, все проанализированные нами южные комплексы с бронзовыми изделиями круга выемчатых эмалей могут быть датированы концом II в. – серединой III вв. Большинство из них – женские (или девичьи), что хорошо согласуется с атрибуцией подвесок и скульгам с эмалью как украшений и деталей женского костюма. Одно погребение (п. 28 Скалистое III), содержащее предметы снаряжения всадника – шпоры, – вероятно, мужское.

По погребальному обряду рассмотренные погребения с изделиями круга эмалей делятся на три группы: 1) ингумации, 2) ингумации со следами обожженности костей, 3) кремации в каменных ящиках. Среди ингумаций по погребальному обряду и инвентарю можно выделить позднесарматские погребения (к. 33 Валовый 1, п.11 Клинь-яр, Кепы (1962), п. 275 Нейзац). Четыре погребения с ингумациями (п. 48 Красный Маяк, п. 28 Скалистое III, п. 59 и п. 174 Нейзац), а также три погребения с кремациями в каменных ящи-

ках (п. 14, 15 Чатыр-Даг, п. 3 Херсонес) оставлены варварами, чья этническая атрибуция вызывает в настоящее время дискуссии. Рассмотрим основные три гипотезы:

1) «Сарматская». А.М. Обломский отметил, что находки вещей с эмалью в степях Причерноморья и в Крыму имеют близкие аналогии не в Прибалтике, а, прежде всего, в Поднепровье. В степях и в Крыму они локализуются в районах концентрации сарматских памятников и появились не в результате какого-то определенного импульса, а поступали в течение длительного времени благодаря мобильному сарматскому населению, которое являлось посредником между лесостепью и степью [Обломский, 2017, с. 64–65].

2) «Германско-балтская». По мнению В.Л. Мыца, А.В. Лысенко, М.Б. Щукина, О.В. Шарова, погребения с кремациями в каменных ящиках оставлены группой германских воинов-профессионалов, выходцев из Скандинавии. «Регион, где есть погребения в урне в каменном ящике с оружием, охватывает значительную часть Скандинавии» [Шаров, 2019, с. 337]. Спецификой этих погребений является помещение с останками кремаций оружия, а также топоров, мотыг, серпов. Такая традиция отсутствует в Крыму и на Кавказе. Судя по вещам круга эмалей, путь этой германской группы из Скандинавии пролегал через Прибалтику. Среди германцев были и отдельные представители балтских племен [Мыц и др., 2006, с. 186]. Балтской является традиция ношения женских головных уборов с бронзовыми пластинами. Их аналогии исследователи находят среди ранних латгальских венцов III в. Появление этой традиции связано с притоком в Крым нового населения из Прибалтики во 2-й половине II в. – 1-й половине III вв. При этом балтская волна предшествовала готской волне переселенцев и отчетливо проявляется в мужской субкультуре [Мыц и др., 2006, с. 158, 186]. В последней своей работе О.В. Шаров уже не выделяет отдельную балтскую волну, предшествующую готской волне: «в движении «готов» в Причерноморье приняли участие различные германские и негерманские народы и племена. Если это движение началось в Скандинавии, нетрудно понять, откуда взялись черты балтской и пшеворской культуры» [Шаров, 2019, с. 337]. По мнению О.В. Гопкало и А.С. Милашевского, специфический обряд погребения в ямах, обложенных каменными плитами, известный по черняховским могильникам (Городница, Чернелив-Русский 265), имеет провинциально-римское происхождение [Гопкало, Милашевский, 2017, с. 45].

3) «Балтская». По мнению М.В. Любичева, вещи стиля «выемчатых эмалей» являются маркером связей с Балтией. «Их появление в Восточной Европе является как отражением распространения определенной моды, торговых связей, так и индикатором продвижения групп населения» [Любичев, 2019, с. 180]. И.Н. Храпунов балтскими вещами считает плакетку из мог. Нейзац, перекладчатые фибулы из мог. Чатыр-Даг и некр. Херсонеса, шпоры с эмалью из мог. Скалистое III [Храпунов, 2011, с. 48]. О.А. Гей, И.А. Бажан и С.В. Воронятов считают комплекс вещей круга эмалей из п. 48 Красный Маяк балтским [Гей, Бажан, 1993, с. 55–58; Воронятов, 2018, с. 14]. По мнению С.В. Воронятова, ювелирная традиция, представленная пластинчатыми изделиями круга выемчатых эмалей, была принесена в Среднее Поднепровье мигрантами из Южной Прибалтики (носители культур западнобалтского круга), которые приняли участие в формировании постзарубинецких древностей [Воронятов, 2018, с. 6]. В.Е. Родинкова, проанализировав головные венчики из п. 48 мог. Красный Маяк и крымских могильников, пришла к выводу, что все они имеют не западнобалтское происхождение (летто-литовские территории), а восточнобалтское – это мощинская и дьяковская культуры, с территории которых они и проникли в Крым [Родинкова, 2018, с. 70].

Все проанализированные нами южные комплексы с вещами круга выемчатых эмалей по способу их использования можно разделить на две группы:

1) «поздние сарматы». В погребениях с ингумациями и типичным сарматским инвентарем найдены единичные вещи круга эмалей, поврежденные или использованные не по назначению, а как вещи престижа (п. 5 к. 8 Бедражи Нои, п. 1 к. 2 Дивизия, к. 33 Вало-вый, п. 11 Клин-яр, Кепы, п. 275 Нейзац).

2) «северные варвары». В погребениях по обряду ингумации, или ингумации с обожженными костями, или по обряду кремации вещи круга эмалей были частью этнического ко-

стюма (парные фибулы) (п. 3 Херсонес), либо этнического головного убора (налобный венчик) (п. 59, п. 174 Нейзац, п. 14 Чатыр-Даг, п. 48 Красный Маяк), либо снаряжения всадника (шпоры) (п. 28 Скалистое III). Некоторые из погребений были совершены по обряду кремации, что нехарактерно для сарматского населения. Тем не менее расположение этих погребений на сарматских некрополях (например, Нейзац) свидетельствует о тесных связях этих «северных варваров» именно с поздними сарматами.

Таким образом, можно предположить, что т. н. «северные варвары», для этнического костюма которых были характерны бронзовые изделия круга выемчатых эмалей, продвинулись на юг Восточной Европы и в Крым вместе с поздними сарматами в конце II в. – середине III вв.

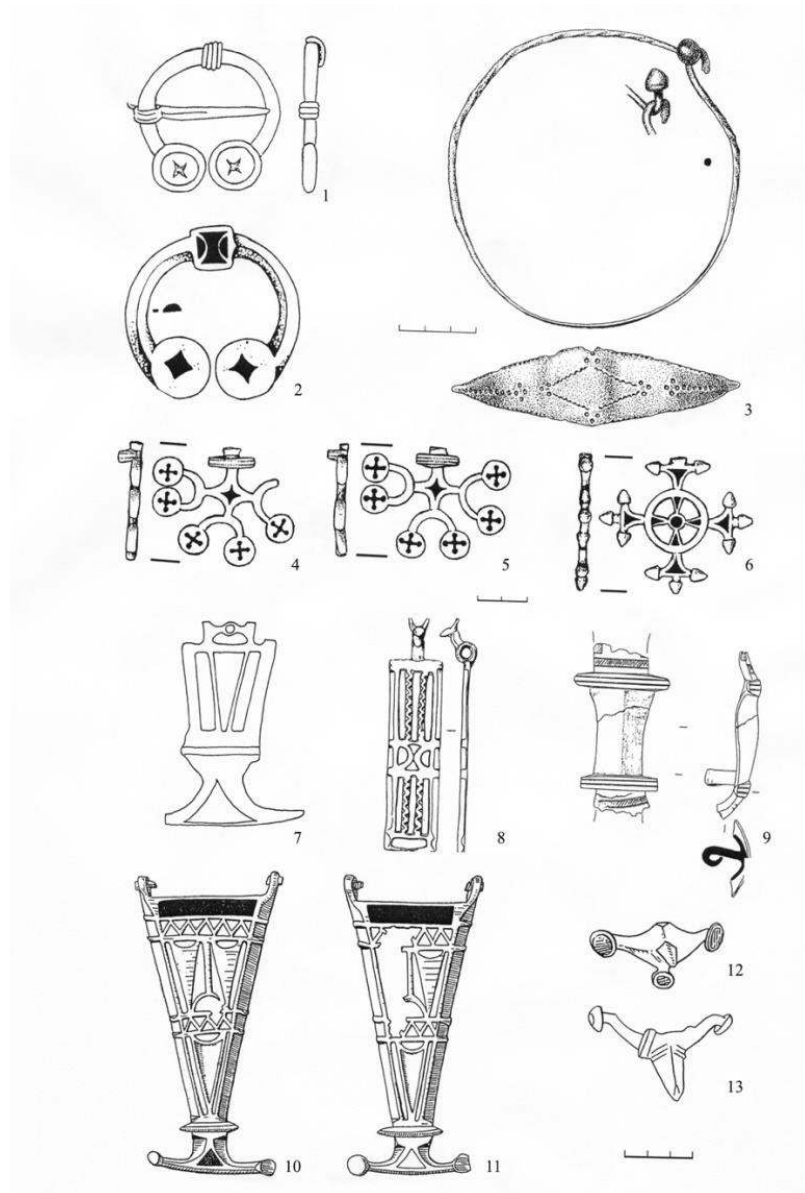

Рис. 1. Бронзовые изделия круга выемчатых эмалей с памятников юга Восточной Европы
1 – п. 5 к. 8 Бедражи Нои, 2 – п. 1. к. 2 Дивизия, 3 – п. 48 Красный Маяк, 4, 5, 6 – к. 33
Валовый 1, 7 – п. 1962 г. Кепы, 8 – п. 275 Нейзац, 9 – п. 15 Чатыр-Даг, 10, 11 – п. 3 Херсонес,
12, 13 – п. 28 Скалистое III

Fig. 1. Bronze ware of a circle of notched enamels from the monuments of the south of Eastern Europe
1 – p. 5 k. 8 Bedrazhi Noi, 2 – p. 1. k. 2 Diviziya, 3 – p. 48 Krasnyj Mayak, 4, 5, 6 – k. 33 Valovyj 1,
7 – p. 1962 g. Kepy, 8 – p. 275 Nejzac, 9 – p. 15 Chatyr-Dag, 10, 11 – p. 3 Hersonesos, 12, 13 – p. 28 Skalistoe III

Список литературы

1. Беспалый Е.И., Беспалая Н.Е., Раев Б.А., 2007. Древнее население Нижнего Дона. Курганный могильник «Валовый 1» (МИА Юга России. № 2). Ростов-на-Дону, 186.
2. Васильев А.А., Савельев О.К., 2008. Переход от начального к финальному этапу позднесарматской культуры в междуречье Днестра и Дуная. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов. Ред. О.А. Радюш, К.Н. Скворцов. Калининград, 29–43.
3. Виноградов В.Б., Рунич А.П., 1969. Новые данные по археологии Северного Кавказа. АЭС. Грозный, Т. III: 95–137.
4. Воронятов С.В., 2018. Сарматский и южно-балтийский культурные импульсы в постзарубинецких древностях горизонта Рахны-Почеп (втор. пол. I в. – нач. II в. н. э.). Автореф. дис... к.и.н. СПб., 22.
5. Гей О.А., Бажан И.А., 1993. Захоронение с комплексом вещей круга эмалей на Нижнем Днепре. ПАВ. 3: 52–59.
6. Гопкало О.В., Милашевский А.С. 2017. О содержании раннего этапа культуры Черняхов – Сынтана-де-Муреш. Ранний железный век от рубежа эр до середины I тыс. н. э. Динамика освоения культурного пространства. СПб., 44–46.
7. Гороховский Е.Л., 1982. О группе фибул с выемчатой эмалью из Среднего Поднепровья. Новые памятники древней и раннесредневековой художественной культуры. Киев, 125–140.
8. Гороховский Е.Л., 1982а. Хронология украшений с выемчатой эмалью Среднего Поднепровья. Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 125–140.
9. Даниленко В.Н., 1955. Славянские памятники I тыс. н. э. в бассейне Днепра. КСИА АН УССР. Вып. 4: 27–29.
10. Зиньковская И.В., 2009. О находках изделий с выемчатыми эмалями на юге Восточной Европы. Пятая кубанская конференция: материалы конференции. Краснодар, 142–144.
11. Зиньковская И.В., 2011. О новом ареале украшений круга выемчатых эмалей. РА. 2: 72–80.
12. Зиньковская И.В., 2019. Варварские эмали в лесостепном Доно-Волжском междуречье. Вестник ВГУ. Сер. История. Политология. Социология. 3: 59–66.
13. Корзухина Г.Ф., 1978. Предметы убора с выемчатыми эмалями V в. – первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье. САИ. Вып. Е1-43, 123.
14. Кропотов В.В., 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев, Изд-во «АДЕФ-Украина», 383.
15. Любичев М.В., 2019. Ранняя история днепро-донецкой лесостепи I–V веков. Харьков, Издательство «Естет Принт», 268.
16. Малашев В.Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени. Сарматы и их соседи на Дону. Ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону, Терра: 194–232.
17. Мыц В.Л., Лысенко А.В., Щукин М.Б., Шаров О.В., 2006. Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. СПб., «Нестор-История», 208.
18. Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 2007. Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г.Ф. Корзухиной, И.К. Фролова и Е.Л. Гороховского). Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III в. – начало V в. н. э.) (Раннеславянский мир. Вып. 10). М., 113–141.
19. Обломский А.М., 2017. Украшения с выемчатыми эмалями восточноевропейского стиля в степях Причерноморья и в Крыму. РА. 1: 55–69.
20. Обломский А.М., 2018. Проблемы изучения кладов украшений с эмалями в Поднепровье и Подонье. Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.). М., Вологда, ИА РАН: 237–253.
21. Родинкова В.Е., 2018. Пластинчатые венчики или «диадемы» круга восточноевропейских выемчатых эмалей. Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.). М., Вологда, ИА РАН: 66–81.
22. Румянцева О.С., 2018. Обстоятельства возникновения, проблема организации производства и возможные причины упадка стиля восточноевропейских выемчатых эмалей (по итогам технологического анализа). Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.). М., Вологда, ИА РАН: 221–226.
23. Сокольский Н.И., 1964. Погребение V в. в Кехах. СА. 4: 207–209.
24. Спицын А.А., 1903. Предметы с выемчатой эмалью. ЗОРСА. Т. V. СПб., Вып.: 149–192.

25. Субботин Л.В., Дзиговский А.Н., 1990. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. Вып. 2. Курганные могильники Дивизийский и Белолесский. Киев, 40.
26. Фурасев А.Г., 2002. Проблема датировки кладов вещей с выемчатыми эмальями. Клады. Состав, хронология, интерпретация. СПб., 83–85.
27. Храпунов И.Н., 2011. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац. Исследования могильника Нейзац. Сб. науч. статей. Под ред. И.Н. Храпунова. Симферополь, 13–113.
28. Хреков А.А., 2012. Некоторые итоги и проблемы изучения постзарубинецких памятников. Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, Вып. 9: 91–114.
29. Хреков А.А., Шуваев С.В., 2016. Новые находки предметов круга выемчатых эмалей на территории лесостепного Прихоперья. Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, Вып. 14: 160–168.
30. Шаров О.В., 2019. Появление германцев и сармато-германские контакты в Крыму в позднеримскую эпоху. Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – V в. н. э.). Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь, 328–340.
31. Щукин М.Б., 1994. На рубеже эр. СПб., Фарн, 324.
32. Ginalska J. 1991. Ostrogi kablakowe kultury przeworskiej. Klasyfikacja typologiczna. Przegląd Archeologiczny, 38. Wrocław, 53–84.
33. Kurciatov S., Bubulici V., 1997. Necropola de la Badrgii Vechi si problema fazei finale a culturii sarmatice. Vestigii arheologice din Moldova. Ed. V. Dergaciov. Chisinau: Tipografia Academici de Stiinte RM., 220–234.
34. Moora H., 1938. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chs. Teil II. Analyse. Tartu, 749.

References

1. Bepalij E.I., Bepalaja N.E., Raev B.A., 2007. Drevnee naselenie Niznego Dona. Kurgannij mogilnik «Valovij 1» [Ancient population of the Lowed Don. Burial ground «Valovij 1»] (MIA Juga Rossii. №2). Rostov-na-Dony, 186.
2. Vasilev A.A., Savelev O.K., 2008. Perekhod ot nachalnogo k finalnomu etapu posdnesarmatskoj kulturi v mezdurechje Dnestra i Dunaja [Transition from the initial to the final stage of Late Sarmatian culture between the Dniester and Danube]. Drevnosti Zentralnoi i Vostocnoj Evropi epohi rimskogo vlijnija i pereselenija narodov [Antiquities of Central and Eastern Europe, the era of Roman influx and migration]. Red. O.A. Raduz, K.N. Skvorzov. Kaliningrad, 29–43.
3. Vinogradov V.B., Runiz A.P., 1969. Novii Dannie po archeologii Severnogo Kavkaza [New data on archeology of the North Caucasus]. AES. Grosnij, T. III: 95–137.
4. Voronjatov S.V., 2018. Sarmatskie i juzno-baltijskie kulturnie impulsi v postzarubinezkih drevnostyah gorizonta Rahni-Pozep (vtor. pol. I v. – nac. II vv. n. e.) [Sarmatian and South Baltic cultural impulses in post-Zarubinecs antiquities of the Rakhny-Pochep horizon (second half 1st – beginning of the 2nd century A. D.)]. Avtoreferat diss. k. i. n. SPb., 22.
5. Gej O.A., Bazan I.A., 1993. Zahoronenie s kompleksom vechej kruga emalej na Niznem Dnepre [Burial with a complex of enameled objects on Lower Dnieper]. PAV. :3: 52–59.
6. Gopkalo O.V., Milacevskij A.S. O sodержanii rannego etapu kultury Chernyakhov-Sintana-de-Murez [On the content of the early stage of Chernyakhov-Sintana-de-Murez culture]. Rannij zelesnij vek ot rubeza er do seredini I tis. n. e. Dinamika osvoenija kulturnogo prostranstva [Early celestial age from the turn of the eras to the middle And yew. not. The dynamics of the development of cultural space]. SPb., 2017, 44–46.
7. Gorohovskij E.L., 1982. O gruppe fibul s viemchatoi emalju is Srednego Podneprovija [About the group of fibulae with champlévé enamels from the Middle The Dnieper]. Novii pamjatniki drevnej i rannesrednevekovoj hudozestvennoj kulturi [New monuments of ancient and medieval art culture]. Kiev, 125–140.
8. Gorohovskij E.L., 1982 a. Hronologia ukracenij s viimcatoi emaliu Srednego Podneprovija [Chronology of jewelry with champlévé enamels enamels from the The Middle Dnieper]. Materiali po hronologii archeologiceskih pamjatnikov Ukraini [Materials on the chronology of archaeological sites of Ukraine]. Kiev, 125–140.
9. Danilenko V.N., 1955. Slavjanskije pamjatniki I tis.n.e. v bassejne Dnepra [Slavic sites of I millennium A. D. in the Dnieper basin]. KSIA AN USSR. Vip. 4: 27–29.
10. Zinkovskaja I.V., 2009. O nahodkah isdelij s viimcatimi emaljami na juge Vostocnoi Evropi [About finds of items with champlévé enamels in the south of Eastern Europe]. Pjataja kubanskaja konferenzija: materiali konferenzii [Fifth Kuban Conference: conference proceedings]. Krasnodar, 142–144.

11. Zinkovskaja I.V., 2011. O novom areale ukracenij kruga viimcatih emalej [About the new range of champlévé enameled jewelry]. RA. 2: 72–80.
12. Zinkovskaja I.V., 2019. Varvarskie email v lesostepnom Dono-Volzskom mezdurechie [Barbaric enamels in the forest-steppe Don-Volga interfluvium]. Vestnik VGU. Ser. Istoria. Politologia. Soziologia. 3: 59–66.
13. Korsuchina G.F., 1978. Predmeti ubora s viimchatimi emaljami V v. – pervoj polovini VI v. n. e. v Srednem Podneprovie [Objects with champlévé enamels of Vth - first half of VIth century A. D. in the Middle Dnieper]. SAI. Vip. E1-43, 123.
14. Kropotov V.V., 2010. Fibuli sarmatskoj epochi. [Fibulae of the Samatian era]. Kiev, Izd-vo «ADEF-Ukraina», 383.
15. Lubicev M.V., 2019. Rannaja istoria dnepro-donezkoj lesostepi I–V vv. [The early history of the Dnieper-Donetsk forest-steppe of the I–V centuries]. Harkov, Izdatel'stvo «Estet Print», 268.
16. Malacev V.J., 2000. Periodizacija remeslennih garniture posdnesarmatskogo vremeni [Periodization of Late Samatian belt sets]. Sarmati i ih sosedi na Donu [Sarmatians and their neighbors in the Don]. Rostov-n/D, Terra: 194–232.
17. Miz V.L., Lisenko A.V., Zukin M.B., Sarov O.V., 2006. Chatir-Dag – nekropol rimskoi epochi v Krimu [Chatir-Dag – necropolis of the Roman era in the Crimea]. SPb., «Nestor-Istoriya», 208.
18. Oblomskij A.M., Terpilovskij R.V., 2007. Predmeti ubora s viimchatimi emaljami na territorii lesostepnoi zoni Vostochnoi Evropy [Champlévé enameled items in the forest-steppe zone of Eastern Europe]. Pamjatniki kievskoi kultury v lesostepnoi zone Rossii (III v. – nazalo V v. n. e.) [Monuments of Kiev culture in the forest-steppe zone of Russia (III – early V centuries A. D.)] (Ranneslavjanskij mir. Vip. 10). M., 113–141.
19. Oblomskij A.M., 2017. Ukrashenija s viimchatimi emaljami vostochnoevropskogo stilja v stepjah Prichernomorija i v Krimu [Jewelry with champlévé enamels of Eastern European style in the steppes of the Black Sea region and in Crimea]. RA. 1: 55–69.
20. Oblomskij A.M., 2018. Problemi isucenija kladov ukracenij s emalami v Podneprovie i Podonie [Problems of studying burials with enamels in Dnieper and Don region]. Branskij klad ukrashenij s viimcatoj emalu vostochnoevropskogo stilja (III v. n. e.) [Branskiy treasure jewellery with oriental-style twisted enamel (3 century A. D.)]. M., Vologda, IA RAN: 237–253.
21. Rodinkova W.E., 2018. Plastinchatije venchiki ili diademi kruga vostochnoevropskikh viimchatih emalej [Plate diadems or «tiaras» of Eastern European champlévé enamels]. Brjanskij klad ukrashenij s viimcatoj emaliju vostochnoevropskogo stilja (III v. n. e.) [Branskiy treasure jewellery with oriental-style twisted enamel (3 century A. D.)]. M., Vologda, IA RAN: 66–81.
22. Rumjanzeva O.S., 2018. Obstoitelstva vozniknovenija, problema organizatsii proizvodstva i vosmozhnye prichiny upadka stilja vostochnoevropskikh viimchatih emalej (po itogam tehnologicheskogo analiza) [Circumstances of occurrence, the problem of production organization and possible causes of the decline in the style of Eastern European champlévé enamels (based on the results of technological analysis)]. Brjanskij klad ukrashenij s viimcatoj emaliju vostochnoevropskogo stilja (III v. n. e.) [Branskiy treasure jewellery with oriental-style twisted enamel (3 century A. D.)]. M., Vologda, IA RAN: 221–226.
23. Sokolskij N.I., 1964. Pogrebenie V v. v Kepah [Burial of V century in Kapi]. SA. 4: 207–209.
24. Spizin A.A., 1903. Predmeti s viimchatoj emaliju [Objects with champlévé enamels]. SORSA. T.V. SPb., Vip.1: 149–192.
25. Subbotin L.V., Dzigovskij A.N., 1990. Sarmatskie drevnosti Dnestro-Dunaiskogo mezdurechija. [Sarmatian antiquities of the Dniester-Danube interfluvium area]. Vip. 2. Kurgannij mogilnik Divisijskij i Belolesskij [Kurgan burial grounds Divisian and Belolesky]. Kiev, 40.
26. Furasev A.G., 2002. Problema datirovki kladov veshej s viimchatimi emalyami [The problem of dating buried treasures with champlévé enamels]. Kladi. Sostav, hronologiya, interpretatsiya [Treasures. Composition, chronology, interpretation]. SPb., 83–85.
27. Hrapunov I.N., 2011. Nekotore itogi issledovanij mogilnika Neizats [Some results of studies of the Neizats burial ground]. Issledovaniya mogilnika Neizats [Investigations of the cemetery Neizats]. Sb. nauc. statej. Pod red. I.N. Hrapunova. Simferopol, 13–113.
28. Hrekov A.A., 2012. Nekotore itogi i problemi izucheniya postzarubinskih pamjatnikov [Some results and problems of studying post-Zarubin sites]. Arheologia Vostochno-evropejskoi lesostepi [Archeology of the East European forest-steppe]. Saratov, Vip. 9: 91–114.

29. Hrekov A.A., Suvaev S.V., 2016. Novie nahodki predmetov kruga viemchatih emalei na teritorii lesostepnogo Prihoperja [New finds of champlevé enameled objects in the forest-steppe zone of Hoper river]. Archeologiceskoe nasledie Saratovskogo kraja [Archaeological Heritage of the Saratov Territory]. Saratov, Vip. 14. 160–168.
30. Sarov O.W., 2019. Poyavlenie germanzev i sarmato-germanskie kontakti v Krimu v posdnerimskuyu epohu [The emergence of Germans and Sarmatian-Germanic contacts in Crimea in the late Roman era]. Krim v sarmatskuju epohu (II v. do n. e. – V v. n. e.) [Crimea in the Sarmatian era (II century B. C. – V century A. D.)]. Otv. red. I.N. Hrapunov. Simferopol, 328–340.
31. Schukin M.B., 1994. Na rubeze er [At the turn of the era]. SPb., Farn, 324.
32. Ginalska J. 1991. Ostrogi kablakowe kultury przeworskiej. Klasyfikacja typologiczna [Cable groynes of Przeworsk culture. Typological classification]. Przegląd Archeologiczny, 38. Wrocław, 53–84.
33. Kurciatov S., Bubulici V., 1997. Necropola de la Bădragii Vechi si problema fazei finale a culturii sarmatice [Necropolis from Bădragii Vechi and the problem of the final phase of the Sarmatian culture]. Vestigii arheologice din Moldova. Ed. V. Dergaciov. Chisinau: Tipografia Academici de Stiinte RM., 220–234.
- Moora H., 1938. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chs. Teil II. Analyse [The Iron Age in Latvia until 500 AD. Part II. Analysis]. Tartu, 749.

Ссылка для цитирования статьи

Link for article citation

Колесникова А.Ю., Зиньковская И.В. 2020. Бронзовые изделия круга выемчатых эмалей с памятников юга Восточной Европы. *Via in tempore. История. Политология*, 47(1): 30–40.

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-30-40

Kolesnikova A.Ju., Zin'kovskaya I.V. 2020. Bronze articles belonging to the group of champleve enamels from sites in the southern part of Western Europe. *Via in tempore. History and political science*, 47(1): 30–40 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-30-40

УДК 94(3)

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-41-46

**ВАРВАРСКИЕ ВТОРЖЕНИЯ И ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КИРЕНАИКИ
В IV – НАЧАЛЕ V ВВ. (ПО ПИСЬМАМ СИНЕЗИЯ КИРЕНСКОГО)****BARBARIC INVASION AND THE MILITARY SITUATION OF CYRENAICA
IN THE 4TH – THE BEGINNING OF 5TH CENTURIES
(ON THE BASIS OF SYNESIUS' LETTERS)****А.А. Гречухина
A.A. Grechukhina**

«Средняя общеобразовательная школа № 1 с углубленным изучением
отдельных предметов» г. Губкина Белгородской области,
Россия, 309186, Белгородская обл., г. Губкин, ул. Победы, 24

«Secondary school No. 1 with in-depth study of individual subjects», Gubkin, Belgorod region,
24 Pobeda st., Gubkin, Belgorod Region, 309186, Russia

E-mail: Nefi16@mail.ru

Аннотация

В фокусе настоящего исследования – военное положение Киренаики, набеги варваров на провинцию по данным из писем Синезия Киренского. Синезий стал непосредственным очевидцем варварских набегов, а также казнокрадства, коррупции, которые привели к развалу военного аппарата и, как следствие, к гибели провинции. В статье приводятся фрагменты писем, в которых Синезий открыто беспокоится о положении дел в провинции. Изучение писем, иных материалов, выяснение особенностей социально-экономического развития Киренаики помогут лучше понять процессы, которые обуславливали переход от античного общества к средневековому на уровне региона.

Abstract

In the focus of this study, the martial law of Cyrenaica, the barbarians' raids on the province according to data from the letters of Synesius of Cyrene. Synesius became an eyewitness to the barbaric raids, as well as embezzlement, corruption, which led to the collapse of the military apparatus, as a result, to the death of the province. The article contains letters in which Synesius openly writes about his anxiety about the state of affairs in the province. The study of letters, materials, clarification of the characteristics of the socio-economic development of Cyrenaica will help us to better understand the processes that caused the transition from the ancient society to the medieval. The letters of Sinesia shed light on many questions concerning the provincial life of the empire, agriculture, the social composition of the population, occupations and trades; these are questions that still have not received widespread attention in research circles. In this article we are interested in a separate aspect of Cyrenaica's life, namely the martial law and the attitude of Sinesia to the raids of the barbarians, as well as the barbarization of some institutions of society.

Ключевые слова: Поздняя Античность, Синезий Киренский, письма, варвары, набеги, Киренаика, военное положение, кочевые племена, пограничные войска.

Keywords: Late Antiquity, Synesius of Cyrene, letters, barbarians, raids, Cyrenaica, martial law, nomadic tribes, border troops.

Одним из важнейших достоверных источников, позволяющим составить глубокое представление о жизни в провинции Киренаика, а именно варварских набегах и военном положении, являются письма Синезия. Конечно, сведения, переданные епископом, отражают конец IV – начало V вв., что совпадает с хронологическими рамками жизни Сине-

зия. Изучение писем, других материалов, выяснение особенностей социально-экономического развития Киренаики помогут нам лучше понять процессы, которые обуславливали переход от античного общества к средневековому. Письма Синезия проливают свет на многие вопросы, касающиеся провинциальной жизни империи, земледелия, социального состава населения, занятий и промыслов; это вопросы, которые до сих пор не привлекли широкого внимания в исследовательских кругах.

В данной статье нас интересует отдельный аспект жизни Киренаики, а именно военное положение и отношение Синезия к набегам варваров, а также варваризации некоторых институтов общества. Во многом отношение епископа к данной проблеме можно отыскать в изучении самой биографии Синезия и тех событий, которые стали катализатором написания писем и речей.

Из исследований XX века следует упомянуть достаточно обширную работу Уильяма Крауфорда [Crawford, 1901], посвященную тщательному анализу трактатов Синезия, а также исследование Ганса Кристиана Тори [Thory, 1920], описавшего жизнь и особенности развития Киренаики в IV веке на основе писем Синезия, что является для нас наиболее важным исследованием.

Из наиболее глубоких исследований данной проблемы следует выделить труд Кристиана Лакомбрэда «Синезий Киренский: эллин и христианин» [Lacombrade, 1951], в котором подробно анализируется жизнь Синезия после его прибытия в Кирену. Монументальная работа Джея Брэгмана [Bregman, 1982] основана как на изучении биографии Синезия, так и на обобщенном анализе его трудов. Последнее исследование по-прежнему является наиболее актуальным и фундаментальным. В нем не только анализируются богословские взгляды, но и дается подробная характеристика тем событиям, что происходили в регионе во время жизни Синезия.

В отечественной историографии в настоящее время существуют переводы сочинений Синезия (писем, гимнов и трактатов) со статьями и комментариями Т.Г. Сидаша [Сидаш, 2012, 2014], перевод речи «О царстве» М.В. Левченко [Левченко, 1951, 1956]. Также важны статьи О.В. Пржигодзкой [Пржигодзкая, 2012, 2013, 2014], в которых объектом исследования выступают речи Синезия. Они являются непосредственным фундаментом для изучения не только полной биографии Синезия, но и отдельных ее аспектов.

Следует также упомянуть статью Е.А. Мехмадиева [Мехмадиев, 2014], в котором рассматривается вопрос о войсковых подразделениях позднеримской Киренаики в IV–V вв. в контексте данных Синезия Киренского. Автор рассматривает более ранний период организации и использует данные как писем Синезия, так и других источников, что для нас является хорошей возможностью увидеть причину складывающегося обострения военного положения в Киренаике.

Нельзя оставить без внимания и работы Г.Л. Курбатова [Курбатов, 1991], А.Ф. Лосева [Лосев, 1992], отдельную статью С.Г. Меленко [Меленко, 2013], в которых Синезию уделяется лишь небольшое место в контексте изучаемой проблемы, либо производится локальное исследование его политических и религиозных взглядов.

К сожалению, в отечественной науке развитие Киренаики по данным писем Синезия затрагивалось лишь эпизодически, а специального монографического исследования пока нет.

Киренаика, заселенная подданными Восточной Римской империи, занимала область в северной части Восточной Ливии у Большого Сирта. Граничила с проконсульской Африкой (Карфаген) на западе, а на востоке — с Египтом; на юге была пустыня.

Во времена своего расцвета Кирена была одним из крупнейших городов классического греческого мира. Торговля и сельское хозяйство были хорошо развиты, и вся страна была процветающей. Но уже при жизни Синезия Киренаика начинает переживать упадок. Налоги были угнетающими; неэффективные и беспринципные правители усугубляли положение, и в своих письмах он снова и снова ссылается на бедствия, такие как землетрясения, разрушения, налеты саранчи, мор, война, огонь и голод (Ер. 58).

По мере упадка главного города – Кирены – первенство в регионе заняла Птолемаида, которая в конце концов стала главным городом провинции. Упадок и депопуляция Киренаики были ускорены последствиями восстания евреев, многие из которых были поселены в стране во время правления Траяна. Об этом задолго до событий писал Синезий, показывая ненависть, которая царилла между евреями и греками, отмечая, что евреи – это *«коварная раса, которая считает, что действует благочестиво, если приводит к гибели как можно большего числа греков»* (Ер. 4) (пер. Т.Г. Сидаша).

В 405 году Синезий, после пребывания в Александрии, возвратился в Киренаику. На родине – в Кирене или в своем имении Ангимахе – Синезий вел аристократический образ жизни, ни в чем себе не отказывал, занимался хозяйством, литературными и философскими трудами. В письме другу Олимпию (Ер. 147) Синезий рассказывает о жизни в деревне. По словам епископа, в деревне живут свободные земледельцы, которые помогают друг другу в работе на поле, в разведении скота. Но их кругозор узок и ограничен, они не интересуются новостями за пределами своего округа, большинству из них даже не знакомо имя императора.

В целом Синезий был доволен своей жизнью. Подробную характеристику ее он дает в длинном письме «против Андроника». *«С детства считал я, что досуг и легкость жизни суть блага божественные... проводил свою жизнь, словно бы справляя величественный всенародный праздник, будучи на протяжении всех моих дней радостен и лишен душевных волнений»* (Ер. 41) (пер. Т.Г. Сидаша).

Однако самым серьезным злом в провинции было опустошение, вызванное постоянно повторяющимися набегами варварских племен с юга. Вследствие недостаточности военной охраны провинции, Синезий сам должен был заботиться о безопасности своих владений и вести постоянную войну с нападавшими на его земли кочевниками. Эти варвары были простыми разбойниками, мародерствующими бандами кочевников, которых Синезий характеризует как воров и грабителей, которых нельзя назвать врагом, которые убивали и грабили робких и незащищенных, «но бежали в пустыню, как только жители оказали сопротивление» (Ер. 131).

Серьезным вторжением было вторжение макетов около 405 года. *«Женщины уведены в плен, мужчины истреблены беспощадно. Раньше они хотя бы оставляли жизни детям ... и никто из нас не возмущается ... ждут помощи от солдат ... дрянных, даже в мирное время с их алчностью и продовольственными деньгами ... Неужели мы не положим конец болтовне?! Неужели никогда не войдем в разум?! Неужели не соберем крестьян, надрывающихся на земле, в единый кулак...»* (Ер. 125) (пер. Т.Г. Сидаша). В этом письме Синезий сообщал брату, что он собрал отряд из местных жителей и начал военные действия против варваров.

В корреспонденции Синезия есть ряд писем, в которых указывается о существовании небольших гарнизонов, в которых имелся разный этнический и территориальный состав воинов (Ер. 5, 78, 87, 95, 110). Скорее всего, для быстрого и точного управления этими гарнизонами была введена должность дукса двух Ливий (Нижней и Верхней) между 395 и 399 годами.

Синезий упоминает четыре военных отряда, постоянно принимавших участие во всех боевых операциях против местных кочевых племен: когорты далматинцев, балагриты, маркоманы, части фракийской конницы и уннигарды.

Большинство военнотружущих демонстрировали слабый и трусливый дух перед лицом варваров. Некоторые даже прятались в расщелинах гор при приближении врага (Ер. 122). Синезий с подозрением относился к иностранным войскам на службе. Он безуспешно пытался принять закон об исключении иностранцев из армии (Ер. 94).

На содержание солдат жители провинции уплачивали *aurum tironicum*, а также поставляли в части натуральное продовольствие. Содержание одного солдата стоило 30 солидов в год, иногда больше. И не всегда провинция могла полностью обеспечить солдат поставками провизии.

Письма Синезия свидетельствуют, что война с авсурианами велась непрерывно в течение 405–409 годов (Ер. 56, 57, 107, 113 Catastasis 1,11). Они являлись кочевниками, но были более многочисленными и гораздо грозными, чем более ранние захватчики. Синезий в письмах указывает, что после возвращения в Птолемаиду в 411 году дукс Анисий восстановил военную оборону провинции. Уннигарды, как пишет Синезий, были более полезными для провинции, чем местные войска.

Три поражения от рук Анисия и его сорока всадников-уннигардов привели в замешательство тысячи варваров и сократили их вторжения до нескольких разрозненных набегов, которые мгновенно были подавлены. Синезий выражает благодарность Анисию, и просит продлить пребывания дукса в провинции. *«Невозможно оказать большую пользу Пентаполю, нежели предпочесть уннигардов – порядочных людей и храбрых мужей – как солдат всем другим солдатам. Приложи к моему прошению и свою просьбу: пусть к этим сорока храбрецам будет прибавлено еще сто шестьдесят... будет достаточно для Царя, чтобы с Божьей помощью под твоим руководством положить конец войне?»* (Ер. 78) (пер. Т.Г. Сидаша).

Ходатайство это было направлено египетским властям, но Анисий должен был уехать, а вместо усиления отряда власть уменьшает их жалование, отнимает лошадей, тем самым подрывает боевое рвение наемников, которые так много сделали для защиты страны.

На смену Анисию пришел Иннокентий, старец, у которого была длительная болезнь и которому мешали некоторые из его офицеров, уроженцы Александрии.

Однако в следующем году авсурианы вернулись и захватили всю страну. Отъезд Анисия, кризис и разложение наемной и местной армий, стихийные природные бедствия и неспособность нового дукса Иннокентия руководить сразу же повлекли за собой тяжелые последствия.

Ни одна крепость не была для варваров непреступной. В районе Барсы они разграбили гробницы; сожгли церкви, осквернили и унесли священные сосуды. Взятые в плен мужчины перевоспитывались так, чтобы потом вернуться и напасть на свою родину. Пленников, по словам Синезия, было в три раза больше, чем варваров. Пять тысяч верблюдов уносили добычу (Ер. 131).

В письме к Гипатии Синезий указывает о том, что тяжело переносит бедствия военного времени. *«Страдание моего отечества обступило меня со всех сторон, и я едва сношу его: каждый день вижу я оружие врага, бойню, людей, зарезанных словно жертвенный скот ... дышу воздухом, отравленным смрадом гниющих тел, и сам ожидаю подобных страданий – на что надеяться, если воздух темен от теней плотоядных птиц? Но и такой я люблю свою землю...»* (Ер. 124) (пер. Т.Г. Сидаша).

В письме Феофилу (Ер. 69) Синезий пишет: *«Все гибнут, всё рушится. Сейчас, когда я пишу, полисы еще держатся; что будет завтра, знает Бог».*

В обращении, сделанном в то же самое время, он говорит: *«Пентаполь погиб, он был извлечен, уничтожен, его конец, он закончен, он мёртв»* (Catastasis I).

О необходимости прислать помощь Синезий пишет и Феофилу.

Впоследствии положение изменилось. Уже в письме (Ер. 57) Синезий говорит о менее критичном военном положении. Марцеллин, который сменил бездарного Иннокентия, взял в свои руки руководство операциями и прославился своими военными способностями.

По оценке Синезия, войско в провинции не представляло серьезной военной силы. Причина этого – не только отсутствие дисциплины. Негодность солдат, по мнению Синезия, – следствие негодности начальников, которые покупали должности за деньги.

В письме Ер.110 ярко иллюстрируется этот эпизод: *«Гилас, побывав при дворе, вернулся с приказом принять командование над доблестнейшими маркоманами. Они были и прежде добрыми солдатами, теперь же обзавелись и соответствующим их доблести командиром, так что ничто не отделяет теперь их от деяния доблестного и великого»* (пер. Т.Г. Сидаша). По письму Синезия, этот человек не заботился о доброй славе, был невоспитанным, подкупным.

Также Синезий дает характеристику некоторым клирикам, восхваляя их, показывая мужественными патриотами: *«... в то время как солдаты, сокрывшись в глубинах горных пещер, думали лишь о том, как бы не пролить своей крови, они призвали к оружию выходивших*

из храма селян и сразу же повели их на врагов; воззвав к Господу... он [Фавст-диакон] первым без оружия противостоял тяжелооруженному воину: схватив камень, он поразил противника в висок, не метнув его, но набросившись на противника, словно это был кулачный бой. Что до меня, то я с величайшим удовольствием увенчал бы всех участников этого дела и велел глашатаю провозгласить их имена...» (Ер. 122) (пер. Т.Г. Сидаша).

Синезий, помимо непосредственного участия в военных действиях, стремился поднять дух и своего брата. В своей деревне он организывает постоянные ночные караулы, утренние разведки. «...А я один из таких, ибо буду сражаться, чтобы умереть, и хорошо знаю, что останусь в живых. Ведь я – лаконец, и мне известно письмо [написанное геронтами] Леониду: «Бейтесь как мертвецы, и вы не умрете»» (Ер. 113) (пер. Т.Г. Сидаша).

Таким образом, в позднеантичное время Киренаика еще была в силах бороться с набегами варваров, но коррупция, взяточничество, казнокрадство, развал военного аппарата приведут, как предсказал Синезий, к гибели провинции. Центральная же имперская власть оказалось слаба, чтобы остановить и проконтролировать действия провинции. Начинается объективный процесс упадка. Синезий, являясь преданным сторонником античных устоев, стремясь укрепить государство, переживает и видит данный кризис, что отражается в его речи «О Царстве» и письмах.

Список литературы

1. Болгов Н.Н. 2009. Поздняя античность: история и культура. Белгород, БелГУ, 88.
2. Курбатов Г.Л. 1991. Ранневизантийские портреты. Л., ЛГУ, 274.
3. Левченко М.В. 1956. Пентаполь по письмам Синезия. Византийский временник. Т. 9(34): 3–44.
4. Левченко М.В. 1951. Синезий в Константинополе и его речь «О Царстве». Ученые записки ЛГУ. 130: 222–249.
5. Лосев А.Ф. 1992. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Кн. I. М., Искусство: 18–29.
6. Меленко С.Г. 2013. Філософсько-правові погляди Сінезія Кіренського. Порівняльно-аналітичне право. 3–2: 364–367.
7. Мехмадиев Е.А. 2014. Войсковые подразделения позднеримской Киренаики в IV–V вв.: организационные и территориальные аспекты в контексте данных Синезия Киренского. Вестник древней истории. Вып. 3: 111–133.
8. Пржигодзкая О.В. 2012. Синезий, епископ Киренский. «Речь о Царстве». Новый Гермес. Вестник СПбГУ. Вып. 5: 79–88.
9. Пржигодзкая О.В. 2013. Синезий, епископ Птолемаидский: очерк жизни и творчества. Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии. М., РАНХиГС, 138–146.
10. Пржигодзкая О.В., Банников А.В. 2013. Трактат Синезия «De providentia» в контексте истории Римской империи IV – начала V в. Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 3: 109–115.
11. Синезий Киренский, митрополит Птолемаиды и Пентаполя. 2012. Трактаты и гимны. Т. I. Пер. с др. греч., статья, комм. Т.Г. Сидаша. СПб., Своё издательство, 568.
12. Синезий Киренский, митрополит Птолемаиды и Пентаполя. 2014. Письма. Т. II. Пер. с др. греч., статья, комм. Т.Г. Сидаша. СПб., Квадривиум, 456.
13. Синезий Киренский. 1953. О царстве. Пер. и пред. М.В. Левченко. Византийский временник. Вып. VI: 327–357.
14. Bregman J. 1982. Synesius of Cyrene, philosopher-bishop. Los Angeles, University of California Press, 206.
15. Carrié J.-M. 1998: Séparation ou cumul? Pouvoir civil et autorité militaire dans les provinces égyptiennes de Gallien à la conquête arabe. Antiquité Tardive. 6, 105–121.
16. Crawford W.S. 1801. Synesius the Hellene. London, Rivingtons, 612.
17. Lacombrade Chr. 1951. Synesios de Cyrene. Hellene et chretien. Paris, Les Belles-Lettres, 320.
18. Long J. 1987. The Wolf and the Lion: Synesius' Egyptian Sources. GRBS. 28. 1, 103–115.
19. Nicol J.C. 1887. Synesius of Cyrene: His Life and Writings. Cambridge University Press, 169.
20. Thory H.C. 1920. Roman life in Cyrenaica in the fourth century as shown in the letters of Synesius, Bishop of Ptolemais. University of Illinois, 154.

References

1. Bolgov N.N. 2009. Pozdnyaya antichnost': istoriya i kul'tura [Late Antiquity: History and Culture]. Belgorod, BelGU, 88.
2. Kurbatov G.L. 1991. Rannevizantijskie portrety [Early Byzantine portraits]. L., LGU, 274.
3. Levchenko M.V. 1956. Pentapol' po pis'mam Sineziya [Pentapol by letters of Sinesia]. Vizantijskij vremennik [Byzantine temporary]. T. 9 (34): 3–44.
4. Levchenko M.V. 1951. Sinezij v Konstantinopole i ego rech' «O Carstve» [Synesius in Constantinople and his talk «On the Kingdom»]. Uchenye zapiski LGU [Scientific notes of Leningrad State University]. 130: 222–249.
5. Losev A.F. 1992. Istoriya antichnoj ehstetiki [History of Ancient Aesthetics]. Itogi tysyachel'nogo razvitiya [Millennium Development Results]. Kn. I. M., Iskusstvo: 18–29.
6. Melenko S.G. 2013. Filosofov'ko-pravovi poglyadi Sineziya Kirenskogo [Philosophical and Legal Look of Sinesius of Cirena]. Porivnyal'no-analitichne pravo [Portal-Analitic Law]. 3–2: 364–367.
7. Mekhamadiev E.A. 2014. Vojskovye podrazdeleniya pozdnerimskoj Kirenaiki v IV–V vv.: organizacionnye i territorial'nye aspekty v kontekste dannyh Cineziya Kirenskogo [The military units of the late Roman Cyrenaica in the IV–V centuries: organizational and territorial aspects in the context of the data of the Syrenius of Cyrene]. Vestnik drevnej istorii [Bulletin of Ancient History]. Vyp.3: 111–133.
8. Przhigodzkaya O.V. 2012. Sinezij, episkop Kirenskij. «Rech' o Carstve». Novyj Germes [Sinesius, Bishop of Cyrene. The Kingdom Speech. New Hermes]. Vestnik SPbGU [Bulletin of St. Petersburg State University]. Vyp. 5: 79–88.
9. Przhigodzkaya O.V. 2013. Sinezij, episkop Ptolemaidskij: ocherk zhizni i tvorchestva [Sinesius, Bishop of Ptolemaida: Essay on Life and Creativity]. Religiya. Cerkov'. Obshchestvo. Issledovaniya i publikacii po teologii i religii [Religion. Church. Society. Studies and publications on theology and religion]. M., RANHiGS, 138–146.
10. Przhigodzkaya O.V., Bannikov A.V. 2013. Traktat Sineziya «De providentia» v kontekste istorii Rimskoj imperii IV – nachala V v. [The treatise Sinesia «De providentia» in the context of the history of the Roman Empire IV – beginning of V century]. Vestnik SPbGU [Bulletin of St. Petersburg State University]. Ser. 2. Vyp. 3: 109–115.
11. Sinezij Kirenskij, mitropolit Ptolemaid i Pentapolya. 2012. Traktaty i gimny [Treatises and hymns]. T. I. Per. s dr. grech., stat'ya, komm. T.G. Sidasha. SPb., Svoyo izdatel'stvo, 568.
12. Sinezij Kirenskij, mitropolit Ptolemaid i Pentapolya. 2014. Pis'ma [Letters]. T. II. Per. s dr. grech., stat'ya, komm. T.G. Sidasha. SPb., Kvadrivium, 456.
13. Sinezij Kirenskij. 1953. O carstve [About the kingdom]. Per. i pred. M.V. Levchenko. Vizantijskij vremennik [Byzantine temporary]. Vyp. VI: 327–357.
14. Bregman J. 1982. Synesius of Cyrene, philosopher-bishop. Los Angeles, University of California Press, 206.
15. Carrié J.-M. 1998: Séparation ou cumul? Pouvoir civil et autorité militaire dans les provinces égyptiennes de Gallien à la conquête arabe. Antiquité Tardive. 6, 105–121.
16. Crawford W.S. 1801. Synesius the Hellene. London, Rivingtons, 612.
17. Lacombrade Chr. 1951. Synesios de Cyrene. Hellene et chretien. Paris, Les Belles-Lettres, 320.
18. Long J. 1987. The Wolf and the Lion: Synesius' Egyptian Sources. GRBS. 28. 1, 103–115.
19. Nicol J.C. 1887. Synesius of Cyrene: His Life and Writings. Cambridge University Press, 169.
20. Thory H.C. 1920. Roman life in Cyrenaica in the fourth century as shown in the letters of Synesius, Bishop of Ptolemais. University of Illinois, 154.

Ссылка для цитирования статьи

Link for article citation

Гречухина А.А. 2020. Варварские вторжения и военное положение Киренаики в IV – начале V вв. (по письмам Синезия Киренского). Via in tempore. История. Политология, 47(1): 41–46. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-41-46

Crechukhina A.A. 2020. Barbaric invasion and the military situation of Cyrenaica in the 4th – the beginning of 5th centuries (on the basis of Synesius' letters). Via in tempore. History and political science, 47(1): 41–46 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-41-46

УДК 94(3)

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-47-53

**ПОСЕЛЕНИЯ, НАЗВАННЫЕ ГОРОДАМИ, В «ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ»
ФЕОДОРИТА КИРСКОГО****THE SETTLEMENTS CALLED THE CITIES IN «CHURCH HISTORY»
BY THEODORET OF CYRUS****Д.А. Гоголев****D.A. Gogolev**Тюменский государственный университет,
Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6

University of Tyumen, 6 Volodarskogo St, Tyumen, 625003, Russia

E-mail: dmalgogolev@gmail.com

Аннотация

Целью статьи является выявление характера использования термина *полис* в «Церковной истории» Феодорита Кирского. Методы исследования: общенаучные методы анализа, синтеза и историзма, исторический нарратив, историко-генетический и историко-типологический методы, сравнительный анализ источников и историографии, критика исторического источника. Результаты исследования: 1) круг поселений, обозначаемый термином *полис*, достаточно широк и составляет около трети от общего числа поселений, упомянутых в «Церковной истории»; географически это преимущественно восточные провинции; 2) все населенные пункты, называемые полисами, могут быть разделены на несколько групп в зависимости от характера упоминания: крупнейшие церковные или административные центры; поселения, связанные с присутствием там христианских деятелей; поселения, связанные с церковной жизнью; 3) населенные пункты, называемые термином *полис*, были в основном крупными или значительными городскими центрами; в источниках, близких по времени, они далеко не всегда обозначаются как полис.

Abstract

The purpose of the article is to identify the nature of the use of the term *polis* in «Church history» of the Theodoret of Cyrus. Research methods: general scientific methods of analysis, synthesis and historicism, historical narrative, historical-genetic and historical-typological methods, comparative analysis of sources and historiography, criticism of a historical source. The results of the study: 1) the circle of settlements indicated by the term *polis* is wide enough and makes up about one third of the total number of settlements mentioned in the «Church history»; geographically these are mainly eastern provinces; 2) all populated areas, called polis, can be divided into several groups according to the nature of the mention: the largest church or administrative centers; settlements related to the presence of Christian figures there; settlements related to church life; 3) settlements, called the term polis, were mainly large or significant urban centers; in sources close in time, they are far from always designated as polis.

Ключевые слова: Римская империя, поздняя античность, Феодорит Кирский, города, терминология, полис.

Keywords: Roman Empire, late antiquity, Theodoret of Cyrus, cities, terminology, polis.

Изучение терминологии городских поселений не часто становится предметом исследования применительно к текстам позднеантичных «Церковных историй». Нередко исследователи абсолютизируют те понятия, которые применяли современники описываемых в источниках событий. В частности, предлагается называть городами те пункты, которые в эпоху

поздней античности или средневековья обозначались урбанистическими терминами. Историк «обязан выяснить, каковы те хозяйственные, социальные и политические особенности, благодаря которым отдельные населенные пункты назывались «городами» [Сюзюмов, 1967, с. 39].

В статье будет предпринята попытка определить, все ли названные городами населенные пункты в «Церковной истории» Феодорита являлись таковыми.

Объектом исследования является текст «Церковной истории» Феодорита Кирского, одного из важнейших сочинений в своем жанре, а предметом – упоминания конкретных поселений, обозначаемых автором в качестве полисов.

К «Церковной истории» обращались многие исследователи позднеантичной церковной исторической мысли [Кривушин, 1998, с. 175–197; Leppin, 2003; Pásztori-Kupán, 2006; Schor, 2011]. В меньшей степени на этот труд ссылаются авторы историко-урбанистических штудий. По мнению И.Ю. Ващевой, для Феодорита, как и для ряда других позднеантичных писателей, географические детали, точное местоположение тех или иных объектов не имели большого значения [Ващева, 2013, с. 443]. Особенности использования городской терминологии в позднеантичных и ранневизантийских источниках исследовались и по отношению к римским историкам III–IV вв. [Козлов, 1992; Лебедев, 2010], и грекоязычным авторам VI – 1-й пол. VII вв. [Saradi, 2006].

Цель статьи – выявить, какие поселения именуются в «Церковной истории» термином *полис*. При этом не будут анализироваться многочисленные случаи обозначения населенных пунктов в качестве полисов без упоминаний топонимов.

Следует отметить, что некоторые населенные пункты обозначаются в тексте «Церковной истории» различными терминами. Так, Антиохия, Александрия, Константинополь и Самосата – одновременно и *полисы*, и *асти*, Кукуз – *полис* и *полихнийон* [Гоголев, 2017, с. 281–284]. В латиноязычных источниках поздней античности и раннего средневековья также имеется немало подобных примеров, когда «даже в рамках небольшого текста населенный пункт обозначается разными терминами» [Филиппов, 2000, с. 235].

Всего в «Церковной истории» упоминается 62 поселения, которые могут быть причислены к городам, 28 из них обозначены термином *полис*. Также автор использует термин *асти*. Все упоминания можно разделить на категории по объему и тематике.

Самые краткие упоминания – те, которые присутствуют в названии мест служения того или иного церковного иерарха, преимущественно епископа.

Наибольшее количество упоминаний у следующих городов: Александрия, Антиохия, Константинополь, Медиолан, Никея, Рим, как с добавлением нарицательного обозначения *полис*, так и без него. Всех их (за исключением Медиолана) объединяет то, что они являлись крупными церковными центрами.

Термином *полис* названы поселения в следующих случаях:

1. Как места ссылки или гонений против христиан.

Группа населенных пунктов в «Церковной истории» Феодорита связана с деятельностью ссыльных, изгнанных, подвергнутых гонениям христиан. В историографии детально изучены места ссылки и деятельность осужденных [Stevenson, 2014]. В «Церковной истории» дано множество примеров «о мужественном и даже дерзком поведении перед лицом еретиков и язычников ортодоксальных пастырей, подвижников и других защитников истины» [Кривушин, 1998, с. 186].

Египетский город **Антиной** (Антиноэ, Антинополь) был основан императором Адрианом в честь своего фаворита Антиноя, при Диоклетиане становится столицей Фиваиды. В источниках IV–VI вв. неоднократно известен как место, куда направлялись неугодные властям светские или церковные деятели. По приказу императора Валента в Антинополь были сосланы эдесские пресвитеры Евлогий и Протоген. «Когда в том городе (πόλεϋ ρ) нашли они единомышленного себе епископа и стали участвовать в церковных собраниях, то увидели, что собиравшихся было очень немного, и, расспрашивая о причине, узнали, что почти все жители того города (πόλιν) эллины» [Theod. HE IV.18]. После того, как император Феодосий возвратил их из изгнания, Евлогий стал епископом в Эдессе, а Протоген позднее был рукоположен в

епископы города Карры. Антинополь и в VI в. оставался местом заточения неугодных: префект Востока в 532–541 гг. Иоанн Каппадокийский ненадолго находился там в ссылке, а после смерти императрицы Феодоры в 548 г. возвратился в Константинополь. Иной аспект в изображении Антинополя содержится в «Лавсаике» Палладия Еленопольского (360–420 гг.). Его более интересовала монашеская жизнь, когда он писал, что четыре года прожил «в фи-ваидском городе Антиное и в это время узнал обо всех тамошних монастырях».

Диокесарией в правление императора Адриана (117–138 гг.) стал называться город Сепфорис. В IV в. он находился на территории образованной в ходе административных реформ императора Диоклетиана провинции Палестина II, в центре Галилеи. В окружении иудейского населения в городе существовала в меньшинстве христианская община во главе с епископом. Сюда в 373 г., «в обитаемый господоубийцами иудеями город Диокесарию (πόλει, τοῦνομα Γιοκαίσαρεία)» [Theod. IV.22], императором Валентом были сосланы 11 египетских епископов за исповедание никейской веры. Полисом называет Диокесарию и Сократ Схоластик: Констанций Галл повелел разрушить ее до основания, чтобы отомстить жителям Диокесарии, делавшим набеги на римскую территорию [Socrat. II.33]; в этой же связи пишет о Диокесарии Созомен, но без обозначения ее полисом.

Гелиополь (Илиополь) в Финикии являлся оплотом язычества и «сделался столь знаменитым своей враждой к христианству, что христиане были изгоняемы туда из Александрии в качестве особого наказания» [Лопухин, 1904, кол. 859]. Местная знать исповедовала язычество до второй половины VI в. [Ведешкин, 2015, с. 220].

Карры оставались значительным языческим культовым центром Сирии [Ведешкин, 2015, с. 219]. Протоген, как уже отмечалось, был рукоположен в епископы и «получил повеление просвещать Карры (Κάρρα), город (πόλις) пустынный, заросший эллинскими терниями и требовавший неутомимого трудолюбия» [Theod. IV.18]. Евлогий в лице Протогена, по словам Феодорита, «подарил врача-целителя болезновавшему тогда городу (πόλει) Каррам» [Theod. V.4]. Феодорит описывает случай издевательства Юлиана над его жительницей, так что «город (πόλις) Карры доселе сохраняет памятники этого нечестия» [Theod. 3.26]. Созомен дает схожую информацию, но не употребляет термин *полис*. Интересно, что Аммиан Марцеллин применяет термин *oppidum*, когда во время своего похода на восток «в древний город Карры (Carras antiquum oppidum)» прибыл император Юлиан [Amm. Marc. XXIII.3.1].

Оксиринх. Аммиан Марцеллин причисляет его к величайшим городам (*maximis urbibus*). По приказу императора Валента II, сторонника арианства, началось гонение на противников этого учения. Церковные деятели (Мелетий Антиохийский, Евсевий Самосатский и др.) не по своей воле оказались на территории различных провинций [Гидулянов, 1908, с. 335]. В их числе оказался и епископ Эдессы Варса, который был сослан в «египетский город Оксиринх» (Ὀξύρυσον αὐτὸν τὴν Αἰγυπτίαν ἐξέπεμψεν ἐ πόλιν).

Тривера (Августа Треверов, Трир). Здесь в изгнании находился Афанасий Великий, архиепископ Александрии. В результате необоснованных обвинений он был осужден Тирским собором и низложен. Феодорит сообщает: император «сослал Афанасия в один город (πόλις) Галлии, по имени Триверу (Σπίβετιρ)» [Theod. I.31], где он пробыл 2 года и 4 месяца, после чего возвратился в Александрию. Сократ Схоластик и Созомен также упоминают о Тривере как месте ссылки Афанасия, но не называют его *полис*. Только Зосим в «Новой истории» использует для обозначения Триверы термин *полис* [Zosim. III.7].

Газа, значительный культурный и экономический центр Восточного Средиземноморья (Южная Палестина), лишь к концу V в. освобождается от язычества, хотя появление христианства в этом регионе относится к I в. н. э. [Ведешкин, 2015, с. 210–217]. Совсем рядом находился еще один важный город **Аскалон**. Феодорит сообщает, что в палестинских городах (πόλεις) **Аскалоне** и **Газе** много мучеников пострадали от рук гонителей христианской веры [Theod. III.7]. Созомен несколько раз по другому поводу употребляет термин *полис* при упоминании Газы, а в анонимном географическом трактате «Полное описание Вселенной и народов» Аскалон и Газа – «весьма выдающиеся города (*civitates*) с оживленной торговлей, изобилующие всем» [Анонимный..., 1956, с. 280].

Доростол обозначен в «Церковной истории» как «знатный фракийский город» (πόλις δὲ αὐτὴ ἦν Θράκη ἐπίζητορ) [Theod. III.7], в котором был сожжен на костре «воин Христов» Эмилиан. Его мученическая кончина – случай, когда убиенным выступает раб местного градоначальника, а не служитель церкви [Пак, 2012, с. 126]. Позднее Доростол перечисляется среди укреплений (ὁχυρώματα), расположенных по берегам Истра [Procop. De aedif. 4.7.10].

2. Как места, связанные с церковной жизнью.

Афины обозначены как полис в то время, когда в город прибыл апостол Павел [Theod. V.39]. В эпоху поздней античности Афины обозначены как «πόλις ῥ᾽ ἀσπασίη» [Zosim. V.5], который выстоял в противостоянии с Аларихом. Евнапий называл Афины городом (πόλις ῥ) при описании ситуации социальной напряженности [Eunap. Vita soph. IX.1.6].

Бероя в эпоху поздней античности – один из крупных городов Сирии. Феодорит упоминает епископа Акакия, который «имел свою паству в сирском городе (πόλις) Бероэ» [Theod. V.23]. Следует отметить, что Страбон перечислял Берою среди маленьких городков (πολίονα), находившихся к востоку от Антиохии [Strabo. XVI.2.7]. Созомен многократно упоминает Берою без термина.

Ника – место, где в 359 г. собрались епископы на так называемый собор [Карташев, 1994, с. 86]. Феодорит отмечает, что часть епископов была переведена во фракийский город (πόλις) Нику против их воли [Theod. II.21]. Исследователи называют Нику маленьким местечком под Адрианополем, почтовой станцией [Карташев, 1994, с. 86]. *Полис* употребляют при описании одних и тех же событий здесь, наряду с Феодоритом, и Созомен – «проезжая Фракию, остановились в городе (πόλις) той области Нике» [Sozomen. IV.19], и Сократ Схоластик – «πόλις ἦν Θράκη, ὄνομα Νίκην» [Socrat. II.37]; все они отмечают, что Ника находится во Фракии. Аммиан Марцеллин же называет Нику военным постом (statio), куда прибыл перед сражением при Адрианополе в 378 г. император Валент [Amm. Marc. XXXI.11.2]. Необходимо отметить, что в трактате «О постройках» Прокопия Кесарийского Ника (Νίκη) перечисляется среди укреплений (θπούλια) Гемимонта [Procop. De aedif. IV.11.20]. Примечательно, что Феодорит называет Нику городом, несмотря на незначительность этого места. Это можно объяснить, на наш взгляд, тем, что для Феодорита все места, связанные с церковной жизнью, являются городами.

Самосата являлась древним городом в провинции Евфратисия. Феодорит, как уже отмечалось, дважды называет этот населенный пункт *асти* [Theod. IV.14]. Столько же раз употреблен и термин *полис*: во-первых, когда самосатский епископ Евсевий «возвратился в вверенный себе город (πόλις)» [Theod. II.32], во-вторых, автор отметил «ненависть, которую питал этот город (πόλις) к последователям Ария» [Theod. IV.15].

Сардика являлась местом проведения собора 342–343 гг. [Карташев, 1994, с. 68–72]. Феодорит писал: «Констанций издал повеление, чтобы как восточные, так и западные епископы собрались в Сардику (Σαλδικήν), город (πόλις) иллирийский, митрополию дакийской провинции» [Theod. II.4]. Полисом называет Сардику и Сократ Схоластик [Socrat. II.20], а Созомен многократно упоминает город, но без обозначения его как полис.

3. Случаи, когда указывается особое географическое или административное положение поселения.

Селевкия у Феодорита – город (πόλις), «который находится в Исаурии, лежит при море и почитается главным во всей провинции» [Theod. II.26]. Здесь продолжились заседания созванного по инициативе императора Констанция II Аримино-Селевкийского собора в 359 г. [Карташев, 1994, с. 87]. Сократ Схоластик обозначил Селевкию как полис также в связи с событиями 359 г.: «объявлен вселенский Собор в иллирийском городе Сардике» [Socrat. II.20].

Германикия, писал Феодорит, – это «город (πόλις), лежащий на границе Каппадокии с Киликией и Сирией, принадлежит к так называемой евфратской епархии» [Theod. II.25]. Сократ Схоластик несколько раз называл Германикию полисом [Socrat. II.37].

Нерония – город (πόλις) второй Киликии, который теперь называется Иринополис [Theod. I.7]. Феодорит упоминает епископа Неронии Наркиса и указывает на то, что город сейчас называется Иринополь.

4. Осада.

Феодосиополь, ранее именовавшийся Карин, после раздела Великой Армении в 387 г. отошел к Восточной Римской империи и был укреплен императором Феодосием II. Во время войны с Персией войска шаханшаха Бахрама V 30 дней пытались взять его. Феодорит отмечал, что «неприятели, осаждая соименный царю город (πόλις), по милости Божией, оказались достойными смеха» [Theod. V.37].

5. Упоминание о действиях язычников в городах.

Берит назван знаменитым финикийским городом (Φοινίκην δ' αἴη πόλις ἐπὶ θανήρ) [Theod. IV.22], где во времена Юлиана была сожжена церковь. В более поздних источниках Берит торжественно именуется «civitatem splendidissimam» («Путник Антонина из Плаценции»), «прекрасный Берит, гордость Финикии» [Agath. Myr. II.15].

Эмеса – город в Сирии, на рубеже IV–V вв. стала центром вновь образованной провинции Финикия II. В «городе (πόλει) Эмесе язычники посвятили Дионису Гиниду новопостроенную церковь и поставили в ней достойный смеха мужеско-женский кумир» [Theod. III.7].

Как следует из вышеизложенного, в «Церковной истории» Феодорита Кирского содержатся упоминания значительного числа поселений, которые также присутствуют в трудах Сократа Схоластика, Созомена и других церковных историков и прочих авторов IV–VI вв. Количество одноименных населенных пунктов, которые названы городами и в «Церковной истории», и у других писателей, невелико.

Городами для Феодорита (в контексте событий церковной истории) являются прежде всего места, связанные с деятельностью ссыльных, осужденных, подвергавшихся гонениям, а также населенные пункты, наполненные событиями церковной жизни.

Список литературы

1. Аммиан Марцеллин 2005. Римская история. Пер. Ю.А. Кулаковского, А.И. Сонни. М., АСТ, Ладомир, 640.
2. Анонимный географический трактат «Полное описание вселенной и народов». 1956. Пер. С.В. Поляковой и И.В. Феленковской. Византийский временник. 8 (33): 277–305.
3. Ващева И.Ю. 2013. Феномен «Церковных историй» в эпоху поздней античности. Дисс. д. и. н. Нижний Новгород, 789.
4. Ведешкин М.А. 2015. Языческая оппозиция христианизации Римской империи (IV–VI вв.). Дисс. канд. ист. наук. М., 316.
5. Гидулянов П.В. 1908. Восточные патриархи в период четырех первых Вселенских соборов. Ярославль, Типография губернского правления, 774.
6. Гоголев Д.А. 2017. Особенности урбанистической терминологии в «Церковной истории» Феодорита Кирского. Древний мир: история и археология. Труды международной научной конференции «Дьяковские чтения» (Москва, 3 декабря 2016 г.). М., МПГУ, 279–286.
7. Кареев Д.В. 2018. *Сражения у крепости Сингара* и римско-персидские войны Констанция II: к вопросу о хронологии и последовательности событий. Проблемы истории, филологии, культуры. 4: 135–152.
8. Карташев А.В. 1994. Вселенские соборы. М., Республика, 542.
9. Козлов А.С. 1992. Комит Марцеллин о позднеантичном городе. Античная древность и средние века. 26: 46–55.
10. Кривушин И.В. 1998. Ранневизантийская церковная историография. СПб., Алетейя, 300.
11. Лебедев П.Н. 2010. Провинциальные города в представлениях римских историков III–IV вв. н. э. Город в Античности и Средневековье: общеевропейский контекст. Доклады международной научной конференции. Под ред. В.В. Дементьевой. Ч. 1. Ярославль, ЯрГУ, 94–97.
12. Пак Е.А. 2012. Традиция о мучениках времен императора Юлиана Отступника. Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2: 122–129.
13. Сократ Схоластик. 1996. Церковная история. Пер. под. ред. И.В. Кривушина. М., РОССПЭН, 368.
14. Сюзюмов М.Я. 1967. Византийский город (середина VII – середина IX в.). Византийский временник. 27: 32–70.

15. Феодорит Кирский. 1993. Церковная история. М., Российская политическая энциклопедия; Православное товарищество «Колокол», 239.
16. Филиппов И.С. 2000. Средиземноморская Франция в раннее средневековье. Проблема становления феодализма. М., Скрипторий, 2000, 800.
17. Церковная история Эрмия Созомена Саламинского. 1851. СПб., В типографии Фишера, 636+XXXIV.
18. Ammianus Marcellinus 1970. *Römische Geschichte. Lateinisch und Deutsch und mit einem Kommentar versehen von W. Seyfarth. Band 3: Buch 22–25.* Berlin, Akademie-Verlag, 255.
19. Ammianus Marcellinus 1978. *Römische Geschichte. Lateinisch und Deutsch und mit einem Kommentar versehen von W. Seyfarth. Band 4: Buch 26–31.* Berlin, Akademie-Verlag, 1978, 401.
20. Lenski N. 2004. Valens and the Monks: Cudgeling and Conscription as a Means of Social Control. *Dumbarton Oaks Papers.* 58: 93–117.
21. Leppin H. 2003. The Church Historians: Socrates, Sozomenus, and Theodoretus. *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity: fourth to sixth century A.D.* Ed. by G. Marasco. Leiden, 219–254.
22. Pásztori-Kupán I. 2006. Theodoret of Cyrus. London – New York, Routledge, 296.
23. Procopius Caesariensis 2001. *De aedificiis libri VI. Opera omnia. Rec. J. Haury, ed. G. Wirth. Vol. IV.* München, Leipzig, K.G. Saur Verlag, XII+408.
24. Saradi H. 2006. The Byzantine City in the Sixth Century: Literary Images and Historical Reality. Athens, Perpinia, 543.
25. Schor A.M. 2011. Theodoret's People: Social Networks and Religious Conflict in Late Roman Syria. Berkeley – Los Angeles – London, University of California Press, XV+342.
26. Socrates 1878. *Ecclesiastical History.* Ed. R. Hussey. Oxford, Clarendon Press, XXVIII+343.
27. Sozomenus 1960. *Kirchengeschichte.* Hrsg. von J. Bidez. G.C. Hansen. Berlin, Akademie-Verlag, LXVII+525.
28. Stevenson W. 2014. Exiling Bishops: The Policy of Constantius II. *Dumbarton Oaks Papers.* 68, 7–27.
29. Theodoret 1954. *Kirchengeschichte.* Hrsg. von L. Parmentier, bearb. von F. Scheidweiler. Berlin, Akademie-Verlag, XXIX+445.
30. Zosimus 1837. *Historia nova.* Ed. I. Bekker. Bonn, Impensis E. Weberi, 255.

References

1. Ammian Marcellin 2005. *Rimskaja istorija [Roman history].* Per. Ju.A. Kulakovskogo, A.I. Sonni. Moscow, AST, Lodomir, 640.
2. Anonimnyj geograficheskij traktat «Polnoe opisanie vselennoj i narodov» [Anonymous geographical treatise «A Complete Description of the Universe and Peoples»]. 1956. Per. S.V. Poljakovoj i I.V. Felenkovskoj. *Vizantijskij vremennik [Byzantine temporary].* 8 (33): 277–305.
3. Vashheva I.Ju. 2013. Fenomen «Cerkovnyh istorij» v jepohu pozdnej antichnosti [The Phenomenon of the «Church Histories» in Late Antiquity]. Diss. d. i. n. Nizhniy Novgorod, 789.
4. Vedeshkin M.A. 2015. *Yazycheskaya oppozitsiya khristianizatsii Rimskoy imperii (IV–VI vv.) [Pagan Opposition to Christianization of the Roman Empire (IV–VI centuries A. D.).]* Diss. k. i. n, Moscow, 316.
5. Gidulyanov P.V. 1908. *Vostochnye patriarkhi v period chetyrekh pervykh Vselenskikh soborov [Eastern patriarchs during the first four Ecumenical Councils].* Yaroslavl', Tipografiya gubernskogo pravleniya, 774.
6. Gogolev D.A. 2017. Osobennosti urbanisticheskoy terminologii v «Cerkvnoj istorii» Feodorita Kirskogo [Features of Urban Terminology in «Church History» of Theodoret of Cyrus]. *Drevnij mir: istorija i arheologija. Trudy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «D'jakovskie chtenija» (Moskva, 3 dekabrja 2016 g.). [Ancient World: History and Archeology. Works of the International Scientific Conference «Dyakov Readings» (Moscow, 3 December, 2016)].* Moscow, MPGU, 279–286.
7. Kareev D.V. 2018. Srazhenija u kreposti Singara i rimsko-persidskie vojny Konstancija II: k voprosu o hronologii i posledovatel'nosti sobytij [Battle of the fortress Singara and Roman-Persian wars of Constantius II: the chronology and sequence of events]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of history, philology, culture].* 4: 135–152.
8. Kartashev A.V. 1994. *Vselenskie sobory [Ecumenical council].* Moscow, Respublika, 542.

9. Kozlov A.S. 1992. Komit Marcellin o pozdneantichnom gorode [Marcellinus Comes about City in Late Antiquity]. *Antichnaja drevnost' i srednie veka*. 26: 46–55.
10. Krivushin I.V. 1998. Rannevizantijskaja cerkovnaja istoriografija [Early Byzantine Church Historiography]. Saint Petersburg, Aletheia, 300.
11. Lebedev P.N. 2010. Provincial'nye goroda v predstavlenijah rimskih istorikov III–IV vv. n. je. [Representation of provincial cities in the works of roman historians in the 3rd and 4th centuries A. D.]. *Gorod v Antichnosti i Srednevekov'e: obshheevropejskij kontekst. Doklady mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Pod red. V.V. Dement'evoj. Ch. 1* [The City in Antiquity and Middle Ages: All-european Context International. Reports of International Scientific Conference. Vol. 1]. Yaroslavl, JarGU: 94–97.
12. Pak E.A. 2012. Traditsiya o muchenikakh vremen imperatora Yuliana Otstupnika [The tradition of martyrs of the time of Julian the Apostate]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg University]. Ser. 2. Istorija. 2: 122–129.
13. Sokrat Skholaistik. 1996. Tserkovnaya istoriya [Church history]. Per. pod red. I.V. Krivushina. Moscow, ROSSPEN, 368.
14. Syuzyumov M.Ya. 1967. Vizantiyskiy gorod (seredina VII – sredina IX v.) [Byzantine city (mid-VIIth – mid-IXth century)]. *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantine temporary]. 27: 32–70.
15. Feodorit Kirskiy. 1993. Tserkovnaya istoriya [Church history]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya; Pravoslavnoe tovarishchestvo «Kolokol», 239.
16. Filippov I.S. 2000. Sredizemnomorskaya Frantsiya v rannee srednevekov'e. Problema stanovleniya feodalizma [Mediterranean France in the early Middle Ages. The problem of the formation of feudalism]. Moscow, Skriptoriy, 800.
17. Tserkovnaya istoriya Ermiya Sozomena Salaminskogo [Church History of Hermia Sozomen Salaminsky]. 1851. Saint Petersburg, V tipografii Fishera, 636+XXXIV.
18. Ammianus Marcellinus 1970. *Römische Geschichte. Lateinisch und Deutsch und mit einem Kommentar versehen von W. Seyfarth. Band 3: Buch 22–25*. Berlin, Akademie-Verlag, 255.
19. Ammianus Marcellinus 1978. *Römische Geschichte. Lateinisch und Deutsch und mit einem Kommentar versehen von W. Seyfarth. Band 4: Buch 26–31*. Berlin, Akademie-Verlag, 1978, 401.
20. Lenski N. 2004. Valens and the Monks: Cudgeling and Conscription as a Means of Social Control. *Dumbarton Oaks Papers*. 58: 93–117.
21. Leppin H. 2003. The Church Historians: Socrates, Sozomenus, and Theodoretus. Greek and Roman Historiography in Late Antiquity: fourth to sixth century A.D. Ed. by G. Marasco. Leiden, 219–254.
22. Pásztori-Kupán I. 2006. Theodoret of Cyrus. London – New York, Routledge, 296.
23. Procopius Caesariensis 2001. *De aedificiis libri VI. Opera omnia*. Rec. J. Haury, ed. G. Wirth. Vol. IV. München, Leipzig, K.G. Saur Verlag, XII+408.
24. Saradi H. 2006. The Byzantine City in the Sixth Century: Literary Images and Historical Reality. Athens, Perpinia, 543.
25. Schor A.M. 2011. Theodoret's People: Social Networks and Religious Conflict in Late Roman Syria. Berkeley – Los Angeles – London, University of California Press, XV+342.
26. Socrates 1878. *Ecclesiastical History*. Ed. R. Hussey. Oxford, Clarendon Press, XXVIII+343.
27. Sozomenus 1960. *Kirchengeschichte*. Hrsg. von J. Bidez. G.C. Hansen. Berlin, Akademie-Verlag, LXVII+525.
28. Stevenson W. 2014. Exiling Bishops: The Policy of Constantius II. *Dumbarton Oaks Papers*. 68, 7–27.
29. Theodoret 1954. *Kirchengeschichte*. Hrsg. von L. Parmentier, bearb. von F. Scheidweiler. Berlin, Akademie-Verlag, XXIX+445.
30. Zosimus 1837. *Historia nova*. Ed. I. Bekker. Bonn, Impensis E. Weberi, 255.

Ссылка для цитирования статьи

Link for article citation

Гоголев Д.А. 2020. Поселения, названные городами, в «церковной истории» Феодорита Кирского. *Via in tempore. История. Политология*, 47(1): 47–53. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-47-53

Gogolev D.A. 2020. The settlements called the cities in «church history» by Theodoret of Cyrus. *Via in tempore. History and political science*, 47(1): 47–53 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-47-53

УДК 94(569.4)"70/638"

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-54-66

**САВВА ОСВЯЩЕННЫЙ (439–532 ГГ.) И МОНАСТЫРИ ИУДЕЙСКОЙ ПУСТЫНИ
В ИЗОБРАЖЕНИИ КИРИЛЛА СКИФОПОЛЬСКОГО****ST. SABBAS THE SANCTIFIED (439–532) AND MONASTERIES
OF THE JEWISH DESERT IN THE DEPICTION OF CYRIL OF SKYTHOPOLIS****Ю.В. Шелудченко****Yu.V. Sheludchenko**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85,

Belgorod National Research University, 85, Pobeda st., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: 240673@bsu.edu.ru

Аннотация

Тема данной работы посвящена анализу жизни и религиозной деятельности св. Саввы – знаменитого подвижника и святого V – начала VI вв., прославившегося в Иудейской пустыне Палестины, – на материале его «Жития», написанного его учеником и младшим современником Кириллом Скифопольским. На основе данных «Жития св. Саввы» исследуются основные вехи жизни святого и его деятельность, историко-религиозная ситуация в ранневизантийской Палестине второй половины V – первой половины VI вв. и роль св. Саввы в происходящих событиях. В результате можно сделать вывод, что св. Савва активно участвовал в исторических событиях вышеуказанного периода и был очень значимой фигурой в регионе. Его «Житие» отличается высокой достоверностью и является важным историческим источником.

Abstract

The theme of this work is devoted to the analysis of life and religious activity of St. Saba – the famous ascetic and saint in the V – beginning of the VI centuries AD, famous in the Palestinian desert – on the material of his «Life», written by his student and younger contemporary Cyril Scythopolitanus. Based on the data of the «Life of St. Saba» this article explores the main milestones of the saint's life and his activities, the historical and religious background in early Byzantine Palestine in the second half of the fifth and first half of the sixth century, and the role of st. Saba in ongoing events. As a result, we can conclude that st. Saba actively participated in the historical events of the above period and was a very significant figure in the region. His «Life» is highly reliable and it is an important historical source. It gives complex analysis about religious situation in Late Antique Palestine, monasticism there, struggle between religious movements, Jerusalem patriarchy.

Ключевые слова: св. Савва, Кирилл Скифопольский, «Житие св. Саввы», ранневизантийская агиография, ранневизантийская Палестина.

Keywords: St. Sava, Cyril Scythopolitanus, «Life of St. Saba», early-Byzantine hagiography, early-Byzantine Palestine.

В центре внимания «Жития св. Саввы» Кирилла Скифопольского (524–558) [Dölger, Schwartz, 1940] находится фигура самого святого. Кирилл Скифопольский являлся учеником св. Саввы [Ткачев, 2014], которого сам святой так нарек, когда агиограф был еще маленьким мальчиком (Суг. V. Sab. 75) [Schwartz, 1939; Binns, 1991; Помяловский, 1885]. Поэтому Кирилл стремится наиболее точно, достоверно и подробно передать жизнь св. Саввы, выполняя ученический долг перед своим наставником.

В основе повествования – устные свидетельства монахов, очевидцев событий, непосредственно общавшихся с самим святым, в том числе родственников и наставников самого Кирилла. Также были использованы его собственные личные наблюдения и воспоминания [Elliott-Binns, 1989, p. 62]. Это делает данное произведение, которое является наиболее обширным из всех «Житий» Кирилла, аутентичным и весьма важным историческим источником по религиозной жизни в Палестине во 2-й пол. V – 1-й пол. VI вв. Несмотря на то, что «Житие св. Саввы» соответствует жанрам и канонам житийной литературы [Маторина, 2011], оно весьма исторично и содержит много сведений о религиозной истории региона. Можно сказать, что данное «Житие» представляет собой смесь жанров агиографии и церковной истории.

Начало сбора материала для написания этой работы относится, как указывает автор, ко времени не ранее чем 80 лет спустя после смерти св. Евфимия (Суг. V. Sab. 1), который, как известно из его собственного «Жития», умер в 473 г. [Шелудченко, 2019]. «Житие св. Евфимия» Кирилл написал через два года после переселения в Новую лавру в 555 г. [Elliott-Binns, 1989, p. 50], и только затем приступил к «Житию св. Саввы» (Суг. V. Euth. 83) [Schwartz, 1939; Binns, 1991; Помяловский, 1898], то есть время работы можно датировать примерно 557/58 годом. Кирилл доводит повествование до 553 г., завершая его V Вселенским собором и переселением монахов-халкидонитов в Новую лавру взамен выгнанных оригенистов, современником и участником каковых событий он непосредственно являлся (Суг. V. Sab. 90).

«Жизнь св. Саввы» помещена в строгие хронологические рамки, для каждого события из жизни святого Кирилл Скифопольский дает несколько хронологических привязок: по времени правления того или иного императора, консульствам, индиктам, времени правления патриархов Иерусалимских, указывая точный возраст святого, так что можно датировать все события из жизни святого подвижника достаточно точно. Интересно, что Кирилл Скифопольский придерживался наиболее авторитетной в то время александрийской эры [Кузенков, 2014, с. 251–252], так что все точные датировки по годам надо увеличивать на 8 лет в соответствии с современной эрой.

Чтобы понять вехи жизни и деятельности святого, следует уточнить все даты, что можно сделать по более-менее точным «Хроникам» Марцеллина Комита (VI в.) [Болгов, 2010] и «Пасхальной» (1 пол. VII в.) [Whitby, Whitby, 1989].

Дата рождения св. Саввы – год 17 консульства Феодосия, то есть 439 год (Суг. V. Sab. 3; Marc. Com. a. 439; Pasch. Chr. a. 439). Он родился в селении Муталаски близ Кесарии Каппадокийской в Малой Азии. Его родители были христиане: Иоанн и София. Его отец был военным командиром, и когда Савве было 5 лет, отца перевели в Александрию в составе отряда исавров, это произошло в 444 г., сына оставили в селе на попечении родственников. В 8 лет Савву отправили в монастырь Флавиана, расположенный в 20 стадиях от родного села, до совершеннолетия, где мальчик провел 10 лет до 18-летия, то есть с 447 до 457 гг. (Суг. V. Sab. 4–6, 77). В 18 лет (в 457 г.) юноша прибыл в Иерусалим, в конце правления Иерусалимского патриарха Ювеналия, которому оставалось жить всего два года [Honigmann, 1950].

В Иерусалиме Савва сначала остановился в лавре св. Пассариона, под управлением игумена Эльпидия, где его принял каппадокийский земляк, затем отправился в лавру св. Евфимия. Святой отказался принять Савву в лавру, так как он был слишком юн, и отослал в лежащую по соседству киновию своего друга и соратника бл. Феоктиста (Суг. V. Euth. 47; V. Sab. 7–10). Там юноша провел 9 лет, а на десятом году скончался Феоктист, в 4 индикт, т. е., в 466 г. (Суг. V. Sab. 10; Marc. Com. a. 466; Pasch. Chr. a. 466). Преемник Феоктиста сарацин Марис умер через два года – в 468 г., тогда Савве исполнилось 30 лет. Его преемником стал Лонгин, который позволил молодому подвижнику жить в отшельничестве в пещере, приходя в монастырь только на воскресные службы, – так святой прожил 5 лет до 473 г. С этого времени также св. Евфимий стал брать Савву с собой поститься на 40 дней в пустыню (Суг. V. Euth. 52–55; V. Sab. 10–11), от праздника Богоявления до праздника Вайи (ветвей – Входя Господня в Иерусалим) [Шелудченко, 2019].

Когда св. Савве шел 35-й год, то есть в 473 г., умер св. Евфимий. Кирилл в различных житиях упоминает о смерти святого, давая несколько хронологических ориентиров: это время 16-го года правления и 5-го консульства императора Льва и 15-й год патриаршества Анастасия (459–478) (Суг. V. Euth. 55–59; V. Sab. 11; V. Geras. 5; V. Cyriac. 5; Marc. Com. a. 473; Pasch. Chr. a. 473) [Schwartz, 1939; Binns, 1991; Помяловский, 1895a; Помяловский, 1895b], вступившего на престол после смерти патриарха Ювеналия в 459 г. (Суг. V. Euth. 34, 49). Несмотря на то что Лонгин продолжал быть игуменом монастыря еще 12 лет после смерти Евфимия, до 485 г. (Суг. V. Euth. 67–70), Савва почти сразу уходит из Нижнего монастыря, так как «в киновии образ жизни переменялся, поелику отцы обители скончались».

Он начинает жить отшельником в пустыне, проведя так 4 года (Суг. V. Sab. 12–15). В пустыне он познакомился с Анфом, учеником бл. Феодосия, пресвитера Седалищной церкви. Вероятно, с этого времени берет начало крепкая дружба Саввы и Феодосия (Суг. V. Sab. 65), которая по своей сущности весьма походит на дружбу св. Евфимия с Феоктистом в плане монастырской деятельности [Шелудченко, 2019]: Савва впоследствии отсылал всех приходящих, которые не были готовы к жизни в лавре, в киновию Феодосия, которая находилась в 35 стадиях к западу от Великой лавры (Суг. V. Sab. 29). Св. Феодосию Киновиярху посвящено отдельное житие [Schwartz, 1939; Binns, 1991; Помяловский, 1899].

В 477 г. 38-летний Савва набрел на гору, где стояла башня, некогда выстроенная императрицей Евдокией, для общения с его учителем св. Евфимием (Суг. V. Euth. 44–45; V. Sab. 15). Савва поселился в пещере неподалеку, к востоку от ручья, протекавшего с южной стороны горы. Это случилось в 478 г., в год смерти патриарха Иерусалимского Анастасия, когда император Зенон вернулся на престол, свергнув узурпатора Василиска (Pasch. Chr. a. 478). Преемником Анастасия стал Мартирий (478–486), происходивший из Каппадокии и бывший учеником св. Евфимия, также постившийся с ним в пустыне [Шелудченко, 2019]. Патриарх Мартирий умер через 8 лет (Суг. V. Sab. 15, 19).

Прожив в пещере 5 лет с 483 г., св. Савва стал принимать учеников и основал лавру, впоследствии получившую название Великая лавра. Первыми его учениками стали Иаков – в будущем основатель лавры с башнями при Иордане, Фирмин – основатель лавры в местности Махмаса, Севериан – основатель лавры Перикарпарвариха, Юлиан Кирт (Горбатый) – основатель лавры Неслкерава у Иордана, и другие. В Великой лавре была построена церковь у ручья, а вскоре освящена пещера, где святому явился огненный столб и которая своими очертаниями напоминала церковь. Савва поселился отдельно от всех в башне над пещерой-церковью, из которой туда вел скрытый ход. Число монахов Великой лавры увеличилось до 150 человек, в лавре был заведен рабочий скот и хозяйство, также посреди обители был обнаружен источник питьевой воды (по молитвам святого) (Суг. V. Sab. 16–18). Лавре благоволил патриарх Мартирий, который знал Савву еще по совместным постам в пустыне при Евфимии (Суг. V. Euth. 54–55).

После смерти Мартирия в 486 г., когда Савве шел 48-й год, на патриарший престол Иерусалима был поставлен патриарх Саллюстий (486–494). Тогда же у Саввы начались конфликты с монахами, которые обвиняли его в том, что Савва не был священником и не может служить в церкви, так что службы были нерегулярны, а зависели от приходящих пресвитеров. Через 5 лет, когда Савве шел 53-й год, в 14 индикт, когда на престол взошел Анастасий, то есть в 491 г. (Marc. Com. a. 491; Pasch. Chr. a. 491), монахи не выдержали и послали в Иерусалим делегацию, прося заменить игумена. Тогда Саллюстий рукоположил святого в пресвитеры и лично освятил церковь-пещеру в Великой лавре вместе с Кириком, крестохранителем храма св. Воскресения и сторонником св. Саввы, также доставив туда много мощей и реликвий (Суг. V. Sab. 19).

В это время в жизни св. Саввы произошло несколько значимых событий. Он в течение каждого года удалялся в Иудейскую пустыню поститься от Богоявления до праздника Ваий, подражая св. Евфимию. В 491 г., будучи близ Мертвого моря в местечке Зоора, св. Савва провалился в яму с гейзером и сильно опалил себе лицо, после чего у него перестала расти борода на лице. Выбрался он буквально чудом, как свидетельствует Кирилл

Скифопольский. В этот же год он вместе с учеником Агапитом совершил паломничество по всем святым местам Палестины, пройдя вдоль Иордана до Панеады (у горы Хермон на севере) и встретив по пути святого отшельника (Суг. V. Sab. 22–24).

Также в Великой лавре в это время сформировалась армянская община: там поселился 38-летний армянский епископ св. Иоанн Молчальник и армяне Иеремия с учениками Петром и Павлом, а затем и другие. Павел впоследствии стал одним из информаторов Кирилла, как и Иоанн Молчальник (Суг. V. Sab. 22–25). Св. Иоанну Молчальнику автор посвятил отдельное житие [Schwartz, 1939; Binns, 1991; Помяловский, 1893], где сообщает, что он родился в 454 г., в 4-й год правления императора Маркиана (450–457) и 7 индикт в Армении (Суг. V. Ioan. 1; Marc. Com. a. 454; Pasch. Chr. a. 454).

В том же 491 г. умер отец св. Саввы Иоанн-Конон в Александрии, а мать прибыла в Палестину, будучи в глубокой старости, и постриглась в монахини по убеждению сына, но вскоре скончалась. Она привезла большие средства сыну, которые дали ему возможность расширить лавру: были построены странноприимные дома в лавре, а также Савва приобрел странноприимный дом с садами и водой в Иерихоне (Суг. V. Sab. 25–26).

На следующий год, в 15 индикт (492 г.) (Marc. Com. a. 492; Pasch. Chr. a. 492), 54-летний Савва прибыл на холм Кастеллий, в 20 стадиях к северо-востоку от Великой лавры, откуда изгнал бесов, расчистил место и основал там киновию. Настоятелем был назначен его ученик Павел, а его помощником – Феодосий из Мелитены, впоследствии ставший и его преемником (Суг. V. Sab. 27). В конце VI в. настоятелем киновии был Агафоник, рассказывавший Иоанну Мосху (550–620) [Trapp, 1992] различные истории о монахах и истории монастыря (Mosch. Prat. spir. 167) [Хитров, 1915].

Провизией монахов на момент работы на Кастеллийском холме снабжал настоятель Вифлеемского монастыря Маркиан, умерший в этом же году, через 4 месяца (Суг. V. Sab. 27). Изначально Маркиан был монофизитом и учеником Эльпидия, ученика св. Пассариаона – после обращения Эльпидия в халкидонское вероисповедание св. Евфимием он примкнул к другому монофизиту Геронтию в 450-е годы, основав свою киновию, но в 485 г. соединился с халкидонитами (Суг. V. Euth. 40, 46, 71) [Шелудченко, 2019]. В 492 г. незадолго до смерти патриарх Саллюстий его также назначил архимандритом монастыря св. Пассариона. После его смерти тогда же была произведена монашеская реформа – все монахи собрались в Иерусалиме, и патриарх назначил главой всех киновий св. Феодосия Киновиярха, а главой всех лавр и отшельников – св. Савву (Суг. V. Sab. 30, 33). Заместителем Феодосия был авва Павел, игумен обители аввы Мартирия, вероятно, обители покойного патриарха, который основал ее в 15 стадиях к западу от лавры св. Евфимия еще при жизни святого (Суг. V. Euth. 48).

Через 8 лет правления, во 2-й индикт (494 г.) (Marc. Com. a. 494; Pasch. Chr. a. 494), патриарх Саллюстий скончался, а его преемником стал Илия Аравийский (494–518), ученик св. Евфимия, вместе с Мартирием и Саввой постившийся с учителем в пустыне (Суг. V. Euth. 48; V. Sab. 10–11) [Шелудченко, 2019].

На 63-м году жизни Саввы в монастырь были приняты братья-строители Феодул и Геласий, благодаря которым в Великой лавре были возведены хлебня, больница, огромный храм прсв. Богородицы, паперть и другие постройки. Это произошло в 9 индикт (501 г.) (Суг. V. Sab. 32; Marc. Com. a. 501; Pasch. Chr. a. 501). В Великую лавру доставлялись строительные материалы из Иерихона, а провизия – из Мадабы (Медвы) (Суг. V. Sab. 26, 45–46). Внуком одного из помогавших лавре мирян из Мадабы Геронтия, а также сыном Фомы, был Геронтий, впоследствии являвшийся настоятелем киновии св. Евфимия во времена Кирилла. Он стал информатором автора по различным чудесам святого (Суг. V. Sab. 46). Авва Геронтий был игуменом киновии еще в конце VI в., когда ее посещал Иоанн Мосх (Mosch. Prat. spir. 21). В Великой лавре при Кирилле было построено и украшено два водохранилища, верхнее и нижнее, под башней Саввы (Суг. V. Sab. 82).

Через несколько лет у Саввы произошел новый конфликт с монахами, и он удалился в Скифопольскую пустыню. Там он жил при реке Гадарон в пещере, к святому стека-

лись скифополитане и гадаринцы, так что Савва покинул эти места. Впоследствии около пещеры исавром Евматием была основана киновия, игуменом которой он стал, а его преемником – исавр Тарасий (Суг. V. Sab. 33–34). Согласно «Житию св. Иоанна Молчальника», это произошло в 11 индикт, когда Иоанну Молчальнику шел 50-й год жизни (503 г.) (Суг. V. Ioan. 9; Marc. Com. a. 503; Pasch. Chr. a. 503).

Когда Савва вернулся в Великую лавру, число его противников увеличилось до 60, и он снова ушел, на этот раз к Никополю, где основал киновию (Суг. V. Sab. 34). Монахи Великой лавры просили у Саллюстия себе нового игумена, распространяя слухи, что св. Савва растерзан зверями в пустыне, однако патриарх, хорошо знавший Савву, им не поверил. Когда святой пришел в Иерусалим с новой братией, то патриарх Илия очень обрадовался и уговорил его вернуться к своей пастве в Великую лавру и изгнать непослушных монахов, написав соответствующее послание братии (Суг. V. Sab. 34–35). Савва, вернувшись в Великую лавру, в Никопольской киновии оставил преемником ученика Севериана, возможно, того, который впоследствии основал лавру Перикарпарвариха (Суг. V. Sab. 16, 35) Преемником Севериана стал Домн, а после его смерти – Саварион, которого уже пожилого знал Кирилл Скифопольский в 540–550-е гг.

Противники Саввы, получив послание патриарха Илии, удалились из монастыря, разрушив перед этим башню святого, а также захватив много вещей. Им не удалось поступить в лавру Сукка, управляемую св. игуменом Акилином, и они удалились к Фекойскому потоку, заняв заброшенный монастырь еретиков (Суг. V. Sab. 36). Это, видимо, был монастырь, основанный в Фекоях монофизитом Романом, учеником Эльпидия и сотоварищем Маркиана, который во времена императора Зенона (474–491) сошел с ума и был изгнан из своего монастыря, окончив дни без причастия в скитаниях по пустыне (Суг. V. Euth. 46, 71). Отделившиеся монахи также могли быть монофизитами. Они терпели лишения, у них не было припасов, царило безначалие и анархия, и они находились в бедственном положении. Св. Савва решил им помочь и обратился к патриарху, который выделил 1 литру золота для этой цели, а также полномочия управлять монастырем. После этого Савва прибыл с мастерами и обустроил монастырь в течение 5 месяцев, назвав его Новая лавра, построив трапезную и церковь, освященную в 69-й год жизни св. Саввы (507 г.). Игуменом Новой лавры был назначен один из первых учеников св. Саввы Иоанн, пророк и чудотворец. Он скончался через 8 лет (в 515 г.), предсказав перед смертью, что в Новой лавре распространится ересь оригенизма, что сбылось во времена Кирилла (Суг. V. Sab. 16, 36, 83–90). Его преемником стал римлянин Павел, продержавшийся в лавре полгода, после чего ушел в Аравию, в монастырь Капарвариху Севериана, где и скончался (Суг. V. Sab. 36). В качестве его преемника Савва поставил своего ученика Агапита, с которым 25 лет назад ходил в паломничество, Савве на этот момент было уже 77 лет. Агапит боролся с ересью и изгнал из монастыря 4-х монахов-оригенистов во главе с Нонном, имевшим сильное влияние среди монахов. В результате среди монахов возникло недовольство игуменом, и они его изгнали. Агапит 5 лет управлял Новой лаврой, а после его смерти игуменом стал Мам, тайно принявший Нонна и его последователей обратно (520 г.) (Суг. V. Sab. 36).

После обустройства Новой лавры Савва вместе с учеником Павлом ушел поститься к потоку в 15 стадиях к западу от Кастеллия, в 30 стадиях от Великой лавры. Там обнаружена пещера в Северном утесе. Взяв строителей Феодула и Геласия, Павла и других монахов, Савва превратил пещеру в церковь и основал там Пещерную киновию (Суг. V. Sab. 37; V. Ioan. 9). В это же время Савва вернул из пустыни в Великую лавру Иоанна Молчальника, проведшего 6 лет в отшельничестве, это было во 2 индикт (Суг. V. Ioan. 11, 14; Marc. Com. a. 509), так что время основания Пещерной киновии относится к 509 г., когда Савве было 70 лет. Настоятелем был поставлен Павел, и из Великой лавры ему в помощь выделены монахи Георгий, Кирик и Евстафий. Георгий был рукоположен в епископа Пелусийского, а Кирик и Евстафий последовательно стали преемниками Павла, после чего игуменом стал Сергей, вероятно, бывший в этом качестве во времена Кирилла. Лавре помогал пресвитер храма Воскресения и игумен Сионского монастыря Маркиан. Его стар-

ший сын Антоний затем был рукоположен патриархом Илией в епископа Аскалонского, а младший Иоанн сделан диаконом храма Воскресения. Впоследствии он стал Иерусалимским патриархом после Илии (Суг. V. Sab. 37, 56, 64).

Также приблизительно в это время Савва основал киновию Схolariев на месте башни императрицы Евдокии, обратив в истинную веру населявших его несторианских монахов. Ее настоятелем был поставлен его образованный ученик Иоанн, обратившийся в монашество, будучи в первом отряде схolariев при дворе в Константинополе (Суг. V. Euth. 45; V. Sab. 38). В конце VI в. обитель посещал Иоанн Мосх (Mosch. Prat. spir. 178).

Другой его ученик Иаков пытался основать лавру у озера Семиустного в 15 стадиях от Великой лавры без разрешения святого, но Савва это не одобрил, Иаков тяжело заболел, а постройки были разрушены по приказу патриарха Илии. В итоге Савва основал Семиуственную лавру в 5 стадиях к северу от первоначально планируемого места, выкупив землю там. Настоятелями были поставлены братья-греки Павел и Андрей (Суг. V. Sab. 39).

Еще один монастырь был основан монахами-братьями Занном и Вениамином, поступившими в монастырь из Хеврона. Они попросили себе келью св. Саввы в 15 стадиях (на юго-запад?) от Великой лавры, где основали киновию, получившую название киновия Занна. Савва доставлял им все необходимое (Суг. V. Sab. 42).

Помимо основания монастырей св. Савва активно участвовал в религиозной жизни Палестины, в частности в борьбе с ересями. На 73-м году жизни он был послан к императору Анастасию патриархом Илией, чтобы добиться мира в Иерусалимской церкви, так как император, симпатизировавший монофизитам, гневался на прохалкидонскую позицию Иерусалимского патриарха Илии, Антиохийского патриарха Флавиана и поддержку ими низложенного Константинопольского патриарха Македония и готовил Сидонский собор восточных иерархов для их низложения (Суг. V. Sab. 50). Савва прибыл в Константинополь в 511 г., 13 лет спустя после отмены известного налога хрисаргира (Суг. V. Sab. 54; Josh. Styl. 31) [Пигулевская, 2000]. Савва защитил патриарха Илию и произвел настолько сильное впечатление на императора, что тот выдал ему 1000 литр золота на развитие его монастырей, а также обещал отменить налог в 100 литр золота, наложенный на жителей Палестины (Суг. V. Sab. 51–55), поручив это префекту претория Зотику [Martindale, 1980, p. 1206–1207] – начальнику, земляку и покровителю чиновника и писателя Иоанна Лида в 511 г. (Lyd. De mag. III.26) [Bandy, 2013]. Савва перезимовал в Константинополе, навестив императрицу Ариадну, а также родственниц императорского дома – Аникию Юлиану [Martindale, 1980, p. 635–636] и Анастасию, жену племянника императора Анастасия – Помпея, впоследствии принявшую монашество в Палестине. Покинул столицу Савва в 5 индикт (512 г.) (Суг. V. Sab. 53–54; Marc. Com. a. 512).

Хотя Сидонский собор провалился, императору удалось сместить с антиохийского престола патриарха Флавиана, поставив на его место монофизита Севера (512–518). Патриарх Илия отказался от общения с ним. Когда Север послал свое вероисповедание Илии с войсками, св. Савва встал во главе монахов и изгнал их из Иерусалима. Так что в город был послан начальник Палестины Олимпий (Суг. V. Sab. 56; Marc. Com. a. 513), скорее всего, консуляр Палестины (Not. Dign. Orient. I) [Seek, 1876]. В результате патриарх Илия был свергнут и сослан в Аил, а на его место поставлен Иоанн (516–524), сын Маркиана, младший брат Антония (Суг. V. Sab. 37, 56, 64; Mosch. Prat. spir. 35). Его принуждали принять в общение Севера Антиохийского, но он, опираясь на поддержку св. Саввы, св. Феодосия Киновиарха и монахов, сделал всенародное исповедание веры против монофизитов в присутствии Ипатия, племянника императора, прибывшего в Иерусалим помолиться. Он выдал Феодосию и Савве по 100 литр золота на монастыри и такую же сумму – главным иерусалимским храмам (Суг. V. Sab. 56). Император хотел арестовать и патриарха, и Савву с Феодосием, но из-за восстания Виталиана отложил свое решение. А св. Савва и Феодосий от имени всех монахов составили послание, где изложили свое вероисповедание и подтвердили готовность идти на смерть за веру, прося оставить Иерусалимскую Церковь в покое (Суг. V. Sab. 57).

После свержения патриарха Илии в Палестине началась засуха, длившаяся 5 лет, с 513 по 518 гг., в результате чего в регионе появилась саранча и случился мор, хотя монастыри св. Саввы страдали меньше других по его молитвам (Суг. V. Sab. 58–59, 66–67).

На 80-й год жизни, в 9 индикт (518 г.), св. Савва посещал ссыльного патриарха Илию в Аиле вместе с игуменом киновии св. Евфимия Стефаном и игуменом иерихонских монастырей патриарха Илии Евлалием. В ночь на 10 июля патриарх сообщил о смерти императора Анастасия, предсказав свою собственную смерть через 10 дней, что и произошло. Об императоре сообщается, что его убил удар молнии во время грозы, когда он был практически один во дворце (Суг. V. Sab. 60). Сообщения о смерти императора Анастасия от удара молнии или от страха перед ней есть во многих других источниках (Malal. XVI.22; Vict. Tun. Chron. a. 518; Pasch. Chr. a. 518; Mosch. Prat. spir. 38) [Dindorf, 1831; Болгов, 2014; Mommsen, 1894].

После восшествия на престол императора Юстина в 518 г. по всем провинциям было разослано постановление о вероисповедании Халкидонского собора. Патриарх Иоанн отправил св. Савву в Кесарию и Скифополь огласить постановление. В Кесарии его принимал св. Иоанн Хозевит, являвшийся тогда епископом города, который еще будучи отшельником, имел дело с монахами обителей св. Саввы (Суг. V. Sab. 44, 61; Mosch. Prat. spir. 25; Evagr. HE. IV.7) [Кривушин, Кривушина, 1999–2003]. В Скифополе св. Савву встречал весь город во главе с митрополитом Феодосием в главном храме св. апостола Фомы. В Скифополе Савва совершил множество чудес, посетил монастырь Енфенаниф и св. отшельника Иоанна, а также посетил дом отца Кирилла Скифопольского Иоанна – управителя епископского дома и помощника митрополита, который безмерно восхищался святым (Суг. V. Sab. 61–63; 75).

Через 6 лет, когда старцу исполнилось 86 лет (524 г.), умер патриарх Иоанн, официально правивший 7 лет и 9 месяцев, то есть с 516 г. Его преемником на престоле стал патриарх Петр, который оказывал большую честь Савве, часто посещая его в пустыне, в том числе и за то, что святой исцелил его сестру (Суг. V. Sab. 68).

Вскоре после этого произошла смерть благочестивой патрикии Аникии Юлианы, которую датируют 528 г. [Capizzi, 1968], то есть когда святому было 90 лет. Она завещала огромную сумму денег в Иерусалим, в том числе в монастыри св. Саввы, которого весьма почитала после достопамятной встречи. Деньги доставили евнухи и тоже просили принять их в лавру, но Савва отослал их в киновию Феодосия. Освоив монашескую жизнь, они попросили у патриарха Петра выделить им монастырь для поселения – тот отослал их в иерихонские монастыри св. патриарха Илии. За деньги они добились от тогдашнего игумена Александра выделения им особого монастыря, названного Евнушеским (Суг. V. Sab. 69). Его посещал Иоанн Мосх (Mosch. Prat. spir. 135–136, 138) в конце VI в.

На 91-м году жизни Саввы (529 г.) скончался его друг и сподвижник св. Феодосий Киновиарх. Через 4 месяца в регионе разразилось восстание самаритян. Оно началось в 7 индикт и продолжалось в течение 529–530 гг. Столицей самаритян был Неаполь (совр. Наблус), а вождем – некто Юлиан. Самаритяне пытали и убивали христиан, уничтожая целые поселения и сжигая христианские церкви. Особо неистовствовали они около Никополя. Также сильно пострадали многие места в Скифополе. Обозленные местные жители заживо сожгли имперского чиновника и самаритянина Сильвана по пророчеству святого. Император разгневался и послал против самаритян войска. Восстание было подавлено, а большая часть мятежников истреблена – погибло больше 20 тысяч самаритян (Суг. V. Sab. 61, 70; Malal. XVIII.35; Marc. Com. a. 529; Pasch. Chr. a. 530).

После подавления восстания св. Савва во второй раз отправился в качестве посла в Константинополь, на этот раз по поручению патриарха Петра, дабы облегчить налоги разоренной Палестине. Юстиниан принял святого с необычайным почетом, выслал корабли и епископов ему навстречу. Император увидел над его головой нимб и почтил его высокой честью, прося помолиться о деторождении императрицы Феодоры, но святой не стал этого делать, видя монофизитские взгляды императрицы. Савва просил о шести вещах: об облег-

чении податей для разоренного региона, восстановлении сожженных храмов, строительстве церкви прсв. Богородицы и больницы в Иерусалиме, постройке крепостей от набегов сарацин рядом со своими монастырями, и, наконец, об искоренении арианской, несторианской и оригеновой ереси, обещая, что за это Бог вознаградит императора возвратом Запада. Император Юстиниан (527–565) все исполнил в точности, выделив на восстановление региона 30 кентияриев золота, положив 3 700 золотых на годовое содержание больницы, а также 1 000 монет и стражу для монастырей св. Саввы (Суг. V. Sab. 70–74). Против самаритян были изданы репрессивные законы, запрещавшие им занятие должностей, наследование, отправление культов, предписывая разрушить их синагоги (Суг. V. Sab. 71; CJ I.5.13–22) [Krueger, 1877]. Савва отплыл из Константинополя в 9 индикт (531 г.), после чего полученные деньги распределил между монастырями (Суг. V. Sab. 74; Marc. Com. a. 531).

Находившийся с ним в посольстве ученик Иеремиа по каким-то причинам остался недоволен распределением денег и выселился из Великой лавры, решив основать собственную обитель в 5 стадиях к северу от Пещерного монастыря. Савва весьма обрадовался и выделил много денег и материалов на монастырь Иеремии (Суг. V. Sab. 74). Представляется, что это была лавра.

После возвращения в Иерусалим Савву вновь послали в Кесарию и Скифополь, дабы обнародовать имперские указы. В Скифополе его снова встречал весь город, и в это время состоялась достопамятная встреча 92-летнего старца и маленького 7-летнего мальчика Кирилла (будущий монах-агиограф), которого святой нарек своим учеником и «сыном пустынных отцов», благословил и поручил следить за ним и его образованием митрополиту Феодосию (Суг. V. Sab. 75).

Вернувшись в Иерусалим, Савва предвидел свою кончину. Он скончался в ходе не продолжительной болезни на следующий год, в декабре 10 индикта (532 г.) (524 по александрийской эре и 6024 от Сотворения мира), в возрасте 93 лет, на 6-й год царствования императора Юстиниана, во 2 год после консульства Лампадия и Ореста (Суг. V. Sab. 75–76; V. Ioan. 16; Marc. Com. a. 532; Pasch. Chr. a. 532). О чудесах при его кончине Кириллу рассказал диакон и художник в Иерусалиме Ромул, а его нетленные мощи, положенные в Великой лавре, видел сам Кирилл за год до времени написания работы, то есть в 556 или 557 г. (Суг. V. Sab. 77–78).

После кончины святого появились свидетельства о многих его посмертных чудесах (Суг. V. Sab. 79–82), что находит параллели в «Житии св. Евфимия» [Elliott-Binns, 1989, p. 67–68] и является признаком житийного жанра [Маторина, 2011]. Его преемником в Великой лавре стал Мелит, игуменствовавший 5 лет, после чего в 15 индикт (537 г.) настоятелем стал Геласий, строитель и брат Феодула (Суг. V. Sab. 84; Marc. Com. a. 537; Pasch. Chr. a. 537).

В это время в Палестине развернулась борьба между монахами-халкидонитами и последователями Оригена (впоследствии оригенисты распались на два направления: протоктистов/тетрадитов и исохристов) в Великой и Новой лавре на протяжении 530–540-х гг. (Суг. V. Sab. 83–90). Вплоть до 553 г. оригенисты держали верх в Палестинской пустыне, несмотря на эдикт императора Юстиниана против оригенизма 543 г. [Elliott-Binns, 1989, p. 49]. Их поддерживал сам патриарх Петр, обвиняя монахов Великой лавры в том, что они стали еретиками-савваитами, то есть поклонялись св. Савве как божеству. Оплотом оригенистов стала Новая лавра, в которой игуменом был Феодор Аскрида, ставший впоследствии епископом Кесарии Кападокийской, а также идейный вдохновитель оригенизма Нонн.

Великой лаврой Геласий руководил 9 лет и умер в 9 индикт (546 г.), возвращаясь из Константинополя (Суг. V. Sab. 87; Marc. Com. a. 546; Pasch. Chr. a. 546). Его преемником стал оригенист Георгий, которого выгнали свои же монахи через 7 месяцев за непотребства. В это время св. Иоанн Молчальник, являвшийся идейным вдохновителем антиоригенистской борьбы, с монахами-халкидонитами ушел из лавры (Суг. V. Sab. 84, 88, 90; V. Ioan. 16). После Георгия игуменом Великой лавры стал авва Кассиан Скифопольский, который умер через 10 месяцев, в 16-й год по смерти св. Саввы (547 г.). Вероятно, именно в положении его мощей в Великой лавре участвовал Кирилл (Суг. V. Sab. 78, 88). Его преемником стал авва Конон

Киликийский. Возможно, это тот самый Конон Киликиец, который подвизался в киновии св. Феодосия и прославился добродетельной жизнью (Mosch. Prat. spir. 22). В 23-й год по смерти Савы, через 8 месяцев после V Вселенского собора (554 г.), оригенистов изгнали из Новой лавры, населив ее 120 монахами Великой лавры и 60 – из других монастырей, в том числе взяв Кирилла Скифопольского из монастыря св. Евфимия [Elliott-Binns, 1989, p. 50].

Таким образом, «Житие св. Саввы» Кирилла Скифопольского сочетает в себе жанр агиографии и церковной истории, выгодно отличаясь от другой агиографической литературы в пользу историчности. В основу повествования автор положил аутентичные устные источники о жизни святого: свидетельства его сподвижников, учеников и современников, а также личные наблюдения и воспоминания. Все события строго датированы по нескольким хронологическим привязкам, которые подтверждаются в других источниках, позволяя точно восстановить канву исторических событий. Св. Савва прожил долгую жизнь и сыграл огромную роль в развитии палестинского монашества, населив всю Иудейскую пустыню благодаря основанию и развитию многочисленных лавр и киновий, оставив после себя множество учеников. Он являлся значимой фигурой и активным участником религиозной жизни региона, непримиримо борясь с антихалкидонскими ересями и встав во главе монахов-халкидонитов.

Список сокращений:

- CJ – Codex Justinianus
 Cyr. V. Cyriac. – Cyrillus Scythopolitanus, Vita Cyriaci
 Cyr. V. Euth. – Cyrillus Scythopolitanus, Vita Euthymii
 Cyr. V. Ioan. – Cyrillus Scythopolitanus, Vita Ioannis
 Cyr. V. Sab. – Cyrillus Scythopolitanus, Vita Sabbae
 Evagr. HE. – Evagrius, Historia Ecclesiastica
 Josh. Styl. – Joshua the Stylite, Chronicon
 Lyd. De mag. – Ioannes Lydus, De Magistratibus
 Malal. – Ioannes Malalas, Chronographia
 Marc. Com. – Marcellinus Comes, Chronicon
 Mosch. Prat. spir. – Ioannes Moschus, Pratum spirituale
 Not. Dign. Orient. – Notitia Dignitatum in partibus Orientis
 Pasch. Chr. – Chronicon Paschale
 V. Geras. – Anonymus, Vita Gerasimi
 Vict. Tun. Chron. – Victor Tununensis, Chronicon Continuans Ubi Prosper Desinit

Приложение

Монастыри, основанные св. Саввой:

- 1) Великая лавра (около горы (башни) Евдокии, на юго-восток, в 35 стадиях к востоку от киновии св. Феодосия Киновиарха).
- 2) Новая лавра (около Фекойского потока).
- 3) Семиустная лавра (в 5 стадиях к северу от Семиустного озера, которое в 15 стадиях от Великой лавры).
- 4) Подготовительная киновия Великой лавры (рядом с Великой лаврой).
- 5) Кастеллийская киновия (в 15 стадиях к северо-востоку от Великой лавры).
- 6) Никопольская киновия.
- 7) Пещерная киновия (в 15 стадиях к западу от Кастеллийской киновии, в 30 стадиях от Великой лавры на северо-восток, Кастеллий – с востока, монастырь Схолариев – в 5 стадиях с запада).
- 8) киновия Схолариев (на горе (башне) Евдокии, в 30 стадиях к югу от монастыря св. Евфимия).

Монастыри, основанные учениками св. Саввы:

- Фирмин – лавра в Мамхасе.
 Севериан – лавра Перикарпарвариха (около Карпарварихи).
 Юлиан Кирт – лавра Неслкерава у Иордана.
 Евматий – киновия Евматия (около Скифополя и Гадары).
 Занн и Вениамин – киновия Занна (15 стадий к Ливии от Великой лавры).
 Иеремия – монастырь Иеремии (5 стадий к северу от Пещерной киновии).

Рис. 1. Карта расположения монастырей св. Саввы и его учеников (по «Житию св. Саввы»)

Fig. 1. Map of the location of the monasteries of St. Saba and his disciples
(according to «The Life of St. Saba»)

Рис. 2. Карта расположения основных монастырей в Иудейской пустыне

[Читти, 2007, с. 96–97, карта 2]

Fig. 2. Map of the location of the main monasteries in the Judean desert [Chitti, 2007, p. 96–97, map 2]

Список литературы

1. Болгов Н.Н. (изд.). 2010. Марцеллин Комит. Хроника. Белгород, НИУ «БелГУ», 210.
2. Болгов Н.Н. (изд.). 2014. Иоанн Малала. Хронография. Книги XIII–XVIII. Мир поздней античности. Документы и материалы. Выпуск 2. Белгород, НИУ «БелГУ», 180.
3. Кривушин И.В., Кривушина Е.С. (изд.). 1999–2003. Евагрий Схоластик. Церковная история в 6 кн. В 3 т. СПб., Алетейя, 672.
4. Кузенков П.В. 2014. Христианские хронологические системы. История летоисчисления в святоотеческой и восточнохристианской традиции III–XV веков. М., Русский издательский центр имени святого Василия Великого, 815.
5. Маторина У.М. 2011. Жанрово-композиционное своеобразие византийского преподобнического жития Саввы Освященного). Современная филология: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Уфа, апрель 2011 г.). Под общ. ред. Г.Д. Ахметовой. Уфа, Лето: 49–55.
6. Пигулевская Н.В. (изд.). 2000. Хроника Иешу Стилита. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. СПб., Дмитрий Буланин: 571–620.

7. Помяловский И. (изд.). 1885. Кирилл Скифопольский. Житие св. Саввы Освященного, составленное св. Кириллом Скифопольским в древнерусском переводе. Палестинский патерик. Вып. 1. СПб., Типография В. Киршбаума, 155.
8. Помяловский И. (изд.). 1893. Кирилл Скифопольский. Житие иже во Святых отца нашего Иоанна, Епископа и Молчальника. Палестинский патерик. Вып. 3. СПб., Типография В. Киршбаума, 29.
9. Помяловский И. (изд.). 1895a. Житие и подвиги иже во святых отца нашего и богоносца Герасима Иорданского. Палестинский патерик. Вып. 6. СПб., Типография В. Киршбаума, 14.
10. Помяловский И. (изд.). 1895b. Кирилл Скифопольский. Житие Преподобного Кириака Отшельника. Палестинский патерик. Вып. 7. СПб., Типография В. Киршбаума, 23.
11. Помяловский И. (изд.). 1898. Кирилл Скифопольский. Житие иже во Святых отца нашего Евфимия Великого. Палестинский патерик. Вып. 2. СПб., Типография В. Киршбаума, 108.
12. Помяловский И. (изд.). 1899. Кирилл Скифопольский. Житие иже во Святых отца нашего Аввы Феодосия Киновиарха. Палестинский патерик. Вып. 8. СПб., Типография В. Киршбаума, 94.
13. Ткачев Е.В. 2014. Кирилл Скифопольский. Православная энциклопедия. Т. 34: 614–622.
14. Хитров М.И. (протоиер.) (изд.). 1915. Луг духовный. Творение блаженного Иоанна Мосха. Сергиев Посад, Тип. Св.-Тр. Сергиевой лавры, 360.
15. Читти Д. 2007. Град Пустыня. Введение в изучение египетского и палестинского монашества в христианской империи. СПб., Библиополис, 320.
16. Шелудченко Ю.В. 2019. «Житие св. Евфимия» Кирилла Скифопольского в монашеской традиции и его историческая основа. Кондаковские чтения VI. Античность – Византия – Древняя Русь. Материалы VI международной научной конференции. Белгород, БелГУ: 190–214.
17. Bandy A. (eds.). 2013. Ioannes Lydus. On the Powers or The Magistracies of the Roman State. Lewiston, New York, The Edwin Mellen Press, 319.
18. Binns J. (eds.). 1991. Lives of the Monks of Palestine by Cyril Scythopolis. Cistercian Publications, Kalamazoo, Michigan, 305.
19. Capizzi C. 1968. Anicia Giuliana (462 ca.–530 ca.): Ricerche sulla sua famiglia e la sua vita. Rivista di studi bizantini e neoellenici. Vol. n.s. 5: 191–226.
20. Dindorf L. (eds.). 1831. Ioannis Malalae chronographia. Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. T. 32. Bonn, Impensis ed. Weberi, 799.
21. Dölger F., Schwartz E. 1940. Kyrillos von Skythopolis. Byzantinische Zeitschrift. 40: 47–484.
22. Elliott-Binns J. 1989. Cyril of Scythopolis and the Monasteries of the Palestinian Desert. A Dissertation for Degree of Doctor of Philosophy. King's College London, 287.
23. Honigsmann E. 1950. Juvenal of Jerusalem. Dumbranton Oaks Paper. 5: 210–279.
24. Krueger P. (eds.). 1877. Codex Iustinianus. Berlin, 1102.
25. Martindale J.R. (eds.). 1980. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II, A. D. 395–527. Cambridge University Press, 1386.
26. Mommsen Th. (eds.). 1894. Victoris Tonnennensis episcopi chronica a. 444–567. Monumenta Germaniae Historica, AA. Bd. 11. Berlin, 163–184.
27. Schwartz E. (eds.). 1939. Kyrillos von Skythopolis. Leipzig, 415.
28. Seek O. (eds.). 1876. Notitia dignitatum; accedunt Notitia urbis Constantinopolitanae et laterculi prouinciarum. Berolini apud Weidmannos, 340.
29. Trapp E. 1992. Johannes Moschos. Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon (BBKL). Band 3, Bautz, Herzberg: 491–492.
30. Whitby M., Whitby M. (eds.). 1989. Chronicon Paschale 284–628 A. D. Liverpool, Liverpool University Press, 242.

References

1. Bolgov N.N. (изд.) [ed.]. 2010. Marcellin Komit. Hronika. [Marcellin Komit. Chronicle]. Belgorod, NIU «BelGU», 210.
2. Bolgov N.N. (изд.) [ed.]. 2014. Ioann Malala. Hronografija. Knigi XIII–XVIII. Mir pozdnej antichnosti. Dokumenty i materialy. Vypusk 2. [John Malala. Chronography. Books XIII–XVIII. World of Late Antiquity. Documents and materials. Issue 2]. Belgorod: NIU «BelGU», 180.
3. Krivushin I.V., Krivushina E.S. (изд.) [ed.]. 1999–2003. Evagrij Sholastik. Cerkovnaja istorija v 6 kn. V 3 t. [Evagrius Scholastic. Church History in 6 books. In 3 t.]. SPb., Aletejja, 672.

4. Kuzenkov P.V. 2014. Hristianskie hronologicheskie sistemy. Istorija letoischislenija v svjatootechneskoj i vostochnohristianskoj tradicii III–XV vekov. [Christian chronological systems. History of chronology in the patristic and eastern Christian tradition of the III–XV centuries]. M., Russkij izdatel'skij centr imeni svjatogo Vasilija Velikogo, 815.
5. Matorina U.M. 2011. Zhanrovo-kompozicionnoe svoeobrazie vizantijskogo prepodobnicheskogo zhitija Savvy Osvjashhennogo). Sovremennaja filologija: materialy mezhdunar. zaoch. nauch. konf. (g. Ufa, aprel' 2011 g.). Pod obshh. red. G.D. Ahmetovoj. [Genre-compositional originality of the Byzantine reverend life of Sava the Sanctified). Modern philology: international materials. extramural scientific conf. (Ufa, April 2011). Under the total. ed. G.D. Akhmetova]. Ufa: Leto, 49–55.
6. Pigulevskaja N.V. (izd.) [ed.]. 2000. Hronika Ieshu Stilita. Sirijskaja srednevekovaja istoriografija. Issledovanija i perevody. [Chronicle of Yeshu Style. Syrian medieval historiography. Research and translations]. SPb., Dmitrij Bulanin, 571–620.
7. Pomjalovskij I. (izd.) [ed.]. 1885. Kirill Skifopol'skij. Zhitie sv. Savy Osvjashhennogo, sostavlennoe sv. Kirillom Skifopol'skim v drevnerusskom perevode. Palestinskij paterik. Vyp.1 [Cyril of Scythopol. Life of St. Sava the Sanctified, composed by St. Cyril Skifopolsky in the old Russian translation. Palestinian Paterik. Issue 1]. SPb., Tipografija V. Kirshbauma, 155.
8. Pomjalovskij I. (izd.) [ed.]. 1893. Kirill Skifopol'skij. Zhitie izhe vo Svjatyh otca nashego Ioanna, Episkopa i Molchal'nika. Palestinskij paterik. Vyp. 3. [Cyril of Scythopol. The life of the same in the Saints of our father John, Bishop and Silent. Palestinian Paterik. Issue 3.]. SPb., Tipografija V. Kirshbauma, 29.
9. Pomjalovskij I. (izd.) [ed.]. 1895a. Zhitie i podvigi izhe vo svjatyh otca nashego i bogonosca Gerasima Iordanskogo. Palestinskij paterik. Vyp. 6 [The life and exploits of others in the saints of our father and God-bearer Gerasim of Jordan. Palestinian Paterik. Issue 6]. SPb., Tipografija V. Kirshbauma, 14.
10. Pomjalovskij I. (izd.) [ed.]. 1895b. Kirill Skifopol'skij. Zhitie Prepodobnogo Kiriaka Otshel'nika. Palestinskij paterik. Vyp. 7 [Cyril of Scythopol. The Life of Rev. Cyriac the Hermit. Palestinian Paterik. Issue 7]. SPb., Tipografija V. Kirshbauma, 23.
11. Pomjalovskij I. (izd.) [ed.]. 1898. Kirill Skifopol'skij. Zhitie izhe vo Svjatyh otca nashego Evfimija Velikogo. Palestinskij paterik. Vyp. 2 [Cyril of Scythopol. The life of those in the Saints of our father Euthymius the Great. Palestinian Paterik. Issue 2]. SPb., Tipografija V. Kirshbauma, 108.
12. Pomjalovskij I. (izd.) [ed.]. 1899. Kirill Skifopol'skij. Zhitie izhe vo Svjatyh otca nashego Avvy Feodosija Kinoviarha. Palestinskij paterik. Vyp. 8 [Cyril of Scythopol. The life of the same in the Saints of our father Abba Theodosius Kinoviarch. Palestinian Paterik. Issue 8]. SPb., Tipografija V. Kirshbauma, 94.
13. Tkachev E.V. 2014. Kirill Skifopol'skij. Pravoslavnaja jenciklopedija [Cyril of Scythopol]. [Orthodox Encyclopedia]. T. 34: 614–622.
14. Hitrov M.I. (protoier.) [archpriest] (izd.) [ed.]. 1915. Lug duhovnyj. Tvorenje blazhennogo Ioanna Mosha. [The spiritual meadow. Creation of Blessed John Mosch]. Sergiev Posad, Tip. Sv.-Tr. Sergievoj lavry, 360.
15. Chitti D. 2007. Grad Pustynja. Vvedenie v izuchenie egipetskogo i palestinskogo monashestva v hristianskoj imperii. [Desert City. An introduction to the study of Egyptian and Palestinian monasticism in the Christian empire]. SPb., Bibliopolis, 320.
16. Sheludchenko Ju.V. 2019. «Zhitie sv. Evfimija» Kirilla Skifopol'skogo v monasheskoj tradicii i ego istoricheskaja osnova. Kondakovskie chtenija VI. Antichnost' – Vizantija – Drevnjaja Rus'. Materialy VI mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. [«The Life of St. Euphemia» by Cyril of Scythopolis in the monastic tradition and its historical basis. Kondakov Readings VI. Antiquity – Byzantium – Ancient Russia. Materials of the VI international scientific conference]. Belgorod, BelGU: 190–214.
17. Bandy A. (eds.). 2013. Ioannes Lydus. On the Powers or The Magistracies of the Roman State. Lewiston, New York, The Edwin Mellen Press, 319.
18. Binns J. (eds.). 1991. Lives of the Monks of Palestine by Cyril Scythopolis. Cistercian Publications, Kalamazoo, Michigan, 305.
19. Capizzi C. 1968. Anicia Giuliana (462 ca.–530 ca.): Ricerche sulla sua famiglia e la sua vita. Rivista di studi bizantini e neoellenici. Vol. n.s. 5: 191–226.
20. Dindorf L. (eds.). 1831. Ioannis Malalae chronographia. Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. T. 32. Bonn, Impensis ed. Weberi, 799.
21. Dölger F., Schwartz E. 1940. Kyrillos von Skythopolis. Byzantinische Zeitschrift. 40: 47–484.

22. Elliott-Binns J. 1989. Cyril of Scythopolis and the Monasteries of the Palestinian Desert. A Dissertation for Degree of Doctor of Philosophy. King's College London, 287.
23. Honigsmann E. 1950. Juvenal of Jerusalem. Dumbarton Oaks Paper. 5: 210–279.
24. Krueger P. (eds.). 1877. Codex Iustinianus. Berlin, 1102.
25. Martindale J.R. (eds.). 1980. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II, A. D. 395–527. Cambridge University Press, 1386.
26. Mommsen Th. (eds.). 1894. Victoris Tonnennensis episcopi chronica a. 444–567. Monumenta Germaniae Historica, AA. Bd. 11. Berlin, 163–184.
27. Schwartz E. (eds.). 1939. Kyrillos von Skythopolis. Leipzig, 415.
28. Seek O. (eds.). 1876. Notitia dignitatum; accedunt Notitia urbis Constantinopolitanae et laterculi prouinciarum. Berolini apud Weidmannos, 340.
29. Trapp E. 1992. Johannes Moschos. Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon (BBKL). Band 3, Bautz, Herzberg: 491–492.
30. Whitby M., Whitby M. (eds.). 1989. Chronicon Paschale 284–628 A. D. Liverpool, Liverpool University Press, 242.

Ссылка для цитирования статьи

Link for article citation

Шелудченко Ю.В. 2020. Савва Освященный (439–532 гг.) и монастыри иудейской пустыни в изображении Кирилла Скифопольского. *Via in tempore. История. Политология*, 47(1): 54–66.

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-54-66

Sheludchenko Yu.V. 2020. St. Sabbas the Sanctified (439–532) and monasteries of the jewish desert in the depiction of Cyril of Skythopolis. *Via in tempore. History and political science*, 47(1): 54–66 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-54-66

УДК 94(4)

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-67-77

**АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ШКОЛА В СЕРЕДИНЕ – 2-Й ПОЛ. VI в.:
ОЛИМПИОДОР, ЭЛИЙ, ДАВИД****ALEXANDRIAN SCHOOL BETWEEN THE MIDDLE
AND THE END OF 6TH CENTURY: OLYMPIODORUS, ELIAS, DAVID****А.М. Болгова, М.А. Руднева****A.M. Bolgova, M.A. Rudneva**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: bolgova@bsu.edu.ru

Аннотация

Тема данной работы посвящена философам Александрийской неоплатонической школы середины – 2-й пол. VI в. – Олимпиодору, Элию и Давиду. Они принадлежали школе Аммония и продолжали традиции античного неоплатонизма и аристотелизма в ней. В статье доказывается, что Элий был схолархом школы (565–590 гг.) после смерти Олимпиодора, а Давида можно отождествить с легендарным армянским философом Давидом Анахтом. Давид, современник Элия, не став схолархом, вернулся из Александрии в Армению, где стал развивать неоплатонические идеи. Оба философа были христианами, хотя принимали некоторые идеи неоплатоников. Относительно Давида делается вывод о смещении его хронологии в армянской исторической традиции в сторону удреждения; более правильно отнести время его жизни к середине – 2-й половине VI в.

Abstract

The Alexandrian school was a kind of synthesis of Christianity and paganism, when pagan teaching material was sought to combine with Christian dogma. The theme of this work is devoted to two philosophers of the Alexandrian Neoplatonic school in the VI century - Elias and David of Alexandria. The article proves, that they belonged to the school of Ammonius, being students of Olympiodorus the Younger, and continued the traditions of ancient Aristotelianism and Neoplatonism in it. Both philosophers lived and worked in the 2nd half of the 6th century. The article proves, that Elias was a scholarch of the school after the death of Olympiodorus (565–590), and David can be identified with the legendary Armenian philosopher David Anakht. David subsequently returned from Alexandria to Armenia, where he began to develop neo-Platonic ideas. By religion, both philosophers were Christians, although they accepted the pagan ideas of the Neoplatonists. Regarding David, a conclusion is drawn about the shift of his chronology in the Armenian historical tradition towards aging; more correctly attribute the time of his life to the middle – 2nd half of the VI century.

Ключевые слова: Элий Александрийский, Давид Александрийский, философы VI века, Александрийская школа, александрийский неоплатонизм, Давид Анахт, Олимпиодор Младший, Иоанн Филопон, Аммоний.

Key words: Elias of Alexandria, David of Alexandria, philosophers of the 6th century, Alexandrian school, Alexandrian Neoplatonism, David Anakht, Olympiodorus the Younger, John Philoponus, Ammonius.

Александрийская философская школа в VI веке переживала сложные времена. Она являла собой в этот период некий симбиоз христианства и философии, когда преподаваемый материал стремились сочетать с христианским вероучением.

Поворотным пунктом развития александрийской философии стали антиязыческие гонения 480-х гг., вследствие которых ведущие философы были арестованы, а их школы разгромлены (Damasc. 115–132; Zach. V. Sev. 27–54) [Дамаский, 2019; Захария Схоластик, 2019; Two Early Lives of Severos, 2013]. Сохранилась лишь ведущая философская школа Аммония¹² (она была основана его отцом Гермием¹³, учеником Сириана¹⁴ (Damasc. 54, 56–57)). Сам Аммоний пошел на компромисс и заключил договор 485 г. с Александрийским монофизитским патриархом Петром III Монгом (477, 482–490), связанный с отказом от преподавания тех материй, которые противоречат христианскому вероучению, а также с полным запретом языческих культовых практик [Athanassiadi, 1993, p. 1–29]. Это контролировалось студентами-филопонами («трудолюбями»), ревностными христианами, тщательно следившими за учебными курсами и порядками в школе (Zach. V. Sev. 9, 27, 31, 45). Именно эта школа и продолжила традиции александрийского неоплатонизма в VI веке.

Чтобы понять традиции школы Аммония, очень важны две вещи, которые сообщает его ученик Дамаский (Phot. Bibl. 181). В частности, что Аммоний вместе с братом учился у философа Прокла Диадоха, который уделял им особое внимание как детям его друзей, а также был экспертом в области Аристотеля и необычайно трудолюбивым, сделав величайший вклад в эти штудии из всех комментаторов, кто когда-либо жил. Также Аммоний занимался геометрией (геометрия или современная география?) и астрономией (Damasc. 56–57). Сам Дамаский изучал под его руководством Платона и астрономические трактаты Птолемея (Phot. Bibl. 181). Именно эти традиции задали вектор для развития школы в VI веке, которая со временем обретала все более выраженный аристотелианский характер, оживляя научное знание [Wilson, 1983].

Учениками Аммония были известные александрийские философы VI в. Иоанн Филопон¹⁵ и Олимпиодор Младший¹⁶. Олимпиодор стал преемником Аммония во главе школы после его смерти в 526 г., а Иоанн Филопон стал наиболее ярким учеником и крупнейшим александрийским философом VI в. Так как Аммоний сам мало что издавал, именно их усилиями был издан обширный корпус комментариев к сочинениям Платона и Аристотеля, как считают, основанный на лекциях Аммония [Westerink, 1990, p. 325–349].

Иоанн Филопон издал под своим именем не менее 40 сочинений, и считается, что более ранние его работы воспроизводят лекции Аммония, который по каким-либо причинам не рисковал издавать собственные сочинения [Verrycken, 1990, 233–275]. Одной из главных идей Иоанна Филопона, являвшегося христианским аристотелианцем, было примирение античной научной картины мира с христианским вероучением. Он стремился подтвердить христианские теории креационизма и библейского мироустройства в научных категориях Аристотеля. Он был активным участником христианско-языческой полемики 529 г. о вечности мира, отстаивая его сотворение. В то же время он отвергал медиевализированные представления некоторых христиан о строении космоса (например, что земля плоская) [Hertmann, 1930]. Филопон представлял собой новый тип христианского философа, над которым не довлел авторитет античных философов и который брал из языческой науки все полезное, что в ней было [Болгова, 2016, с. 151–155].

Совершенно другую линию развивал Олимпиодор (495–570 гг.), ученик Аммония, являвшийся традиционным неоплатоником, хотя и вынужденным приспособливаться к новым условиям. Он продолжал изучение работ Платона, Аристотеля и др., составив множество комментариев к ним. Считается, что он открыто не практиковал язычество, т. е., был язычником неямвлиховского толка.

¹² Ammonius 6 (PLRE II. 71–72).

¹³ Hermeias 3 (PLRE II. 547–548).

¹⁴ Syriacus 3 (PLRE II. 1051).

¹⁵ Ioannes Philoponus 76 (PLRE II. 615–616).

¹⁶ Olympiodorus 5 (PLRE II. 800).

Он возглавил школу в 526 г., после смерти своего учителя Аммония. Продолжал преподавать, возглавлять школу и писать как минимум до 565 г. (в своём комментарии к «Метеорологии» Аристотеля он упоминает комету, появившуюся в этом году). Это оказалось возможным в основном благодаря тому, что Александрийская школа имела более формально-учебный характер (чем, например, Платоновская Академия в Афинах) и воздерживалась от участия в общественно-политической жизни [Олимпиодор, 1979].

Олимпиодор стремился вывести из античной философии общие категории, приемлемые и для христиан, таким образом приспособив язычество к современным реалиям. Он хотел доказать, что античные философы в своих идеях подразумевали то же, что и христиане. Он даже адаптировал некоторые языческие понятия для своих слушателей, используя христианскую терминологию (языческие благие демоны = ангелы, первопричина = Бог, античные статуи = идолы). Однако в глубине души он так и остался язычником и не мог принять христианское вероучение: он отрицает христианскую концепцию вечного страдания души, разделяет платонические идеи посмертного освобождения душ, признает возможность суицида ради благой цели (Olymp. in Phaedo 1, 2–9; 10, 1,2–10; 12, 2, 14–18; in Gorg. 7, 4,1–12). От него дошла эпиграмма, где он говорит, что от самоубийства его удерживает только Платон [Олимпиодор, 1968, с. 147].

Однако именно назначение Олимпиодора, а не христианина Филопона, на пост сcholарха после смерти Аммония было поддержано александрийским патриархом Тимофеем IV (517–535). Это было во многом связано с тем, что Иоанн Филопон был монофизитом, принадлежав к партии севириан [Nettmann, 1930, S. 209–264], и его влияние было более опасно в плане усиления этой партии и дальнейшего раскола церкви, нежели язычество Олимпиодора, которое было уже полностью разгромлено и находилось под жестким контролем. Интересно при этом, что Иоанн во всех источниках фигурирует как «грамматик» и никогда как «философ».

Назначение Олимпиодора сcholархом способствовало сохранению и развитию традиционной неоплатонической философии, а также дало стимул к распространению аристотелизма в философской школе.

Сохранились следующие сочинения Олимпиодора: неоплатонические – «Жизнь Платона», Комментарии к «Алкивиаду» Платона [Olympiodorus, 1956], комментарии к «Горгию» Платона [Olympiodori, 1970], комментарии к «Федону» Платона; аристотелевские – введение к «Логике» Аристотеля, комментарии к «Метеорологии» Аристотеля [Olympiodori, 1900], комментарии к «Категориям» Аристотеля [Olympiodori, 1972]. Олимпиодору также приписываются сочинения: комментарии к «Филебу» Платона (сегодня считается, что работа принадлежит Дамаскию), алхимический трактат по работе Зосима Панополисского «Об энергии». В работах Олимпиодора встречаются нигде более не известные сведения о Ямвлихе.

Как отмечал А.Ф. Лосев, Олимпиодору принадлежит оригинальное рассуждение о катарсисе, характерное с точки зрения понимания Аристотеля в общеантичной традиции (в комментарии к «Алкивиаду I» Платона). Олимпиодор различает «нефилософский» и «философский» катарсис. Нефилософский катарсис может быть процессом получения истины в результате критики или опровержения ложного. Философский катарсис есть тот, который применяется к психической жизни и даёт возможность переходить от низших её состояний к высшим. В философском катарсисе Олимпиодор различает три типа очищения:

1. Первый тип, «сократо-платоновский», представляет собой критику понятий частных, обывательских (то есть обыкновенно случайных, неверных) для получения таких общих понятий, которые являются мерами истины (и искажением которых понятия частные, обывательские являются).

2. Второй тип основан на понимании катарсиса как лечения болезненных состояний (у Гиппократов такое лечение понимается медицински, у Аристотеля – психологически). Этот тип катарсиса основан на излечивании болезни такими средствами, которые данной болезни противоположны.

3. Третий тип противоположен второму и называется у Олимпиодора пифагорейским. Здесь также идёт речь о лечении болезненных состояний, но лечение понимается как использование в малой дозе той болезни, которая существует в большой дозе.

В рассуждении Олимпиодора отсутствует ноологическое понимание катарсиса, как это следовало бы ожидать от неоплатоника. Но комментируемый Олимпиодором диалог «Алкивиад I» посвящён не катарсису, но *софросине* (благоразумию, деланию добра), и о собственно Космосе в нём речь не идёт.

В 564 г. Олимпиодор ввел в школе преподавание астрологии по книге Павла Александрийского «Введение в астрологию» и написал к ней толкование [Westerink, 1971]. Видимо, Олимпиодор соотнес 7 планет с семью металлами и ввел обозначение этих металлов символами планет (золото – Солнце, серебро – Луна, ртуть – Меркурий, медь – Венера, железо – Марс, олово – Юпитер, свинец – Сатурн).

Как усиление позиций аристотелизма, так и внимание к астрологии у Олимпиодора можно считать важными проявлениями наступающей медиевализации философского знания в Александрии в середине VI в.

Следующее поколение философов александрийской школы представляют Элий¹⁷ и Давид¹⁸ Александрийские. О них нет никаких данных ни в «Суде», ни у патриарха Фотия. Судить об их жизни можно только из их собственных сочинений, которые являлись в основном комментариями к работам Платона, Аристотеля, выдающихся неоплатоников (Порфирий) и их собственных учителей. Необходимо установить их место в русле александрийской философской и, в частности, неоплатонической традиций VI века.

Элий считается учеником Олимпиодора [Солопова, 2008]. Факт его ученичества прямо в источниках не подтвержден и постулируется на основе текстологических совпадений фрагментов из введений его работ и работ Олимпиодора [Westerink, 1990, р. 337–338]. Кроме того, Элий знал и Иоанна Филопона, однако следует именно Олимпиодору, что дает возможность предположить, что Элий был учеником последнего и имел записи его лекций, из которых компилировал материал для своих трудов.

Философский курс, который Элий читал в своей школе в Александрии, был ограничен логикой Аристотеля.

Элий является автором следующих работ: неоплатонические – комментарии на «Исагогу» Порфирия и, возможно, анонимные пролегомены к платонической философии [Westerink, 1962]; аристотелианские – комментарии на «Первую Аналитику» Аристотеля [Westerink, 1980], комментарии на «Категории» Аристотеля с пролегоменами к Аристотелю, ряд схолий к сочинению «Об истолковании» Аристотеля. Ему также приписывают авторство комментариев на работу Галена «О школах»

Неоплатоническую экзегезу Элия отличают характерные для школьных неоплатонических комментариев позднего периода черты [Westerink, 1964]. Комментарий к «Введению» начинается традиционным общим «Введением в философию» (Προλεγόμενα ἢ πρώτη ἰστορία). Пролегомены Элия состоят из 12 лекций (πλάξαι), в которых он: 1) определяет предмет и цель философского знания (с обсуждением всех известных из истории философии определений), 2) объясняет, что предстоит изучать его слушателям и 3) призывает их к усердным занятиям философией. Этот вводный курс с элементами протрептика свидетельствует о стремлении Элия сразу же погрузить своих слушателей в мир классической учености; текст изобилует цитатами и разнообразными отсылками к авторитетным именам: чаще всего цитируются Платон и Гомер, а также Аристотель, Плотин, Прокл, Марин, Гиерокл, Пифагор, Архилох, Феогнид, Геродот, Каллимах, Демосфен, Софокл, Еврипид, Менандр, Гален, стоики. Элий принимает и в своем рассуждении неоднократно возвращается к популярному в платонизме тезису о философии как «уподоблении богу» (Plat. Theaet. 176ab).

¹⁷ Elias 6 (PLRE IIIA. 438).

¹⁸ David 2 (PLRE IIIA. 389).

Аристотелианский комментарий на «Категории» издан согласно рукописному титулу как запись курса Давида (ἀπό τοῦ νῆρ Γαβίδ), в начале комментария имеется общее введение в философию Аристотеля с двумя схемами из 8 основных («большой список») и 7 дополнительных («меньший список») вопросов. Говоря о качествах, которыми должен обладать комментатор (In Cat. 122, 25–123, 11), – 7-й основной вопрос – Элий подчеркивает независимость и объективность комментатора, который должен быть одновременно и комментатором, разъясняющим неясные места, и самостоятельным мыслителем, способным судить, что в тексте истинно, а что ложно. Комментатор «не должен быть аристотеликом, когда комментирует Аристотеля, и говорить, что нет ему равных в философии, а когда комментирует Платона – быть платоником и говорить, что нет философа равного Платону». Не надо совершать насилия над текстом, не надо во всем оправдывать древних, но следует помнить, что из двух «дорогих друзей» древнего автора истины «истина – дороже». Только у Элия можно найти ремарку, что традиционные схемы вопросов, известные из комментариев Аммония, впервые были разработаны его учителем Проклом (107, 24–26).

Очень краткий комментарий Элия к «Первой Аналитике» впервые был опубликован Вестеринком [Westerink, 1961] по тексту манускрипта XIII–XIV в. Согласно заголовку манускрипта, его автором является Элий, который был чиновником Византийской империи – префектом, возможно, до того, как стал преподавать философию.

В «Новеллах» Юстиниана упомянут некий префект Элий (Novel. CLIII, 12 Dec. 541 г.) [Westerink, 1961], которого, по мнению Вестеринка, и следует отождествить с автором комментариев. По мнению другого исследователя [Wildberg, 1990], тексты, ныне приписываемые Элию, долгое время имели хождение как анонимные. Возможно, их автор, носящий монашеское христианское имя, не был христианином; в его комментариях нет ссылок на Библию, даже когда идет речь об истине, которую нужно предпочесть ошибочным суждениям древнего автора, однако много ссылок на языческих философов и мало-совместимые с христианством идеи (о подражании философа солнцу, о вечности мира). Не исключено, что комментарии могли быть надписаны христианским именем Элий его средневековыми переписчиками.

Из заглавия комментариев к «Первой аналитике» известно, что Элий носил титул экс-префекта (ex praefectis, ἀπό ἐπάππων) [Westerink, 1961, p. 126–139]. Существует две версии этого титула. Согласно первой, данный титул Элий получил как почетный, равно как и автор конца VI в. Евагрий, схоластик, награжденный за свои литературные труды двумя почетными званиями: званием квестора от императора Тиберия II (578–582) и званием префекта от императора Маврикия I (582–602) (Evagr. HE. VI.24). Согласно другой, это был реальный титул, и Элий мог быть префектом Иллирии в 541 г., которому Юстиниан адресовал новеллу 153 (Just. Nov. 153). Однако наиболее вероятной кажется всё же первая версия [Guiland, 1982, p. 30–44].

Если это так, то тогда такой титул Элий мог получить за очень большой вклад в научную или учебно-преподавательскую деятельность. Вряд ли так ценились его комментарии на Аристотеля, учитывая то, что его имя не сохранилось в последующей литературной традиции в Византии. А вот то, что он был схолархом Александрийской школы в 565–590 гг. – весьма вероятно. Его титул был получен после 565 года, что согласуется с вышеупомянутыми данными Евагрия относительно политики поощрения талантливых ученых и писателей почетными титулами со стороны императоров Тиберия II и Маврикия I.

Что касается религии Элия, то он был, весьма вероятно, христианин. Вряд ли он мог получить государственный титул, будучи язычником. В пользу христианства говорит и его имя в честь знаменитого библейского пророка (Илия). Также в согласии с христианской концепцией Элий понимает чудо как акт божественного Провидения. В его комментариях есть подзаголовок «Против ложных измышлений эллинов», однако основное содержание раскрывает сущность неоплатонических учений весьма лояльно к ним, а сам автор соглашается с положениями неоплатоников о душе, вечности мира и др. По мнению Л. Вестеринка, Элий в начале своей карьеры не желал полностью отказываться от старой

религии, но был конформистом в религиозном отношении, стремясь оградить себя от нападков христиан, и в этом был похож на историка Прокопия Кесарийского, который отказывался что-то говорить о Боге, кроме того, что Он всеблаг и все содержит в своем всемогуществе (Procor. B.G. I.3).

Современником Элия мог быть еще один крупный александрийский философ VI в. Давид, также сочетавший в своем творчестве неоплатонизм и аристотелизм.

Ему приписывают авторство неоплатонических комментариев на «Исагогу» Порфирия [Eliae, 1900], которые являются объектом спора у исследователей, авторства они Элия или Давида. Спорными между ним и Элием являются и анонимные пролегомены к платоновской философии. В комментариях к «Исагоге», у которых утрачен титульный лист, есть много компиляций из сочинений Элия, однако сам текст отличается, в частности, там большое внимание уделяется медицинской литературе, демонстрируя близость автора с ней и указывая на то, что Давид был, скорее всего иатрософист, причем с гораздо большей вероятностью, чем Элий. Считается, что он преподавал медицину, причем она могла быть даже на первом месте в его деятельности.

Также он являлся автором комментариев к «Органону» и «Физике» Аристотеля, тем самым продолжая уже мощную струю аристотелизма в александрийской философии 2-й пол. VI в.

Что касается биографии философа Давида Александрийского, то информация о нем сохранилась в армянской традиции, где его путают с легендарным армянским философом Давидом Непобедимым (Анахтом), который получил свое прозвище за непобедимость в спорах.

Согласно армянской традиции, Давид Анахт был учеником Месропа Маштоца [Агаян, 1982], автора армянского алфавита, жившего во 2-й пол. IV – 1-й пол. V вв. (род. в 360–370 гг. [Neumann, 1829]).

Согласно «Житию Саака и Маштоца» (IX–X вв.), после введения алфавита, что датируется 405 годом, Месроп Маштоц и католикос Армении Саак Партев отобрали 60 наиболее любознательных учеников, обладающих голосом и долгим дыханием, и послали их в Александрию, Византию (Константинополь), Афины – обучаться философии, риторике и делать переводы. В числе этих 60 названы Мовсес Хоренаци, его брат Мамбрэ, Давид Анахт, Егише и др. Там «одни осваивают каллиграфию, другие постигают содержание наук – [изучают] математику, естествознание, геометрию, арифметику, музыку, астрономию, грамматику и поэзию, практическую и теоретическую философию с ее двенадцатью разделами».

Более важно аутентичное «Житие Маштоца» V в., написанное его учеником Корюном. Отправление учеников в Восточную Римскую империю здесь относится ко времени императора Феодосия II (408–450) (Kor. V. Masht. 16, 19), соответственно, в эту эпоху и должен был жить Давид, то есть он никак не может быть александрийским философом 2-й половины VI в.

Однако эта проблема не так проста. Во-первых, среди учеников, отправленных в греческие земли, Корюн совсем не упоминает Давида Анахта, в то время как имена других учеников называет, в частности, Езника, Иосвэпа, а также Гевонда и себя самого. Кроме того, основной целью экспедиции Маштоца было приобретение Священного Писания, богослужебных книг и церковной богословской и апологетической литературы, постановлений Вселенских соборов, но никак не ввоз книг неоплатонической философии (Kor. V. Masht. 19). Во-вторых, ни в одном из исторических произведений V–VII вв. – Агатангелоса, Фавстоса Бузанда, Егише, Лазаря Парпеци, Мовсеса Хоренаци, и даже Себеоса [Акопян, 2015] – не упоминается имя Давида Анахта как ученика Маштоца.

Далее, Давиду Непобедимому приписывается авторство работ «Определение философии», вышеупомянутые комментарии к «Исагоге» Порфирия, переведенные на армянский язык, и комментарии к «Аналитике» Аристотеля (ср. с работами Элия). В заглавиях рукописей «Определений философии» и комментариев к «Аналитике» указано, что автором является Давид Непобедимый. Эта же информация содержится в конце последней

главы «Определений философии»: «Таковы пролегомены философии трижды великого и непобедимого философа Давида и [его] определения и разделения философии, [написанные] против четырех положений Пиррона лжемудрого» (David. An. Defin. philos. 22). А в главе 5 и 9 этого же произведения Давид ссылается непосредственно на философа Олимпиодора, пересказывая и цитируя его сентенции (David. An. Defin. philos. 5, 9).

Анализируя философскую концепцию Давида Анахта, А.Ф. Лосев уверенно относит его к александрийской школе, считая наиболее типичным ее представителем и наиболее ярким примером александрийской неоплатонической мысли, знаменующим собой конец александрийского неоплатонизма [Лосев, 1992, с. 45, 57]. Философское наследие Давида охватывало все отрасли философии того времени: онтологию, гносеологию, психологию, логику, эстетику и этику. В каждой отрасли он превзошел всех своих армянских предшественников как по уровню постановки проблем, так и по охвату и объему, впервые систематизировав философию как науку. Научные труды Давида представляют зрелого и систематически подготовленного в античной философии ученого [Аревшатян, 1975, с. 5–28].

Еще одним интересным свидетельством являются данные Мовсеса Хоренаци (по армянской традиции жившего в V в., по западной – в VII в.) о трех армянах, обучавшихся в Греции и ставших посредниками в передаче греческой культуры: Торги, Банане и Давиде. Один из них слушал лекции некоего, видимо, философа и «совершеннейшего среди толкователей книжных историй» Олимпиодора: «Однако нам надлежит, хотя бы очень кратко, повторить некоторые древние устные предания, которые рассказывались в старину среди греческих мудрецов и дошли до нас через посредство (лиц) по имени Торги и Банан и еще третьего – некоего Давида. Один из них, сведущий в философии, говорил так: «О старцы, когда я был в Греции и изучал философию, однажды случилось так, что среди мудрых и многоопытных мужей речь зашла о землеописании и разделении народов. Толковали книжные истории – одни – по одному, другие – по-другому. Но совершеннейший из них, по имени Олимпиодор, сказал так: «Я вам расскажу, сказал он, дошедшие до нас по преданию устные повествования, которые сказывают до сих пор многие из крестьян...» (Movs. Khor. Hist. I.6). Упоминание философа Олимпиодора и обучающегося в Греции некоего армянина Давида наводит на мысль, что речь идет об александрийском философе Давиде, который являлся учеником Олимпиодора. По мнению В. Чалояна, восторженно отзываться об Олимпиодоре и передавать его мысли своим соотечественникам мог только Давид Анахт [Чалоян, 1946, с. 58].

В армянской историографии утвердилась точка зрения, что Давид Анахт родился в середине 470-х гг. в Западной Армении, долгое время учился в Александрии под руководством Олимпиодора Младшего, после чего долгое время преподавал там. С этим и связана его глубокая подготовка в неоплатонической философии [Аревшатян, 1975]. Считается, что он был представителем эллинофильской школы в Армении, сформировавшейся во 2-й пол. V в. и процветавшей в VI в., постепенно утратив свое значение лишь к концу VII века в связи с арабским вторжением. Представители этой школы занимались переводом на армянский язык разнообразной греческой, в том числе научной, литературы, а также способствовали интеллектуальному развитию страны, распространяя просвещение [The Heritage of Armenian Literature, 2000, p. 100–101].

Однако, даже родившись в 470-е годы, Давид Анахт вряд ли мог быть учеником Олимпиодора Младшего, будучи гораздо старше его, так как последний дожил до 570 г. Соответственно, либо ученик Олимпиодора философ Давид Александрийский и армянин Давид Анахт – разные лица, либо Давид Анахт жил во 2-й пол. VI в. и был действительно учеником Олимпиодора.

Наиболее логичное объяснение дает А.Ф. Лосев, который считает, что армяне отождествили Давида Александрийского с армянским философом Давидом Анахтом, образ которого оброс легендами, вследствие чего его произведения были переведены на армянский язык и сохранились в армянской традиции. При этом, сам Анахт, несомненно, принадлежал к александрийской школе [Лосев, 1992, с. 13, 45]. На наш взгляд, точка зре-

ния А.Ф. Лосева верна, а Давид Александрийский и Давид Анахт – одно и то же лицо. Неверна лишь традиционная хронология, удревняющая Давида Анахта. Связь его с Месропом Маштоцем ошибочна и возникла в более поздней армянской традиции (житие IX в.), чтобы установить преемственность между двумя крупными интеллектуалами, внесшими существенный вклад в просвещение и духовное развитие Армении.

Следовательно, биографию Давида Александрийского можно реконструировать следующим образом на основе комплексного анализа источников. Давид происходил из Армении, жил в VI в. (наиболее подходящая дата рождения – 530 г.), в молодости уехал учиться в Византию, а именно в Александрию, поступив в философскую школу Олимпиодора. Он стал его учеником (до 565 г.), а возможно, также учеником Элия Александрийского, хотя мог быть просто его однокашником. Он стал аристотелианцем и подготовил несколько комментариев к трудам великого античного философа. Также он занимался медициной и мог быть иатрософистом. Он выделялся своей эрудицией, будучи всесторонне образованным. После смерти Олимпиодора Элий возглавил школу, а Давид продолжил преподавание в ней. Это было уже в 570–580-е годы, во времена императоров Тиберия II и Маврикия I. Вероятно, так и не став схолархом (считается, что Элия сменил на этом посту Стефан Александрийский в 590 г.), он мог вернуться в свою страну, в Армению, и войти в эллинофильскую школу, занявшись переводческой деятельностью, подготовив свои труды на армянском и также переводя на армянский античных и позднеантичных философов, в том числе своего учителя Олимпиодора. Он был настолько выдающимся среди всех ученых в своей стране, что никто не мог с ним сравниться, особенно в логической аргументации [Tara, 2013, p. 29–43]. За это Давид получил всенародное признание и прозвище Анахт. Мог дожить до 600 г. или еще несколько позднее. Позднейшая традиция соотнесла его с Месропом Маштоцем и поместила в более раннюю эпоху золотого века армянской культуры [van Lint, 2012].

Что касается мировоззрения и религиозных взглядов Давида, то он был христианин [Neumann, 1829], так как каждую главу «Определений философии» заканчивает фразой: «Такова с божьей помощью и данная глава» (David. An. Defin. philos. passim.), явно показывая христианское отношение к своему сочинению. Вместе с тем он следовал неоплатонической философской традиции, и в этом отношении его взгляды мало чем отличались от взглядов Элия. Возможно, из-за этого он подвергался преследованиям и умер в ссылке в местечке Ахпат, расположенном на границе с Грузией [The Heritage of Armenian Literature, 2000, p. 288].

Таким образом, Элий и Давид были представителями Александрийской философской школы. Они жили во 2-й пол. VI в., будучи учениками Олимпиодора Младшего – последнего язычника-схоларха поздней античности. Они углубили аристотелианский акцент данной школы и подготовили много комментариев на труды Платона и Аристотеля. Оба философа были хорошо подготовлены в различных науках, а Давид, скорее всего, был иатрософистом. Оба философа придерживались христианского вероучения, но в своих работах развивали неоплатоническую традицию. Элий возглавил школу в 565 г., в связи с чем впоследствии получил почетный титул «экс-префект». Давид уехал в Армению и возглавил эллинофильскую школу там, получив прозвище «Анахт» за свою ученость.

В последующей византийской литературной традиции оба философа практически неизвестны, что может быть связано с упадком неоплатонизма и интереса к нему с конца VI века.

Список литературы

1. Агаян Э.Б. 1982. Месроп Маштоц. Видные деятели армянской культуры (V–XVIII века). Ереван, ЕГУ: 7–17.
2. Акопян П.В. 2015. Армянское историописание в V–VII веках: возникновение, развитие и специфика. [Дисс. к. ист. н.]: 07.00.03. Всеобщая история. Белгород, 285.
3. Аревшатыан С.С. 1975. Давид Анахт и его роль в развитии древнеармянской философии. Давид Анахт. Сочинения. М., АН СССР; Мысль: 5–28.

4. Болгов Н.Н., Болгова А.М. 2016. Стефан Александрийский – последний схолярх. Проблемы истории, филологии и культуры. 2: 277–284.
5. Болгова А.М. 2016. Иоанн Филопон – христианский учитель VI в. и его значение в современном христианском образовании. 1917–2017: уроки столетия. Материалы ежегодных Митрофановских церковно-исторических чтений. Воронеж, 151–155.
6. Дамаский. 2019. Философская история (Жизнь Исидора). Мир поздней античности. Документы и материалы. Вып. 13. Белгород, БелГУ, 180.
7. Захария Схоластик. Жизнь Севера. 2019. Мир поздней античности. Документы и материалы. Вып. 14. Белгород, БелГУ, 100.
8. Лосев А.Ф. 1988. История античной эстетики. Том VII. Кн. 1. М., Искусство, 568; Кн. 2, 612.
9. Лосев А.Ф. 1992. История античной эстетики. Т. VIII. Кн. 1. М., Искусство, 652.
10. Олимпиодор. 1968. Памятники византийской литературы IV–IX веков. Отв. ред. Л.А. Фрейберг. М., Наука, 147.
11. Олимпиодор. 1979. Жизнь Платона. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., Мысль: 445–448.
12. Солопова М.А. 2008. Элий Александрийский. Античная философия: Энциклопедический словарь. М., Прогресс-Традиция: 800–802.
13. Чалоян В. 1946. Философия Давида Непобедимого. Ереван, Ахтанак, 322.
14. Athanassiadi P. 1993. Persecution and Response in Late Paganism: The Evidence of Damascius. *The Journal of Hellenic Studies*, Vol. 113: 1–29.
15. Eliae in Porphyrii isagogen et Aristotelis categorias commentaria. 1900. B., 104.
16. Guiland R. 1982. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire Byzantin III, L'ap-
oéparque. *Byzantinoslavica*. 43: 30–44.
17. Herrmann T. 1930. Joannes Philoponos als Monophysit. *Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde der älteren Kirche*. T. 29: 209–264.
18. Neumann C. 1829. Mémoire sur la vie et les ouvrages de David, philosophe arménien du Ve siècle de notre ère. *Nouveau Journal Asiatique*. 3: 3–22.
19. Olympiodori in Aristotelis Meteora. 1900. Berolini, 486.
20. Olympiodori In Platonis Gorgiam commentaria. 1970. Lipsiae, 602.
21. Olympiodori Prolegomena et in Aristotelis Categorias Commentaria. 1902. Berolini, 492.
22. Olympiodorus. 1956. Commentary on the First Alcibiades of Plato. Critical text and indices by L.G. Westerink. Amsterdam, 689.
23. Tara L. 2013. Identity, Philosophy, and the Problem of Armenian History in the Sixth Century. *History and Identity in the Late Antique Near East*. Ed. by Ph. Wood. Oxford University Press, 29–43.
24. The Greek Commentaries in Plato's *Phaedo*. 1976. Amsterdam – Oxford – New York, 562.
25. The Heritage of Armenian Literature. 2000. Vol. I. From the Oral Tradition to Golden Age. Coord. ed. A.J. Hacikyan. Wayne State University Press, Detroit, 564.
26. The Prosopography of the Later Roman Empire (PLRE). 1980. Vol. II, A. D. 395–527. Ed. by J. R. Martindale. Cambridge University Press, 1386.
27. The Prosopography of the Later Roman Empire. 1992. Vol. III, A. D. 527 – 641. Vol. IIIA (Abandanes – Jyād ibn Ghanm). Vol. IIIB (Kālādji – Zudius). Ed. by J. R. Martindale. Cambridge University Press, 1575.
28. Two Early Lives of Severos, Patriarch of Antioch. 2013. Ed. S. Brock, B. Fitzgerald. Liverpool: Liverpool University Press, 202.
29. van Lint T.M. 2012. From Reciting to Writing and Interpretation: Tendencies, Themes, and Demarcations of Armenian Historical Writing. *The Oxford History of Historical Writing*: 400–1400. Ed. by S. Foot and Ch. Robinson. Vol. 2. Oxford University Press: 180–200.
30. Verrycken K. 1990. The development of Philoponus' thought and its chronology. *Aristotle Transformed. The Ancient Commentators and Their Influence*. Ed. by R. Sorabji. Cornell University Press; Ithaca, New York: 233–275.
31. Westerink L.G. 1961. Elias on the Prior Analytics. *Mnemosyne*, 14: 126–139.
32. Westerink L.G. 1962. Anonymous Prolegomena to Platonic Philosophy. Amsterdam: North-Holland Publishing Co., lii+69.
33. Westerink L.G. 1964. Elias und Plotin. *Byzantinische Zeitschrift*. 57: 26–32.
34. Westerink L.G. 1967. Pseudo-Elias. *Lectures on Porphyry's Isagoge*. Amsterdam, 486.

35. Westerink L.G. 1971. Ein astrologisches Kolleg aus dem Jahre 564. *Byzantinische Zeitschrift*. 64: 6–21.
36. Westerink L.G. 1980. *Elias on the Prior Analytics. Texts and Studies in Neoplatonism and Byzantine Literature*. Amsterdam: 59–72.
37. Westerink L.G. 1990. The Alexandrian commentators and the introductions to their commentaries. *Aristotle Transformed. The Ancient Commentators and Their Influence*. Ed. by R. Sorabji. Cornell University Press; Ithaca, New York: 325–349.
38. Wildberg C. 1990. Three Neoplatonic Introductions to Philosophy: Ammonius, David and Elias. *Hermathena*. 149: 33–51.
39. Wilson N.G. 1983. *Scholars of Byzantium*. L., Variorum, 412.

References

1. Agayan E.B. 1982. Mesrop Mashtoc. Vidnye deyateli armyanskoj kul'tury (V–XVIII veka) [Prominent figures of Armenian culture (V–XVIII centuries).]. Erevan, EGU: 7–17.
2. Akopyan P.V. 2015. Armyanskoe istoriopisanie v V–VII vekah: vozniknovenie, razvitie i specifika [Armenian historiography in the V–VII centuries: the emergence, development and specificity.]. [Diss. k. ist. n.]: 07.00.03. Vseobshchaya istoriya. Belgorod, 285.
3. Arevshatyan S.S. 1975. David Anaht i ego rol' v razvitii drevnearmyanskoj filosofii [David Anakht and his role in the development of ancient Armenian philosophy]. *David Anaht. Sochineniya* [Works]. M., AN SSSR; Mysl': 5–28.
4. Bolgov N.N., Bolgova A.M. 2016. Stefan Aleksandrijskij – poslednij skholarh [Stefan of Alexandria – the last scholar]. *Problemy istorii, filologii i kul'tury* [Problems of History, Philology and Culture]. 2: 277–284.
5. Bolgova A.M. 2016. Ioann Filopon – hristianskij uchitel' VI v. i ego znachenie v sovremenom hristianskom obrazovanii [John Philopon – Christian teacher of the 6th century and its importance in modern Christian education]. 1917–2017: uroki stoletiya. Materialy ezhegodnyh Mitrofanovskih cerkovno-istoricheskikh chtenij [1917–2017: the lessons of the century. Materials of the annual Mitrofanov Church-Historical Readings]. Voronezh, 151–155.
6. Damaskij. 2019. *Filosofskaya istoriya (Zhizn' Isidora)* [Philosophical History (The Life of Isidore)]. Mir pozdnej antichnosti. Dokumenty i materialy [World of late antiquity. Documents and materials]. Vyp. 13. Belgorod, BelGU, 180.
7. Zahariya Skholastik. Zhizn' Severa [Life of Severus]. 2019. Mir pozdnej antichnosti. Dokumenty i materialy [World of late antiquity. Documents and materials]. Vyp. 14. Belgorod, BelGU, 100.
8. Losev A.F. 1992. *Istoriya antichnoj estetiki* [History of Ancient Aesthetics]. T. VII. Kn. 1. M., Iskusstvo, 658. Kn. 2, 612.
9. Losev A.F. 1992. *Istoriya antichnoj estetiki* [History of Ancient Aesthetics]. T. VIII. Kn. 1. M., Iskusstvo, 652.
10. Olimpodor. 1968. *Pamyatniki vizantijskoj literatury IV–IX vekov* [Monuments of Byzantine literature of the IV–IX centuries]. Otv. red. L.A. Frejberg. M., Nauka, 147.
11. Olimpodor. 1979. *Zhizn' Platona* [Plato's life]. Diogen Laertsij. O zhizni, ucheniyah i izrecheniyah znamenityh filosofov [On the life, teachings and sayings of famous philosophers]. M., Mysl': 445–448.
12. Solopova M.A. 2008. *Elij Aleksandrijskij* [Elias of Alexandria]. *Antichnaya filosofiya: Enciklopedicheskij slovar'* [Antique Philosophy: Encyclopedic Dictionary]. M., Progress-Tradiciya: 800–802.
13. Chaloyan V. 1946. *Filosofiya Davida Nepobedimogo* [Philosophy of David the Invincible]. Erevan, Ahtanak, 322.
14. Athanassiadi P. 1993. Persecution and Response in Late Paganism: The Evidence of Damascius. *The Journal of Hellenic Studies*, Vol. 113: 1–29.
15. Eliae in Porphyrii isagogen et Aristotelis categorias commentaria. 1900. B., 104.
16. Guiland R. 1982. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire Byzantin III, L'apôparque. *Byzantinoslavica*. 43: 30–44.
17. Herrmann T. 1930. Joannes Philoponos als Monophysit. *Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde der älteren Kirche*. T. 29: 209–264.
18. Neumann C. 1829. Mémoire sur la vie et les ouvrages de David, philosophe arménien du Ve siècle de notre ère. *Nouveau Journal Asiatique*. 3: 3–22.

19. Olympiodori in Aristotelis Meteora. 1900. Berolini, 486.
20. Olympiodori In Platonis Gorgiam commentaria. 1970. Lipsiae, 602.
21. Olympiodori Prolegomena et in Aristotelis Categorias Commentaria. 1902. Berolini, 492.
22. Olympiodorus. 1956. Commentary on the First Alcibiades of Plato. Critical text and indices by L.G. Westerink. Amsterdam, 689.
23. Tara L. 2013. Identity, Philosophy, and the Problem of Armenian History in the Sixth Century. History and Identity in the Late Antique Near East. Ed. by Ph. Wood. Oxford University Press, 29–43.
24. The Greek Commentaries in Plato's Phaedo. 1976. Amsterdam – Oxford – New York, 562.
25. The Heritage of Armenian Literature. 2000. Vol. I. From the Oral Tradition to Golden Age. Coord. ed. A.J. Hacikyan. Wayne State University Press, Detroit, 564.
26. The Prosopography of the Later Roman Empire (PLRE). 1980. Vol. II, A. D. 395–527. Ed. by J. R. Martindale. Cambridge University Press, 1386.
27. The Prosopography of the Later Roman Empire. 1992. Vol. III, A. D. 527 – 641. Vol. IIIA (Abandanes – Jyād ibn Ghanm). Vol. IIIB (Kālādji – Zudius). Ed. by J. R. Martindale. Cambridge University Press, 1575.
28. Two Early Lives of Severos, Patriarch of Antioch. 2013. Ed. S. Brock, B. Fitzgerald. Liverpool: Liverpool University Press, 202.
29. van Lint T.M. 2012. From Reciting to Writing and Interpretation: Tendencies, Themes, and Demarcations of Armenian Historical Writing. The Oxford History of Historical Writing: 400–1400. Ed. by S. Foot and Ch. Robinson. Vol. 2. Oxford University Press: 180–200.
30. Verrycken K. 1990. The development of Philoponus' thought and its chronology. Aristotle Transformed. The Ancient Commentators and Their Influence. Ed. by R. Sorabji. Cornell University Press; Ithaca, New York: 233–275.
31. Westerink L.G. 1961. Elias on the Prior Analytics. Mnemosyne, 14: 126–139.
32. Westerink L.G. 1962. Anonymous Prolegomena to Platonic Philosophy. Amsterdam: North-Holland Publishing Co., lii+69.
33. Westerink L.G. 1964. Elias und Plotin. Byzantinische Zeitschrift. 57: 26–32.
34. Westerink L.G. 1967. Pseudo-Elias. Lectures on Porphyry's Isagoge. Amsterdam, 486.
35. Westerink L.G. 1971. Ein astrologisches Kolleg aus dem Jahre 564. Byzantinische Zeitschrift. 64: 6–21.
36. Westerink L.G. 1980. Elias on the Prior Analytics. Texts and Studies in Neoplatonism and Byzantine Literature. Amsterdam: 59–72.
37. Westerink L.G. 1990. The Alexandrian commentators and the introductions to their commentaries. Aristotle Transformed. The Ancient Commentators and Their Influence. Ed. by R. Sorabji. Cornell University Press; Ithaca, New York: 325–349.
38. Wildberg C. 1990. Three Neoplatonic Introductions to Philosophy: Ammonius, David and Elias. Hermathena. 149: 33–51.
39. Wilson N.G. 1983. Scholars of Byzantium. L., Variorum, 412.

Ссылка для цитирования статьи Link for article citation

Болгова А.М., Руднева М.А. 2020. Александрийская философская школа в середине – 2-й пол. VI в.: Олимпиодор, Элий, Давид. *Via in tempore. История. Политология*, 47(1): 67–77.
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-67-77

Bolgova A.M., Rudneva M.A. 2020. Alexandrian school between the middle and the end of 6th century: Olympiodorus, Elias, David. *Via in tempore. History and political science*, 47(1): 67–77 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-67-77

УДК 94 (436).08; 94 (497.11)

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-78-90

ВОЕННАЯ ЭПИДЕМИОЛОГИЯ АВСТРО-ВЕНГРИИ В ОККУПИРОВАННОЙ СЕРБИИ МЕЖДУ МЕДИЦИНОЙ И ПРОПАГАНДОЙ. 1915–1918 гг.**MILITARY EPIDEMIOLOGY OF AUSTRIA-HUNGARY IN THE OCCUPIED SERBIA BETWEEN MEDICINE AND PROPAGANDA. 1915–1918****В.В. Миронов****V.V. Mironov**

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
Россия, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33

Tambov State University named after G.R. Derzhavin,
33 Internationalnaja St, Tambov, 392000, Russia

E-mail: mironov.vladimir@hotmail.com

Аннотация

В статье рассматривается становление концепции общественного здоровья в странах Западной Европы второй половины XIX – начала XX вв. и обусловленное ею восприятие Сербии европейским медицинским сообществом как неблагополучного государства, делавшего лишь первые шаги на пути улучшения эпидемиологической ситуации. В пропаганде Австро-Венгрии подчеркивалась «цивилизаторская миссия» Габсбургской империи в оккупированной Сербии в форме борьбы военных медиков с эпидемическими заболеваниями. Автор приходит к выводу, что главной ее причиной являлось стремление оккупантов защитить собственный контингент.

Abstract

The article considers the formation of the concept of public health in Western Europe in the second half of the XIX – early XX centuries and due to its perception by the European medical community of Serbia as a dysfunctional state that took only the first steps towards improving the epidemiological situation. In the years 1914–1915 Serbia experienced a severe epidemic of typhus, the consequences of which were exacerbated by the complete disruption of the medical service as a result of the military disaster of 1915. To justify the military presence in Serbia, the Austro-Hungarian propaganda widely resorted to a «civilizational argument», which was to emphasize the contribution of the military physicians of the Habsburg monarchy to the «sanitary revival» of Serbia. Without denying the individual achievements of the occupiers in the fight against epidemic diseases, the author concludes that its main reason was the authorities' desire to protect them from their own military and civilian contingent, which was in close contact with the civilian population.

Ключевые слова: Первая мировая война, Австро-Венгрия, Сербия, общественное здоровье, военная эпидемиология, сыпной тиф, пропаганда.

Keywords: World War I, Austria-Hungary, Serbia, public health, military epidemiology, typhus, propaganda.

Главным предметом анализа настоящей статьи является попытка оккупационной военной администрации Австро-Венгрии в Сербии в годы Первой мировой войны привить санитарно-гигиенические нормы гражданскому населению в условиях широкого распространения эпидемических заболеваний для легитимации экспансионистских планов дуалистической монархии на Балканском полуострове. В основу статьи лег историко-сравнительный метод, позволивший сопоставить степень имплементации санитарно-гигиенических норм в государствах Западной и Центральной Европы с аналогичной ситуацией в Сербии на протяжении 2-й половины XIX – начала XX вв. В работе над статьей

использовались также методы междисциплинарного анализа. Благодаря историко-статистическому методу удалось выяснить масштабы распространения эпидемических заболеваний в административно-территориальных единицах оккупированной Сербии.

Эволюция идеи социального прогресса в государствах Западной Европы, восходившей к эпохе Просвещения и событиям Французской революции конца XVIII в., сопровождалась процессом так называемой «медикализации» общества, т. е. расширения врачебной компетенции и разработкой концепции общественного здоровья. В рамках экспериментальной медицинской отрасли – бактериологии, традиционно ассоциирующейся с деятельностью Л. Пастера и Р. Коха, произошло становление социальной гигиены [Taddei, 2010, S. 22; Michl, 2007, S. 47–48]. Она в первую очередь была призвана решить ряд острых проблем, порожденных социальными последствиями урбанизации и индустриализации: скученности, плохих жилищных условий рабочих, граничивших с антисанитарией, осуществления контроля над качеством питьевой воды в городах, своевременного вывоза мусора и нечистот, создания дезинфекционных пунктов [Frey, 1997, S. 287–288, 290–309]. Просветительская миссия новой медицинской отрасли, осуществлявшаяся в рамках политики «социального дисциплинирования», находила свое выражение в разъяснительной работе среди населения по профилактике эпидемий инфекционных заболеваний и привития ему элементарных гигиенических навыков.

Относительно низкие бытовые стандарты, имманентно присущие традиционным аграрным обществам Балкан, стали в последней трети XIX в. предметом острой критики представителей западноевропейской медицины, пропагандировавших передовые достижения индустриальной цивилизации в области социальной гигиены. В частности, западноевропейское врачебное сообщество было обеспокоено распространением в Балканском регионе алкоголизма, венерических заболеваний, существованием стойкого предубеждения среди жителей Балкан против методов лечения, практиковавшихся современной медициной, равно как сохранением в традиционных обществах популярности народного целительства [Promitzer, Trubeta, Turda, 2011, p. 6].

Представляется продуктивным интерпретировать содержание констатированной выше «парадигмы отсталости» применительно к социокультурному развитию Балкан не только через призму социальной истории медицины, но и рассматривать в рамках более широкого научного контекста.

Так, незатихающие дискуссии в зарубежной историографии вызвала книга американского исследователя М. Тодоровой, акцентирующей внимание на проблеме исторической преемственности при конструировании на протяжении XIX–XX вв. «балканского образа» как цивилизационной периферии с помощью таких неизменных стереотипов, как «варварство», «непредсказуемое поведение балканских народов», «племенная организация общества» [Todorova, 2009]. Состоятельность концепции М. Тодоровой активно оспаривает берлинский историк Х. Зюндхаузен, справедливо полагающий, что в западноевропейском общественном мнении последней трети XIX – начала XX вв. существовало многомерное восприятие Балкан, не исчерпывавшееся набором одних только пейоративных клише [Sundhaussen, 1999].

Обретение Сербией государственной независимости, юридически зафиксированной в одной из статей Берлинского трактата 1878 г., создало необходимые предпосылки для последующей модернизации национальной системы здравоохранения [Goršević, 1888, S. 419]. Масштабная реорганизация сербской медицинской службы, последовавшая весной 1881 г., привела к усилению санитарного контроля над повседневной жизнью населения. Официально зарегистрированные случаи инфекционных заболеваний стали оглашаться с помощью объявлений, прикреплявшихся к стенам жилых домов, где находились больные. К компетенции сербских врачей относился надзор за поддержанием чистоты в жилых помещениях, а также за тем, чтобы рядом с колодцами не устраивались навозные кучи и отхожие места. Жесткой регламентации подверглись нормы, касавшиеся организации захоронений: кладбища должны были располагаться в городской черте на расстоянии не менее 1 км от жилых домов, а в селах – не менее 250 м. Запрещались транспортировка умерших в открытых гробах к месту захоронения и при-

влечение школьников к участию в похоронной процессии. Были проведены работы по осушению болот, являвшихся источником заболеваемости малярией [Duraković, 2014a, S. 102–120].

Свидетельством усиления внимания сербского государства к необходимости гигиенического просвещения населения стало создание при министерстве внутренних дел еженедельника «Narodno zdravlje», распространявшегося через подписку в муниципальных органах, школах, а также среди частных лиц [Gorčević, 1888, S. 113]. В целях популяризации гигиенических знаний среди крестьянского населения сербское правительство учредило специальную стипендию для стажировки в министерстве общественного здравоохранения Германии, обладателем которой стал М. Йованович-Батут [Gorčević, 1888, S. 119].

Вместе с тем вопреки просветительской деятельности, развернувшейся в конце XIX – начале XX вв., не удалось добиться того, чтобы врач в сельской местности стал «властителем» крестьянских душ. Полковник венгерского гонведа Г. Фюлек фон Виттинггаузен, характеризуя санитарные условия в выпущенном в 1883 г. справочном труде, отмечал незавидное положение медика в Сербии, «поскольку городские жители и крестьяне избегают его как злейшего врага и обращаются к нему только тогда, когда все знахарства не помогли. Даже если поблизости есть разумный врач, серб лучше обратиться к знахарке. – От каждой болезни есть своя трава». Это общая, не только сербская, а южнославянская поговорка» [Fülek v. Wittinghausen, Szatmárvár, 1883, S. 45]. Представление о ценностях западной медицинской науки как единственно возможном пути обретения здоровья продолжало оставаться в преимущественно аграрном и неграмотном сербском обществе уделом высокообразованных интеллектуалов [Pantović, 2013, p. 21]. По данным статистики 1908 г., в Сербии насчитывалось 287 врачей, включая 47 военных докторов [Sundhaussen, 1989, S. 589]. Среди наиболее распространенных причин смерти в сербском населении от остро инфекционных заболеваний лидировали в 1906–1910 гг. легочный туберкулез, коклюш, скарлатина, оспа и тиф [Sundhaussen, 1989, S. 585–586].

Военным конфликтам на протяжении обозримой человеческой истории всегда сопутствовали эпидемии различных инфекционных заболеваний, жертвами которых становились не только комбатанты, но и представители гражданского населения. В то время, когда в странах Западной Европы в 1914–1918 гг. удалось разрушить априори существовавшую взаимосвязь между войнами и эпидемиями благодаря достижениям в области общественного здравоохранения, в Российской империи, Австро-Венгрии и особенно в Сербии полностью ликвидировать угрозу распространения военных инфекций в эпидемических формах оказалось намного сложнее [Delaporte, 2012, p. 295].

Вступление австро-венгерского общества в Первую мировую войну сопровождалось милитаризацией медицины, которая была призвана в условиях военного времени встать на стражу общественного здоровья и обеспечить тем самым максимальную степень боеспособности вооруженных сил. В серии распоряжений, изданных местными властями уже летом-осенью 1914 г. гражданскому населению Австро-Венгрии предписывалось следить за чистотой жилищ и улиц, источников питьевой воды, кладбищ, а также соблюдать правила личной гигиены и своевременно извещать габсбургскую администрацию о случаях инфекционных заболеваний [Sanitätspolizeiliche Vorschriften für Massenquartiere und dergleichen – Kundmachung – Wien. 1914. 09; Gesundheitspflege – Kundmachung – Laibach – Mehrsprachiges Plakat. 1914.08.07]. Большая роль в профилактике последних, особенно оспы и холеры, стала отводиться прививкам [Der Seuchen-Wetterwinkel. Erfolge der Schutzimpfung in Galizien]. Популяризации гигиенических знаний в Австро-Венгрии как поведенческого императива, продиктованного условиями военного времени, способствовал выпуск специальных брошюр, адресованных гражданскому населению [Pretori, 1914; Prausnitz, 1915; Fejes, 1917].

Борьба с эпидемиями принадлежала к главным приоритетам военной медицины довоенного времени как в Германии, так и в Австро-Венгрии, что объяснялось опытом предыдущих войн, в которых количество военнотружущих, умерших в результате эпидемий, многократно превосходило число собственно жертв, погибших на поле боя и скончавшихся от ран [Hofer, 2004, S. 205]. Но довоенным прогнозам армейских медиков, пред-

сказывавших типичное для предшествовавших войн соотношение между убитыми и умершими от эпидемий, было не суждено сбыться, поскольку именно Первая мировая война стала первым в истории человечества военным конфликтом, в котором численность людских потерь от последствий применения различных видов оружия значительно превысила количество жертв эпидемий [Bergen, 2009, p. 140].

Выявление эпидемических инфекционных заболеваний и принятие адекватных для их скорейшей ликвидации медицинских и иных мер относились в австро-венгерской армии к компетенции сразу нескольких инстанций и служб. Высшим военно-гигиеническим органом, функционировавшим при каждом командовании армейского уровня, являлись санитарные комиссии (Salubritätskommission), в состав которых входили врачи, ветеринары, аптекари и химики [Steiner, 1926, S. 98]. Задаче своевременного распознавания микробиологической природы инфекционных заболеваний служили бактериологические и химические полевые лаборатории, переданные в начале войны в распоряжение вооруженных сил Австрийским Красным Крестом. На Балканском фронте в 1915–1918 гг. действовала бактериологическая железнодорожная лаборатория, оперативно реагирующая на поступавшую информацию о вспышках эпидемий в тех или иных регионах [Steiner, 1926, S. 99].

Проведением дезинфекционных мероприятий занимались сформированные под началом офицеров санитарной службы технические бригады (всего – 126), 11 из которых были специально предназначены для борьбы с сыпным тифом и имели в своем распоряжении соответствующее оснащение. Персонал технических бригад, сконцентрированных на борьбе с сыпным тифом, рекрутировался из военнотрудовых Львовского гарнизонного госпиталя, у которых был выработан иммунитет к данному заболеванию [Steiner, 1926, S. 100]. Необходимый при лечении инфекционных заболеваний режим принудительной изоляции больных обеспечивался с помощью создания особых инфекционных госпиталей, оборудованных аппаратами для проведения дезинфекции и душевыми. С 1915 г., после того как была установлена четкая причинная связь между завшивленностью и заболеваемостью сыпным тифом, инфекционные госпитали стали оснащаться дезинсекционными камерами [Raschofsky, 1926, S. 123–124].

Ведущие австро-венгерские военврачи были твердо убеждены в том, что таким опасным заболеваниям, как сыпной тиф, вспыхивавшим среди гражданского населения фронтовой полосы, можно было эффективно противостоять только с помощью системы инфекционных госпиталей. «Вся семья заболевшего, – отмечал в 1917 г. военврач, профессор Р. Дёр, консультировавший армейское командование по вопросам гигиены, – помещалась в госпиталь, проходила процедуру уничтожения вшей и находилась под постоянным врачебным наблюдением, пока ее жилище подвергалось дезинфекции» [Doerr, 1917, S. 1061]. Вопреки сложившейся в довоенный период преимущественно эпидемиологической ориентации армейской медицины Австро-Венгрии, осенью 1914 г. военным медикам лишь с большим трудом удалось локализовать очаги холеры, дизентерии и тифа, возникшие на Восточном фронте [Hofer, 2004, S. 206].

«Бани и прачечные служат в первую очередь для устранения педикулеза, борьба с которым ведется по этой причине с особой энергией, поскольку вошь рассматривается в качестве переносчика сыпного и возвратного тифов – заболеваний, которые встречаются исключительно на Восточном и Южном фронтах и обуславливают высокую смертность. В мирное время платяная вошь была неизвестна как у нас, так и у наших западных врагов, и, напротив, тогда же она была широко распространена в России и у балканских народов», – безапелляционно утверждал в 1917 г. немецкий врач Фридбергер в одной из предназначенных для гражданского населения просветительских брошюр [Friedberger, 1917, S. 44–45]. В этой связи правомерна постановка вопроса о культурных границах между военными противниками во время Первой мировой войны, искусственно создававшихся в том числе с помощью пропагандистской инструментализации гигиены и эпидемиологии.

Образ врага, формировавшийся в сознании австро-венгерского общества в годы Первой мировой войны, также следовал подобной логике. Вражеские государства, в частности, Сербия и Россия, стали ассоциироваться с очагами опасных инфекций, заносившимися в тыловые рай-

оны Австро-Венгрии фронтовиками, беженцами и военнопленными. Особое внимание австро-венгерских военврачей было приковано к Сербии, где в конце 1914 – начале 1915 гг. в результате эпидемического распространения «трех тифов» умерли от 150 до 200 тыс. гражданских и военнослужащих [Йованович, 2002, с. 149]. В этом отношении показательно противопоставление эффективности своевременно принятых военно-медицинскими органами Австро-Венгрии антиэпидемических мер для обуздания сыпного тифа в Сербии после ее оккупации германскими, австро-венгерскими и болгарскими войсками, якобы царившей до того вопиющей антисанитарии: «Опыт прежних войн служит достаточным доказательством того, что эпидемии свирепствуют и в условиях нынешней войны всегда наносят больший урон там, где вместо гигиенических правил царят грязь и дикость. Наблюдавшиеся в Сербии гигантские эпидемии, жертвами которых, к сожалению, пали многие наши храбрые солдаты, являются убедительным тому доказательством, как и тот факт, что они были тотчас же устранены, как только наши сыновья победоносно вступили на землю этой страны» [John, 1917, S. 582].

В медицинской истории Первой мировой войны, созданной австрийскими военврачами в межвоенный период, причины заражения собственных военнослужащих инфекционными заболеваниями объяснялись, как правило, тесными контактами с гражданским населением прифронтовых районов, якобы не имевшим никаких представлений о необходимости поддержания чистоты и утилизации бытовых отходов. Так, распространение эпидемий сыпного и брюшного тифа в особо широких масштабах на территории Русской Польши и Сербии во время Первой мировой войны однозначно связывалось с довоенной ситуацией, стабильно характеризовавшейся сохранением очагов указанных заболеваний [Raschofsky, 1926, S. 126–127]. Как полагает австрийская исследовательница И. Дуракович, успешный эпидемический контроль на фоне плохих санитарных условий в Сербии стал своеобразным мерилем степени цивилизованности общества и сохранил свое значение в этом качестве после окончания Первой мировой войны [Duraković, 2014b, p. 276–277].

Австро-венгерская оккупационная администрация рассчитывала решить ряд важных военно-стратегических, пропагандистских и собственно санитарных задач с помощью комплекса неотложных мер, направленных на восстановление пришедшей в полный упадок к концу 1915 г. системы здравоохранения в Сербии. В первую очередь речь шла о создании санитарного кордона, надежно защищавшего территорию Габсбургской монархии от эпидемий балканского происхождения. Глава австро-венгерской военно-медицинской службы в Сербии, старший полковой врач 1-го класса Я. Лохбилер, завершая вступительную статью в приуроченном к годовщине учреждения военного генерал-губернаторства номере журнала «Der Militärarzt» от 3 февраля 1917 г., особо остановился на значимости проделанной санитарной работы для Габсбургской монархии: «С особым удовлетворением нас, врачей, наполняет сознание, что нам удалось уберечь свое Отечество от перекидывавшегося во все времена с Балкан на Запад пламени разнообразных эпидемий. Мы будем также впредь нести верную санитарную вахту на Дунае и Саве!» [Lochbihler, 1917 S. 34]. Обеспечение бесперебойного движения воинских эшелонов, пассажирских составов и перевозок военных грузов в результате установления наземного сообщения с союзными Болгарией и Османской империей сделало необходимым создание надежного в эпидемиологическом плане транспортного коридора, связывавшего Австро-Венгрию со своими партнерами по Четвертому Союзу [Figatner, 1917, S. 38]. Пассажиры, следовавшие железнодорожным транспортом из Германии в балканском направлении через территорию Австро-Венгрии, на обратном пути обязаны были предъявить справку, удостоверявшую прохождение процедуры уничтожения вшей или отсутствие в таковой надобности. Указанная справка выдавалась контролирующими органами германского армейского командования в Константинополе, Софии, военными комендатурами Ниша и Белградского железнодорожного вокзала на немецком, венгерском, болгарском и турецком языках. Посадки на промежуточных станциях разрешалось совершать только тем гражданским лицам и военнослужащим, которые обладали подобными бумагами [Der Balkanzug – entlausungspflichtig].

Пропагандистская подоплека австро-венгерского «культуртрегерства» объяснялась стремлением Вены затушевать собственные военные преступления, совершенные против сербского гражданского населения как в период военных действий, так и во время оккупации. Имидж спасителя сербского народа, оказавшегося бессильным перед лицом страшной эпидемии сыпного тифа, позволял оккупационной администрации перевести обсуждение послевоенного будущего страны в колониальное русло, поскольку в качестве одного из аргументов, выдвигавшихся против восстановления сербского государства в какой-либо форме, значилась именно неспособность его решить цивилизаторские задачи [Mandl, 1917, S. 180–181]. Апологией «культурной работы» Австро-Венгрии в оккупированной Сербии стала статья популярного сегодня венгерского политика и публициста О. Яси, опубликованная в феврале 1917 г. в будапештской газете «Pester Lloyd». Деятельность австро-венгерских военных медиков в Сербии, возложивших на себя нелегкую миссию приобщения крестьянского населения к достижениям современной гигиены и привития их от разнообразных инфекционных заболеваний, удостоилась самой лестной оценки автора: «Заслуживает восхищения то, что сделали наши brave врачи и наша администрация в области санитарного дела. За несколько месяцев были созданы условия, ни в чем не уступающие благоприятным в санитарном отношении районам тыла. Угроза для монархии постоянно исходит от Балкан, поскольку следующие транзитом через завоеванную территорию турецкие и албанские войска очень легко распространяют инфекции. Но наши врачи начеку и несут с воодушевлением санитарную защиту монархии» [Jaszi, 1917, S. 3].

Но созданная австро-венгерской пропагандой идиллическая картина грандиозных успехов, якобы достигнутых военной медициной в борьбе с эпидемиями инфекционных заболеваний, была страшно далека от действительности. Профилактические санитарные меры, включавшие проведение работ по уборке улиц, приведению в порядок кладбищ, дезинфекции городских кварталов, введение административных санкций за несоблюдение гигиенических правил, за отказ от принудительного уничтожения вшей и недоносительство в случае возникновения эпидемических заболеваний [Reinhaltung der Stadt – Kundmachung – Belgrad – Mehrsprachiges Plakat. 1915. 11; Hygienevorschriften – Kundmachung – Belgrad – Mehrsprachiges Plakat um 1915] объяснялись, как полагает сербский исследователь Б. Младенович, исключительно прагматическими соображениями оккупационной администрации, рассчитывавшей с их помощью оградить собственный военный и гражданский персонал от опасных инфекций [Младенович, 2011, с. 276–277].

Эпидемия сыпного тифа, вспыхнувшая в конце 1914 – начале 1915 гг., стоила сербскому народу огромных человеческих жертв. По подсчетам, сделанным сербскими историками медицины Д. Микичем, А. Недоком и Б. Пойовичем, сыпной тиф перенесли от 500 до 600 тыс. из всего населения, насчитывавшего тогда 4 млн 500 тыс. человек, т. е. 25 %. Смертность составила от 135 тыс. и выше, причем в эту цифру входят от 30 до 35 тыс. военнослужащих, умерших от сыпного тифа [Микић, Недок, Поповић, 2010, с. 195]. Предпосылки для гуманитарной катастрофы 1915 г. были созданы Балканскими войнами 1912–1913 гг., истощившими людские ресурсы сербского общества и обернувшимися грозными эпидемиями холеры и сыпного тифа [Sturzenegger, 1914, S. 66–68, 86–88]. Распространение заразных заболеваний среди сербского населения в 1914–1915 гг. становилось неизбежным в условиях практически полной мобилизации гражданских врачей [Proctor, 2010, p. 159], дефицита эпидемиологических знаний и катастрофической запущенности личной гигиены [Микић, Недок, Поповић, 2010, с. 187–189].

В этой связи реорганизация медицинского дела в оккупированной Сербии и осуществление эффективного контроля над состоянием здоровья местного населения, контактировавшего с австро-венгерскими военными и гражданскими чиновниками, превращались, по словам Я. Лохбилера, «в вопрос чрезвычайной для нас важности» [Lochbihler, 1917, S. 1]. 19 февраля 1916 г. в генерал-губернаторстве был издан указ о профилактических мерах в отношении ряда инфекционных заболеваний, список которых постоянно дополнялся в течение последующих лет. Такие общественно опасные инфекционные заболевания, как чума,

азиатская холера, брюшной тиф, дизентерия, сыпной тиф, возвратный тиф, скарлатина, дифтерия, лепра, родильная горячка, трахома, бешенство и некоторые другие были классифицированы как требовавшие обязательного информирования оккупационных властей представителями местной администрации в течение суток с момента появления их первых очагов, а в случае эпидемического распространения чумы, азиатской холеры и сыпного тифа дополнительно – карантинных мероприятий. Расходы по их организации, приобретению дезинфекционных средств, проведению вакцинации и процедуры уничтожения вшей несли органы местного самоуправления. Нарушение оккупационных законодательных норм, закрепленных в указе от 19 февраля 1916 г., каралось наложением штрафа размером в 5 000 крон или тюремным заключением до 6 месяцев [Трифуновић, 2009, с. 62].

В основе организации системы здравоохранения в оккупированной Сербии лежало административно-территориальное деление генерал-губернаторства, включавшее 13 округов. Они, в свою очередь, подразделялись на 54 района, в состав которых входили вместе с Белградом 854 общины. По состоянию на ноябрь 1916 г. общая численность врачебного персонала составляла 206 медиков различной специализации, 145 из которых были австро-венгерскими военврачами. Оккупационная администрация, испытывавшая нехватку квалифицированных медицинских кадров, вынуждена была принять на службу также 50 гражданских сербских специалистов, 8 греческих военных докторов и 3 иностранцев других национальностей [Figatner, 1917, S. 36]. Иными словами, в оккупированной Сербии несли службу 7 % представителей корпуса военных медиков Австро-Венгрии, насчитывавшего во время Первой мировой войны 2 000 чел. [Egli, 1918, S. 10].

В условиях полной дезорганизации сербского здравоохранения австро-венгерским властям пришлось заново создавать медицинскую и хозяйственную инфраструктуру, которая была призвана обеспечить осуществление эффективного санитарно-эпидемиологического контроля. В течение первых месяцев оккупации военврачи стремились ликвидировать угрозу распространения эпидемических заболеваний, исходившую от неконтролируемого движения миграционных потоков и пребывавшей в крайне запущенном состоянии личной гигиены сербских военнопленных. С этой целью в Младеноваце, Валево и в Белграде были созданы крупные карантинные станции, где производился медосмотр беженцев и военнопленных, их помывка, дезинсекция, вакцинация и обязательная многократная сдача медицинских анализов на предмет инфекционных заболеваний до получения отрицательного результата [Lochbihler, 1916, S. 1–2]. За точность медицинского заключения отвечала передвижная бактериологическая лаборатория инфекционных заболеваний в Белграде, функционировавшая при резервном госпитале «Брчко» [Figatner, 1917, S. 37].

В окружных и районных административных центрах были открыты общественные бани, регулярное посещение которых, служившее профилактическим средством против заболеваемости сыпным тифом, стало обязательным для местного населения. Вместе с тем мусульманская его часть, проживавшая на территории, приобретенной Сербией в результате Балканских войн (Митровица, Новипазар и Приеполье), не могла из-за давления религиозных догматов последовать нововведениям оккупантов, что серьезно затрудняло локализацию сыпного тифа [Weindling, 1999, p. 230].

На мусульманок, в отличие от сербских женщин, не распространялась обязанность посещения общественных бань как необходимая составляющая борьбы с завшивленностью. Стремясь сохранить союзника в лице мусульманского населения, оккупационные власти распорядились проводить медосмотр мусульманок докторам-женщинам, обучение которых началось в университетах Австро-Венгрии [Scheer, 2016, p. 1019].

Из 8 628 чел., обратившихся в ноябре 1916 г. за медицинской помощью в различные лечебные учреждения генерал-губернаторства (военные госпитали, окружные, районные и общинные больницы), доля заразившихся инфекционными заболеваниями составляла 1 493 (17,3 %). Соотношение по отдельным округам между зарегистрированными неинфекционными и заразными заболеваниями было следующим: город Белград – 3 532 и 246 (6,9 %); округ Белград – 100 и 180 (64,2 %); Чачак – 400 и 62 (15,5 %); Горный Мила-

новац – 100 и 20 (16,6 %); Крагуевац – 560 и 320 (36,3 %); Крушевац – 430 и 44 (9,2 %); Косовская Митровица – 345 и 200 (36,6 %); Новипазар – 60 и 40 (40 %); Приеполье – 48 и 24 (30 %); округ Семендриа – 240 и 45 (15,7 %); Шабац – 190 и 12 (5,9 %); Ужице – 46 и 0 (0 %); Валево – 630 и 300 (32,2 %) [Подсчитано по: Figatner 1917, S. 39–40]. Анализ приведенных статистических данных свидетельствует о том, что в округах «новой» Сербии с преимущественно мусульманским населением показатель инфекционной заболеваемости был несколько выше, чем в этнически сербских регионах (за исключением Белградского округа), являвшихся очагами эпидемии 1915 г. (Валево, Крагуевац).

Заслуживают пристального внимания выводы сербского исследователя Б. Трифуновича, которому удалось систематизировать причины смертности среди гражданского населения Чачакского округа во время австро-венгерской оккупации. Согласно приводимым им данным, с января по конец декабря 1916 г. в округе умерло 2 436 чел. Из них от инфекционных заболеваний скончались 743 жителя (30,5 %); от туберкулеза – 277 (11,4 %); от старческой слабости – 184 (7,5 %); другие причины – 1162 (47,7 %); 70 чел. умерли насильственной смертью, включая убийства, самоубийства и несчастные случаи (2,8 %) [Трифуновић, 2009, с. 49. Проценты подсчитаны нами]. По данным Б. Трифуновича, доля инфекционных больных в лечебных заведениях Чачакского округа колебалась в течение 1916 г. от 10 до 20 % всех обратившихся за медицинской помощью [Трифуновић, 2009, с. 64–65]. Что касается конкретных инфекционных заболеваний, то по сведениям за июнь 1916 г. в округе среди гражданских лиц были зарегистрированы 7 случаев заражения брюшным тифом, от которого скончались два человека; 6 случаев заражения эндемическим сифилисом; 3 случая заболеваемости дифтерией с одним летальным исходом; 45 случаев заболеваемости малярией с 21 летальным исходом; 15 случаев инфицирования венерическими заболеваниями [Трифуновић, 2009, с. 65].

Свое бессилие перед продолжавшимся распространением инфекционных заболеваний в оккупированной Сербии австро-венгерские медики предпочитали списывать на дурные в гигиеническом смысле бытовые привычки местного населения. В австро-венгерской военной пропаганде последовательно формировался пейоративный образ сербов, характерной чертой которого являлось указание на зашкваренность балканских народов: «В глубокой сербской провинции население проживает скученно в тесных хижинах вместе со скотом. Повсюду находятся насекомые-вредители, колодцы в плохом состоянии» [Unsere Militärverwaltung in Serbien].

С помощью ссылки на якобы кишевшие паразитами жилища сербских крестьян руководство австро-венгерской военно-медицинской службы оправдывало впоследствии их уничтожение как неподлежащих какой-либо дезинфекции [Raschofsky, 1926, S. 131]. Несовместимыми с требованиями современной гигиены были квалифицированы якобы недостаточно развитое у сербов чувство чистоты, совместное проживание многих персон в одной комнате и часто наблюдавшаяся привычка спать на полу [Figatner, 1917, S. 39]. Свойственный рассуждениям австро-венгерских военврачей морализаторский тон неизбежно сказывался на медицинском картографировании городского пространства, вмещавшего заведомо ущербные в санитарно-гигиеническом отношении кварталы – своеобразные эпидемические гетто. Так, в австро-венгерском военно-медицинском дискурсе рассадником заразы в Белграде считался еврейский квартал с характерной для него антисанитарией и не обременявшим себя соблюдением правил личной гигиены населением [Kilhof, 1917, S. 72; Schweeger, 1917, S. 102]. Вместе с тем, как полагает П. Вейндлинг, было бы несправедливо обвинять австро-венгерских военврачей в слепом следовании расистским предрассудкам, характерным для немецких бактериологов рассматриваемого периода. Твердое убеждение медиков в необходимости нести гигиеническое просвещение в массы было связано с их миссионерской самоидентификацией, а отнюдь не с нашедшим эмпирическое подтверждение в условиях оккупации чувством расового превосходства над сербским народом [Weindling, 1999, p. 230].

Реальная повседневность сербского народа, наполненная каждодневным страхом перед оккупантами и перспективой стать одной из жертв свирепствовавших эпидемий,

заметно контрастировала с пафосом победных реляций австро-венгерских военврачей, поспешивших известить весь мир о том, что «холера и сыпной тиф полностью устранены», а «санитарные учреждения, созданные по образцу культурных государств, защищают теперь страну от всякой заразы» [Miloslavich, 1917, S. 19].

Таким образом, можно констатировать, что с помощью пропагандистской инструментализации гигиены и эпидемиологии правящие круги Австро-Венгрии стремились обосновать свои экспансионистские амбиции в Балканском регионе, закамуфлированные цивилизаторскими, гуманитарными мотивами. Попытка насильственно «осчастливить» сербский народ достижениями медицинского прогресса была изначально обречена на неудачу в первую очередь из-за узко эгоистических интересов оккупантов, полагавших санитарные мероприятия вынужденной «самозащитой» дислоцированных в Сербии войск, гражданских чиновников и самой Габсбургской монархии.

Список литературы

1. Йованович М. 2002. «Умереть за Родину»: Первая мировая война или Столкновение «обычного человека» с тотальной войной. В кн.: Последняя война императорской России. Под ред. О. Айрапетова; Сост. О. Айрапетова; пер. с англ. О. Айрапетова; пер. с сербск. Л. Кузьмичевой; Вступит. статья О. Айрапетова. М., Три квадрата, 267.
2. Bergen, Leo van. 2009. *Bevor my Helpless Sight. Suffering, Dying and Military Medicine on the Western Front, 1914–1918*. Aldershot, Ashgate Publishing Ltd, 528.
3. Delaporte S. 2012. *Military Medicine*. In: *A Companion to World War I*. Ed by Horne J. (295–307). Oxford, WILEY-BLACKWELL, 728.
4. Der Balkanzug – entlausungspflichtig. In: Reichspost. Abendblatt. 26.02.1916.
5. Der Seuchen-Wetterwinkel. Erfolge der Schutzimpfung in Galizien In.: Reichspost. 10.09.1916.
6. Doerr R. 1917. Über die Tätigkeit der Hygieniker im Felde. In: *Wiener Medizinische Wochenschrift*. 24: 1059–1062.
7. Duraković I. 2014a. *Serbien und Modernisierungsproblem. Die Entwicklung der Gesundheitspolitik und sozialen Kontrolle bis zum Ersten Weltkrieg*. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien, Peter Lang. 484.
8. Duraković I. 2014b. *Serbia as a Health Threat to Europe: the Wartime Typhus Epidemic, 1914–1915*. In: *Other Fronts, Other Wars? : First World War Studies on the Eve of the Centennial*. (258–280). Ed. by Joachim Burgschwentner, Matthias Egger and Gunda Barth-Scalmani. Leiden; Boston, Brill, 521.
9. Egli K. 1918. *Berichte aus dem Felde*. Bd. 4. Auf dem italienischen Kriegsschauplatz im Januar 1918. Zürich, Schultheß, 100.
10. Fejes L. 1917. *Die Entstehung, Verbreitung und Verhütung der Seuchen, mit Erfahrungen aus dem Felde*. Berlin; Wien, Urban & Schwarzenberg, 149.
11. Figatner M. *Die Reorganisation des Sanitätswesen im Bereiche des k. u. k. Militärgeneralgouvernements Serbien*. In: *Der Militärarzt. Zeitschrift für das gesamte Sanitätswesen der Armeen. Sanitärer Wiederaufbau Serbiens. Festschrift anlässlich einjährigen Bestehens des k. u. k. Militär-General-Gouvernements in Serbien I*. (36–40). 3.02.1917. 33–64.
12. Frey M. 1997. *Der reinliche Bürger. Entstehung und Verbreitung bürgerlichen Tugenden in Deutschland, 1760–1860*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht GmbH & Co, 406.
13. Friedberger E. 1917. *Über Kriegsseuchen, einst und jetzt, ihre Bekämpfung und Verhütung*. Berlin: Siegmund, 48.
14. Fülek v. Wittinghausen und Szatmárvár H. 1883. *Das Königreich Serbien: geographisch-militärisch dargestellt*. Pressburg, Verlag von Gustav Heckenast's Nachfolger (Rudolf Drottleff), 148.
15. Gopčević S. 1888. *Serbien und die Serben*. Leipzig, B. Elischer Nachfolger (B. Winckler), 492.
16. *Gesundheitspflege – Kundmachung – Laibach – Mehrsprachiges Plakat*. 1914. 08. 07. URL <http://data.onb.ac.at/rec/baa14267717> (accessed: 29.04.2014).
17. Hofer H.G. 2004. *Nervenschwäche und Krieg. Modernitätskritik und Krisenbewältigung in der österreichischen Psychiatrie (1880–1920)*. Wien; Köln; Weimar, Böhlau Verlag, 443.
18. Jaszi O. *Aus dem besetzten Serbien. Die administrative und kulturelle Arbeit des Militärgeneralgouvernements*. In: *Pester Lloyd*. (3–4). 17.02.1917.
19. John K.M. 1917. *Über Typhusschutzimpfungen*. In: *Erstes Jahrbuch des Kriegsspitals der Geldinstitute in Budapest*. (581–594). Berlin, Verlag von Julius Springer, 760.

20. Kilhof M. K. u. k. Epidemiespital in Belgrad. In: Der Militärarzt. Zeitschrift für das gesamte Sanitätswesen der Armeen. Sanitärer Wiederaufbau Serbiens. Festschrift anlässlich einjährigen Bestehens des k. u. k. Militär-General-Gouvernements in Serbien II. (71–74). 10.03.1917. 65–103.
21. Kundmachung – Belgrad – Mehrsprachiges Plakat um 1915. URL <http://data.onb.ac.at/rec/baa14250506> (accessed: 16.03.2014).
22. Mandl L. 1917. Die Habsburger und die serbische Frage: Geschichte des staatlichen Gegensatzes Serbiens zu Österreich-Ungarn. Wien, Verlag von Moritz Perles, k. u. k. Hofbuchhandlung, 210.
23. Michl S. 2007. Im Dienste des «Volkskörpers». Deutsche und französische Ärzte im Ersten Weltkrieg Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht GmbH & Co, 307.
24. Микић Д., Недок А., Поповић Б. 2010. Заразне болести у српској војсци и народу 1914. и 1915. године. В кн.: Српски војни санитет 1914–1915. године. Уред. Александар С. Недок и Бранислав Поповић Београд: Управа за војно здравство Министарства одбране Републике Србије и Академија медицинских наука Српског лекарског друштва (181–205): 382. URL <http://www.rastko.rs/cms/files/books/4d50452e6bd5a> (accessed: 03.05.2014)
- Mikić D., Nedok A., Popović B. 2010. Zarazne bolesti u srpskoj vojsci i narodu 1914. i 1915. godine. V kn.: Srpski vojni sanitet 1914–1915. godine. Ured. Aleksandar S. Nedok i Branislav Popović. (181–205). Beograd: Uprava za vojno zdravstvo Ministarstva odbrane Republike Srbije i Akademija medicinskih nauka Srpskog lekarskog društva: 382. URL <http://www.rastko.rs/cms/files/books/4d50452e6bd5a> (accessed: 03.05.2014) (in Serbian).
25. Младеновић Б. 2011. Уређење простора у градовима Војно-генералног гувермана у Србији 1916–1918: Прилог проучавању односа између паралелних друштава. In: Просторно Планирање у Југоисточној Европи: (до другог светског рата). Уредник издања Бојана Миљковић-Катић; одговорни уредник Срђан Рудић. (269–285). Београд, Историјски институт: Балканолошки институт САНУ, Географски факултет Универзитета, 604.
- Mladenović B. 2011. Uređenje prostora u gradovima Vojno-generalnog guvermana u Srbiji 1916–1918: Prilog proučavanju odnosa između paralelnih društava In: Prostorno Planiranje u Jugoistočnoj Evropi: (do drugog svetskog rata). Urednik izdanja Bojana Miljković-Katić; odgovorni urednik Srđan Rudić (269–285). Beograd, Istorijski institut: Balkanološki institut SANU, Geografski fakultet Univerziteta, 604 (in Serbian).
26. Miloslavich E. Schlusswort. In: Der Militärarzt. Sanitärer Wiederaufbau Serbiens. Festschrift anlässlich einjährigen Bestehens des k. u. k. Militär-General-Gouvernements in Serbien III (119). 14.04.1917, 106–120.
27. Proctor M.T. 2010. Civilians in a World at War 1914–1918. L.; N.Y., New York University Press, 378.
28. Pantović L. 2013. Eugenics and the «Nation» in the Writings of a Turn of the Century Serbian Physician: the case of Milan Jovanović Batut. Budapest, 67. URL http://www.etd.ceu.hu/2013/pantovic_ljiljana.pdf (accessed: 26.03.2014).
29. Pretori H. 1914. Die Kriegsseuchen: ihre Verhütung und Bekämpfung. Wien, Edhoffer, 14.
30. Prausnitz W. 1915. Freiwillige Kriegsfürsorge auf dem Gebiete der Seuchenbekämpfung. Graz, Leuschner & Lubensky, 96.
31. Promitzer Ch., Trubeta S. Turda M. 2011. Framing Issues of Health, Hygiene and Eugenics in Southeastern Europe. In: Health, Hygiene and Eugenics in Southeastern Europe to 1945 (1–27). Ed. by Promitzer C, Trubeta, S. Turda M. Budapest; N.Y., Central European University Press, 440.
32. Raschofsky W. 1926. Militärärztliche Organisation und Leistungen der Epidemiespitäler der österreichisch-ungarischen Armee In: Volksgesundheit im Krieg (122–133). Hsg. von C. Pirquet. Wien, New Haven, Hölder-Pichler-Tempsky A.G. Yale University Press. I Teil, 428.
33. Reinhaltung der Stadt – Kundmachung – Belgrad – Mehrsprachiges Plakat. 1915 11. <http://data.onb.ac.at/rec/baa14250772> (accessed: 16.03.2014).
34. Rückblick von Oberstabsarzt 1. Klasse Dr. J. Lochbihler. In: Der Militärarzt. Zeitschrift für das gesamte Sanitätswesen der Armeen. Sanitärer Wiederaufbau Serbiens. Festschrift anlässlich einjährigen Bestehens des k. u. k. Militär-General-Gouvernements in Serbien I. (33–35). 3.02.1917, 33–63.
35. Sanitätspolizeiliche Vorschriften für Massenquartiere und dergleichen – Kundmachung – Wien. 1914 09. URL <http://data.onb.ac.at/rec/baa14291718> (accessed: 29.04.2014).
36. Scheer T. 2016. A Reason to Break the Hague Convention? The Habsburg Occupation Policy toward Balkan Muslims during World War I. In: War and Collapse: World War I and the Ottoman State. (1008–1022). Eds. M. Hakan Yavuz with Feroz Ahmad. Salt Lake City, University of Utah Press, 1505.

37. Sundhaussen H. 1989. Historische Statistik Serbiens 1834–1914. Mit europäischen Vergleichsdaten. München: R OLDENBOURG Verlag, 645.
38. Sundhaussen H. 1999. Europa balcanica. Der Balkan als historischer Raum Europas. (626–653). In: Geschichte und Gesellschaft. 25 Jahrgang. Heft 4, 653.
39. Steiner J. 1926. Der Militärärztliche Dienst des österreichisch-ungarischen Heeres während des Weltkrieges im Hinterlande und bei der Armee im Felde. In: Volksgesundheit im Krieg (78–108). Hsg. von C. Pirquet. Wien, New Haven, Hölder-Pichler-Tempsky A.G. Yale University Press. I Teil, 428.
40. Sturzenegger C. 1914. Serbisches Rote Kreuz und internationale Liebestätigkeit während der Balkankriege 1912/1913. Ein Erinnerungsblatt. Zürich: Verlag Art. Institut Orell Füssli, 128.
41. Schweeger O. Die Typhusepidemie in Belgrad im Jahre 1916 und frühen Endemien daselbst In: Der Militärarzt. Zeitschrift für das gesamte Sanitätswesen der Armeen. Sanitärer Wiederaufbau Serbiens. Festschrift anlässlich einjährigen Bestehens des k. u. k. Militär-General-Gouvernements in Serbien II (102–103). 10.03.1917, 65–103.
42. Taddei E. 2010. Franz von Otenthal. Arzt und Tiroler Landtagsabgeordneter (1818–1899). Wien; Köln; Weimar, Böhlau Verlag, 308.
43. Todorova M. 2009. Imagining the Balkans. Oxford, Oxford University Press, 288.
44. Трифуновић Б. 2009. Округ Чачак 1915–1918: последице окупације на свакодневни живот становништва. (45–68). In: Годишњак за друштвену историју. Београд, Филозофски факултет у Београду, Катедра за општу савремену историју. Удружење за друштвену историју, година XVI, № 1, 117.
- Trifunović B. 2009. Okrug Čačak 1915–1918: posledice okupacije na svakodnevni život stanovništva (45–68). In: Godišnjak za društvenu istoriju. Beograd, Filozofski fakultet u Beogradu, Katedra za opštu savremenu istoriju Udruga za društvenu istoriju, godina XVI, № 1, 117 (in Serbian).
45. Tuma A. v. Waldkampf. 1894. Serbien. Hannover, Helwig, 307.
46. Unsere Militärverwaltung in Serbien. In: Die Zeit. 31.03. 1916.
47. Weindling P. 1999. A virulent strain. German bacteriology as scientific racism, 1890–1920. In: Race, Science and Medicine, 1700–1960. (218–235). Ed. by W. Ernst, B. Harris. L.; N.Y, Routledge, 312.

References

1. Iovanovich M. 2002. «Umeret za Rodinu»: Pervaya mirovaya voina ili Stolknovenie «obychnogo cheloveka» s totalnoi voinoi [«To die for the motherland»: World War I or the clash of «ordinary man» with total war]. V kn.: Poslednyaya voina imperatorskoi Rossii [The last war of imperial Russia]. Pod red. O. Airapetova; Sost. O. Airapetova; Per. s angl. O. Airapetova; per. s serbsk. L. Kuzmichevoi; Vstupit. statya O. Airapetova. M., Tri kvadrata, 267.
2. Bergen, Leo van. 2009. Bevor my Helpless Sight. Suffering, Dying and Military Medicine on the Western Front, 1914–1918. Aldershot, Ashgate Publishing Ltd, 528.
3. Delaporte S. 2012. Military Medicine. In: A Companion to World War I. Ed by Horne J. (295–307). Oxford, WILEY-BLACKWELL, 728.
4. Der Balkanzug – entlausungspflichtig. In: Reichspost. Abendblatt. 26.02.1916.
5. Der Seuchen-Wetterwinkel. Erfolge der Schutzimpfung in Galizien In.: Reichspost. 10.09.1916.
6. Doerr R. 1917. Über die Tätigkeit der Hygieniker im Felde. In: Wiener Medizinische Wochenschrift. 24: 1059–1062.
7. Duraković I. 2014a. Serbien und Modernisierungsproblem. Die Entwicklung der Gesundheitspolitik und sozialen Kontrolle bis zum Ersten Weltkrieg. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien, Peter Lang. 484.
8. Duraković I. 2014b. Serbia as a Health Threat to Europe: the Wartime Typhus Epidemic, 1914–1915. In: Other Fronts, Other Wars?: First World War Studies on the Eve of the Centennial. (258–280). Ed. by Joachim Burgschwentner, Matthias Egger and Gunda Barth-Scalmani. Leiden; Boston, Brill, 521.
9. Egli K. 1918. Berichte aus dem Felde. Bd. 4. Auf dem italienischen Kriegsschauplatz im Januar 1918. Zürich, Schultheß, 100.
10. Fejes L. 1917. Die Entstehung, Verbreitung und Verhütung der Seuchen, mit Erfahrungen aus dem Felde. Berlin; Wien, Urban & Schwarzenberg, 149.
11. Figatner M. Die Reorganisation des Sanitätswesen im Bereiche des k. u. k Militärgeneralgouvernements Serbien. In: Der Militärarzt. Zeitschrift für das gesamte Sanitätswesen der Armeen. Sanitärer Wiederaufbau Serbiens. Festschrift anlässlich einjährigen Bestehens des k. u. k. Militär-General-Gouvernements in Serbien I. (36–40). 3.02.1917. 33–64.

12. Frey M. 1997. Der reinliche Bürger. Entstehung und Verbreitung bürgerlichen Tugenden in Deutschland, 1760–1860. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht GmbH & Co, 406.
13. Friedberger E. 1917. Über Kriegsseuchen, einst und jetzt, ihre Bekämpfung und Verhütung. Berlin: Siegismund, 48.
14. Fülek v. Wittinghausen und Szatmárvár H. 1883. Das Königreich Serbien: geographisch-militärisch dargestellt. Pressburg, Verlag von Gustav Heckenast's Nachfolger (Rudolf Drottloff), 148.
15. Gopčević S. 1888. Serbien und die Serben. Leipzig, B. Elischer Nachfolger (B. Winckler), 492.
16. Gesundheitspflege – Kundmachung – Laibach – Mehrsprachiges Plakat. 1914. 08. 07. URL <http://data.onb.ac.at/rec/baa14267717> (accessed: 29.04.2014).
17. Hofer H.G. 2004. Nervenschwäche und Krieg. Modernitätskritik und Krisenbewältigung in der österreichischen Psychiatrie (1880–1920). Wien; Köln; Weimar, Böhlau Verlag, 443.
18. Jaszi O. Aus dem besetzten Serbien. Die administrative und kulturelle Arbeit des Militärgeneralgouvernements. In: Pester Lloyd. (3–4). 17.02.1917.
19. John K.M. 1917. Über Typhusschutzimpfungen. In: Erstes Jahrbuch des Kriegsspitals der Geldinstitute in Budapest. (581–594). Berlin, Verlag von Julius Springer, 760.
20. Kilhof M. K. u. k. Epidemiespital in Belgrad. In: Der Militärarzt. Zeitschrift für das gesamte Sanitätswesen der Armeen. Sanitärer Wiederaufbau Serbiens. Festschrift anlässlich einjährigen Bestehens des k. u. k. Militär-General-Gouvernements in Serbien II. (71–74). 10.03.1917. 65–103.
21. Kundmachung – Belgrad – Mehrsprachiges Plakat um 1915. URL <http://data.onb.ac.at/rec/baa14250506> (accessed: 16.03.2014).
22. Mandl L. 1917. Die Habsburger und die serbische Frage: Geschichte des staatlichen Gegensatzes Serbiens zu Österreich-Ungarn. Wien, Verlag von Moritz Perles, k. u. k. Hofbuchhandlung, 210.
23. Michl S. 2007. Im Dienste des «Volkskörpers». Deutsche und französische Ärzte im Ersten Weltkrieg Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht GmbH & Co, 307.
24. Микић Д., Недок А., Поповић Б. 2010. Заразне болести у српској војсци и народу 1914. и 1915. године. В кн.: Српски војни санитет 1914–1915. године. Уред. Александар С. Недок и Бранислав Поповић Београд: Управа за војно здравство Министарства одбране Републике Србије и Академија медицинских наука Српског лекарског друштва (181–205): 382. URL <http://www.rastko.rs/cms/files/books/4d50452e6bd5a> (accessed: 03.05.2014)
- Mikić D., Nedok A., Popović B. 2010. Zarazne bolesti u srpskoj vojsci i narodu 1914. i 1915. godine. V kn.: Srpski vojni sanitet 1914–1915. godine. Ured. Aleksandar S. Nedok i Branislav Popović. (181–205). Beograd: Uprava za vojno zdravstvo Ministarstva odbrane Republike Srbije i Akademija medicinskih nauka Srpskog lekarskog društva: 382. URL <http://www.rastko.rs/cms/files/books/4d50452e6bd5a> (accessed: 03.05.2014) (in Serbian).
25. Младеновић Б. 2011. Уређење простора у градовима Војно-генералног гувернмана у Србији 1916–1918: Прилог проучавању односа између паралелних друштава. In: Просторно Планирање у Југоисточној Европи: (до другог светског рата). Уредник издања Бојана Миљковић-Катић; одговорни уредник Срђан Рудић. (269–285). Београд, Историјски институт: Балканолошки институт САНУ, Географски факултет Универзитета, 604.
- Mladenović B. 2011. Uređenje prostora u gradovima Vojno-generalnog guvernmmana u Srbiji 1916–1918: Prilog proučavanju odnosa između paralelnih društava In: Prostorno Planiranje u Jugoistočnoj Evropi: (do drugog svetskog rata). Urednik izdanja Bojana Miljković-Katić; odgovorni urednik Srđan Rudić (269–285). Beograd, Istorijski institut: Balkanološki institut SANU, Geografski fakultet Univerziteta, 604 (in Serbian).
26. Miloslavich E. Schlusswort. In: Der Militärarzt. Sanitärer Wiederaufbau Serbiens. Festschrift anlässlich einjährigen Bestehens des k. u. k. Militär-General-Gouvernements in Serbien III (119). 14.04.1917, 106–120.
27. Proctor M.T. 2010. Civilians in a World at War 1914–1918. L.; N.Y, New York University Press, 378.
28. Pantović L. 2013. Eugenics and the «Nation» in the Writings of a Turn of the Century Serbian Physician: the case of Milan Jovanović Batut. Budapest, 67. URL http://www.etd.ceu.hu/2013/pantovic_ljiljana.pdf (accessed: 26.03.2014).
29. Pretori H. 1914. Die Kriegsseuchen: ihre Verhütung und Bekämpfung. Wien, Edhoffer, 14.
30. Prausnitz W. 1915. Freiwillige Kriegsfürsorge auf dem Gebiete der Seuchenbekämpfung. Graz, Leuschner & Lubensky, 96.

31. Promitzer Ch., Trubeta S. Turda M. 2011. Framing Issues of Health, Hygiene and Eugenics in Southeastern Europe. In: *Health, Hygiene and Eugenics in Southeastern Europe to 1945* (1–27). Ed. by Promitzer C, Trubeta, S. Turda M. Budapest; N.Y., Central European University Press, 440.
32. Raschofsky W. 1926. Militärärztliche Organisation und Leistungen der Epidemiespitäler der österreichisch-ungarischen Armee In: *Volksgesundheit im Krieg* (122–133). Hsg. von C. Pirquet. Wien, New Haven, Hölder-Pichler-Tempsky A.G. Yale University Press. I Teil, 428.
33. Reinhaltung der Stadt – Kundmachung – Belgrad – Mehrsprachiges Plakat. 1915 11. <http://data.onb.ac.at/rec/baa14250772> (accessed: 16.03.2014).
34. Rückblick von Oberstabsarzt 1. Klasse Dr. J. Lochbihler. In: *Der Militärarzt. Zeitschrift für das gesamte Sanitätswesen der Armeen. Sanitärer Wiederaufbau Serbiens. Festschrift anlässlich einjährigen Bestehens des k. u. k. Militär-General-Gouvernements in Serbien I.* (33–35). 3.02.1917, 33–63.
35. Sanitätspolizeiliche Vorschriften für Massenquartiere und dergleichen – Kundmachung – Wien. 1914 09. URL <http://data.onb.ac.at/rec/baa14291718> (accessed: 29.04.2014).
36. Scheer T. 2016. A Reason to Break the Hague Convention? The Habsburg Occupation Policy toward Balkan Muslims during World War I. In: *War and Collapse: World War I and the Ottoman State.* (1008–1022). Eds. M. Hakan Yavuz with Feroz Ahmad. Salt Lake City, University of Utah Press, 1505.
37. Sundhaussen H. 1989. Historische Statistik Serbiens 1834–1914. Mit europäischen Vergleichsdaten. München: R OLDENBOURG Verlag, 645.
38. Sundhaussen H. 1999. Europa balcanica. Der Balkan als historischer Raum Europas. (626–653). In: *Geschichte und Gesellschaft.* 25 Jahrgang. Heft 4, 653.
39. Steiner J. 1926. Der Militärärztliche Dienst des österreichisch-ungarischen Heeres während des Weltkrieges im Hinterlande und bei der Armee im Felde. In: *Volksgesundheit im Krieg* (78–108). Hsg. von C. Pirquet. Wien, New Haven, Hölder-Pichler-Tempsky A.G. Yale University Press. I Teil, 428.
40. Sturzenegger C. 1914. Serbisches Rote Kreuz und internationale Liebestätigkeit während der Balkankriege 1912/1913. Ein Erinnerungsblatt. Zürich: Verlag Art. Institut Orell Füssli, 128.
41. Schweeger O. Die Typhusepidemie in Belgrad im Jahre 1916 und führen Endemien daselbst In: *Der Militärarzt. Zeitschrift für das gesamte Sanitätswesen der Armeen. Sanitärer Wiederaufbau Serbiens. Festschrift anlässlich einjährigen Bestehens des k. u. k. Militär-General-Gouvernements in Serbien II* (102–103). 10.03.1917, 65–103.
42. Taddei E. 2010. Franz von Ottenthal. Arzt und Tiroler Landtagsabgeordneter (1818–1899). Wien; Köln; Weimar, Böhlau Verlag, 308.
43. Todorova M. 2009. *Imagining the Balkans.* Oxford, Oxford University Press, 288.
44. Трифуновић Б. 2009. Округ Чачак 1915–1918: последице окупације на свакодневни живот становништва. (45–68). In: *Годишњак за друштвену историју.* Београд, Филозофски факултет у Београду, Катедра за општу савремену историју. Удружење за друштвену историју, година XVI, № 1, 117.
- Trifunović B. 2009. Okrug Čačak 1915–1918: posledice okupacije na svakodnevni život stanovništva (45–68). In: *Godišnjak za društvenu istoriju.* Beograd, Filozofski fakultet u Beogradu, Katedra za opštu savremenu istoriju Udruženje za društvenu istoriju, godina XVI, № 1, 117 (in Serbian).
45. Tuma A. v. Waldkampf. 1894. Serbien. Hannover, Helwig, 307.
46. Unsere Militärverwaltung in Serbien. In: *Die Zeit.* 31.03. 1916.
47. Weindling P. 1999. A virulent strain. German bacteriology as scientific racism, 1890–1920. In: *Race, Science and Medicine, 1700–1960.* (218–235). Ed. by W. Ernst, B. Harris. L.; N.Y, Routledge, 312.

Ссылка для цитирования статьи

Link for article citation

Миронов В.В. 2020. Военная эпидемиология Австро-Венгрии в оккупированной Сербии между медициной и пропагандой. 1915–1918 гг. *Via in tempore. История. Политология*, 47(1): 78–90. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-78-90

Mironov V.V. 2020. Military epidemiology of Austria-Hungary in the occupied Serbia between medicine and propaganda. 1915–1918. *Via in tempore. History and political science*, 47(1): 78–90 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-78-90

УДК 94(479.22-25)

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-91-96

ИСТОРИЯ АРМЯНСКИХ ЦЕРКВЕЙ В КВАРТАЛЕ АВЛАБАР В ТБИЛИСИ**THE HISTORY OF THE ARMENIAN CHURCHES IN AVLABARI,
THE NEIGHBORHOOD OF TBILISI****Н.В. Парусова****N.V. Parusova**

Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный факультет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 11

Saint-Petersburg state University, The Faculty of Asian and African Studies,
11 Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russia

Email: natali.natali06@yandex.ru

Аннотация

Миграционные процессы, вызванные разными историческими событиями, являются характерной чертой истории армянского народа. В ходе переселений армяне покидали свою родину и образовывали общины по всему миру. Оказавшись вдали от исторической родины, они были вынуждены искать пути для сохранения национальной самоидентификации. Большое значение в этом процессе занимала Армянская Церковь. Целью данной статьи стало определение роли церкви в жизнедеятельности армян, проживающих за пределами Армении. Для ее достижения в статье рассматривается история тбилисского квартала Авлабар, в котором наблюдалась высокая концентрация армянского населения и в котором велось активное строительство армянских культовых сооружений. Кроме того, в статье приводятся сведения о современном состоянии церквей, об отношении армян к ним. В результате исследования такого локального исторического процесса наблюдается расширение функций института церкви и превращение его в образовательно-просветительский центр, который в настоящее время имеет большое значение в сохранении религиозных, культурных и языковых традиций армянского народа.

Abstract

The migratory flows caused by different historical events remain the distinctive feature of the history of the Armenian people. Armenians left their homeland and formed the Armenian communities in many countries throughout the world, as a result of migration. Living away from their homeland, they were forced to focus on the preservation of their national identity. The Armenian Church made a significant contribution to this process. The aim of this article is to determine the role of the church in the lifestyle of Armenians living outside the homeland. The article is dedicated to the presence of Armenians in Avlabari, the neighborhood of Tbilisi. Many Armenians migrated to this neighborhood and constructed their own churches there. Moreover, this article provides information on the present condition of the buildings and the attitude of Armenians toward this aspect. The article was based in resources in Armenian and Georgian languages. As a result it is possible to observe the transformation of the Armenian Church into an educational institute that nowadays assists the Armenian people in keeping their cultural and religious traditions alive, preserving and using their own language.

Ключевые слова: армянский народ, Тбилиси, Грузия, Авлабар, армянские церкви.

Key words: the Armenian people, Tbilisi, Georgia, Avlabari, Armenian churches.

История квартала Авлабар, располагающегося в левобережной части города Тбилиси, восходит к V в., когда по приказу царя Вахтанга Горгасала в этой местности была возведена царская резиденция Метехи [Иосселиани, 1866, с. 11]. За крепостной стеной, которая окружала царский дворец и церковь, образовалось поселение. Его жителями стали дворцовые слуги, придворные и приближенные к царской семье [Beridze, 1977, p. 134–135]. Данное поселение стало называться Внутренним Авлабаром и было так же, как и Метехская крепость, обнесено

каменной стеной, за которой находился Внешний Авлабар [Kvirkvelia, 1985, p. 8–9]. С течением времени стены были разрушены и был образован единый квартал.

Армянское присутствие в этой местности было обусловлено исходами таких исторических событий, как вторжения на кавказские территории арабских племен, сельджуков, монголов, войск Османской и Иранской империй. Однако численность переселившихся сюда армян до XIX в. не была велика, поскольку переселение совершали только отдельные семьи [Анчабадзе, Волкова, 1990, с. 33–36]. Сильные изменения в состав населения квартала привнесли события XIX – первой половины XX вв. К этим событиям следует отнести русско-персидскую войну (1826–1828 гг.), русско-турецкую войну (1828–1829 гг.) и политику, которую проводил правитель Османской империи, султан Абдул Хамид II. Именно в этот период сформировался основной пласт армянского городского населения и армяне превратились в крупную этническую группу, которая численно стала доминировать в сравнении с другими этническими группами города.

После переселения армяне столкнулись с необходимостью возведения собственных культовых сооружений, поскольку церковь является важной частью их жизни как символ почитания религиозных и культурных традиций.

История строительства самых ранних из них связана с семейством Бебутовых (арм. *Բեբությանի*, Bebut'yan), которому принадлежала местность на возвышенности Махата [Khojivank]. В XVII в. эта территория была расширена благодаря деятельности одного из представителей этого рода, Ашхарбека Бебутова, служившего казначеем при царском дворе и получившего за свои заслуги прозвище – Ходжа Бебут (Великий Бебут) [Khojivank]. Он обратился к грузинскому царю Ростому с прошением о расширении родового кладбища и строительстве церкви на территории семейных владений [Khojivank]. Царь не только одобрил строительство церкви, но и пожаловал в дар казначею садовые угодья. Заручившись разрешением царя, Бебутов облагородил семейные владения, расширил родовое кладбище и построил в 1655 г. церковь Св. Богородицы [Khojivank]. В дальнейшем церковь стала больше известна под вторым названием, появившимся от прозвища ее строителя, – Ходживанк, то есть церковь Ходжи. Согласно проводившимся переписям населения, с момента основания церковь неоднократно перестраивалась и восстанавливалась, а кладбище перестало быть исключительно семейным [Khojivank]. Со временем оно превратилось в одно из важнейших армянских кладбищ в городе, поскольку на его территории в XIX–XX вв. были захоронены многие армянские общественные деятели и литераторы.

В XVIII в. на Авлабаре была построена еще одна армянская церковь Св. Богородицы. О ее основании существует предположение, связанное с одним из ее названий – церковь Св. Богородицы шамкорцев. В соответствии с ним, в 1724 г. Российская и Османская империи заключили соглашение о разграничении закавказских территорий, и под властью турецкого государства оказались районы Грузии, Ширван, Ганджа, Ереван, территории Карабаха и часть Иранского Азербайджана. В результате занятия Османской империей данных территорий шамкорские (шамкирские) армяне были переселены в Грузию и стали основателями данной церкви [Shamkhoretsots Surb Astvatstatsin Karmir Avetaran Church in Tbilisi]. В середине XIX в. она была перестроена на средства прихожан и после длительной реконструкции приобрела вид храма внушительного размера, с высоким куполом на цилиндрическом барабане [Hasratyan, 2009, p. 72]. Внутри церкви был обустроен большой молитвенный зал с алтарем. К концу столетия в связи с ухудшением состояния здания проводились дополнительные восстановительные работы [Hasratyan, 2009, p. 72].

В 1790 г. на средства жителей квартала была построена церковь Св. Минаса. По некоторым предположениям, связанным со вторым названием, ее основателями были переселенцы из Еревана. После персидского похода в конце XVIII в. она значительно пострадала и была восстановлена только в 1811 г. Из более поздних городских описаний следует, что после строительных работ она из-за отсутствия купола была похожа на жилой дом с черепичной крышей [Melikset-Bek, 1955, p. 268]. Во второй половине XIX в. здание церкви стало ветшать и разрушаться. По этой причине в начале 1880-х гг. было принято решение о сносе старого здания и возведении на его месте новой церкви [Megu Hayastani: Minor news, 1880, p. 4]. Строительство велось на средства прихожан и завершилось спустя три года. В резуль-

тате строительных работ церковь приобрела вид базилики, и 2 января 1883 г. состоялось ее торжественное открытие [Megu Hayastani: Minor news, 1883, p. 4].

В 1805 г. была построена на выделенные местными жителями средства Эчмиадзинская церковь Св. Геворга. Изначально она имела облик прямоугольного деревянного здания без купола, но с небольшой колокольной [Hasratyan, 2009, p. 72]. Такой внешний вид церковь сохраняла до 1845 г., когда ее прихожане составили проект по перестройке храма. Работы по перестройке велись с 1846 г. и завершились лишь в конце 1850-х гг. [Hasratyan, 2009, p. 72]. В дальнейшем церковь вновь несколько раз подвергалась реконструкции, а в 1884 г. прихожане, руководствуясь проектом архитектора М. Малабегяна, пристроили к храму помещение, предназначенное для устройства в нем прицерковной школы [Hasratyan, 2009, p. 72].

Таким образом, к началу XX в. на территории квартала действовали четыре армянские церкви, в которых проходили не только богослужения, но и проводились занятия по воспитанию и просвещению юных жителей квартала.

Однако с утверждением советского государства ситуация в отношении армянских церквей и кладбища на Авлабаре значительно изменилась, поскольку советская власть проводила антирелигиозную политику. В ходе этой политики летом 1924 г. церковь Св. Минаса была закрыта, а ее здание было передано в распоряжение организации «Молодые ленинцы» [Martakoč: News, 1924, p. 4]. Спустя некоторое время эта организация основала в бывшем церковном помещении районный клуб [Martakoč: News, 1924, p. 4]. В более поздний период советской власти здание церкви использовалось в качестве швейной мастерской [Agalaryan].

В 1930–1938 гг. на территории Авлабара стали проводиться работы по разрушению церкви Св. Богородицы и Ходживанского кладбища [Khojivank]. В результате этих работ были уничтожены кладбищенские склепы и часовни, а церковь была полностью разрушена [Khojivank]. Несмотря на это, благодаря усилиям художника Г. Шарбабяна и архитектора Р. Агабабяна некоторые надгробные плиты удалось сохранить, переместить их к захоронению писателя Раффи и открыть в 1962 г. пантеон армянских общественных деятелей [Khojivank]. По указанию властей на месте разрушенного кладбища был устроен городской парк.

В 1937 г. была остановлена церковная деятельность в храме Св. Богородицы шамкорцев [Shamkhoretsots Surb Astvatstatsin Karmir Avetaran Church in Tbilisi]. На протяжении советского периода помещение церкви использовалось для разных нужд – как пекарня, мастерская, склад и библиотека [Karapetyan, 1998, p. 22–24]. В 1989 г. церковь обрушилась, и до настоящего времени ведутся споры по поводу причины ее обрушения. С одной стороны, по свидетельствам городских властей, обрушение церкви было связано с сейсмической активностью, которая прослеживалась накануне днем [Karapetyan, 1998, p. 22–24]. С другой стороны, армянские жители квартала утверждают, что разрушение произошло в результате взрыва и желания городских властей возвести на месте армянского храма грузинскую церковь [Karapetyan, 1998, p. 22–24].

В отличие от трех вышеупомянутых церквей и кладбища судьба Эчмиадзинской церкви Св. Геворга сложилась иначе. Несмотря на антирелигиозную политику, на протяжении всего советского периода она оставалась действующей церковью и, более того, несколько раз подвергалась реставрационным работам. После распада Советского Союза и провозглашения Грузинской Республики церковь Св. Геворга сохранила статус одной из главных армянских церквей города. По настоящее время в ней проводятся богослужения, справляются праздники, а прихожане церкви принимают участие в паломничествах к монастырям и храмам Армении.

Благодаря реставрационным работам, проведенным в 2006–2010 гг., церковь продолжила расширять спектр своей деятельности. В 2011 г. при ней состоялось открытие культурного центра «Айартун» (арм. Հայարտուն, Hayartun) [Saruxanyan]. Он был создан по подобию действующего в 1921–1930 гг. под руководством О. Туманяна культурного центра, а его название переводится как «Дом армянского искусства» (арм. Հայ արվեստի տուն, Hay arvesti tun) [Saruxanyan]. Прежде всего, центр выполняет образовательную функцию, поскольку при нем осуществляется программа детского дошкольного образования, функционируют субботняя школа имени Григора Нарекаци и воскресная школа имени пророка Илии.

Руководители центра уделяют большое внимание социально-культурной деятельности, поскольку мероприятия такого характера способствуют процессу сохранения, развития и распространения армянских культурных ценностей вдали от исторической родины. В связи с этим центр неоднократно становился выставочной площадкой и местом проведения фестивалей, а для знакомства с национальным искусством и приобщения к нему были созданы творческие коллективы.

Однако занимающаяся религиозно-просветительской деятельностью церковь Св. Геворга положительно выделяется на фоне остальных армянских культовых мест, деятельность которых после распада СССР не была возобновлена. К таким местам, например, относятся церковь Св. Богородицы шамкорцев и церковь Св. Минаса. В настоящий момент они находятся в полуразрушенном состоянии и не могут быть отреставрированы, поскольку являются «спорными церквями».

Спор между грузинской и армянской церквями начался в постсоветский период, когда антирелигиозная политика в Грузии сменилась возрастанием роли церкви в жизни общества, в частности – Грузинской Православной Церкви [Чедия], а государство стало придавать больше значения социально-экономическому развитию страны [Armenian-Georgian Relations, 2014, p. 22–23]. При Э. Шеварднадзе в 1995 г. была принята Конституция [The Constitution of Georgia, 1995], в которой наравне с провозглашением свободы вероисповедания была подчеркнута независимость Грузинской Православной Церкви от государства [Чедия]. Несмотря на это, отсутствовали правовые нормы, которые могли бы урегулировать процесс возвращения церковных владений. Для разрешения этой проблемы в 2002 г. между грузинским государством и Грузинской Православной Церковью было заключено конституционное соглашение [The Constitutional Agreement between the Georgian state and the Apostolic Autocephalous Orthodox Church of Georgia], по которому государство признало собственностью Грузинской Православной Церкви все православные храмы, монастыри (действующие и недействующие) и церковные руины на территории Грузии и обязалось компенсировать нанесенный им при советской власти материальный ущерб. Таким образом, под контроль Грузинской Православной Церкви перешли некоторые армянские церкви, на возвращение которых Армянская Апостольская Церковь в дальнейшем подала прошение.

Однако Армянская Апостольская Церковь не обладала в Грузии статусом юридического лица и поэтому не могла вернуть перешедшие под грузинскую юрисдикцию церкви в свое распоряжение. Приобретение ею в 2012 г. данного статуса [Sagixanyan] также не смогло разрешить существующий спор. По этой причине церкви являются недействующими. Более того, они не реставрируются и продолжают разрушаться из-за влияния внешней среды.

Дальнейшая судьба армянского пантеона Ходживанк тесно связана со строительством грузинской церкви во имя Св. Троицы (груз. წმინდა სამება, *Sminda Sameba*). Изначально ее планировали построить в районе Ваке, но в 1995 г. в качестве места строительства была выбрана территория городского парка на возвышенности Махата [Holy Trinity Cathedral of Tbilisi]. С момента вынесения этого решения среди армянского населения квартала стала подниматься волна недовольства, поскольку местные армяне сохранили в памяти то обстоятельство, что парк был устроен на месте армянского кладбища.

Об отношении местных армян к данному решению можно судить по сохранившимся записям, чьи авторы не только вспоминают и осуждают осуществлявшиеся в 1930-х гг. действия по разрушению кладбища и превращению его в парк, но и выражают возмущение относительно намерения вести какое-либо строительство на месте бывшего армянского кладбища без оказания уважения к усопшим [Karapetyan, 1998, p. 37–56]. Недовольство местных жителей нашло поддержку среди редакторов периодических изданий: во многих газетах и журналах того времени можно встретить статьи и заметки, рассказывающие о прошлом местности или собообщающие о ведущемся строительстве [Karapetyan, 1998, p. 37–56].

Тем не менее, несмотря на протесты местного армянского населения, возведение храма продолжалось. Внешнее строительство было окончено в 2004 г., но строительные работы внутри храма проводятся даже в настоящее время. Более того, обладая статусом кафедрального собора, церковь Св. Троицы постепенно развивается и совершенствуется. Об этом свидетельствует открытие в 2006 г. при соборе молодежного центра и музея церковной истории. Кроме того,

продолжается устройство храмового комплекса, который по архитектурному плану должен состоять не только из главного собора Св. Троицы, двух небольших церквей и колокольни, но и из мужского монастыря и духовной академии [Holy Trinity Cathedral of Tbilisi].

Вопреки возведению и разрастанию храмового комплекса, Ходживанский пантеон удалось сохранить. В 2002 г. при содействии городских властей Еревана и Тбилиси, посольства Республики Армения в Грузии, Союза армян в Грузии, фонда «Ереван» и других организаций на его территории были организованы восстановительные и реставрационные работы, после которых состоялось повторное открытие пантеона [Avoyan]. Принимая во внимание его историческую и культурную значимость, местные армяне продолжают уделять особое внимание поддержанию порядка на этой территории. Для этого, например, по инициативе молодежного культурно-просветительского центра «Айартун» регулярно проводятся работы по озеленению и благоустройству территории пантеона. В знак памяти и уважения устраиваются также различные мероприятия, другой целью которых является знакомство молодого поколения с армянским историческим и культурным прошлым.

Подводя общий итог, стоит заметить, что оказавшиеся на грузинских территориях армяне первоначально стремились выделять средства на строительство и благоустройство армянских церквей по той причине, что им было необходимо отправлять религиозные обряды. Однако историческая перспектива указывает на то, что институт церкви расширил с течением времени поле своей деятельности и вышел за пределы религии. В подобной ситуации, когда армяне стали проживать на чужих территориях, армянская церковь превратилась также и в образовательный институт. Данный процесс начался с организации при церквях воскресных школ и достиг наивысшего развития в настоящее время, когда при церкви действует молодежно-культурный центр. Благодаря существованию подобной прицерковной организации стало возможным воспитывать молодое поколение, знакомить с традиционной армянской культурой, поддерживать связи с исторической родиной. Кроме того, деятельность центра также способствует тому, что местные армяне не забывают о церковной истории квартала и принимают активное участие в процессе восстановления статуса разрушенных церквей.

Список литературы

1. Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. 1990. Старый Тбилиси: Город и горожане в XIX в. М., Мысль, 270.
2. Иосселиани П. 1866. Описание древностей Тифлиса. Тифлис, 315.
3. Чедия Б. Роль грузинской православной церкви в современных политических процессах Грузии. URL: <https://www.ca-c.org/journal/2009-04-05-rus/13.shtml> (дата обращения: 15.04.2019).
4. Agalaryan K. The construction of the building is taking place throughout the territory of the St. Minas Church in Tbilisi. URL: <https://hetq.am/hy/article/43754> (accessed: 15.04.2019) (in Armenian).
5. Armenian – Georgian Relations: Challenges and Opportunities for the Bilateral Cooperation. 2014. Erevan, 112.
6. Avoyan R. The renewed history. URL: <http://www.aravot.am/2002/11/12/797308/> (accessed: 15.04.2019) (in Armenian).
7. Beridze T. 1977. History of Old Tbilisi's Suburbs. Tbilisi, 279 (in Georgian).
8. Hasratyan M. 2009. Architecture of Armenian Churches in Tbilisi. Etchmiadzin, № 6, 67–76. (in Armenian).
9. Holy Trinity Cathedral of Tbilisi. URL: http://www.orthodoxy.ge/tsnobarebi/tadzrebi/sameba_elia.htm (accessed: 15.04.2019) (in Georgian).
10. Karapetyan S. 1998. State policy of Georgia and monuments of Armenian culture (1988–1998): in 2 v. V.2. Erevan, 124 (in Armenian).
11. Khojivank – Pantheon of writers and public figures in Avlabari URL: <https://www.aliq.ge/ge/khojivanqi-somekh-mtseralth/> (accessed: 15.04.2019) (in Georgian).
12. Kvirkvelia T. 1985. The names of the Old Tbilisi. Tbilisi, 102 (in Georgian).
13. Martakoč: News. 1924. Tbilisi, № 156, 4 (in Armenian).
14. Megu Hayastani: Minor news. 1880. Tiflis, № 49, 4 (in Armenian).
15. Megu Hayastani: Minor news. 1883. Tiflis, № 1, 4 (in Armenian).

16. Melikset-Bek L.M. 1955. Georgian sources about Armenia and Armenians: in 3 v. V.3. Erevan, 343 (in Armenian).
17. Saruxanyan V. Nowadays only one Armenian church operates in Tbilisi. URL: <https://hetq.am/hy/article/60344> (accessed: 15.04.2019) (in Armenian).
18. Shamkhoretsots Surb Astvatstatsin Karmir Avetaran Church in Tbilisi. URL: <http://armenianchurch.ge/hy/component/content/article/619-shamkhoretsots> (accessed: 15.04.2019) (in Armenian).
19. The Constitution of Georgia. 05.09.1995 (in Georgian).
20. The Constitutional Agreement between the Georgian state and the Apostolic Autocephalous Orthodox Church of Georgia. 14.11.2002 (in Georgian).

References

1. Anchabadze Ju.D., Volkova N.G. 1990. Staryj Tbilisi: Gorod i gorozhane v XIX v. [Old Tbilisi: City and citizens in the XIX century]. M., Mysl', 270.
2. Iosseliani P. 1866. Opisanie drevnostej Tiflisa [Description of antiquities of the city of Tiflis]. Tiflis, 315.
3. Chedija B. Rol' gruzinskoj pravoslavnoj cerkvi v sovremennyh politicheskikh processah Gruzii [The Georgian orthodox church in current Georgian policy]. URL: <https://www.ca-c.org/journal/2009-04-05-rus/13.shtml> (data obrashhenija: 15.04.2019).
4. Agalaryan K. The construction of the building is taking place throughout the territory of the St. Minas Church in Tbilisi. URL: <https://hetq.am/hy/article/43754> (accessed: 15.04.2019) (in Armenian).
5. Armenian – Georgian Relations: Challenges and Opportunities for the Bilateral Cooperation. 2014. Erevan, 112.
6. Avoyan R. The renewed history. URL: <http://www.aravot.am/2002/11/12/797308/> (accessed: 15.04.2019) (in Armenian).
7. Beridze T. 1977. History of Old Tbilisi's Suburbs. Tbilisi, 279 (in Georgian).
8. Hasratyan M. 2009. Architecture of Armenian Churches in Tbilisi. Etchmiadzin, № 6, 67–76. (in Armenian).
9. Holy Trinity Cathedral of Tbilisi. URL: http://www.orthodoxy.ge/tsnobarebi/tadzrebi/sameba_elia.htm (accessed: 15.04.2019) (in Georgian).
10. Karapetyan S. 1998. State policy of Georgia and monuments of Armenian culture (1988–1998): in 2 v. V.2. Erevan, 124 (in Armenian).
11. Khojivank – Pantheon of writers and public figures in Avlabari URL: <https://www.aliq.ge/ge/khojivanqi-somekh-mtseralth/> (accessed: 15.04.2019) (in Georgian).
12. Kvirkvelia T. 1985. The names of the Old Tbilisi. Tbilisi, 102 (in Georgian).
13. Martakoč: News. 1924. Tbilisi, № 156, 4 (in Armenian).
14. Megu Hayastani: Minor news. 1880. Tiflis, № 49, 4 (in Armenian).
15. Megu Hayastani: Minor news. 1883. Tiflis, № 1, 4 (in Armenian).
16. Melikset-Bek L.M. 1955. Georgian sources about Armenia and Armenians: in 3 v. V.3. Erevan, 343 (in Armenian).
17. Saruxanyan V. Nowadays only one Armenian church operates in Tbilisi. URL: <https://hetq.am/hy/article/60344> (accessed: 15.04.2019) (in Armenian).
18. Shamkhoretsots Surb Astvatstatsin Karmir Avetaran Church in Tbilisi. URL: <http://armenianchurch.ge/hy/component/content/article/619-shamkhoretsots> (accessed: 15.04.2019) (in Armenian).
19. The Constitution of Georgia. 05.09.1995 (in Georgian).
20. The Constitutional Agreement between the Georgian state and the Apostolic Autocephalous Orthodox Church of Georgia. 14.11.2002 (in Georgian).

Ссылка для цитирования статьи

Link for article citation

- Парусова Н.В. 2020. История армянских церквей в квартале Авлабар в Тбилиси. *Via in tempore. История. Политология*, 47(1): 91–96. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-91-96
- Parusova N.V. 2020. The history of the armenian churches in Avlabari, the neighborhood of Tbilisi. *Via in tempore. History and political science*, 47(1): 91–96 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-91-96

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 903.5

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-97-106

ВОИНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ РЖЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

MILITARY BURIALS OF THE RZHEV BURIAL GROUND OF THE SALTVOVO-MAYAKI CULTURE

В.А. Сарапулкин
V.A. Sarapulkin

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: Sarapulkin@bsu.edu.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению погребений Ржевского могильника салтово-маяцкой культуры, содержащих элементы вооружения. К исследованию привлечены 15 захоронений, совершенных по обряду трупоположения в ямах. Наличие в большинстве погребений элементов конской упряжи, комплексов, состоявших из черепа и ног лошади, бронебойных наконечников копий позволяет рассматривать в качестве основного элемента войска конного копейщика. Несмотря на некоторые различия в составе погребального инвентаря, материалы могильника не позволяют сделать вывод о выделении в составе населения, оставившего памятник, дружинной верхушки. Погребальный обряд памятника свидетельствует о достаточно эгалитарном характере общества.

Abstract

The article is devoted to burials with elements of arming Rzhevsky cemetery of the Saltovo-Mayaki material culture. The archaeological site is located on the left bank of the left tributary of the Seversky Donets river – the Nezhegol river, within the Shebekinsky district of the Belgorod region of Russia. In 2004–2007, the burial ground was excavated by an archaeological expedition of the Belgorod state University under the direction of the author. A total of 85 burials were studied, dating from the end of the VIII–IX ninth centuries ad. 15 burials performed by the rite of inhumation the corpse into the pits were investigated. The elements of horse trappings, complexes consisting of the skull and legs of the horse, armor-piercing spear points were found in most burials. This suggests that equestrian-spearman was the main element of the army. Despite some differences in the composition of the grave goods, the materials of the grave do not allow to make a conclusion about the existence of a *druzhina* leadership as part of the nation on the site. The burial rite of the site testifies to the rather egalitarian nature of the society.

Ключевые слова: салтово-маяцкая культура, воинские погребения, комплексы из черепа и ног лошади, конская упряжь, копыя.

Key words: Saltovo-Mayaki culture, military burials, complexes of horse skull and legs, horse trappings, spears.

Ржевский могильник салтово-маяцкой культуры расположен в Шебекинском районе Белгородской области. Территория могильника занята промышленным предприятием, в 1980-е годы носившим название «Сельхозхимия».

Могильник занимает мысовидный выступ второй надпойменной террасы реки Нежеголь (левый приток Северского Донца). Расстояние до современного русла реки составляет 1,5 км. В ландшафтном отношении междуречье рек Волчьей и Нежеголи представляет собой степь.

В 1970-е годы памятник подвергся серьезному антропогенному воздействию. При сооружении предприятия поверхность, которая, по сообщению участников строительства, представляла собой пологое всхолмление высотой около 1 м, была сnivelирована. Часть погребений была разрушена линиями коммуникаций и, очевидно, котлованами построек.

Раскопки памятника продолжались с 2004 по 2007 год. Общая изученная площадь составила 1 020 кв. м.

На могильнике зафиксировано 85 объектов, обозначенных в документации как погребения. Четыре из них (погребения 28, 69, 80, 85) представляли собой ямы, совпадающие по форме и ориентации с погребениями, но не содержащие каких-либо следов ритуальных действий. Из числа оставшихся объектов шесть погребений были разграблены (погребения 5, 18, 48, 59, 78, 80): в ямах прослежены отдельные кости человека и животных и единичные вещи. Кроме того, некоторые объекты были повреждены в процессе строительства и функционирования «Сельхозхимии». Траншеями коммуникаций были серьезно повреждены семь погребений, еще у семи были срезаны верхние части могильных ям, оставшаяся глубина (менее 15 см) не гарантировала того, что часть инвентаря также не была перемещена. Таким образом, мы можем рассматривать в качестве полноценных закрытых комплексов только 61 погребение.

Погребальный инвентарь могильника типичен для памятников салтово-маяцкой культуры середины VIII – IX вв. Некоторые уточнения хронологической позиции памятника дают монетные находки – дирхемы халифов Ал-Мансура (775 г. н. э.) и Ал-Махди (785 г. н. э.). Неплохая сохранность монет позволяет предположить непродолжительный период их обращения. Отсутствие отверстий делает маловероятным вторичное использование. Помимо этого, на могильнике не обнаружено предметов так называемого «горизонта Столбище – Старокорсуньская», маркирующих начальный период существования салтово-маяцкой культуры (Комар, 1999, с. 132) и весьма широко представленных в материалах Нетайловского могильника, географически близкого Ржевке (Аксенов, 2012, с. 220). Все это позволяет предварительно определить период функционирования могильника – конец VIII – первая половина IX вв.

Среди захоронений могильника выделяется группа погребений, содержавшая в составе инвентаря предметы вооружения: копья, топоры, мечи, кистени, наконечники стрел, накладки на лук. Насчитывается пятнадцать подобных не потревоженных комплексов. Также в двух потревоженных погребениях обнаружено оружие, в одном – бляшки воинского пояса, ещё в одном, разграбленном, – челюсть лошади.

Предметы вооружения из погребений Ржевского могильника типичны для салтово-маяцкой культуры. К ним относятся: наконечники копий с узким ромбическим в сечении пером, небольшие топоры-чеканы с оттянутым лезвием и молотковидным обухом, трехлопастные черешковые наконечники стрел, кистени в виде стальных шаров. Определенные затруднения вызывает типологическое определение клинкового оружия: крайне плохая сохранность металла не позволяет достоверно определить не только наличие или отсутствие изгиба клинка, но и характер его заточки. Используемый нами в данной статье термин «меч» носит условный характер и призван обозначать предмет вооружения с клинком длиной более 60 см.

Погребения совершены в типичных для некрополя подпрямоугольных ямах, в ряде случаев усложненных ступеньками, вырубленными в продольных стенках, подбоями, овальными углублениями, выкопанные в дне погребения у юго-восточной стенки. В последних нередко располагались комплексы из черепа и ног животных. В части погребений зафиксированы остатки гробов: красноватый древесный тлен маркировал поставленные на ребро плахи и дощатое перекрытие. Все погребенные расположены вытянуто на спине и ориентированы головой в северо-западный сектор. Сохранность костей на могильнике очень плохая.

Погребения с оружием, как и остальные захоронения взрослых, в большинстве своем сопровождались керамическими сосудами, располагавшимися у головы или у ног покойного, а также костями животных (вероятно, остатками мясной пищи¹⁹).

Предметы вооружения, выделяющие погребения из числа остальных захоронений могильника, представлены следующим образом: семь погребений содержали по одному предмету – в шести случаях это наконечник копья (погребения 25, 31, 37, 68, 79, 82), в одном – меч (погребение 73). В шести захоронениях зафиксировано по два предмета вооружения: в двух случаях – наконечники копий и кистени (погребения 20, 50), а также меч и топор (погребение 11), наконечник копья и меч (погребение 12), кистень и наконечник стрелы (погребение 75), срединная костяная накладка на лук и наконечник стрелы (погребение 21). В погребении 44 встречено три предмета вооружения – наконечник копья, меч и топор, в погребении 60 встречено четыре предмета вооружения – меч, топор, наконечник копья и срединная накладка на лук.

Оружие в погребениях наиболее часто соседствует с предметами и комплексами, связанными с верховой ездой. Они прослежены в одиннадцати захоронениях. При этом в могилах, не содержащих оружие, элементы всадничества не встречаются.

Комплексы из черепа и ног лошадей выявлены в десяти погребениях. Они всегда располагались в ближней к ногам погребенного части могилы. В четырех случаях останки лошади лежали в выкопанных в дне могилы ямах (погребения 20, 44, 60, 68), в двух случаях – в торцевых подбоях (погребения 50, 82). Комплексы из черепа и костей конечностей лошади лежали поперек продольной оси могильной ямы. Исключение составило погребение 21, в котором череп лежал хвостом на юг (то есть по диагонали к продольной оси ямы), а ноги животного располагались параллельно телу погребенного, копытами на юго-восток. Говоря о положении костей лошади, следует упомянуть не вошедшее в выборку погребение 39, в котором череп лежал на основании хвостом на юго-восток (вдоль оси могильной ямы), а ноги, согнутые в суставах, слева и справа от ног покойного.

Элементы конской упряжи встречены в одиннадцати захоронениях. Полный комплект – удила, стремя, подпружные пряжки – встречены в семи погребениях (погребения 11, 20, 37, 44, 50, 60, 82), также содержащих комплексы из черепа и ног лошади. В погребении 44 данный набор дополнен железной оковкой луки седла. В погребении 68 отсутствовали подпружные пряжки и одно стремя (у погребенного отсутствовали кости правой ноги ниже колена), в погребении 21 были прослежены одни лишь удила. В погребении 12 (кенотафе) конская упряжь отсутствовала вовсе.

В группе воинских погребений, не содержащих останков коня, полный комплект упряжи зафиксирован в погребении 31, стремя и подпружная пряжка – в погребении 75. Топография размещения упряжи весьма стабильна: в десяти случаях она располагалась в районе ног погребенного (там же, где и кости коня), в погребении 11 удила были вложены в пасть коня, стремя и пряжки лежали за головой человека, а в погребении 75 стремя лежало у левого плеча.

Так же, как и элементы, связанные с верховой ездой, наборные пояса присутствовали исключительно в захоронениях с оружием (5 погребений). В двух случаях пряжки и бляшки были обнаружены в районе груди / верхней части живота (погребения 20, 37), в двух – на тазовых костях (погребения 21, 31), причем в погребении 31 пряжка лежала в ногах человека вместе с конской сбруей. В погребении 68 поясной набор был выявлен в районе правого предплечья. Расположение гарнитуры в погребениях 20, 37, 68, а также тот факт, что ни одна бляшка не лежала под костями, позволяет предположить помещение пояса в могилу в снятом с человека виде.

Часто встречающимся в воинских погребениях предметом является нож. Он обнаружен в восьми погребениях, причем в семи случаях (погребения 25, 31, 37, 44, 50, 60, 82)

¹⁹ Подробнее о погребальном обряде: Сарапулкин В.А. Ржевский грунтовой могильник салтово-маяцкой культуры (предварительное сообщение) // Археологические памятники Восточной Европы. – Вып. 12. – Воронеж, 2006. – С. 195–204.

предмет располагался рядом с правой кистью у пояса и в одном случае – за головой погребенного (погребение 11). Кроме того, в трех погребениях справа у пояса располагались небольшие складные серпы (погребения 20, 68, 75), которые, вероятно, использовались как ножи. В десяти случаях рядом с лежащим у правой кисти ножом либо серпом располагалось огниво. Следует отметить, что в погребении 79 нож прослежен не был, однако у правой кисти располагалось кресало с кремнем. Поясные пряжки без других элементов ременной гарнитуры были прослежены в четырех погребениях, три пряжки железные, одна бронзовая (погребение 82). В четырех погребениях они лежали в районе пояса на центральной оси тела (погребения 25, 60, 82), в двух – на поясе слева (погребения 79).

Данные предметы инвентаря, с присущей им топографией, в целом характерны для мужских погребений могильника вне зависимости от наличия в захоронении оружия. В то же время кресала и поясные пряжки в женских погребениях не были встречены вовсе, а ножи располагались в основном за головой погребенного.

Также в погребениях с оружием встречаются пинцеты (погребения 79, 20, 50), оселок (погребение 25), копоушка (погребение 50), серьги (погребение 31), перстни (погребения 20, 50, 68), бусы (погребение 20), астрагалы (погребения 37, 20) и горлышко бурдюка (погребение 68).

Наибольшее сходство в составе вооружения с погребениями Ржевского могильника демонстрируют географически близкий ему Нетайловский могильник (Жиронкина, Цитковская, 1996, с. 367–368), а также захоронения биритуального могильника Красная Горка и кремационных некрополей лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры (Аксенов, 1997, с. 46–47; Аксенов, Крыганов, Михеев, 1996, с. 127–128). При этом если для Ржевского могильника характерно доминирование копий (встречены в 73 % погребений с оружием) при значительном количестве мечей (33 %) и второстепенной роли топоров, кистеней и стрел с луками (все – по 20 %), то для Нетайловского могильника преобладающим элементом являются стрелы (встречены в 57 % погребений), при меньшей роли топоров (28 %), копий (21 %), крайне слабым наличием мечей (7 %) и отсутствием кистеней (Жиронкина, Цитковская, 1996, с. 367–368).

Для кремаций и ингумаций Красной Горки характерно преобладание луков и стрел (54 % для ингумаций и 55 % для кремаций), при этом велико количество копий (54 и 44 %), сравнительно многочисленны мечи (36 и 27 %) и топоры (31 и 33 %), кистени представлены единичными находками (Аксенов, 1998, с. 47; Аксенов, Крыганов, Михеев, 1996, с. 127–128).

В материалах Сухой Гомольши распределение предметов вооружения несколько иное: количественно доминируют топоры (встречены в 57 % воинских погребений) и копья (42 %), кистени встречены в 23 % воинских погребений, мечи – в 14 %, стрелы – в 19 % (Аксенов, 1998, с. 46).

Таким образом, ярким отличием воинских погребений Ржевского могильника является преобладание копий над другими элементами вооружения, при явно второстепенном положении оружия дистанционного боя. Также следует отметить, что если в материалах Нетайловки, Красной Горки и Сухой Гомольши присутствуют захоронения, не содержащие предметов вооружения, но с конской упряжью, то на Ржевском могильнике их нет. При этом, несмотря на различия, мы наблюдаем схожий комплекс вооружения, радикально отличающийся от инвентаря катакомб, где основным предметом вооружения выступает топор (Плетнёва, 1989, с. 74), при второстепенном положении лука и стрел, мечей и кистеней (Плетнёва, 1989, с. 71, 76) и практически полном отсутствии копий.

Различие в количестве и составе инвентаря заставляет оценить возможность выявления социальной иерархии внутри воинского сообщества. Подобные попытки для аланской части населения салтово-маяцкой культуры предпринимались неоднократно (Афанасьев, 1993, с. 131; Плетнёва, 1993; Флеров, 1990). Г.Е. Афанасьев, выделяя социальные группы в среде аланского населения, относил конскую упряжь, сабли и наконечники стрел к признакам высшей социальной группы воинских погребений (Афанасьев, 1993, с. 136, с. 138). Примерно те же показатели высокого ранга приводит и С.А. Плетнёва (Плетнева, 1993, с. 163). Для Ржевского могильника, не относящегося к числу катакомбных, прямой перенос данных признаков не корректен. Наконечники стрел в воинских погребениях могильника встречены все-

го два раза, при этом данные захоронения не содержат сабель. Конская упряжь, наоборот, отсутствует лишь в четырех из пятнадцати погребений, два из которых содержат сабли.

С некоторой долей условности на роль социально значимых элементов погребального обряда мы можем предложить саблю и комплекс из черепа и ног лошади, помещенный в могилу. Сочетание данных элементов фиксируется в погребениях 11, 12 (кенотаф), 44, 60 (рис. 1, I).

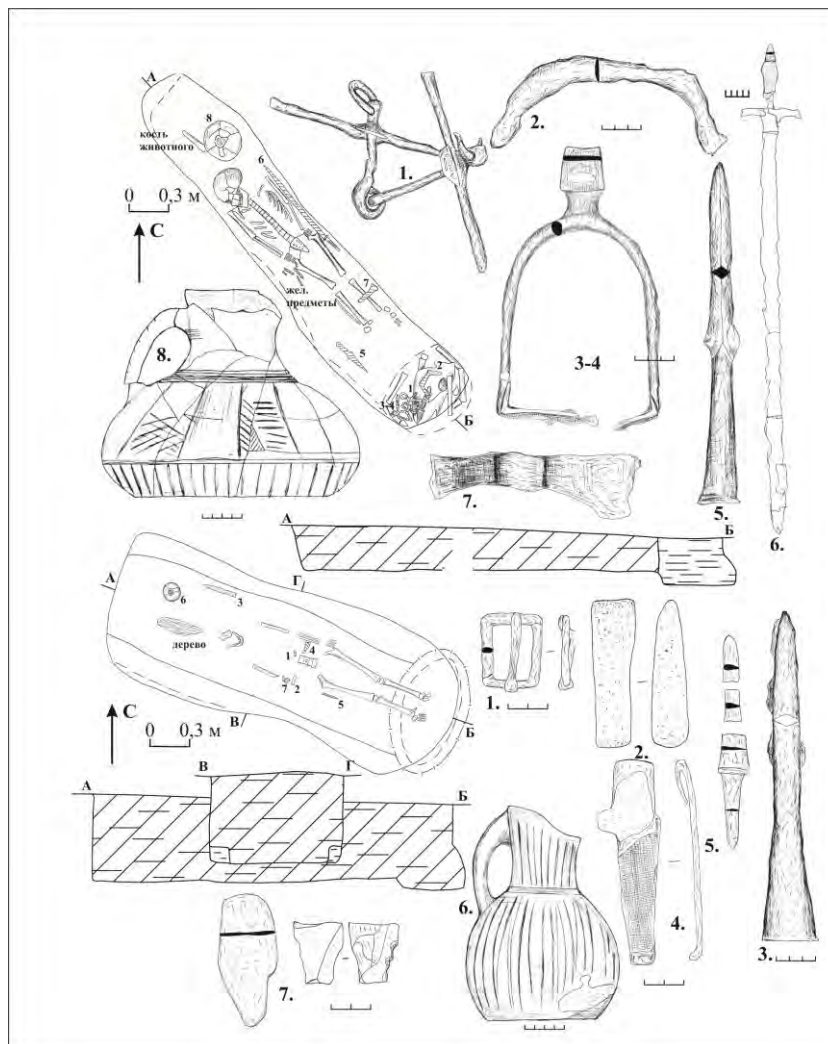

Рис. 1. I – погребение 44; 1 – удила; 2 – оковка луки седла; 3–4 – стремена; 5 – наконечник копья; 6 – меч; 7 – топор; 8 – лощеный кувшин. II – погребение 79; 1 – лощеная кубышка; 2 – пинцет; 3–4 – огниво; 5 – копье

Fig. 1. I – burial 44; 1 – bridle; 2 – detail of horse-saddle; 3–4 – stirrups; 5 – spearhead; 6 – sword; 7 – axe; 8 – polished jug. II – burial 79; 1 – polished pot; 2 – tweezers; 3–4 – flint; 5 – spearhead

Два последних лидируют по количеству предметов вооружения: копье – топор – меч и топор – копье – меч – лук соответственно. Также они имеют представленные на могильнике в единичных экземплярах элементы конской упряжи – железную оковку луки седла (погребение 44) и серебряные фалары.

При этом в погребениях с мечами не встречены наборные пояса. Из пяти погребений с ременной гарнитурой только в трех фигурировало копье в качестве единственного предмета вооружения (погребения 31, 37, 68). В погребении 20 оно дополнялось свинцовым кистнем, а в погребении 21 оружие было представлено наконечником стрелы и накладкой на лук. Вместе с тем в четырех погребениях с поясами присутствуют предметы, нетипичные для воинских захоронений: в погребении 20 – перстень, бусы и астрагалы, в погребении 68 – перстень, в погребении 31 – серьги, в погребении 37 – астрагалы и амулеты из фаланги лисицы (рис. 2).

Обращает на себя внимание то, что два погребения, содержавшие воинские пояса, характеризуются грацильными скелетами, сопровождавшимися предметами, типичными для детских погребений (погребения 20, 37). Вероятно, в них были захоронены подростки, перешедшие в социально-возрастную категорию воинов незадолго до упокоения.

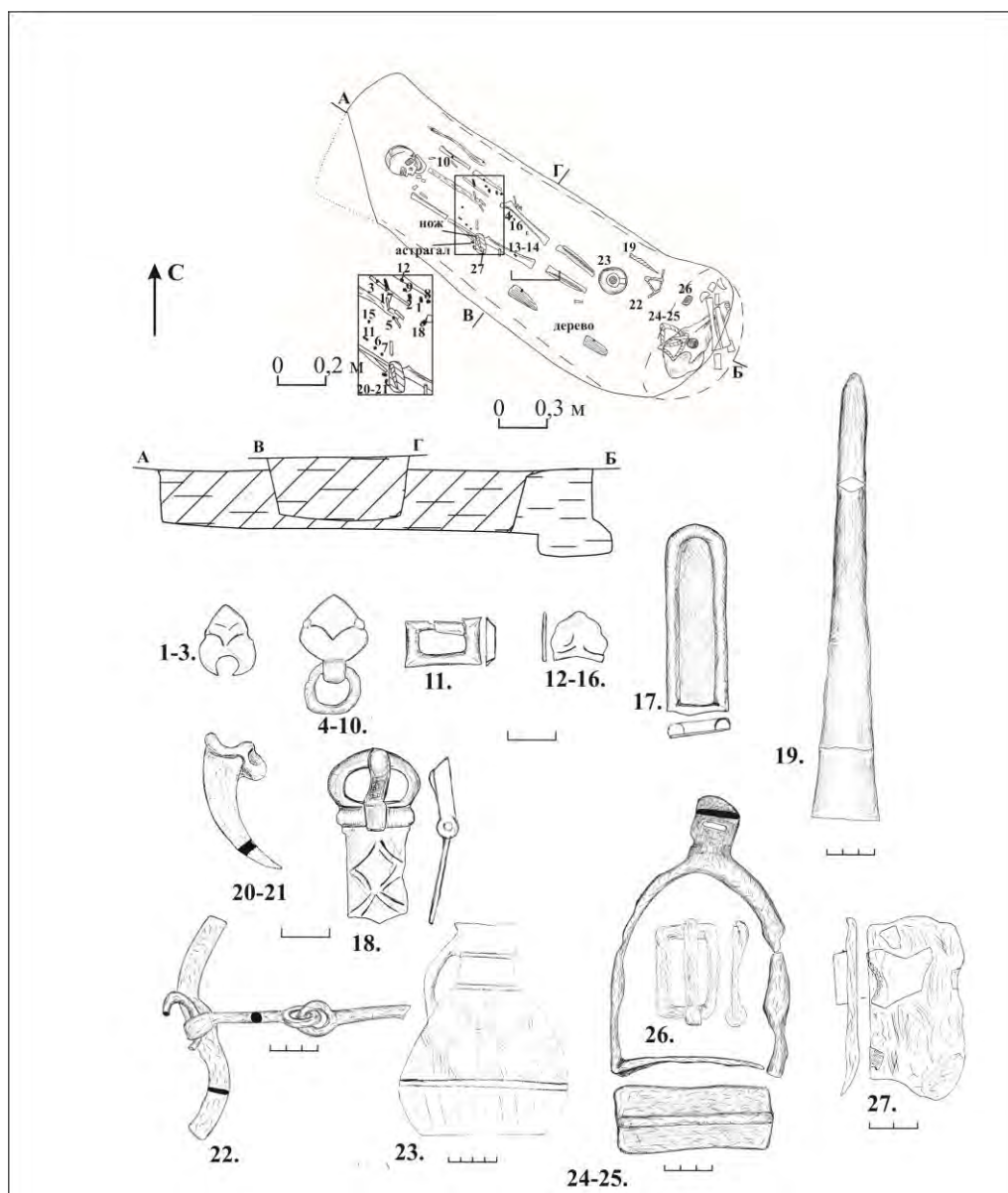

Рис. 2. Погребение 37; 1-16 – поясные бляшки; 17 – наконечник пояса; 18 – пряжка; 19 – наконечник копья; 20-21 – амулеты; 22 – удила; 23 – лощеный кувшин; 24-25 – стремяна; 26 – пряжка; 27 – кресало

Fig. 2. II – burial 37; 1-16 – belt's plaques; 17 – belt tip; 18 – buckle; 19 – spearhead; 20-21 – amulets; 22 – bridle; 23 – polished jug; 24-25 – stirrups; 26 – buckle; 27 – cresalo

Наименее статусные погребения 25 и 79 не имели воинских поясов и предметов, связанных с всадничеством. Оружие было представлено в них исключительно наконечниками копий. Примечательно, что в дне погребения 25 была выкопана яма, аналогичная тем, в которых размещались череп и ноги лошади (рис. 1, II). Должно быть, от помещения данного комплекса в последний момент отказались по неясным нам причинам.

В целом, несмотря на различия в погребальном обряде, составе и количестве инвентаря, мы не можем зафиксировать для захоронений Ржевского могильника четкой иерархической структуры. Количество погребений с мечами составляет треть от общего числа, в то

время как «низкоранговые» погребения представлены всего двумя комплексами, что не несет признаков расслоения населения, которое подразумевает наличие большей массы рядовых воинов и малого числа «элитариев». Гораздо логичнее объяснять различия в количестве предметов в захоронениях особенностями погребального обряда, учитывавшими возраст и семейное положение погребенного, его заслуги, обстоятельства гибели и т. д. Мы не отрицаем наличие определенного экономического и социального расслоения, однако материалы Ржевского могильника говорят в пользу того, что оно не было формализовано.

В качестве причин различий в составе инвентаря воинских погребений можно рассматривать причины этнического характера. В частности, погребение 73 выделяется крайне странной конструкцией погребального сооружения: длинная яма (5,5 м) с понижающимся в сторону погребения дном, прорезающая овальную неглубокую яму (рис. 3, I).

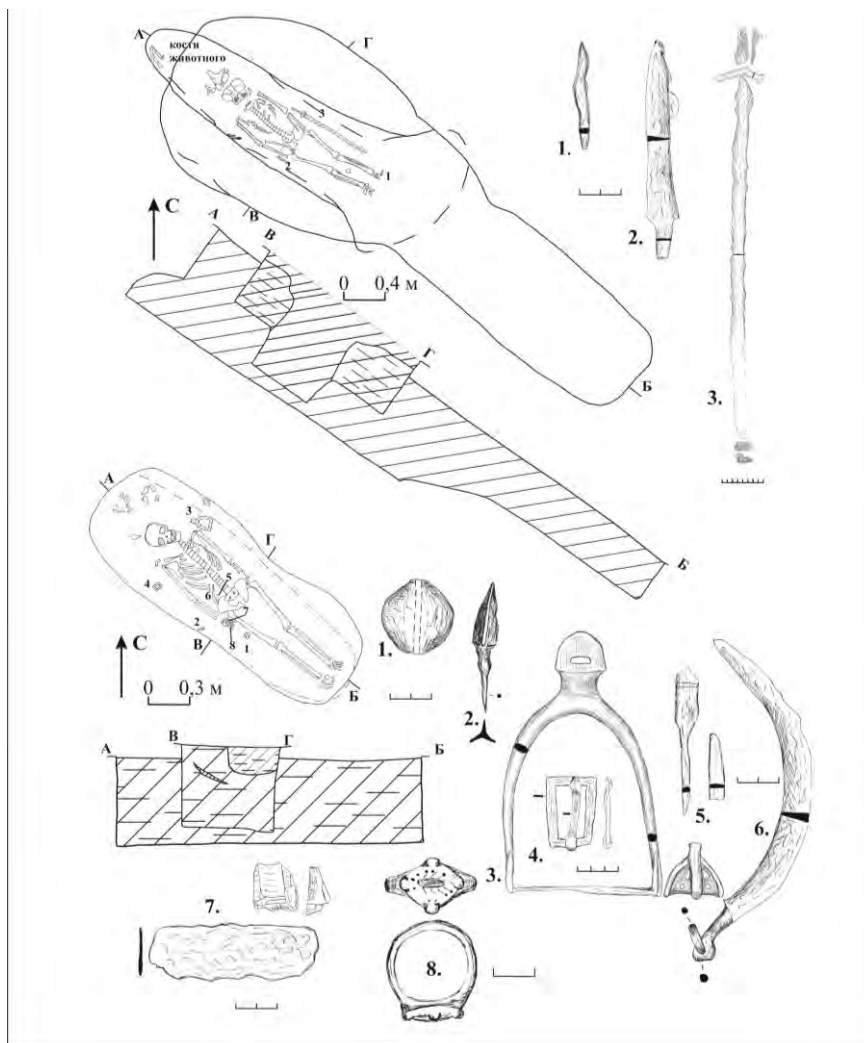

Рис. 3. I – погребение 73; 1 – язычок пряжки; 2 – нож; 3 – меч. II – погребение 75; 1 – кистень; 2 – наконечник стрелы; 3 – стремя; 4 – пряжка; 5 – предметы неясного назначения; 6 – серп; 7 – кресало; 8 – перстень

Fig. 3. I – burial 73; 1 – latch buckle; 2 – knife; 3 – sword. II – burial 75; 1 – brush; 2 – arrowhead; 3 – stirrup; 4 – buckle; 5 – items of unclear purpose; 6 – sickle; 7 – crescent; 8 – ring

Можно предположить, что хоронившие пытались воспроизвести непривычную и мало-знакомую им конструкцию погребального сооружения (возможно, катакомбу). Также погребение 73, сопровождавшееся мечом, в отличие от остальных четырех погребений с длинноклиновым оружием, не содержало элементов конской упряжи и комплекса из черепа и ног лошади.

Также выделяется на фоне захоронений с предметами вооружения погребение 75 (рис. 3, II). Своеобразие погребению придает небольшая яма (минимальные для воинского

погребения размеры), которая делает маловероятной присутствие гроба и наличие единичного стремени (в остальные погребения могильника помещалось по два стремени), лежавшего у левого плеча погребенного. Подобные захоронения встречены на Мандровском могильнике (Винников, Сарапулкин, 2008, с. 107).

Погребальный обряд и состав инвентаря говорят о том, что всадник был основным и, скорее всего, единственным элементом войска населения, оставившего Ржевский могильник. Если отнести четыре погребения (27 %) с оружием, но без элементов всадничества к пехоте и экстраполировать пропорцию на состав войска, то мы получим малочисленный контингент с низкой мобильностью, с неясными в условиях степной войны функциями. При этом один из «пехотинцев» вооружен мечом, а остальные трое – копьями, аналогичными кавалерийским.

Относительная вооруженность населения, оставившего Ржевский могильник, высока. К воинским погребальным комплексам из 81 достоверного погребения могут быть отнесены 19 (23 %). Данный процентный показатель превосходит показатели для ингумационных погребений могильника Красная Горка – 15,3 % (Аксенов, 1996, с. 44) и погребений Нетайловского могильника – 12 % (Жиронкина, Цитковская, 1996, с. 367–368). Однако следует учитывать, что на Ржевском могильнике в процессе современного освоения территории с большой долей вероятности могла быть утрачена часть детских погребений, что и привело к завышению процентного показателя воинских захоронений. Если же считать не потревоженные взрослые захоронения, то мы приходим к следующему: из 48 привлеченных к анализу взрослых захоронений 18 достоверно женских ²⁰; если вычесть 15 погребений с оружием, остается 15 погребений без четко выраженной гендерной атрибутики. Даже если поделить их между мужчинами и женщинами поровну, невооруженной остается лишь треть мужских погребений. То есть две трети взрослых мужчин относились к категории воинов, что однозначно говорит в пользу того, что ополчение являлось основной и, скорее всего, единственной воинской силой.

Характер вооружения – преобладание копий с узкими ромбическими в сечении наконечниками и узколезвийные топоры-чеканы – свидетельствует о том, что основными противниками были воины, защищенные доспехами. Отсутствие защитного вооружения в погребениях Ржевского могильника типично как для памятников салтово-маяцкой культуры, так и для погребальных памятников донской лесостепи практически всех эпох, за исключением, пожалуй, скифской. К тому же изображения воинов хазарского времени демонстрируют предметы защиты. Если отображение защиты тела в графике может вызывать споры, то наличие шлемов специфической формы сомнений не вызывает (Флерова, 2003, с. 94, 121, рис. 18, 26–3; Глебов, Иванов, 2007, с. 165). Естественно, применение оружия ближнего боя (копий, мечей и топоров) против защищенного противника подразумевает наличие определенного защитного доспеха у нападающего. В детском погребении 19 встречен обрывок кольчуги, использовавшийся, вероятно, в качестве небольшой сумки. Такие предметы часто встречаются в материалах катакомбных могильников салтово-маяцкой культуры (Плетнева, 1999, с. 39). Если кольчужное полотно использовалось для изготовления подобных изделий, не имеющих большого практического значения, логично предположить его применение и в гораздо более важном деле – защите воина.

Список литературы

1. Аксёнов В.С. 1998. Об уровне вооруженности населения салтовской культуры (по материалам Сухогомольшанского и Красногорского могильника). Вісник ХДУ: Сер. Історія. Харків, Изд. ХДУ, 30 (413): 39–51.
2. Аксёнов В.С. 2005. Новые поминальные комплексы воинов-всадников салтовского времени с территории Верхнего Подонечья. Степи Европы в эпоху средневековья. Вып. 4. Донецк, ДонНУ: 357–368.

²⁰ Признаком, маркирующим погребения взрослых женщин, является наличие прясла.

3. Аксёнов В.С. 2009. Исследование раннесредневековых захоронений близ села Металловка в 2006 году (Нетайловский грунтовый могильник). Степи Европы в эпоху средневековья. Вып. 7. Донецк, ДонНУ: 231–258.
4. Аксёнов В.С. 2011. Погребения всадников Нетайловского могильника салтовской культуры: типология и хронология (по материалам 2003–2010 годов). Степи Европы в эпоху средневековья. Вып. 9. Донецк, ДонНУ: 207–242.
5. Аксёнов В.С., Крыганов А.В., Михеев В.К. 1996. Обряд погребения с конем у населения салтовской культуры. Материалы I тыс. н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев, Наукова думка: 116–129.
6. Аксёнов В.С., Михеев В.К. 2006. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. «Сухогомольшанский могильник VIII–X вв.». Хазарский альманах. 5: 306.
7. Аксёнов В.С., Михеев В.К. 2009. Погребения со сложносоставными луками биритуального могильника Красная Горка салтовской культуры. Степи Европы в эпоху средневековья. Вып. 7. Донецк, ДонНУ: 387–406.
8. Афанасьев Г.Е. 1993. Система социально-маркирующих предметов в мужских погребальных комплексах донских алан. Российская археология. 4: 131–144.
9. Винников А.З., Сарапулкин В.А. 2008. Болгары в Поосколье (Мандровский могильник). Воронеж, ВГПУ: 148.
10. Глебов В.П., Иванов А.А. 2007. Кочевническое погребение хазарского времени из могильника Таловый II. Средневековые древности Дона. Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 2. М., Иерусалим, Мосты культуры – Гешарим: 154–176.
11. Жиронкина О.Ю., Цитковская О.Ю. 1996. Новые данные о погребальном обряде Нетайловского могильника. Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара, СамВен: 353–368.
12. Комар А.В. 1999. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии). Vita antiqua. – Киев, Киевский государственный университет, 2: 111–136.
13. Михеев В.К. 1985. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, Вища школа, 147.
14. Плетнёва С.А. 1989. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М., Наука, 288.
15. Плетнёва С.А. 1993. Возможности выявления социально-экономических категорий по материалам погребальной обрядности. Российская археология. 4: 160–172.
16. Плетнёва С.А. 1999. Очерки хазарской археологии. М., Иерусалим, Мосты культуры – Гешарим, 247.
17. Сарапулкин В.А. 2006. Ржевский грунтовый могильник салтово-маяцкой культуры (предварительное сообщение). Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 12. Воронеж, Изд-во ВГУ: 195–204.
18. Свистун Г.Е. 2012. Новый кремационный могильник на территории Чугуево-Бабчанского лесничества (предварительная информация). Салтово-маяцкий археологический сборник. Вып. 2. Харьков, Видавець Савчук О.О. 79–84.
19. Флёров В.С. 1990. К вопросу о социальной дифференциации в Хазарском каганате. Вопросы этнической истории Волго-Донья и проблема бургасов. Пенза, Пензенский государственный объединенный краеведческий музей: 38–47.
20. Флёрова В.Е. 2001. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. М., Иерусалим, Мосты культуры – Гешарим, 159.

References

1. Aksyonov V.S. 1998. Ob urovne vooruzhennosti naseleniya saltovskoj kul'tury (po materialam Suhogomol'shanskogo i Krasnogorskogo mogil'nika). Visnik HDU: Ser. Istoriya. Harkiv, Izd. HDU, 30 (413): 39–51.
2. Aksyonov V.S. 2005. Novye pominal'nye komplekсы voinov-vsadnikov saltovskogo vremeni s territorii Verhnego Podonech'ya. Stepі Evropy v epohu srednevekov'ya. Vyp. 4. Doneck, DonNU: 357–368.
3. Aksyonov V.S. 2009. Issledovanie rannesrednevekovykh zahoronenij bliz sela Metallovka v 2006 godu (Netajlovskij gruntovyj mogil'nik). Stepі Evropy v epohu srednevekov'ya. Vyp. 7. Doneck, DonNU: 231–258.

4. Aksyonov V.S. 2011. Pogrebeniya vsadnikov Netajlovskogo mogil'nika saltovskoj kul'tury: tipologiya i hronologiya (po materialam 2003–2010 godov). Stepi Evropy v epohu srednevekov'ya. Vyp. 9. Doneck, DonNU: 207–242.
5. Aksyonov V.S., Kryganov A.V., Miheev V.K. 1996. Obryad pogrebeniya s konem u naseleniya saltovskoj kul'tury. Materialy I tys. n. e. po arheologii i istorii Ukrainy i Vengrii. Kiev, Naukova dumka: 116–129.
6. Aksenov V.S. Miheev V.K. 2006. Naselenie Hazarskogo kaganata v pamyatnikah istorii i kul'tury. «Suhogomol'shanskij mogil'nik VIII–X vv.». Hazarskij al'manah. 5: 306.
7. Aksenov V.S., Miheev V.K. 2009. Pogrebeniya so slozhnosostavnymi lukami biritual'nogo mogil'nika Krasnaya Gorka saltovskoj kul'tury. Stepi Evropy v epohu srednevekov'ya. Vyp. 7. Doneck, DonNU: 387–406.
8. Afanas'ev G.E. 1993. Sistema social'no-markiruyushchih predmetov v muzhskih pogrebal'nyh kompleksah donskih alan. Rossijskaya arheologiya. 4: 131–144.
9. Vinnikov A.Z., Sarapulkin V.A. 2008. Bolgary v Pooskol'e (Mandrovskij mogil'nik). Voronezh, VGPU: 148.
10. Glebov V.P., Ivanov A.A. 2007. Kochevnicheskoe pogrebenie hazarskogo vremeni iz mogil'nika Talovij II. Srednevekovye drevnosti Dona. Otv. red. Yu.K. Guguev. Materialy i issledovaniya po arheologii Dona. Vyp. 2. M., Ierusalim, Mosty kul'tury – Gescharim: 154–176.
11. Zhironkina O.Yu., Citkovskaya O.Yu. 1996. Novye dannye o pogrebal'nom obryade Netajlovskogo mogil'nika. Kul'tury Evrazijskikh stepej vtoroj poloviny I tysyacheletiya n. e. Samara, SamVen: 353–368.
12. Komar A.B. 1999. Predsaltovskie i rannesaltovskie gorizonty Vostochnoj Evropy (voprosy hronologii). Vita antiqua. – Kiev, Kievskij gosudarstvennyj universitet, 2: 111–136.
13. Miheev V.K. 1985. Podon'e v sostave Hazarskogo kaganata. Har'kov, Vishcha shkola, 147.
14. Pletnyova S.A. 1989. Na slavyano-hazarskom pogranič'e (Dmitrievskij arheologičeskij kompleks). M., Nauka, 288.
15. Pletnyova S.A. 1993. Vozmozhnosti vyyavleniya social'no-ekonomičeskikh kategorij po materialam pogrebal'noj obryadnosti. Rossijskaya arheologiya. 4: 160–172.
16. Pletnyova S.A. 1999. Očerki hazarskoj arheologii. M., Ierusalim, Mosty kul'tury – Gescharim, 247.
17. Sarapulkin V.A. 2006. Rževskij gruntovoj mogil'nik saltovo-mayackoj kul'tury (predvaritel'noe soobščenie). Arheologičeskie pamyatniki Vostochnoj Evropy. Vyp. 12. Voronezh, Izd-vo VGU: 195–204.
18. Svistun G.E. 2012. Novyj kremacionnyj mogil'nik na territorii Chuguevo-Babchanskogo lesnichestva (predvaritel'naya informacija). Saltovo-mayackij arheologičeskij sbornik. Vyp. 2. Har'kov, Vidavec' Savchuk O.O. 79–84.
19. Flyorov V.S. 1990. K voprosu o social'noj differenciacii v Hazarskom kaganate. Voprosy etničeskoi istorii Volgo-Don'ya i problema burtasov. Penza, Penzenskij gosudarstvennyj ob"edinennyj kraevedčeskij muzej: 38–47.
20. Flyorova V.E. 2001. Obrazy i syuzhety mifologii Hazarii. M., Ierusalim, Mosty kul'tury – Gescharim, 159.

Ссылка для цитирования статьи

Link for article citation

Сарапулкин В.А. 2020. Воинские погребения Ржевского могильника Салтово-маяцкой культуры. *Via in tempore. История. Политология*, 47(1): 97–106. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-97-106

Sarapulkin V.A. 2020. Military burials Rževsky cemetery of the Saltovo-Mayaki culture. *Via in tempore. History and political science*, 47(1): 97–106 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-97-106

УДК 903.532

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-107-112

НАЗНАЧЕНИЕ ДОЛЬМЕНОВ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА**INTENTION OF THE WESTERN CAUCASUS DOLMENS****Н.И. Бондарев, Т.А. Бондарева**
N.I. Bondarev, T.A. Bondareva

Орловский государственный университет, Россия, 302026, г. Орел, ул. Комсомольская, 95

Orel State University, 95 Komsomol'skaya St, Orel, 302026, Russia

E-mail: nikbond@inbox.ru

Аннотация

В представленной работе проведен критический анализ наиболее интересных гипотез предназначения дольменов Западного Кавказа. Приведен ряд аргументов, свидетельствующих против основной научной гипотезы их назначения, существующей в настоящее время – сооружения для погребений, главным из которых является полное отсутствие в подавляющем большинстве дольменов остатков погребального содержимого. На основе анализа личных исследований и данных литературных источников предложена и обоснована новая и наиболее вероятная гипотеза первоначального назначения дольменов Западного Кавказа – укрытия для детей от крупных хищников, случайных одиночных охотников из других племен и некоторых стихийных явлений.

Abstract

In the present article the critical analysis of the most interesting hypotheses of the appointment of dolmens of the Western Caucasus is carried out. A number of the arguments testifying against the main scientific hypothesis of their appointment existing now – constructions for burials is given. The main argument against this hypothesis is the complete absence of remains of burial contents in the vast majority of dolmens. The authors proposed and substantiated a new and most probable hypothesis of the initial appointment of the dolmens of the Western Caucasus. Dolmens served as shelters for children from large predators, random single hunters from other tribes and some natural phenomena. In favor of the hypothesis put forward by us testify the location, design and size of dolmens, their orientation on the sides of the world, as well as the way of life and living conditions of the population living at that time. The proposed hypothesis does not reject the possibility of later use of part of the dolmens for burial.

Ключевые слова: дольмены, дома «карликов», назначение дольменов, сооружения для погребений, укрытия для детей.

Key words: dolmens, houses «dwarfs», appointment of dolmens, burial facilities, shelters for children.

Среди культурного наследия, дошедшего к нам с древних времен, выделяются загадочные строения – дольмены, оставленные древними народами, заселявшими территорию современного Краснодарского края России. Дольмены, как следует из Большой Советской Энциклопедии, древние погребальные сооружения, сложенные из нескольких огромных каменных глыб и плит, поставленных вертикально и покрытых сверху массивной горизонтальной плитой [БСЭ, 1952].

Впервые о дольменах на Кавказе сообщил академик Петр Симон Паллас в 1794 году. Позже изучением дольменов занимались А.С. Уваров, Е.Д. Фелицын, В.А. Городцов. Во второй половине двадцатого века глубокое изучение дольменов проводил В.И. Марковин, опубликовавший о них ряд статей и монографий [Марковин, 1973, 1974, 1978, 1985, 1994, 1997, 2000, 2004]. Возраст древнейших дольменов, по мнению В.И. Марковина, – более четырех с половиной тысяч лет, что подтверждено методом радиоуглеродного датирования органиче-

ских образцов [Трифонов, 2001]. Таким образом, дольмены на Кавказе были построены даже несколько раньше, чем появились египетские пирамиды.

О назначении дольменов выдвинуто множество гипотез как научного, так и фантастического характера, существуют также древние легенды и современные вымыслы. До сегодняшнего дня точное назначение дольменов до сих пор неизвестно. Постараемся рассмотреть наиболее интересные гипотезы и критически проанализировать их. Основываясь на научных материалах, анализе гипотез и легенд необходимо определить наиболее вероятное назначение дольменов. В популярной литературе относительно дольменов часто можно встретить такие «сказочные» эпитеты, как «дома карликов» и «богатырские хаты», иногда встречаются и «научно-фантастические» названия, такие, например, как «стартовые площадки для НЛО» или «первобытные компьютеры». Одна из основных научных гипотез предназначения дольменов в настоящее время – сооружения для погребений. Однако она также имеет множество слабых мест.

Целью представленной работы является обоснование новой и наиболее вероятной гипотезы первоначального назначения дольменов Западного Кавказа.

Гипотезы фантастического характера необходимо отбросить сразу же, как не соответствующие основам фундаментальной науки и не имеющие научных обоснований и доказательств. А какие же аргументы свидетельствуют против основной гипотезы?

Во-первых, подавляющее большинство дольменов обнаружено без остатков их погребального содержимого. Этот факт вынудил многих исследователей предположить, что дольмены были разграблены. Однако полное отсутствие находок каких-либо человеческих останков возле большинства дольменов, которые при разграблениях должны были быть выброшены наружу, серьезно противоречит этому предположению. В связи с этим Смирновым [2010, 2015] была предложена концепция последовательной сменяемости захоронений в дольменах. Пустоту дольменов он объясняет существованием билокального погребального обряда, т. е. обряда с двумя локусами погребений, где первый во времени имеет временное использование [Смирнов, 2015]. Останки людей обнаружены только в единичных дольменах, они разрознены, зачастую детские, и, кроме того, среди них встречаются кости домашних животных (особенно часто собак) [Марковин, 1985].

Во-вторых, дольмены расположены в основном недалеко от речных русел, ручьев, родников, т. е. в наиболее удобных местах для проживания людей, что противоречит практике строительства сооружений для погребений.

В-третьих, этой гипотезе не соответствует и конструкция дольменов – маленькое и очень низко расположенное входное отверстие (рис. 1).

Рис. 1. Полумонолитный дольмен возле станицы Шапсугской Абинского района Краснодарского края
Fig. 1. Semi-monolithic dolmen near the village Shapsugskaaya of the Abinsky district of the Krasnodar region

Все приведенные аргументы свидетельствуют о несостоятельности гипотезы о предназначении дольменов как сооружения для погребений.

Как известно, дольмены на Кавказе датированы эпохой ранней и средней бронзы, III–II тысячелетием до нашей эры и использовались до I тысячелетия до нашей эры во времена мегалитической культуры [БСЭ, 1972]. Таким образом, чтобы выяснить истинное назначение дольменов, необходимо провести всесторонний анализ имеющихся научных материалов и изучить условия и образ жизни живших в то время людей.

Выполнив указанные исследования, следует заключить, что, на наш взгляд, первоначальное основное назначение дольменов – укрытие для детей от крупных хищников, случайных одиночных охотников из других племен и некоторых стихийных явлений. Позднее часть дольменов действительно могла быть использована для погребения. В пользу выдвинутой нами гипотезы свидетельствуют многочисленные детали, которые мы и постараемся привести в данной работе.

Во-первых, как было отмечено выше, большинство дольменов (и одиночных, и групповых) находится в долинах, по берегам рек или рядом с другими источниками воды, занимая поляны или террасообразные уступы у подножия гор [Гей, 2003]. По сути, дольмены расположены столь выгодно и таким образом, что не оставляет сомнений предположение, что они находились в местах компактного проживания групп людей и использовались в повседневной жизни. А расположение одиночное или группами свидетельствует о количестве семей, проживающих в данном месте.

Во-вторых, размеры дольменов красноречиво свидетельствуют о своих «пользователях». В связи с этим отпадает надобность в поиске «карликов», живших в них. Так, например, высота дольменов редко превышает 130–140 см [Марковин, 1978], что соответствует росту детей примерно до 9–10 лет [Юрьев и др., 2007]. Еще более красноречивым является тот факт, что диаметр входного отверстия (лаза) дольменов вполне определенного размера, обычно составляет 30–40 см [Марковин, 1978, 1985], что соотносится с размерами тела детей примерно той же возрастной группы [Юрьев и др., 2007].

Интересно также то, что дольмены передней стороной чаще всего ориентированы на юг, чуть реже – на восток или юго-восток, редко на запад или юго-запад и очень редко на север, северо-восток и северо-запад [Марковин, 1978]. Строители целенаправленно ориентировали дольмены таким образом, чтобы фасад, по возможности, выходил на теплую, солнечную сторону. Этот вывод перекликается с заключением, приведенным в монографии Шарикова и Комиссара, которое гласит, что строители дольменов размещали их таким образом, чтобы они были хорошо освещены [Шариков, Комиссар, 2011]. А тот факт, что почти десятая часть этих сооружений ориентирована на запад или в северном направлении как раз противоречит именно «ритуальной черте» их строительства, так как «правила культа» являются довольно жесткими, и в этом случае дольмены были бы расположены определенным образом. В данном же случае строители руководствовались в первую очередь удобством и комфортом при их использовании.

Всё это свидетельствует о том, что дольмены в большинстве случаев не являлись склепами, а служили укрытием в первую очередь детского населения. Дольмены и сооружались таким образом, чтобы дети могли свободно попасть внутрь укрытия через отверстие, а крупный хищник или взрослый человек из враждебного племени – нет, ведь массивные плиты или даже крупные блоки не позволяли им разрушить дольмен (рис. 2). По данным Марковина, более 90 % всех дольменов составлены из многотонных плит. А часть дольменов и вообще являются полумонолитными или монолитными. В частности, монолитный дольмен полностью высекался в скале через отверстие или лаз, который еще и закрывался втулкой.

В-третьих, в тех дольменах, в которых обнаружены скелеты, их позы различны и говорят скорее не о специальных захоронениях, а являются естественными человеческими позами: поза сидящего, прижавшегося к стене человека, поза лежащего на боку человека, так называемые «скорченные захоронения».

Вполне вероятно, что эти люди умерли в указанных позах. Марковин В.И. в своей монографии [Марковин, 1985] отмечает, что позы скелетов похожи на естественные, но объясняет этот факт своеобразным «замыслом» устроителей погребений.

Рис. 2. Составной дольмен на берегу реки Жане в Геленджикском районе Краснодарского края
Fig. 2. A composite dolmen on the banks of the Zhane river in the Gelendzhik district of the Krasnodar region

В-четвертых, конкретное предназначение дольменов можно легко понять, представив социальную и возрастную структуру, а также образ жизни проживающего в то время населения. Взрослые члены общин вынуждены были ежедневно «добывать хлеб насущный» и на весь день покидали место расположения стоянок. Маленькие дети не могли еще сопровождать взрослых и помогать им, поэтому являлись легкой добычей, в основном для хищников. Наибольшую опасность для детей представляли обитавшие в те времена многочисленные крупные хищные млекопитающие, такие как медведи, волки, шакалы, гиены, леопарды, тигры, львы [Верещагин, 1959; Алексеева, 1977; Материалы..., 1993]. Угрозу для детей представляли и случайно забредшие чужаки, а также неблагоприятные факторы окружающей среды, такие как град, снег, ураган, селевые потоки и другие. Однако эту проблему можно было легко решить, построив такие сооружения, чтобы дети могли легко проникать в них и легко покидать, а хищники или враги – нет.

В заключение хотелось бы привести любопытную легенду (сказание) адыгов, которая гласит, что дольмены являлись «домами карликов», которые были построены для них «великанами» или «нартами» [Джанджуазова, 2014]. Причем эти «карлики» ездили на «зайцах». На наш взгляд, эти сказания, хотя и приобрели «фантастический» характер с течением времени, пересказывают реальные события. В действительности «карлики» – это дети, а в роли «зайцев» могли выступать домашние собаки, к тому же охраняющие их. До сих пор в сельской местности можно иногда наблюдать картину, когда маленькие дети пытаются оседлать этих домашних питомцев. Интересно, что Марковин В.И. подчеркивает, что кости собак настолько часто встречаются при раскопках дольменов, что можно подумать, что их мясо употребляли в пищу [Марковин, 1985]. Однако далее сам отвечает на этот вопрос отрицательно, так как на поселениях среди жилья, где кости других животных встречаются во множестве, останки собак не найдены.

Таким образом, анализ приведенных нами данных свидетельствует о том, что первоначальное основное назначение большинства дольменов Западного Кавказа – это укрытие для детей, и лишь позднее часть из них могла быть превращена в места погребений. Эта гипотеза хорошо согласуется с адыгейской легендой о том, что дольмен – это «дом карликов», ведь дети и есть по сути «карлики», то есть маленькие люди, со временем, конечно, становившиеся взрослыми, то есть «великанами». По-видимому, сказания, передававшиеся из «уст в уста», сохранили основные элементы реальной истории, превратившись с течением времени в красивую легенду.

Список литературы

1. Алексеева Л.И. 1977. Териофауна раннего антропогена Восточной Европы. Труды ГИН АН СССР. Вып. 300. М., Наука, 216.
2. Барышников Г.Ф. 1993. Крупные млекопитающие ашельской стоянки в пещере Треугольная на Северном Кавказе. В кн.: Материалы по мезозойской и кайнозойской истории наземных позвоночных. Под ред. Г.Ф. Барышникова, И.Е. Кузьминой. Труды зоологического института. Т. 249. СПб., Российская академия наук: 3–47.
3. Большая Советская Энциклопедия. 1952. Докеры – Железняков. Т. 15. М., Большая Советская Энциклопедия, 652.
4. Большая Советская Энциклопедия. 1972. Дебитор – Евкалипт. Т. 8. М., Советская Энциклопедия, 592.
5. Верещагин Н.К. 1959. Млекопитающие Кавказа. Л., Ленинградское отделение Издательства АН СССР, 704.
6. Гей А.Н. 2005. Исследование древних памятников Западного Кавказа (О работах Северо-Кавказской экспедиции в 2003 г.). Краткие сообщения Института археологии. Вып. 219. М., Наука: 36–49.
7. Джанджугазова Е.А. 2014. Дольмены Западного Кавказа: загадки, мифы, легенды. Современные проблемы сервиса и туризма, 3: 85–94.
8. Марковин В.И. 1973. Дольмены Западного Кавказа (некоторые итоги изучения). Советская археология, 1: 3–23.
9. Марковин В.И. 1974. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик, Эльбрус, 54.
10. Марковин В.И. 1978. Дольмены Западного Кавказа. М., Наука, 328.
11. Марковин В.И. 1985. Испун – дома карликов: Заметки о дольменах Западного Кавказа. Краснодар, Книжное издательство, 112.
12. Марковин В.И. 1994. Дольмены Западного Кавказа. В кн.: Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., Наука: 226–253.
13. Марковин В.И. 1997. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М., ОНТИ ПНЦ РАН, 403.
14. Марковин В.И. 2000. Дольмены Западного Кавказа: мистика, научные мнения и перспективы дальнейшего изучения. Российская археология, 4: 26–42.
15. Марковин В.И. 2004. Дискуссионные проблемы в изучении дольменов Западного Кавказа. В кн.: Мунчаев Р.М., Корневский С.Н. Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа. М., Институт археологии РАН: 49–61.
16. Смирнов А.М. 2010. Пустой дольмен: утрата источника или норма погребальной практики. Stratum plus. Археология и культурная антропология, 2: 169–184.
17. Смирнов А.М. 2015. «Ограбленные» дольмены Кавказа и биллокальный погребальный обряд. Stratum plus. Археология и культурная антропология, 2: 111–118.
18. Трифионов В.А. 2001. Что мы знаем о дольменах Западного Кавказа и чему учит история их изучения? В кн.: Дольмены. Современники древних цивилизаций. Краснодар, Краснодарское книжное издательство: 20–55.
19. Шариков Ю.Н., Комиссар О.Н. 2011. Дольмены Кавказа: геологические аспекты и технологии строительства. Краснодар, Советская Кубань, 208.
20. Юрьев В.В., Симаходский А.С., Воронович Н.Н., Хомич М.М. 2000. Рост и развитие ребенка. СПб., СПбГПМА, 197.

References

1. Alekseeva L.I. 1977. Teriofauna rannego antropogena Vostochnoy Evropy [Early anthropogene theriofauna of East Europe]. Trudy GIN AN SSSR [Academy of Sciences of the USSR Order of the Red Banner of Labour Geological Institute Transactions]. Vyp. 300. M., Nauka, 216.
2. Baryshnikov G.F. 1993. Krupnye mlekopitayushchie ashel'skoy stoyanki v peshchere Treugol'naya na Severnom Kavkaze [Large mammals of the Acheulean site in the Treugolnaya Cave of the North Caucasus]. V kn.: Materialy po mezozoyskoy i kaynozoyskoy istorii nazemnykh pozvonochnykh [Materials of mesozoic and cenozoic history of terrestrial vertebrates]. Pod red. G.F. Baryshnikova, I.E. Kuz'minoy. Trudy zoologicheskogo instituta. T. 249. SPb., Rossiyskaya akademiya nauk: 3–47.

3. Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya [Great Soviet Encyclopedia]. 1952. Dokery – Zheleznyakov. T. 15. M., Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya, 652.
4. Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya [Great Soviet Encyclopedia]. 1972. Debitor – Evkalipt. V. 8. M., Soviet Encyclopedia, 592 p.
5. Vereschagin N.K. 1959. Mleko pitayushchie Kavkaza [Mammals of the Caucasus]. L., Publ. Leningradskoe otделение Izdatel'stva AN SSSR, 704.
6. Gei A.N. 2005. Issledovanie drevnih pamyatnikov Zapadnogo Kavkaza (O rabotah Severo-Kavkazskoi ekspeditsii v 2003 g.). Kratkie soobsheniya instituta arheologii. Vyp. 219. [Investigation of ancient monuments of the West Caucasus (The North Caucasus expedition, season of 2003). Brief Communications from the Institute of Archeology. Vol. 219]. M., Publ. Nauka: 36–49.
7. Dzhandzhugazova E.A. 2014. Dol'meni Zapadnogo Kavkaza: zagadki, mifi, legendy [Dolmens of the Western Caucasus: riddles, myths, legends]. Sovremennye problemy servisa i turizma, 3: 85–94.
8. Markovin V.I. 1973. Dol'meni Zapadnogo Kavkaza (nekotorye itogi izucheniya) [Dolmens of the Western Caucasus (some results of the study)]. Sovetskaya arheologiya, 1: 3–23.
9. Markovin V.I. 1974. Dol'mennaya kultura i voprosy rannego etnogeneza abkhazo-adigov [Dolmen culture and issues of early ethnogenesis of Abkhaz-Circassians]. Nalchik, Publ. Elbrus, 54.
10. Markovin V.I. 1978. Dol'meni Zapadnogo Kavkaza [Dolmens of the Western Caucasus]. M., Publ. Nauka, 328.
11. Markovin V.I. 1985. Ispun – doma karlikov: Zametki o dol'menakh Zapadnogo Kavkaza [Ispun-houses of dwarfs: Notes on dolmens of the Western Caucasus]. Krasnodar, Publ. Knizhnoe izdatel'stvo, 112.
12. Markovin V.I. 1994. Dol'meni Zapadnogo Kavkaza [Dolmens of the Western Caucasus]. V kn.: Archeologiya. Epoha bronzы Kavkaza i Srednei Azii. Ranyaya i srednyaya bronza Kavkaza [Archeology. Bronze Age of the Caucasus and Central Asia. Early and middle bronze of the Caucasus]. M., Publ. Nauka: 226–253.
13. Markovin V.I. 1997. Dol'mennye pamyatniki Prikuban'ya i Prichernomor'ya [Dolmen monuments of the Kuban and Black Sea regions]. M., Publ. ONTI PNC RAN, 403.
14. Markovin V.I. 2000. Dol'meni Zapadnogo Kavkaza: mistika, nauchnye mneniya mnemya perspektivi dal'neishego izucheniya [Dolmens of the Western Caucasus: mysticism, scientific opinions and prospects for further study]. Rossiyskaya arheologiya, 4: 26–42.
15. Markovin V.I. 2004. Diskussionnye problemy v izuchenii dol'menov Zapadnogo Kavkaza [Discussion problems in the study of dolmens of the Western Caucasus]. V kn.: Munchaev R.M., Korenevsky S.N. Problemy drevnei istorii i kultury Severnogo Kavkaza [Problems of the ancient history and culture of the Northern Caucasus]. M., Publ. Institut arheologii RAN: 49–61.
16. Smirnov A.M. 2010. Pustoy dol'men: utrata istochnika ili norma pogrebal'noy praktiki [Emptiness of Dolmens: Lost Source or a Norm of Burial Practice]. Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya, 2: 169–184.
17. Smirnov A.M. 2015. «Ograblennyye» dol'meny Kavkaza i bilokal'nyy pogrebal'nyy obryad [«Looted» Dolmens of the Caucasus and the Bilocal Funerary Rite]. Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya, 2: 111–118.
18. Trifonov V.A. 2001. Chto mi znaem o dol'menakh Zapadnogo Kavkaza i chemu uchit istoriya ih izucheniya? [What do we know about the dolmens of the Western Caucasus and what does the history of their study teach?] Dol'meni. Sovremenniki drevnih tsivilizatsii. [Dolmens. Contemporaries of ancient civilizations]. Krasnodar, Publ. Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo: 20–55.
19. Sharikov Yu.N., Komissar O.N. 2011. Dol'meni Kavkaza: geologicheskie aspekty i tekhnologii stroitel'stva [Dolmens of the Caucasus: geological aspects and construction technologies]. Krasnodar, Publ. Sovetskaya Kuban, 208.
20. Yur'ev V.V., Simahodskii A.S., Voronovich N.N., Homich M.M., 2000. Rost i razvitiye rebenka [Growth and development of the child]. Saint-Petersburg, Publ. SPbGPM, 197.

Ссылка для цитирования статьи

Link for article citation

Бондарев Н.И., Бондарева Т.А. 2020. Назначение дольменов Западного Кавказа. *Via in tempore. История. Политология*, 47(1): 107–112. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-107-112

Bondarev N.I., Bondareva T.A. 2020. Intention of the Western Caucasus dolmens. *Via in tempore. History and political science*, 47(1): 107–112 (in Russian).

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-107-112

УДК 349.442; 711.4-163

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-113-119

**ПРИНЯТИЕ НОВЫХ ГЕНЕРАЛЬНЫХ ПЛАНОВ ГОРОДОВ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ)****ADOPTION OF A NEW MASTER PLANS OF CITIES AT THE SECOND HALF
OF XIXth CENTURY (BY THE EXAMPLE OF TOMSK REGION)****А.В. Сковородников, Д.С. Дегтярев****A.V. Skovorodnikov, D.S. Degtyarev**

Алтайский государственный университет,
Россия, 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61а, каб. 315
Россия, 656008, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Партизанская, 140, кв. 168.

Altay State University, 61a Lenin Avenue, r. 315, Barnaul, 656049, Russia
140 Partisanskaya st, f. 168, Barnaul, 656008, Russia

E-mail: mladic@mail.ru, danildegtyarev@yandex.ru

Аннотация

В условиях быстрой социальной модернизации эффективность правовых механизмов регулирования городской застройки снижается. Это хорошо видно на примере генеральных планов городов, которые долгое время являются основным государственным инструментом воздействия на процесс их развития. На материале нескольких сибирских городов второй половины XIX века проиллюстрировано нарастание несоответствия между регулирующим документом и реальной ситуацией. Основной причиной этого явления, по мнению авторов, стало отставание правовых норм и практики их применения от социально-экономического и социокультурного развития городов в условиях быстрого прогресса рыночных отношений.

Abstract

An efficiency of legal mechanisms for regulation of city development decreases during the periods of quick social transformation. It's true for general planning too as the main tool for state regulation of such processes for a long time. A rising of contradiction between general planning and real development are illustrated at the example of some Siberian cities at the 2nd half of XIX century. Tomsk region was the most progressive part in Siberia that time, because of it was choose as an example. The quick development of market economy determined critical discrepancy between legal rules and social, economic and cultural progress in cities. It became the most important reason of inefficiency of legal instruments. As a result big Siberian cities such as Tomsk or Barnaul hadn't got adequate general plans. New documents staled earlier than established as an official rule. The same problems had Siberian towns. So some new towns such as Novo-Nikolaevsk received their plans concurrently with appearance. It was according to it development, sometimes stimulated it.

Ключевые слова: правовое регулирование градостроительства, сибирские города, Томская губерния, генеральный план.

Key words: legal regulation of building, Siberia, Siberian cities, general planning.

Современная Россия вот уже третье десятилетие находится в состоянии непрерывной социально-экономической трансформации. Некоторые специалисты обнаруживают сходство между нынешними процессами и теми, что происходили в стране во второй половине XIX века [Алисов, 2006; Гончаров, Литягина, 2009; Скубневский, Гончаров, 2007]. Поэтому они предлагают внимательнее изучить исторический опыт и проанализировать

его. На наш взгляд, это предложение рационально и может быть отнесено почти к любой сфере жизни современного российского общества. Например, к сфере градостроительства, где в последние десятилетия наблюдается явная смена приоритетов. Хаотичная и подчас никем не контролируемая трансформация городского пространства – вот что было характерно и для второй половины XIX века, и для начала XXI века.

Впрочем, регулирование пространственного развития городов существовало уже в Древней Руси [Саваренская и др., 2004]. Однако лишь в XVIII столетии появился универсальный инструмент для этого – генеральный план города. Согласно Уставу Строительному, «город строится не иначе как по Высочайше утвержденному плану» [Устав строительный, 1876; 1896: 1915], то есть генеральный план в то время имел высшую юридическую силу в области градостроительства для данного поселения [Вайтенс, Косенкова, 2006]. В то же время, по мнению авторитетного специалиста в области истории градостроительства Т.Ф. Саваренской, «никогда еще регулирующая роль генеральных планов не была столь ничтожной, как в эпоху капитализма» (вторая половина XIX – начало XX вв.), что подтверждается многочисленными примерами [Саваренская и др., 2004; Русское градостроительное искусство, 2003]. Налицо явное противоречие между требованиями тогдашнего законодательства и реальной градостроительной практикой. Цель данного исследования – охарактеризовать значение генеральных планов городов как важнейшего правового инструмента в условиях достаточно быстрой социально-экономической трансформации.

Часто можно встретить утверждение, что в условиях раннего рыночного общества генеральные планы быстро устаревали, что и являлось главной причиной снижения их регулирующей роли [Стахеев, Ремарчук, 2008]. Поэтому мы намеренно отказались от анализа планов, принятых в дореформенное время, рассматривая только те, что были разработаны после 1861 г. В качестве эмпирической базы исследования выбрана Томская губерния. Эта территория была типичной российской провинцией со средними темпами социальной модернизации. В то же время это был самый урбанизированный район Сибири, именно здесь ярче всего проявлялись процессы модернизации городских пространств. Таким образом, Томская губерния не была ни «передовой», ни «отсталой» в смысле темпов урбанизации. Хронология исследования охватывает период с начала 60-х гг. по начало 90-х гг. XIX века.

В основе наших рассуждений лежат как уже давно существующие теории, описывающие городское пространство (например, социокультурная теория Д.А. Алисова), так и собственные авторские наработки в данной области [Дегтярев, 2018]. Мы считаем, что для раннеиндустриального этапа пространственного развития городов характерно нарастание энтропийных процессов и повышение степени вариативности развития в том или ином направлении. Для проверки данной гипотезы на конкретных примерах мы провели сравнительно-сопоставительный анализ генеральных планов, типологизацию причин их медленного введения в действие, также применили ряд методов исторической географии.

В это время были созданы 4 новых генеральных плана: в Томске, Бийске, Мариинске и Нарыме. В этом списке 1 крупный губернский город, 2 средних уездных и 1 безуездный. То есть можно говорить о тенденциях, присущих всем городам региона, а не только какой-то одной их категории. Из четырех вышеназванных городов три получили свой статус (а вместе с ним и генеральный план) еще в дореформенное время, и только для Мариинска создававшийся в это время генплан был первым (этот город был образован в 1856 г.) [Ермолаев, 2008]. Генеральный план Каинска, который был введен в действие в 1866 г., мы не рассматриваем, так как он был составлен в более ранний период – по «дореформенным» правилам.

С точки зрения дореформенного законодательства составлять генеральные планы должны были профессиональные архитекторы, а утверждать – лично император. Однако в Уставе Строительном за 1876 г. зафиксированы уже другие правила: утверждение новых планов было возложено на императора посредством министра внутренних дел (если это план губернского города) или на губернатора (если это план уездного или безуездного города). В случае, если в городе уже было введено в действие Городовое положение 1870 г., генплан должен был утвердить еще и орган городского самоуправления – Городская дума

[Устав строительный, 1876; 1896; Лен, 2002]. Все это значительно усложняло не столько процесс составления планов, сколько процесс их ввода в действие.

На практике это выглядело так. Во второй половине 1860-х гг. было принято решение о составлении нового генерального плана Томска взамен устаревшего (принятого еще в 1830 г.). 26 января 1866 г. Томская губернская строительная комиссия рассмотрела его и в акте записала, что он «в отношении правильности составления, медицинском, торговом и полицейском оказался вполне удовлетворительным»²¹. В сентябре 1867 г. новый план Томска был передан на утверждение в МВД. Но при анализе его содержания оказалось, что план изобилует ошибками и неточностями (их в общей сложности насчитали 11), поэтому он был возвращен в Томск на доработку²². Выясняя причины неудачи, инженер-архитектор Вальницкий установил, что «план настоящего расположения г. Томска, составленный господином Македонским, ... оказался составлен не вполне верно с натуры»²³. В сентябре 1868 г. Губернская строительная комиссия поручила Вальницкому «вновь снять с натуры положение города Томска и согласно оному переделать проектный план», однако эти работы были перенесены на весну следующего года²⁴. Однако уже в мае 1869 г. работы по съемке натурного плана города вновь были остановлены: Вальницкий просил себе в помощники рабочих, а оплачивать труд этих рабочих городские власти не хотели. Только в июне 1869 г. они выделили на это... целых 30 рублей!²⁵ В итоге Вальницкий смог составить план только к осени, но теперь возникла проблема с его вычерчиванием – чертежник Никольский, на которого была возложена эта работа, оказался слишком занят другими делами²⁶. Наконец, 3 января 1870 г. (то есть более чем через два года после начала работ по исправлению) проектный план был представлен городскому обществу. 15 февраля того же года Томская строительная комиссия новый план утвердила. И он вновь был направлен в Главное управление Западной Сибири – для экспертной оценки. Омские чиновники показали новый план Акмолинскому областному архитектору, который... нашел в нем 12 недостатков!²⁷ Проект вновь был направлен в Томск для исправления.

В это время в Томске было введено Городовое положение, вопросами составления плана стали заниматься органы самоуправления. Работы по исправлению прежнего проекта были возобновлены только в мае 1873 г. Почти сразу же выяснилось, что проще вновь снять с натуры существующее положение зданий, чем исправлять прежний проект. Это легко объяснимо: по свидетельству городского архитектора Вальницкого в Томске в начале 1870-х гг. строилось в среднем по 25 новых зданий в год²⁸, за три года могло вырасти несколько новых кварталов. То есть устаревание проектов плана происходило быстрее, чем их составление. Чертежник городской управы Н. Дягилев обещал закончить работы по составлению очередного нового плана к 1 января 1874 г. Но в 1873 г. удалось инструментально снять лишь 85 кварталов города, работы продолжились и в следующем году²⁹. Сроки окончания составления плана Томска были вновь сдвинуты. Наконец весной 1875 г. план был готов. Оставалось дело за малым – утвердить его на заседании Городской думы³⁰, как того требовало действовавшее на тот момент законодательство.

Городская дума решила перепроверить план еще раз. Из ее состава была выбрана комиссия, которая должна была «рассмотреть составленный проект плана: насколько он соответствует указаниям Строительного, Врачебного и Пожарного уставов и вообще лучшему

²¹ Государственный архив Томской области (далее ГАТО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 1591. Л. 3.

²² Там же. Л. 1–2 об.

²³ Там же. Л. 6.

²⁴ Там же. Л. 16–17.

²⁵ Там же. Л. 30.

²⁶ Там же. Л. 70–17.

²⁷ Там же. Л. 60.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Л. 98.

³⁰ Там же. Л. 101.

устройству города по его местоположению»³¹. Комиссия приступила к работе весной 1876 г. и работала до осени того же года. Зима была потрачена на уточнение результатов работы комиссии, а также на исправление мелких недочетов. Наконец думская комиссия дала «добро», однако Дума не торопилась принимать новый план. Как сообщал губернатору Томский городской голова, «вопрос был представлен в Думу 17 мая и 9 июня сего года, но в назначенные числа собрания Думы не состоялись по неприбытии установленного числа гласных»³². Такая же ситуация повторилась и на заседании 28 июля 1877 г. И только осенью 1877 г. Городская дума рассмотрела проект... и нашла в нем недочеты. Исправить их было поручено городскому землемеру Дягилеву. На этот раз специалист работал быстро и уже в 1878 г. представил исправленный проект. 15 сентября 1878 г. из Главного управления Западной Сибири в Томск пришла долгожданная весть: новый проект, составленный Дягилевым, был рассмотрен чиновником особых поручений Эзетом и признан правильным³³. Впоследствии генеральный план Томска был в 1879 г. утвержден в МВД, но вступил в силу лишь 8 марта 1883 г., когда подпись под ним поставил Александр III [Дмитриенко, 2003].

Таким образом, на составление, исправление и утверждение нового генерального плана Томска было потрачено более 17 лет. Столь длительный срок можно объяснить целым рядом причин. Во-первых, это низкое качество работ, проводимых специалистами-архитекторами. Во-вторых, это отсутствие должной поддержки таких работ со стороны властей (нехватка денег, загруженность специалистов другими делами). Это приводило к большому числу недочетов и вызывало необходимость постоянно переделывать план. В-третьих, это бюрократический подход к делу со стороны органов местного самоуправления (неявка гласных на заседания Думы, медленная работа думских комиссий и т. п.). В-четвертых, это объективное устаревание информации, отражаемой на плане. В этой связи вовсе не удивительно, что составленный и принятый с таким трудом генеральный план Томска устарел уже в начале XX века³⁴.

Но может быть, такое длительное принятие нового генерального плана Томска связано с величиной города и с его особым статусом? Для ответа на этот вопрос предлагаем рассмотреть ситуацию с принятием генеральных планов Бийска и Нарыма, которые были составлены в эти же годы. «Проект нового генплана Бийска (взамен плана 1834 г.) был составлен и одобрен в 1868 году. Однако очень скоро стало ясно, что этот план не отвечает потребностям Бийска, так как пространственная организация поселения стремительно менялась. Фактически план 1868 года так и не был претворен в жизнь, оставшись лишь проектом. В 1878 году архитектором Таловским был разработан новый проект, позже доработанный городскими властями»³⁵. Окончательно он был оформлен к 1885 году, и в следующем году одобрен Томским губернатором в качестве действующего генерального плана Бийска. Время, которое прошло от составления нового проекта до окончательного утверждения генерального плана, составило 18 лет [Гончаров. Литягина, 2009]. Не удивительно, что принятый в 1886 г. документ тоже потерял свою актуальность в начале XX века.

Затерянный в северных лесах небольшой городок Нарым тоже жил по генплану 1830-х годов. В соответствии с ним поселение располагалось между протоками Безымянной и Кетской и озером Полой. «Кварталы были спланированы довольно хаотично и без учета особенностей почвы. Можно сказать, что данный проект застройки города был неудачным. В 1867 году был составлен новый генеральный план города. Причиной для его принятия было стремление губернских властей спасти город от постоянных затоплений»³⁶. Новый план сохранял сложившуюся планировку Нарыма, но здания переносились на возвышенные места. «В 1868 году была проведена разбивка жилых кварталов в количе-

³¹ Там же. Л. 118.

³² Там же. Л. 142.

³³ Там же. Л. 171.

³⁴ ГАТО. Ф. 196. Оп. 4. Д. 221. Л. 8.

³⁵ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 174. Оп. 1. Д. 27. Л. 76–77.

³⁶ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 1219. Л. 5–6.

стве 32 единиц и отдельных селитебных мест в количестве 235 участков»³⁷. Окончательно новый план был принят Нарымской городской думой в 1879 году³⁸. Как видно из вышесказанного, даже в небольшом городе с населением менее 2 тысяч жителей между началом составления нового проекта и принятием генплана прошло 12 лет.

Таким образом, не только Томск, но и другие города губернии, которые решили изменить свои генеральные планы в пореформенное время, столкнулись с длительными задержками в этом процессе. Возможно, что основной причиной этого был вовсе не субъективный фактор, а объективные трудности, вызванные необходимостью перестраивать уже существующее городское пространство. Чтобы подтвердить или опровергнуть эту гипотезу, был рассмотрен вопрос о принятии первого генерального плана Мариинска. В этом случае мы имеем дело с планом нового города, возникшего на месте сравнительно небольшого села. То есть задача составителей плана упрощалась: нужно было построить город почти «с нуля».

В конце 50-х годов XIX века было составлено два проекта – на Кийск (так первоначально был назван новый уездный город) и на Мариинск, последний и был взят за основу³⁹. «В течение 1860-х годов шел процесс урегулирования спорных вопросов, исправления неточностей и внесения изменений в предлагаемые в губернский Строительный Комитет проекты плана. Например, в сентябре 1869 года очередной вариант генерального плана города был забракован губернским архитектором по причине наличия в нем не менее 5 грубых градостроительных ошибок»⁴⁰. Также часто расходились данные о количестве усадебной земли. В 1869 году один источник указывал, что городские строения занимают 523 десятины 842 кв. сажени, а другой – 391 десятина 1600 кв. саженей⁴¹. Наконец 1 февраля 1871 года Строительный Комитет утвердил проект генерального плана. «Однако уточнения и небольшие изменения вносились в план в течение 1870-х годов постоянно. Окончательно генеральный план Мариинска был принят Мариинской городской думой в конце 1870-х годов» [Ермолаев, 2008]. Между началом разработки проекта и утверждением генплана города и в этом случае прошло около 20 лет. Таким образом, гипотеза о трудностях, вызванных необходимостью перестраивать существующее пространство, не подтвердилась.

Сравнение процесса составления и принятия новых генеральных планов дало следующие результаты:

1. Все планы составлялись и вводились в действие очень долго – от 12 до 20 лет. За это время первоначальные проекты устаревали, что вызывало необходимость создавать новые.

2. Процесс составления новых планов осложнялся низким качеством проводимых работ, нехваткой рабочих рук, отсутствием специалистов-градостроителей. Это приводило к бесконечным исправлениям плохо составленных документов.

3. Изменение правил принятия новых генеральных планов в связи с введением Городового Положения 1870 г. еще больше удлинило процедуру, так как органы местного самоуправления затягивали принятие важных решений.

Таким образом, процедура создания и ввода в действие генеральных планов городов, которая была довольно простой и понятной в XVIII – первой половине XIX вв., в пореформенное время изменилась. Это негативно повлияло на администрирование пространственного развития городов, так как основной инструмент в этом деле (генеральный план) перестал быть эффективным. В начале XX века ситуация еще более ухудшилась: ни один из старых городов Томской губернии не принял нового генерального плана после 1886 г. Из 6 вновь возникших городов свои планы составили и утвердили только 2: Ново-николаевск в 1909 г. и Камень в 1917 г. [Степанская, 2006]. В результате регулирующая

³⁷ Там же. Л. 39.

³⁸ Там же. Л. 20.

³⁹ ГАТО Ф. 6. Оп. 1. Д. 1597. Л. 22.

⁴⁰ Там же. Л. 33.

⁴¹ Там же. Л. 46, 73.

функция генеральных планов была почти повсеместно утрачена – в связи или с отсутствием таких документов или с их безнадежным устареванием.

Можно ли считать главной причиной такого положения дел быстрый рост городов? Да, но лишь отчасти. На наш взгляд, другими причинами были субъективный фактор и изменения в законодательстве. Государство частично отказалось от регулирования градостроительного процесса, передав полномочия в этой сфере в руки местного самоуправления. Это привело к усложнению административной практики и к общему снижению эффективности управленческой работы. Вопреки распространенному мнению о полностью прогрессивном характере городской реформы 1870 г. можно утверждать, что в данном случае реформа ухудшила, а не улучшила ситуацию.

Итак, сибирские города в эпоху раннего индустриализма оказались в новой для себя ситуации. Степень государственного регулирования их пространственного развития снизилась, а на само это развитие все большее влияние стали оказывать экономические факторы. Эпоха «регулярного города» уходила в прошлое, наступал новый этап функционирования городских пространств. Принимая во внимание некоторое сходство процессов того периода и современных тенденций, можно предполагать, что и в наше время правовое регулирование застройки городов будет малоэффективным до тех пор, пока не изменится сам подход к данному вопросу.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00439 «Алтайский историко-географический комплекс в XVIII – начале XX веков (междисциплинарные исследования и разработка информационной web-платформы)».

Список литературы

1. Алисов Д.А. 2006. Административные центры Западной Сибири: городская среда и социально-культурное развитие (1870–1914). Омск, Издательство ОмГУ, 337.
2. Вайтенс А.Г., Косенкова Ю.Л. 2006. Развитие правовых основ градостроительства в России XVIII – начала XXI веков. Обнинск, Институт муниципального управления, 525.
3. Гончаров Ю.М., Литягина А.В. 2009. Очерки истории города Бийска (вторая половина XIX – начало XX века). Барнаул, «Аз Бука», 276.
4. Дегтярев Д.С. 2018. Раннеиндустриальный этап в развитии пространства российского города (на материалах Томской губернии). Исторический курьер. 2018. 2. Статья 7, 13.
5. Дмитриенко Н.М. 2003. День за днем, год за годом: хроника жизни Томска в XVIII–XX столетиях. Томск, Издательство ТГУ, 347.
6. Ермолаев А.Н. 2008. Уездный Мариинск. 1856–1917 гг. Кемерово, Кузбассвуиздат, 743.
7. Лен К.В. 2002. Организация городского самоуправления в Западной Сибири после введения Городового положения 1870 г. Города Сибири XVIII – начала XX вв. Барнаул, Издательство АлтГУ, 152–164.
8. Русское градостроительное искусство. 2003. Градостроительство России середины XIX – начала XX века. Книга вторая. Под общ. ред. Е.И. Кириченко, М., Прогресс-Традиция, 560.
9. Саваренская Т.Ф., Швидковский Д.О., Петров Ф.А. 2004. История градостроительного искусства. Поздний феодализм и капитализм. Учебное пособие для вузов. М., Архитектура, 400.
10. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. 2007. Города Западной Сибири во 2-й половине XIX – начале XX веков: Население. Экономика. Застройка и благоустройство, Барнаул, «Аз Бука», 292.
11. Стахеев О.В., Ремарчук С.М. 2008. Ретроспективный анализ процесса формирования градостроительной регулирующей деятельности в отечественной и мировой практике. Вестник ТГАСУ, 2 (2008), 17–26.
12. Степанская Т.М. 2006. Архитектура Алтая XVIII–XX вв. Барнаул, АРТ, 300.
13. Устав Строительный, измененный по продолжениям 1863–1872 гг. Издание 2-е. СПб., МВД, 1876, 182.
14. Устав строительный, измененный и дополненный узаконениями, обнародованными к 1 января 1896 г. СПб., МВД, 1896, 125.
15. Устав строительный, измененный и дополненный узаконениями, обнародованными к 1 декабря 1914 г. Петроград, МВД, 1915, 510.

References

1. Alisov D.A. 2006. Administrativnye tsentry Zapadnoi Sibiri: gorodskaya sreda i sotsial'no-kul'turnoe razvitiye (1870–1914). [Administrative centers or West Siberia city environment and social-culture development (1870–1914)] Omsk, OmsSU, 337.
2. Vaitens A.G., Kosenkova Yu.L. 2006. Razvitiye pravovykh osnov gradostroitel'stva v Rossii XVIII – nachala XXI vekov. [The development of legal foundation of city-building in Russia at the XVIII–XXI]. Obninsk, Institut munitsipal'nogo upravleniya, 525.
3. Goncharov Yu.M., Lityagina A.V. 2009. Ocherki istorii goroda Biiska (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [Essays about Biysk history (2nd half of XIX – beginning of XX)]. Barnaul, Azbuka. 276.
4. Degtyarev D.S. 2018. Ranneindustrial'nyi etap v razvitiy prostranstva rossiiskogo goroda (na materialakh Tomskoi gubernii) [The Early industrial stage of the Russian urban space development (on the materials of Tomsk region)] Istoricheskii kur'er. 2018. 2. Stat'ya 7, 13
5. Dmitriemko N.M. 2003. Den' za dnem, god za godom: khronika zhizni Tomsk v XVIII–XX stoletiyakh [Day after day, year after year. The chronicle of Tomsk life in XVIII–XX cc.]. Tomsk, TSU, 347.
6. Ermolaev A.N. Uezdnyi Mariinsk. 1856–1917 gg. [Town Mariinsk]. 1856–1917. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 743.
7. Len K.V. 2002. Organizatsiya gorodskogo samoupravleniya v Zapadnoi Sibiri posle vvedeniya Gorodovogo polozheniya 1870 g. [An organization of municipal power in West Siberia after City Rule of 1870 introduction Goroda Sibiri XVIII – nachala XX vv. [Siberian cities in XVIII – beginning of XX cc.]. Barnaul, ASU, 152–164.
8. Russkoe gradostroitel'noe iskusstvo. 2003. Gradostroitel'stvo Rossii serediny XIX – nachala XX veka. Kniga vtoraya. Pod obshch. red. E.I. Kirichenko [Russian city-building art. City-building of Russia in the middle of XIX – the beginning of XX]. M., Progress-Traditsiya, 560.
9. Savarenskaya T.F., Shvidkovsky D.O., Petrov F.A. 2004. Istoriya gradostroitel'nogo iskusstva. Pozdnii feodalizm i kapitalizm. [History of city-building art. Last feudalism and capitalism]. Textbook for universities. M., Architecture, 400.
10. Skubnevsky V.A., Goncharov Yu.M. 2007. Goroda Zapadnoi Sibiri vo 2-i polovine XIX – nachale XX vekov: Naselenie. Ekonomika. Zastroika i blagoustroistvo [Cities of West Siberia at the 2nd half of XIX – the beginning of XX. Population. Economy. Sprawl and accomplishment]. Barnaul, Azbuka. 292.
11. Stakheev O.V., Remarchuk S.M. 2008. Retrospektivnyi analiz protsessa formirovaniya gradostroitel'noi reguliruyushchei deyatel'nosti v otechestvennoi i mirovoi praktike [A retrospective analysis of process of creation of legal regulation of city-building in Russian and foreign practices]. Vestnik TGASU, 2 (2008): 17–26.
12. Stepanskaya T.M. 2006. Arkhitektura Altaya XVIII–XX vv. [An architecture of Altay in XVIII–XX cc.]. Barnaul, ART, 300.
13. Ustav Stroitel'nyi, izmenennyi po prodolzheniyam 1863–1872 gg. 1876. [Rule of Building, changed during 1863–1872]. Ed. 2. StP., MOI, 182.
14. Ustav stroitel'nyi, izmenennyi i dopolnennyi uzakoneniymi, obnarodovannymi k 1 yanvarya 1896 g. 1896. [Rule of Building, changed to January 1 1896]. StP., MOI, 125.
15. Ustav stroitel'nyi, izmenennyi i dopolnennyi uzakoneniymi, obnarodovannymi k 1 dekabrya 1914 g. 1915. [Rule of Building, changed to December 1 1914]. Petrograd, MOI, 510.

Ссылка для цитирования статьи

Link for article citation

Сковородников А.В., Дегтярев Д.С. 2020. Принятие новых генеральных планов городов во второй половине XIX века (на примере Томской губернии). Via in tempore. История. Политология, 47(1): 113–119. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-113-119

Skovorodnikov A.V., Degtyarev D.S. 2020. Adoption of a new master plans of cities at the second half of XIXth century (by the example of Tomsk region). Via in tempore. History and political science, 47(1): 113–119 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-113-119

УДК 37.091.12(476) «19/20»

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-120-129

**УЧИТЕЛЬСКИЕ СЪЕЗДЫ В БЕЛАРУСИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)****TEACHING CONGRESSES IN BELARUS
(SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES)****В.М. Острога
V.M. Ostroga**Белорусский государственный технологический университет,
Республика Беларусь, 220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а

Belarusian State Technological University, 13a, Sverdlova St, Minsk, 220006, Republic of Belarus

E-mail: ostroga.v@mail.ru

Аннотация

Целью данного исследования является рассмотрение на конкретно-историческом материале условий организации и задач проводившихся учительских съездов как одной из важных форм общественно-педагогического движения, а также оценка степени их эффективности для учебно-воспитательного процесса в учебных заведениях Беларуси. На фоне характеристики общей политической ситуации в стране и имевших место противоречий в развитии системы образования показана эволюция идеи проведения учительских съездов и опыт их практической реализации. В хронологической последовательности представлены примеры состоявшихся учительских съездов, проанализирована значимость и эффективность их проведения. Раскрыты правила и цели организации съездов, состав участников, рассматриваемые вопросы.

Abstract

The purpose of this study is to consider the conditions of organization and tasks of teachers' congresses as one of the important forms of social and pedagogical movement, as well as to assess the degree of their effectiveness for the educational process in educational institutions of Belarus. Against the background of the characteristics of the general political situation in the country and the contradictions in the development of the education system, the evolution of the idea of holding teachers' congresses and the experience of their practical implementation is shown. In chronological sequence examples of the held teacher congresses are presented, the importance and efficiency of their carrying out is analyzed. The rules and objectives of the organization of congresses, the composition of participants, the issues under consideration are disclosed. The conclusions drawn by the author are based on the use of legal acts, archival sources and materials of pre-revolutionary periodicals.

Ключевые слова: учительские съезды, педагогическая интеллигенция, учебные заведения, педагогические курсы, учительские общества.

Keywords: teachers' congresses, pedagogical intelligentsia, educational institutions, pedagogical courses, teachers' societies.

Поиски путей совершенствования профессионально-педагогической подготовки будущих преподавателей характеризуются повышением внимания к их образовательному уровню, творческому развитию, мировоззрению, наличием общечеловеческих ценностей, ибо в руках учителя всегда находилась и сейчас остается будущее любой страны – дети. В этой связи для успешного развития национальной системы образования и, в частности, определения основных направлений работы и постановки задач перед современной школой возникает необходимость в историческом обосновании ее стратегии. Эффективность всех начинаний в этой сфере находится в тесной зависимости от того, насколько полно и качественно учреждения образования обеспечены квалифицированными кадрами. Предыдущие периоды развития народного образования оставили огромные наработки, знание которых

должны создавать основу для модернизационных процессов современности. Как показывает опыт, основной фигурой школы всегда был учитель. От него зависело и качество обучения, и степень культурного влияния на население. В этой связи интерес представляет не только существовавшая во второй половине XIX – начале XX вв. система подготовки педагогических кадров, но и повышения квалификации, которая была представлена специальными курсами и учительскими съездами (совещаниями).

Вторая половина XIX в. в Западной Европе отмечается началом кардинальной перестройки школы. В Германии, Франции, Англии, Швейцарии и других странах наблюдался быстрый количественный рост сети учебных заведений, на страницах печатных изданий широко обсуждались передовые педагогические взгляды и методики. Широкую деятельность развернули европейские учительские общества, объединяя педагогические корпорации в сплоченные и инициативные учительские союзы. Одним из важных проявлений их активности стала забота о повышении профессионального уровня и квалификации «учащих», что нашло выражение в систематической организации учительских курсов и съездов. Накопленный практический опыт изучался и брался «за образец» во многих странах мира.

В России наиболее целесообразной формой делового обмена и педагогической взаимопомощи передовой общественностью признавались учительские съезды и курсы. Они начали проводиться с 1860-х гг. XIX в. и по сути являлись первой организованной формой профессиональной коммуникации и объединения народных учителей, работавших в отдаленных друг от друга населенных пунктах. В масштабах империи такие съезды были организованы в 1861 г. в Харькове и Киеве (естествоиспытателей и учителей естественноматематических наук), в 1863 г. – в Киеве, Елгаве и Одессе (учителей русского языка и словесности). Они проводились также в Новгороде, Рязани, Симферополе, Симбирске, Москве [Паначин, 1983, с. 85]. Царское правительство, испытывая настороженность, а порой и панический страх из-за появления новых идей, считало их революционными, расшатывающими привычные устои и делало все, чтобы помешать нарастанию любой активности и самостоятельности «учащего». От этого страдала эффективность любого начинания. Закономерно возникали вопросы: «К чему толстовскому педагогу были съезды, когда он не имел права сам решать затруднения повседневной жизни, но должен был ждать указания со стороны высшего начальства? Зачем ему было расширять и углублять свои знания путем курсов для учителей средней школы, когда ему указывали, что и имеющимися у него немногочисленными знаниями он постоянно злоупотребляет?» [Труды курсов..., с. 3].

В 1870 г. учителя получили официальное разрешение на проведение педагогических съездов. По кругу своих участников местные съезды могли быть губернскими или уездными. Первые учительские съезды-собрания отличал невысокий научно-методический уровень организации и проведения, размытость целей и содержания деятельности, которые можно объяснить отсутствием необходимого практического опыта в этой сфере. Эти моменты в значительной степени компенсировались приподнятой атмосферой единения и сотрудничества учительской корпорации, ощущением поддержки и взаимопомощи.

Педагогическая пресса отмечала, что народные учителя жили и работали в глухих деревнях, а их окружением была темная, почти равнодушная к их занятиям крестьянская среда. Неприспособленные к учебным занятиям помещения школ, отсутствие библиотек и необходимой учебной литературы приводили к страданиям и даже отчаянию многих «учащих», превращая их профессиональное дело в «механическую рутину и умственную дремоту». На фоне неустроенности быта и крайней материальной нужды учителя чувствовали полную беспомощность. В этой связи Н. Тулупов отмечал: «Можно еще примириться с материальной стороной своей жизни, но как же удовлетворить духовную? Ведь надо же согласиться, что она есть, что она заявляет свои требования и особенно в человеке одиоком, разобщенном с образованным миром, которому, как бы то ни было, он принадлежит» [Тулупов, 1930, с. 22]. В этих условиях съезды учителей являлись важным средством, чтобы «одушевлять начальных учителей, поддерживать у них бодрость духа, освежать и оживлять их энергию, так как давали им возможность взаимного обмена мнениями, знаниями и опытом по вопросам учительской жизни и деятельности». В этой связи немецкий педагог А. Дистервег справедливо

отмечал, что собрания учителей должны составлять неотъемлемую сферу их жизни. Именно ими в значительной степени «обеспечивается достижение целей научного и профессионального самообразования начальных учителей, к которому они в преобладающем большинстве стремятся с таким похвальным усердием» [Анастасиев, 1903, с. 117].

Как на кратковременные педагогические курсы, так и на съезды многие представители «учебного начальства» возлагали функции общеобразовательной, педагогической и даже практической подготовки, своего рода повышения квалификации педагогов. Эти мероприятия планировалось проводить в губернских или уездных городах, где имелись средние учебные заведения, опытный преподавательский состав, библиотеки, музеи, более или менее полные коллекции учебных и наглядных пособий и т. д. Съезды также имели совещательный и консультативный характер по всем вопросам ведения школьного дела, доводили до сведения учащихся постановления и распоряжения вышестоящего руководства. Они давали возможность ближе познакомиться с составом учителей, оценить не только их научно-теоретический и методический уровень, но и нравственные качества и, в случае необходимости, принять полезные для учебно-воспитательного дела меры. Во время таких мероприятий организаторы читали лекции и вели практические занятия в начальной школе при курсах, разбирали не только образцовые уроки, но и пробные, которые давали сами учителя. Также заслушивались доклады и обсуждались актуальные вопросы профессиональной деятельности учителя.

Съезд директоров народных училищ Виленского учебного округа в 1871 г. подтверждал, что «для повышения уровня познаний учителей и для усовершенствования их педагогических приемов и способов обучения в настоящее время признаются учительские съезды. Для учителей же народных училищ, живущих в деревнях и вследствие этого лишенных возможности следить за развитием педагогической науки, совещаться между собой по вопросам, относящимся к их учительской деятельности, съезды необходимы, ибо служат единственным средством для взаимного обмена взглядов и наблюдений того или другого педагогического метода и приложения его на практике». Удобным временем совещание признало летние каникулы. Был поставлен вопрос о разработке специальной инструкции, утвержденной попечителем округа, которой должен был придерживаться непосредственный руководитель съезда – инспектор. Отмечалось, что такие съезды с участием учителей должны продолжаться не более двух недель, а минимальное количество определялось 30 делегатами. По приблизительным подсчетам, на проведение съезда планировалось израсходовать 527 руб. Внимательно ознакомившись с материалами совещания директоров, попечительский совет Виленского учебного округа принял решение из-за недостатка денежных средств первоначально ограничиться одним ежегодным съездом в каждой губернии, «не упуская из виду стремления устраивать ежегодно съезды, по крайней мере, в двух местностях дирекции» [Учительские..., 1901, с. 14].

Первый Всероссийский учительский съезд народных учителей прошел в Москве в 1872 г. при политехнической выставке. На нем присутствовало около 700 человек, перед которыми с лекциями-докладами выступили Н.Ф. Бунаков, В.А. Евтушевский и др. Н.Ф. Бунаков в своих воспоминаниях очень позитивно оценивал роль учительских съездов-совещаний, подчеркивал их значимость для повышения методического уровня педагога для «лучшей постановки и возможного усовершенствования общего дела» [Бунаков, 1905, с. 100].

В июле 1881 г. министерство просвещения специальным циркуляром определило более жесткие условия организации съездов учителей. В этом документе отмечалось, что для ознакомления неопытных и мало подготовленных учителей с новыми методами и способами обучения, а также повышения теоретического уровня новыми сведениями по предметам школьного курса правилами, утвержденными министром народного просвещения 5 августа 1875 г., разрешалось организовывать педагогические курсы для учителей и учительниц начальных народных училищ. Но курсы, которые имели цель в первую очередь образовательную, не могли заменить более широкого и представительного форума. Ходатайства о возможности проведения съездов настойчиво поступали в надлежащие инстанции. Министерство разрешило их проведение, но поспешило предусмотреть всевозможные нежелательные последствия. Например, программа съездов подлежала обязательному утверждению со стороны царских чиновников – наблюдателей: запрещалось рассмотрение вопросов, которые

выходили за рамки учебно-воспитательной деятельности и находились в компетенции учебной администрации и других государственных учреждений и должностных лиц; требовался строгий отбор местным инспектором учителей-делегатов, «кои по своему развитию и педагогической деятельности будут признаны способными с пользою для себя и других принять участие в совещаниях съезда» [Учительские..., 1901, с. 13].

Инспектора в своих отчетах часто констатировали, что «многие из учителей и учительниц под влиянием ежегодных съездов серьезнее стали относиться к школьному делу и к своим обязанностям» или что «по учебной части под влиянием съезда улучшилось преподавание по всем предметам» и т. д. В центральных российских губерниях многие уездные земские собрания, заметив очевидную эффективность таких мероприятий, выделяли «ассигнования на прогоны и суточные учителям и учительницам» до 200 руб., организовывали выступления перед собравшимися уездных врачей, а также «стали заметно увеличивать и средства на содержание школ»⁴².

На фоне активизации общественно-политического движения конца 1870-х – начала 1880-х гг. учительские съезды не ограничивались лишь узкими общеобразовательными задачами: все смелее звучали идеи реформирования народного образования, освобождения его от бюрократической регламентации и опеки, улучшения положения учителя и др. После достаточно прогрессивного форума 1882 г., который, по словам министра просвещения А.П. Николаи, «лучше всего забыть, он должен только служить примером того, что следует избегать», организаторы оказались в гонении [Школа..., 1984, с. 97]. Циркуляром 1885 г. проведение съездов признавалось вредным и запрещалось. Основной причиной такого решения могло стать недоверие к учительскому сообществу и возможность проникновения в его среду «неблагонадежных» лиц, пропагандирующих антиправительственные лозунги и призывы. Поэтому все это время учителями использовалась любая иная легальная возможность для обсуждения назревших проблем: педагогическая пресса, система курсовой подготовки, книжные ярмарки, выставки и др.

Во время работы II съезда деятелей по техническому и профессиональному образованию (1895–1896 гг., г. Москва) была образована особая секция для разработки вопросов общего образования как необходимого базиса для технической подготовки. Учителя, принявшие участие в ее работе, активно включились в обсуждение школьной политики. Логическое развитие затронутых съездом положений побудило участников организовать при секции комиссию о нуждах «учащих». Было также организовано частное совещание учителей и учительниц, объединившее свыше 300 человек со всех регионов России.

В управления учебных округов не переставали поступать ходатайства о разрешении проведения учительских форумов на разных уровнях. В такой ситуации министр народного просвещения предложил «подвергнуть обсуждению вопрос, насколько представляются целесообразными указанные съезды». Стояла также задача «выработать правила устройства и программы занятий этих съездов, если учреждение их будет признано желательным». При управлениях округов спешно создавались специальные комиссии, которые занимались вопросами «выработки на этот счет предложений»⁴³.

Разрешение на такие форумы учителя получили только через 15 лет. 23 ноября 1899 г. были утверждены «Временные правила о съездах учащихся в начальных народных училищах». Согласно им устанавливалась сложная процедура созыва съездов и строгий контроль со стороны администрации за их проведением. Для начала работы такого форума необходимо было получить разрешение как попечителя учебного округа, так и согласие местного губернатора. Существовало требование созыва съездов по необходимости только во внеучебное, как правило, каникулярное время. К ходатайству о разрешении их открытия на имя попечителя округа предоставлялась программа планируемых для обсуждения вопросов (исключительно проблем учебно-методического и воспитательного плана), которая

⁴² Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее ЦГИА СПб). Ф. 218. Оп. 1. Д. 77. Л. 2, 7, 11.

⁴³ ЦГИА СПб. Ф. 412. Оп. 1. Д. 1028. ЛЛ. 1, 5–6.

составлялась инспектором народных училищ. В работе съезда предусматривалось участие учителей только одного уезда. Подчеркивалось, что общее наблюдение за ходом съезда и рассмотрением вопросов возлагалось на директора народных училищ, причем как директор, так и инспектор (непосредственный руководитель работой съезда) в случае отклонения от утвержденной программы и замеченных беспорядков имели право удалить виновных или вовсе прекратить работу съезда. В правилах также оговаривалось, что «голосование мнениями не бывает, и никаких постановлений съезд не делает». После окончания работы съезда инспектор составлял подробный отчет о состоявшемся мероприятии, с которым в обязательном порядке знакомился директор народных училищ и направлял сначала попечителю учебного округа, а затем министру народного просвещения [Местные..., 1909, с. 91–92]. Формально учителя могли выступать с докладами, предложениями, замечаниями и обсуждать их, но без права принимать постановления. Как видно, контроль за работой съездов осуществляла целая иерархия учреждений царской государственной машины. Самому же учительству отводилась довольно пассивная роль.

Современники отмечали, что «привлекать учащихся на съезд для того только, чтобы рассуждать о слиянии звуков и разложении слов ... нерационально... Почему ему (учителю) воспрещается говорить на съезде, что он голоден, не имеет платья, что у него нет средств учить детей, что он бесправен до последней степени. Разве протест против угнетения личности есть преступное деяние?» Запрещение съезду делать постановления «низводит значение личности учителя, как педагога и гражданина, на самую низшую ступень. За ним не признается даже общечеловеческое право заявлять о своей нужде». В сложном положении находились председательствующие на съездах инспектора, которым нужно было иметь много такта и находчивости, чтобы «удовлетворить обе враждующие стороны (временные правила и участников съезда), с честью выйти из лабиринта затруднений». Протоколы заседаний съездов учащихся, предварительно просмотренные инспекторами народных училищ, выражались лишь в форме «покорных, робких пожеланий» [Ковалев, 1905, с. 89–90]. Но даже в таких жестких и ограниченных условиях звучали призывы не отказываться от идеи проведения подобных форумов и обратить серьезное внимание на пользу съездов и совещаний, прилагая все усилия к их периодическому устройству. Рациональной установкой было не придавать решающего значения тем тяжелым формальностям, которыми были обставлены разрешения и проведение съездов. По мнению передовых педагогов, они хотя и «будут тормозить дело, но отсюда не вытекает, что надо вовсе отказаться от съездов», от легальной возможности подобных встреч с коллегами, обмена педагогическими взглядами и опытом. Съезды вносили определенное оживление в одинокую повседневную жизнь учителя, консолидировали учительскую корпорацию.

В сложившихся условиях правительство пыталось переключить общественную активность учителей на задачи взаимопомощи. В конце XIX – начале XX вв. общественно-педагогическое движение стало более широким и организованным. Передовые круги учительства создают профессиональные объединения – общества взаимопомощи. В 1895 г. в масштабах Российской империи их количество увеличилось до 14. Параллельно такие же «общества вспомоществования» возникли в губернских городах Беларуси – Витебске, Минске, Могилеве и Гродно. Они постепенно получили право открывать свои отделения в уездах⁴⁴.

В масштабах страны форма обществ взаимопомощи использовалась для более широких целей и объединения учителей. После проведения подготовительной работы педагоги добились права созыва съезда в Москве с 29 декабря 1902 по 6 января 1903 г. В качестве делегатов присутствовали около 400 учителей – представителей 76 обществ взаимопомощи, а также другие представители интеллигенции и студенчества. На секциях выступило примерно 170 докладчиков. Среди них были представители обществ вспомоществования учащим и учившим в народных училищах белорусских губерний: делегат общества Могилевской губернии А. Корнеев, выступивший с докладом на тему «Быт и материальное положение учащихся в народных училищах Могилевской губернии и способы его улучшения», и делегат от аналогичного общества Витебской губернии М.К. Матусе-

⁴⁴ Национальный исторический архив Беларуси (далее НИАБ). Ф. 2254. Оп. 2. Д. 685. Л. 37.

вич, который осветил «Материальное положение сельских учителей вообще и в Витебской губернии в частности» [Труды I..., 1907, с. 486–489, 472–478].

На III съезде деятелей по техническому и профессиональному образованию, проходившему в конце 1903 – начале 1904 гг., участвовало примерно 400 преподавателей средних и почти 600 учителей начальных учебных заведений, около 500 директоров и инспекторов. Во время работы 11 секций было заслушано и обсуждено 442 доклада. Учителя смело выступали за расширение возможностей без ограничений и притеснений их внешкольной работы, активизацию деятельности народных библиотек и чтений, упразднение казенных попечителей и др. Но 5 января 1904 г. «по распоряжению петербургского градоначальника съезд был закрыт, а его участники получили приказ немедленно покинуть помещение» [Паначин, 1983, с. 88–89].

В 1905–1906 гг. нелегальные педагогические съезды были проведены в Могилевской, Гродненской, Виленской и Витебской губерниях. [Байлукова, 1993, с. 7]. На повестку дня вставала задача проведения более представительных форумов, чтобы выработать и принять программу действий от имени всего учительства Беларуси. В июле 1906 г. в с. Миколаевщине был созван нелегальный съезд, который признавал главной целью борьбу за свержение самодержавия. Полиция смогла приостановить его работу и арестовать 16 народных учителей (среди них К. Мицкевич, С. Самохвал, И. Лапцевич, А. Милюк, А. Войтеховский и др.). В помещении местного училища, где проводился съезд, во время обыска были найдены такие документы, как «Протокол заседания», «Всероссийский союз учителей» и обращение «Товарищи учителя». В 1908 г. был оглашен приговор Виленской судебной палаты: учителя К. Мицкевич, Я. Безмен и В. Сильвестров были осуждены на три года лишения свободы⁴⁵.

Вместе с тем 25 мая 1907 г. на съезде в Вильно был создан Белорусский учительский союз. Принятая программа определила в качестве основных направлений деятельности борьбу за перестройку школы на новых демократических началах и введение обучения в учебных заведениях на родном языке [3 Беларусі..., 1907, с. 6].

Царская власть репрессировала передовых учителей России: более чем 5 тысяч выслано в Сибирь, многие были отстранены от занимаемой должности или переведены на службу в иные места [Буслаева, 1974, с. 103]. За «подстрекательство к волнениям», «противоправительственные действия» в Гродненской губернии было уволено 13 учителей, в белорусских уездах Виленской и Ковенской – 27, в Минской – 4 [Мяцельскі, 1981, с. 46].

На церковно-учительские съезды собиралось только духовенство. Например, в 1901 г. в Сенненском уезде депутатами были исключительно священники-законоучителя. В 1905 г. была сделана попытка созвать съезд церковно-приходских учителей, чтобы обсудить проблемы в жизни школы и работы ее преподавателей. Епархиальный училищный не собирався разрешать такое мероприятие, но, чтобы захватить инициативу в свои руки, составил программу съезда и разослал анкеты. В этой связи в 1908 г. «Голос учителя» писал: «Учителя успокоились и терпеливо ждали... ждут и по сегодняшний день» [Голос..., 1908, с. 30].

В 1907 г. прошел съезд учителей русского языка и истории средних учебных заведений Виленского учебного округа. В целом рассматривались общие вопросы учебно-методического характера: об организации внеклассных чтений и их роли в увеличении продуктивности школьного образования, устройстве ученических библиотек, состоянии учебников и учебных пособий по истории и рускому языку⁴⁶. На съезде присутствовало 38 делегатов. Председателем секции русского языка и словесности был выбран Пигулевский А.Ф. – директор Гродненской мужской гимназии. Среди делегатов – Бурчак В.С. (Пинская женская гимназия), Красковский А.А. (Витебская женская гимназия), Преображенский С.В. (директор Минской гимназии), Крестьянова Н.А. (Гомельская женская гимназия), Селинов Г.И. (Свислочская учительская семинария), Шимановский Ф.И. (директор Рогачевского реального училища) и др. Обсуждая содержание учебных про-

⁴⁵ Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2. Л. 4–36.

⁴⁶ НИАБ. Ф. 458. Оп. 1. Д. 339. Л. 58.

грамм женских гимназий, делегаты высказали мнение о необходимости уравнивать его с тем уровнем знаний, который давали своим выпускникам мужские гимназии и реальные училища «для приготовления учащихся к поступлению в высшее учебное заведение»⁴⁷.

В 1910 г. в Вильно проходил съезд учителей графических искусств (черчения и рисования). Но не все учебные заведения смогли направить своих делегатов: в некоторых из них (например, в Брестской женской гимназии) уроки из-за отсутствия специалиста вели классные надзирательницы, не имеющие специальной подготовки. Отказался ехать на съезд и учитель Речицкой низшей ремесленной школы Жигалов, так как «прогонными и суточными деньгами школа удовлетворить его не может»⁴⁸.

С 27 декабря 1913 г. по 6 января 1914 г. в Санкт-Петербурге прошел Первый Всероссийский съезд преподавателей физики, химии и космографии. Делегаты работали в трех секциях, выступали с докладами, посещали в составе экскурсий передовые предприятия и лаборатории столицы Российской империи. Виленский учебный округ представляли различные учебные заведения, в том числе Шимановский Л.И. (Слуцкая мужская гимназия), Тандровский И.С. (Гомельская мужская гимназия), Попов В.И. (Витебская Алексеевская женская гимназия), Богданович Я.С. (Гродненская мужская имени графа Тормасова гимназия), Иванов П.С. (Полоцкая женская гимназия) и др. Все участники съезда подготовили подробные отчеты о поездке, некоторые – с чертежами заинтересовавших их приборов и оборудования, и направляли их попечителю округа⁴⁹.

С 14 по 15 февраля 1914 г. в Волковыске в здании местного приходского училища под председательством инспектора народных училищ состоялся съезд народных учителей и учительниц Волковысского уезда. На съезде присутствовало около 130 «учащих». На повестку дня было вынесено около 30 вопросов учебного и административно-хозяйственного характера, большинство из которых предлагалось съезду инспектором, и только некоторые из них были инициированы для обсуждения самими учителями. Несмотря на контроль и регламентацию в их проведении, такие форумы были признаны «весьма желательными», ибо они «сближают учителей между собой, придают им энергию, вселяют бодрость в их нелегком труде» [Из жизни..., 1914, с. 257].

Особую проверку проходили те учителя, которые хотели стать делегатами Всероссийских съездов по вопросам народного образования. Инспекторами составлялись списки учителей, «участие которых на съезде, безусловно, недопустимо». Только в Себежском уезде Витебской губернии были признаны неблагонадежными 7 человек. Среди них, например, выделялся А. Осипенко, который «высказывает в каждом удобном случае неудовлетворение условиями жизни народного учителя и может иметь вредное влияние на слабохарактерных товарищей»⁵⁰. Волна репрессий в 1912–1913 гг. прокатилась среди преподавателей Могилевской губернии. Были уволены с занимаемой должности Матраев – за распространение Выборгского обращения, Линич и Максимов – за атеизм, Антонов – за причастность к рабочей организации и др. [Троська, 1926, с. 140].

Позитивную роль в развитии народного образования сыграли земства. Управления по делам земского хозяйства в Витебской, Могилевской и Минской губерниях были введены 2 апреля 1903 г., в то время как в 34 губерниях центральной России – еще в 1864 г. Земства активно включились в просветительскую деятельность. Они начали изучать положение начального образования, открывали новые школы и содержали их, назначали стипендии учащимся учительских семинарий, денежные пособия учителям, ибо в правлениях по делам народного образования хорошо понимали, что «недостаточная обеспеченность отражается на самом составе лиц, которые идут на службу»⁵¹. Например, Могилевское земство проектировало открыть в губернии 25 учительских семинарий и составило проект сети этих учебных заведений [Народ-

⁴⁷ Литовский государственный исторический архив (далее ЛГИА). Ф. 567. Оп. 1. Д. 1719. ЛЛ. 4–5, 11, 17.

⁴⁸ ЛГИА. Ф. 567. Оп. 1. Д. 1855. ЛЛ. 27, 28.

⁴⁹ ЛГИА. Ф. 567. Оп. 1. Д. 2140. ЛЛ. 70, 85, 90, 91, 99.

⁵⁰ НИАБ. Ф. 2507. Оп. 1. Д. 4521. ЛЛ. 6, 31.

⁵¹ НИАБ. Ф. 2519. Оп. 1. Д. 15. Л. 107.

ное..., 1914, с. 112]. Достаточно часто земства являлись организаторами педагогических курсов, съездов и совещаний учителей. В августе 1911 г. в Москве был организован Общеземский съезд по народному образованию. Значение проведения съездов земствам виделось по-разному: в основном как своеобразная альтернатива учительским семинариям или как своеобразные курсы повышения квалификации для ознакомления с новыми методами преподавания и обмена опытом. Иные и вовсе подчеркивали лишь временный характер таких мероприятий в условиях дефицита кадров [Современные..., 1913, с. 31–32].

Перед началом нового учебного года с 23 по 29 августа 1917 г. в здании мужской гимназии г. Могилева проходил окружной педагогический съезд деятелей средней школы. Актуальность проведения такого съезда во многом диктовалась «переустройством общего уклада» в стране, а также необходимостью «тесного единения всего педагогического персонала округа» и «живого обмена мыслями». Программа съезда была достаточно насыщена и включала широкий блок вопросов, многие из которых до недавнего времени находились под запретом: автономия и выборное начало в управлении средней школой, правовое и материальное положения преподавателей средней школы, ученические и родительские организации (комитеты) в обновленной средней школе и сфера их деятельности, культурно-просветительная и общественная роль школы, преемственность различных ступеней школы, реорганизация учительских институтов и семинарий и др.⁵²

С 12 по 15 мая 1917 г. на съезде деятелей средней школы в Москве в качестве делегата присутствовал преподаватель Могилевской мужской гимназии А.И. Белинский. Представительный форум, который объединил 1 528 учителей со всех уголков России, принял резолюцию. В отчете о командировке учитель подчеркнул, что в новых условиях на государственном уровне была поставлена задача реформирования школы на демократических началах, создание единой школы и введение всеобщего и бесплатного на всех ступенях обучения, участие органов местного самоуправления в школьном строительстве, объединение всех учительских организаций в единый Всероссийский учительский союз. Указывалось также на необходимость «в связи с текущим моментом» улучшения социального положения «души школы» – учителя⁵³. Преподаватель педагогики и методики русского языка Пинской женской гимназии В.П. Никольский также являлся делегатом этого съезда, имел возможность участвовать в работе двух секций и на заседании Педагогического совета выступил с докладом и рассказал об основных направлениях его деятельности. В.П. Никольский смог также представить свое учебное заведение в работе Всероссийского съезда преподавателей русского языка в средней школе в 1916–1917 учебном году⁵⁴. Присутствовали и представители от белорусских губерний и на Всероссийском съезде представителей учительских институтов, который состоялся в июне 1917 г. в Петербурге. Протокол работы съезда показывает заинтересованность и активность делегатов в обсуждении вопроса реформирования учительских институтов «в связи с назревшими потребностями»: выработаны и приняты резолюции «По вопросу о задачах институтов», «О практических задачах по естественной истории в реформированных учительских институтах», «Тезисы по ручному труду», «Положение о педагогических отделениях» и др.⁵⁵

Таким образом, учительские съезды, выполняя важнейшую профессиональную функцию обмена передовым педагогическим опытом и формирования научно-педагогического сознания, «несли важную социально-педагогическую миссию консолидации разобщенной педагогической среды на общих ценностно-целевых установках формирования педагогического мировоззрения, создания новых образцов педагогической культуры, основой которой стали гражданская ответственность и гуманизм, свобода и демократизация школьной системы» [Уткин, 2011, с. 141]. Профессия учителя предусматривает широкую коммуникацию, обмен педагогическими взглядами и опытом, поэтому съезды, особенно периодически повторяющиеся, вносили определенное оживление и надежду на совершенствование школьного дела в целом.

⁵² НИАБ. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 352. Л. 28.

⁵³ НИАБ. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 352. ЛЛ. 32–33.

⁵⁴ НИАБ. Ф. 729. Оп. 1. Д. 58. ЛЛ. 33–51.

⁵⁵ ЦГИА СПб. Ф. 412. Оп. 1. Д. 1633. ЛЛ. 8, 18, 21, 26.

Эффективность работы таких форумов предусматривала активность и творческую самостоятельность непосредственно самого учительства как в инициировании созыва съезда и участия в составлении программы (с рассмотрением острых и актуальных проблем жизни школы и ее учителя), так и в выступлениях с докладами перед собравшимися делегатами. Но «тяжелые формальности, тормозящие дело», – правила, инструкции, постоянные регламентация и контроль со стороны вышестоящего начальства – негативным образом влияли и на количество таких мероприятий, и на их результативность.

Список литературы

1. Анастасиев А. 1903. К вопросу о значении съездов начальных учителей. Русская школа. 12: 115–117.
2. Байлукова А.М. 1993. Грамадскія арганізацыі інтэлігенцыі ў пачатку XX ст. на Беларусі. Веснік БДУ. Сер. 3. Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Эканоміка. Права. 3: 6–9.
3. Бунаков Н. 1905. Как я стал и перестал быть «учителем учителей». СПб., тип. т-ва «Общественная польза», 160.
4. Буслаева Л.П. 1974. История развития просвещения и школы народов СССР с X в. по октябрь 1917 г. Горький, 111.
5. Голос учителя. Издание группы учителей и учительниц Витебской губернии. Витебск: Работник, 1908.
6. З Беларусі і Літвы (ад нашых карэспандэнтаў) 1907. Наша ніва. 8 чэрвеня: 6.
7. Из жизни школы. Народное образование в Виленском учебном округе. 5. Вильна, тип. А.Г. Сыркина, 1914.
8. Ковалев А.А. 1905. Очерк возникновения и развития учительских курсов и съездов в России. Русская школа, 12: 71–94.
9. Местные учительские съезды. Вопросы и нужды учительства. Под ред. Е.А. Звягинцева. М., Тип. И.Д. Сытина, 1909.
10. Мяцельскі М.С. 1981. Народнае настаўніцтва Беларусі ў перыяд рэвалюцыі 1905–1907 гадоў. Веснік БДУ. Сер. 4: Філасофія. Журналістыка. Педагогіка. Псіхалогія, 11: 46–49.
11. Народное образование в Виленском учебном округе. 3. Вильна, тип. А.Г. Сыркина, 1914.
12. Паначин Ф.Г. 1983. Учительство и революционное движение в России (XIX – начало XX в.). М., Педагогика, 213.
13. Современные педагогические течения. 1913. Сост. П.Ф. Каптеров и А.Ф. Музыченко. М., Польза, 220.
14. Троська Я. 1926. Некаторыя моманты з дарэвалюцыйнае асветы на тэрыторыі сучаснае Магілёўшчыны. Палымя, 1: 128–141.
15. Труды курсов для учителей средней школы. Под общ. Ред. А.Я. Закса и С.Ф. Знаменского. СПб., Типо-литография Б.Я. Авидона, 1908.
16. Труды I Всероссийского съезда обществ вспомоществования лицам учительского звания. Т. 1. Сост. В.М. Евтеев. М., Беседа, 1907.
17. Тулупов Н. 1930. Первый Всероссийский съезд обществ вспомоществования лицам учительского звания. М.-Л., Работник просвещения, 37.
18. Уткин А.В. 2011. Профессиональная функция и социальная миссия учительских съездов второй половины XIX века. Человек и образование, 3: 137–141.
19. Учительские общества, кассы, курсы и съезды. Сост. Г. Фальборк, В. Чарнолуский. СПб., тип. Б.М. Вольфа, 1901.
20. Школа и педагогическая мысль России периода двух буржуазно-демократических революций: сб. научных тр. под ред. Э.Д. Днепров. 1984. М., АПН СССР, 245.

References

1. Anastasiev A. 1903. K voprosu o znachenii s'ezdov nachal'nykh uchiteley [To the question of the significance of the congresses of primary teachers]. Russkaya shkola. 12: 115–117.
2. Baylukova A.M. 1993. Gramadskiya arganizatsyi inteligentsyi ў pachatku XX st. na Belarusi [Public organizations of the intelligentsia in the early twentieth century in Belarus]. Vesnik BDU. Ser. 3. History. Philosophy. Psychology. Political science. Economy. Right. 3: 6–9.

3. Bunakov N. 1905. Kak ya stal i perestal byt' «uchitelem uchiteley» [How I became and ceased to be a «teacher of teachers»]. SPb., tip. t-va «Obshchestvennaya pol'za», 160.
4. Buslaeva L.P. 1974. Istoriya razvitiya prosveshcheniya i shkoly narodov SSSR s X v. po oktyabr' 1917 g. [History of the development of education and schools of the peoples of the USSR from the Tenth century to October 1917]. Gorky, 111.
5. Golos uchitelya [Teacher's voice]. Vitebsk Izdanie gruppy uchiteley i uchitel'nits. Vitebskoy gubernii: Rabotnik, 1908.
6. Z Belarusi i Litvy (ad nashykh karespudentay) 1907. Our niva. 8 June: 6.
7. Iz zhizni shkoly [From school life]. Narodnoe obrazovanie v Vilenskom uchebnoy okrug. 5. Vil'na, tip. A.G. Syrkin, 1914.
8. Kovalev A.A. 1905. Ocherk vozniknoveniya i razvitiya uchitel'skikh kursov i s'ezdov v Rossii [Essay on the emergence and development of teachers' courses and congresses in Russia]. Russkaya shkola, 12: 71–94.
9. Mestnye uchitel'skie s'ezdy [Local teachers' congresses]. Voprosy i nuzhdy uchitel'stva. Pod red. E.A. Zvyagintseva. M., Tip. I.D. Sytina, 1909.
10. Myatsel'ski M.S. 1981. Narodnae nastaynistva Belarusi y peryad revolyutsyi 1905–1907 gadoy [People's mentoring of Belarus during the revolution of 1905–1907]. Vesnik BDU. Ser. 4. History. Philosophy. Psychology. Political science. Economy. Right, 11: 46–49.
11. Narodnoe obrazovanie v Vilenskom uchebnoy okrug [Public education in the Vilna school district]. 3. Vil'na, tip. A.G. Syrkin, 1914.
12. Panachin F.G. 1983. Uchitel'stvo i revolyutsionnoye dvizhenie v Rossii (XIX – nachalo XX v.) [Teaching and the revolutionary movement in Russia (XIX-early – XX century)]. M., Pedagogika, 213.
13. Sovremennyye pedagogicheskiye techeniya. 1913. Sost. P.F. Kapterov i A.F. Muzychenko. M., Favor, 220.
14. Tros'ka Ya. 1926. Nekatoryya momanty z darevalyutsyynae as'vety na terytoryi suchasnae Magileys'hchyny [Some moments from the pre-revolutionary enlightenment on the territory of the modern Mogilev region]. The flame, 1: 128–141 (in Russian).
15. Trudy kursov dlya uchiteley sredney shkoly [Proceedings of courses for secondary school teachers]. Pod obshch. Red. A.Ya. Zaks i S.F. Znamenskogo. SPb., Tipo-litografiya B.Ya. Avidona, 1908.
16. Trudy I Vserossiyskogo s'ezda obshchestv vspomoshchestvovaniya litsam uchitel'skogo zvaniya [Proceedings of the first all-Russian Congress of aid societies for teachers]. T 1. Sost. V.M. Evteev. M., Beseda, 1907.
17. Tulupov N. 1930. Pervyy Vserossiyskiy s'ezd obshchestv vspomoshchestvovaniya litsam uchitel'skogo zvaniya [The first all-Russian Congress of societies of assistance to persons teaching title]. M.-L., Rabotnik prosveshcheniya, 37.
18. Utkin A.V. 2011. Professional'naya funktsiya i sotsial'naya missiya uchitel'skikh s'ezdov vtoroy poloviny XIX veka [Professional function and social mission of teachers' congresses of the second half of the XIX century]. Chelovek i obrazovanie, 3: 137–141 (in Russian).
19. Uchitel'skiye obshchestva, kassy, kursy i s'ezdy [Teachers' societies, ticket offices, courses and congresses]. Sost. G. Fal'bork, V. Charnoluskiy. SPb., tip. B.M. Vol'fa, 1901.
20. Shkola i pedagogicheskaya mysl' Rossii perioda dvukh burzhuanno-demokraticeskikh revolyutsiy [School and pedagogical thought of Russia during the two bourgeois-democratic revolutions]: sb. nauchnykh tr. pod red. E.D. Dneprova. 1984. M., APN SSSR, 245.

Ссылка для цитирования статьи

Link for article citation

Острога В.М. 2020. Учительские съезды в Беларуси (вторая половина XIX – начало XX вв.). Via in tempore. История. Политология, 47(1): 120–129. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-120-129

Ostroga V.M. 2020. Teaching congresses in Belarus (second half of the XIX – early XX centuries). Via in tempore. History and political science, 47(1): 120–129 (in Russian).

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-120-129

УДК 94 (47) 0.82 : 314.6

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-130-138

**МАЛАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (ПО ДАННЫМ
ЗЕМСКИХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПЕРЕПИСЕЙ 1880-х – 90-х гг.)****NUCLEAR PEASANT FAMILY OF THE SARATOV PROVINCE
(ACCORDING TO DATA OF THE ZEMSKY AGRICULTURAL CENSUS 1880 – 90s)****П.Ю. Мельников****P.Yu. Melnikov**

Саратовская государственная юридическая академия,
Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya st, Saratov, 410056, Russia

E-mail: p_melnikov@list.ru

Аннотация

Устоявшаяся в науке точка зрения предполагает, что по мере становления индустриального общества сложная, многопоколенная семья уступает место семье малой, состоящей из супругов и детей. В статье рассматривается малая крестьянская семья Саратовской губернии в конце XIX в., ее количественные и структурные характеристики. Для анализа были использованы источники, ранее не применявшиеся в историко-демографических исследованиях – земские сельскохозяйственные переписи 1880-х – 90-х гг. По результатам исследования данный тип домохозяйства в типичном аграрном регионе был широко распространен (45 % всех домохозяйств), однако не доминировал по численности проживавших в нем людей (33 % населения).

Abstract

This article considers the simple family of the Saratov province of the Russian Empire at the end of the XIX century. The scientific point of view suggests that as an industrial society develops, a complex, multi-generational family gives way to a simple family consisting of spouses and children. This thesis can be checked on the example of a typical agricultural region. For analysis, we used materials from the Zemstvo agricultural censuses of the 1880s – 90s, stored in the state archive of the Saratov region. This source contains very interesting information of a historical and demographic nature, but it is poorly involved in the scientific literature. As a result of the analysis of the numerical and structural simple families, the author concludes that this type of household dominated the rural population of the Saratov province at the end of the 19th century, accounting for 45 % of all households. At the same time, simple families were numerically inferior to difficult ones, uniting 33 % of the population. In addition, one can note the small average size of a simple family (4.4 people) and a relatively small number of children (the most common option is 2 children per family).

Ключевые слова: семья, домохозяйство, крестьянство, земские переписи.

Keywords: family, household, peasantry, rural census.

Среди большого числа вопросов, относящихся к историко-демографической тематике, важное место занимает проблема соотношения различных типов домохозяйств. Одной из ее составляющих является вопрос о роли и влиянии малой, супружеской семьи, как наиболее характерного семейного варианта XX в. Несмотря на накопленный за последние десятилетия материал, ответ на вопрос – какая семья была доминирующей на протяжении предшествующих нескольких столетий – остается открытым. Конкуренция различных типов семейных структур – простой супружеской семьи и многопоколенной составной се-

мы, их трансформация из одной в другую, наличие промежуточных вариантов, терминологические сложности в классификации семей создают обширное поле для научного поиска. При этом сам термин «семья», по установившейся в научной литературе практике, будет иметь синонимы. В первую очередь, члены семейного коллектива связаны браком и кровным родством. Кроме этого, в традиционном обществе для него характерны единство хозяйственной деятельности и единство проживания. Поэтому исследуемый объект может обозначаться и как «домохозяйство», и как «дом»; последний вариант, впрочем, употребляется редко, т. к. в основном ассоциируется с широко известной и влиятельной родственной группировкой (например, «дом Ротшильдов»).

Для исследований XX в. наиболее распространенной была привязка к традиционному аграрному обществу большой патриархальной семьи. Считалось, что по мере проникновения в общественную жизнь капиталистических отношений, с ростом индивидуализма, большая семья (многочисленная и многопоколенная) начала уступать место семье малой (супружеской, нуклеарной), состоявшей из супругов и детей. Данная закономерность была в значительной мере оспорена на рубеже 1960–70-х гг.; наиболее влиятельным среди такого рода работ стало масштабное исследование Кембриджской группы под руководством П. Ласлетта [Household and Family in Past Time, 1972]. Классификация домохозяйств, предложенная в его работе, в постсоветское время получила наиболее широкое распространение в историко-демографических работах и будет использоваться в рамках данной статьи; другие варианты зарубежных классификаций [Henry, 1967; Wheaton, 1975] не менее интересны, однако в силу ряда причин в российской научной литературе не используются.

В отечественной историографии картина выглядела более неоднозначно. Дореволюционные ученые исходили из тезиса о доминировании большой патриархальной семьи, работы советского периода в выводах расходились. Дело в том, что исследования историко-демографического типа в СССР в принципе не были многочисленными и, как правило, проводились в контексте социально-экономических и этнографических направлений, с использованием своей особой методики и классификации. В итоге их выводы существенно различались между собой и зачастую были просто несопоставимы [Мельников, 2017]. Тем не менее в них устойчиво поддерживался тезис о доминировании в нашей стране (как минимум в период с XVII по XIX вв.) семьи малой.

В постсоветский период данное утверждение подверглось сомнению. Разнородные методики подсчета были (насколько это возможно) стандартизированы Б.Н. Мироновым, использовавшим классификацию Ласлетта; вывод получился следующий: «...в губерниях, заселенных преимущественно русскими, в XVI – первой половине XIX в. преобладали составные семьи, в то же время значительная часть крестьян проживала в малых семьях, а в губерниях, заселенных украинцами, белорусами и прибалтийскими народами, наоборот, преобладали малые семьи, а значительная часть крестьян проживала в составных и расширенных семьях» [Миронов, 2007, с. 10].

Говоря о доминировании в какой-то исторический промежуток той или иной семейной структуры, необходимо скорректировать и сам вопрос. Домохозяйства постоянно эволюционировали, т. к. изменялись количественно и, следовательно, качественно. Супружеская пара, выделившаяся в самостоятельную хозяйственную единицу – тип 3а (забегая вперед, отметим, что для России XIX в. это был не самый характерный вариант развития событий), могла довольно быстро и существенно изменяться по самым различным направлениям под воздействием очень несхожих факторов. В ней рождались дети (трансформация в 3б), к ней мог присоединиться один из престарелых родителей или иной родственник (преобразование в расширенную семью – тип 4); повзрослевшие сыновья приводили в дом своих жен, и тогда семья из малой становилась сложной (тип 5), а затем, после выдела или раздела, вновь превращалась в малую. Естественно, изложенная здесь закономерность чисто гипотетическая, поскольку реальных вариантов развития событий насчитывалось гораздо больше. На конфигурацию семьи влияли факторы рождаемости, смерт-

ности, воинской повинности (в XIX в. отбываемой по-разному), пола детей (при численном преобладании дочерей трансформация в сложную семью происходила не столь очевидно), экономических условий (благоприятных или не способствующих разделу), административного фактора (давления общины, помещика, государства), наконец, личных качеств членов семьи (кто-то уживался в большом коллективе, кто-то нет). Таким образом, можно говорить не столько о доминировании определенных семейных структур, сколько о том, что «...они могут представлять различные фазы цикла развития одной и той же семейной структуры, которые поддаются выявлению только при распределении классификационных категорий по возрасту глав домохозяина» [Вишневский, Кон, 1979, с. 10]. Иными словами, постоянно видоизменяясь, каждое домохозяйство последовательно проходило через разные стадии, оставаясь в каждой из них определенное время. С изменением факторов, влияющих на домохозяйство, продолжительность его существования в одной стадии увеличивается, в другой – уменьшается (что и фиксируется исследователями, замеряющими их количество на определенный момент времени).

По дореформенной Российской империи такого рода замеры проводились исходя из материалов ревизий, и большинство микроисследований вело подсчеты, опираясь на ревизские сказки [Деннисон, 2005; Авдеев и др., 2015]. В пореформенный период ревизии прекратились, однако аналогичных, более-менее периодических мероприятий с фиксацией численности населения организовано не было, что вынудило исследователей искать иные источники информации. В некоторых работах используются данные переписи 1897 г. [Борисенко, 2007; Зверев, 2009], однако это скорее исключение, поскольку первичные материалы по каждому домохозяйству (переписной лист Б) по инструкции должны были быть уничтожены. Другой, практически не реализованный на настоящий момент вариант, – данные земских сельскохозяйственных переписей. Такие переписи широко проводились в Российской империи силами земских статистических комитетов во второй половине XIX – начале XX вв. [Гозулов, 1957]. Материалы переписей довольно активно использовались историками, но в основном для изучения социально-экономических процессов. Это объясняется самой направленностью документов (переписи изначально были «заточены» именно на экономические параметры крестьянских домохозяйств); информация же историко-демографического характера при публикации давалась в обобщенном виде [Свавицкий, Свавицкая, 1926] и потому казалась исследователям недостаточной.

Первичные материалы переписей данную лакуну позволяют восстановить. В переписных листах, помимо многочисленных экономических характеристик домохозяйства (жилища, домашнего скота, земли, сельскохозяйственных орудий), содержалась информация о составе семьи – с указанием пола, возраста и положения относительно домохозяина; пример такого бланка приведен в дореволюционном издании материалов переписей [Свод статистических сведений..., 1888, с. 25]. Однако данная часть документации была задействована в исследованиях всего единожды, в магистерской диссертации зарубежного ученого [Kolle, 1995].

В настоящей статье используются материалы сельскохозяйственной переписи 1880–1890-х гг., хранящиеся в Государственном архиве Саратовской области (фонд Статистического комитета). Из всей массы переписных листов по Саратовской губернии сохранился объем данных, немногим превышающий 5 000 домохозяйств из 32 деревень, разбросанных по 4 уездам (Кузнецкому, Хвалынскому, Петровскому и Камышинскому)⁵⁶. Такое распределение можно считать удачным, поскольку оно представляет разные климатические зоны Саратовской губернии (северную, с подзолистыми почвами, и южную, с черноземными).

Распределение домохозяйств по типам выглядят следующим образом (табл. 1):

⁵⁶ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 421. Оп. 1. Д. 439, 440, 441, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 7295, 7296, 7297, 7298, 7299, 7300, 7301, 7302, 7303, 7304, 7342, 7343, 7344, 7345, 7346, 7347, 7348, 7349, 7350, 7351, 7352, 7353, 7354, 7355, 7356.

Таблица 1

Table 1

Распределение домохозяйств по типам

Distribution of households by type

Тип домохозяйства	Количество	В процентах	В них проживало	В процентах
Одинокие	141	2,8 %	141	0,5 %
Без семьи	18	0,4 %	45	0,2 %
Малое	2286	45,4 %	10021	33,8 %
Расширенное	854	17,0 %	4846	16,3 %
Сложное	1735	34,5 %	14632	49,3 %
Неопределенное	0	0 %	0	0 %
Итого	5036	100 %	29685	100 %

На долю малой семьи, как видно из таблицы, приходится 2 286 домохозяйств (45,4 % всех домохозяйств) и 10 020 человек населения (33,8 % от общей численности). Выводы из приведенной таблицы можно сделать прямо противоположные. Если в качестве главного критерия брать простое количество домохозяйств, то преобладающей в Саратовской губернии в конце XIX в. будет малая семья. Если же в качестве определяющего фактора использовать населенность домохозяйств (т. е. отталкиваться от того, какое количество людей в некоторый момент проживало в семьях определенного типа), то доминирующим окажется уже семья сложная.

Общие статистические характеристики малой семьи выглядят следующим образом. Средняя численность – 4,4 человека при стандартном отклонении 1,8. Наиболее часто встречающийся вариант (мода) – 4 человека (481 случай, 21 %, т. е. примерно каждая пятая семья). Численность семьи такого типа колеблется от 2 до 13 человек, при этом квартильный размах равен 3, нижняя квартиль 3, а верхняя – 6, иными словами, половина всех малых семей насчитывали от 3 до 6 человек. Вообще следует отметить, что превышение малой семьей численности в 9 человек происходило крайне редко; глав таких семей можно перечислить поименно, а их количество находится на уровне статистической погрешности. Большинство малых семей вмещается в интервал от 2 до 7 человек (таблица 2).

Таблица 2

Table 2

Распределение домохозяйств по численности

Household Distribution by Number

Размер домохозяйства	Количество	В %	Кум. %
2	370	16,2	16,2
3	432	18,9	35,1
4	481	21,0	56,1
5	415	18,2	74,3
6	295	12,9	87,2
7	181	7,9	95,1
8	74	3,2	98,3
9	29	1,3	99,6
10	6	0,3	99,87
11	1	0,04	99,91
12	1	0,04	99,96
13	1	0,04	100
Итого	2286	100	100

Согласно классификации Ласлетта, каждый вариант домохозяйств имел свои внутренние подтипы. В малой семье их насчитывалось четыре: подтип 3а – супружеская пара без де-

тей, подтип 3б – супружеская пара с детьми (в обиходе именно такой вариант и понимается под малой семьей), подтип 3в – вдовец с детьми и подтип 3г – вдова с детьми. В рассматриваемом материале они распределяются следующим образом: 3а – 288 домохозяйств, 3б – 1 754, 3в и 3г – 53 и 191 домохозяйство соответственно. Как можно заметить, подтип 3б составляет более 3/4 всех наблюдений, на втором месте – 3а (семья без детей), 3в и 3г в совокупности составляют немногим более 10 %. При этом категория 3в (вдовец с детьми) существенно меньше аналогичной ей подгруппы 3г (это, вероятно, можно объяснить более высокой мужской смертностью: ожидаемая средняя продолжительность жизни женщины в конце XIX в. составляла 33 года, а мужчины – 31 год [Демографическая модернизация России, 2006, с. 10]. Повторные браки крестьянская среда допускала, но относилась к ним с суеверным опасением («первая жена – от Бога, вторая – от человека, третья – от черта»), поэтому овдовевшие, как правило, заключали браки друг с другом [Миронов, 2003, с. 165].

Данные четыре подтипа, естественно, существенно расходились по своему размеру и иным статистическим показателям. В первую очередь интересен подтип 3б (супружеская пара и дети) – самая многочисленная категория; условно назовем ее «классической» малой семьей. Выглядит она следующим образом. Среди общей группы малых домохозяйств подгруппа 3б составляет 1 754 единицы (76,7 %); в ней проживало 8 639 человек. Средняя численность такой семьи – 4,9 человека при стандартном отклонении 1,6; медиана ряда равна 5, а мода – 4 (427 наблюдений или 24,3 %, т. е. практически каждое четвертое домохозяйство). Нижняя квартиль равна 4, верхняя 6, т. е. половина всех «классических» малых семей по численности расположены в довольно узком интервале.

Менее распространенные варианты малой семьи – структуры 3в (вдовец с детьми) и 3г (вдова с детьми). Их насчитывается 53 и 191 домохозяйство, в которых проживало 172 и 634 человека соответственно. Хотя их количество в общей массе домохозяйств существенно отличалось друг от друга, они очень близки между собой по многим параметрам. Их средняя численность почти равна (3,2 человека (3в) и 3,3 человека (3г), совпадают медиана (3), мода (2) (39 % наблюдений для 3в и 32 % наблюдений для 3г), квартильный размах (2), нижний и верхний квартили (2 и 4 соответственно).

Численность малой семьи существенно варьируется в зависимости от подтипа (рис. 1).

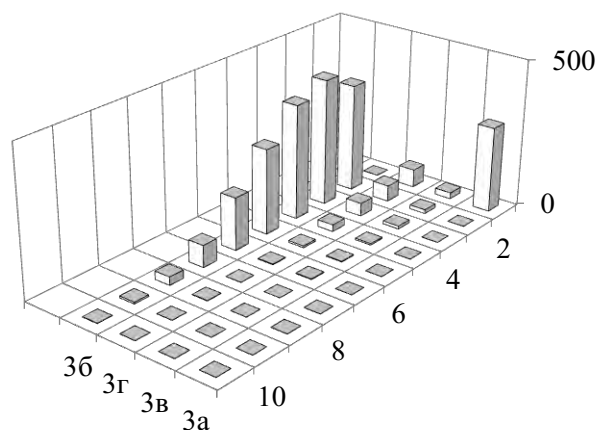

Рис. 1. Распределение подтипов малых домохозяйств по численности
Fig. 1. Distribution of subtypes of simple households by number

Вариант 3а стабилен в силу своей сущности (2 человека), а остальные демонстрируют разные закономерности. «Классический» вариант внешне схож с распределением малого домохозяйства в целом – гистограмма унимодальна и ассимметрична при сдвиге данных влево от медианы; варианты 3в и 3г, напротив, демонстрируют убывающую тенденцию.

Поскольку семейная структура всех подтипов известна, численность также, то определение количества детей в них становится легкой задачей. Для домохозяйства 3б это вычисляется по формуле $n - 2$ (где n – количество членов семьи), для вариантов 3в и 3г –

п – 1. Из графика (рис. 2) хорошо видно, что для «классического» варианта наиболее частым было наличие 2 детей; затем, по убывающей – 3, 1, 4, 5, 6; более многочисленные случаи в совокупности составляли менее 2 % всех семей.

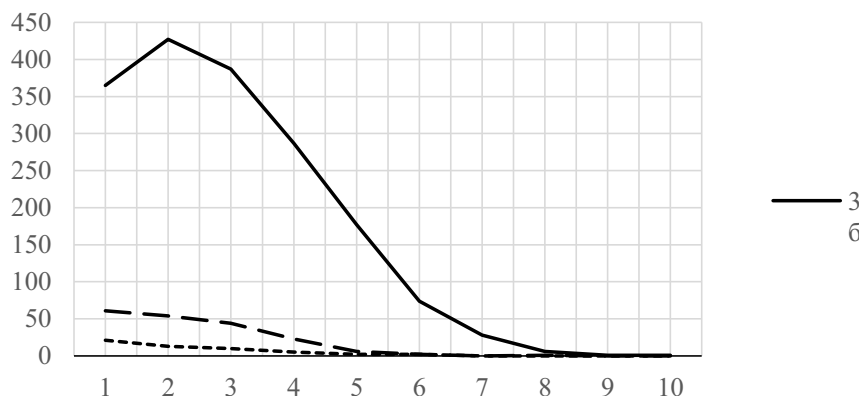

Рис. 2. Количество детей в малых семьях
Fig. 2. Number of children in simple families

Для подтипов 3в и 3г очевиден другой тренд – на понижение: от одного ребенка в семье (39 и 31 %) до четырех (9 и 12 % соответственно); превышение этого количества также, как и в случае 3б, незначительно. В среднем на каждую малую семью приходится 2,4 ребенка; при этом наиболее многодетным подтипом является 3б (2,9 ребенка на семью), затем следует 3в (2,3 ребенка) и 3г (1,5 ребенка).

Переходя к возрастному анализу, следует учитывать ряд специфических деталей. В сельскохозяйственных переписях информация о возрасте бралась не из документов, а со слов самих переписываемых. Естественно, специфика российского крестьянского общества создавала в этом случае ряд искажений. Первое – умышленное занижение возраста: «К показаниям женщин средних лет и даже пожилых об их собственных годах нужно относиться с крайней осторожностью: желание молодиться заставляет уменьшать их свои года до абсурда» [Свод статистических сведений..., 1888, с. 28]. Исправление данной погрешности силами исследователя невозможно, остается только положиться на профессионализм переписчиков; по мнению организатора переписи С.А. Харизоменова, именно этот фактор и должен был устранять проблемы сознательного искажения информации сразу на этапе ее сбора (причем это касалось не только возраста, но и хозяйственной деятельности, размера доходов и многих других аспектов).

Вторая проблема первичных данных о возрастном составе – эффект «возрастной аккумуляции», или округления возраста до чисел, оканчивающихся на «0» или, в меньшей степени, на «5»; он в принципе характерен для населения с низким уровнем грамотности. Сила возрастной аккумуляции измеряется разными коэффициентами, один из которых – индекс Уипла. Для родителей в малых семьях он равен 293 (превышение данным показателем отметки 100 свидетельствует, что возрастная аккумуляция существенна). Устранение возрастной аккумуляции производится при помощи приемов сглаживания; в данном случае использовался метод скользящей средней по десятилетним возрастам [Семенова, 1972].

По данным переписей, средний возраст домохозяина – главы малой семьи – составляет 41,9 года, его жены – 39,1 лет. Если же дифференцировать возраст домохозяев применительно к подтипам домохозяйств, то результаты показывают существенное различие. Наиболее понятным выглядит вариант 3б: средний возраст – 41,5 лет, близкое к нормальному распределение, практически все домохозяева мужчины (исключение – 7 случаев) (рис. 3).

Подтип 3а обозначает средний возраст домохозяина в 45,2 года. Все без исключения домохозяева – мужчины, причем они более-менее равномерно распределены по возрастным 5-летним группам (от 25 до 65 лет) и варьируются по численности от 7 до 12 % (см. рис. 3). Любопытно, что малая семья, состоящая только из мужа и жены, в исследова-

ниях обычно фигурирует как начальная стадия в цикле семейной эволюции; моделируя развитие семьи, ученые начинают с выделившейся супружеской пары, постепенно добавляя к ней детей [Чаянов, 1989, с. 218]. Однако такие варианты самостоятельных молодоженов в рассмотренном материале немногочисленны, а семейная пара без детей – некая относительно постоянная величина во всех возрастных группах.

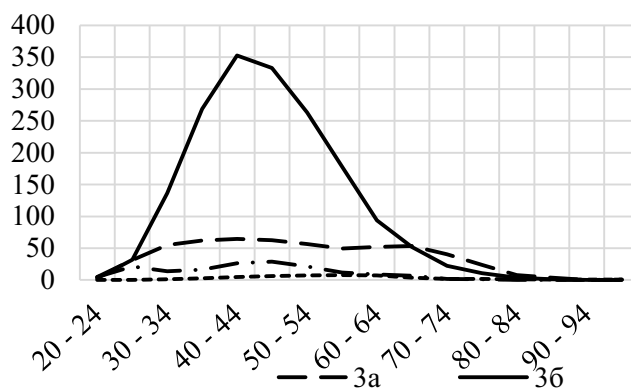

Рис. 3. Возрастной состав глав малых домохозяйств (по подтипам)

Fig. 3. Age composition of heads of simple households (by subtype)

Подтипы 3в и 3г дают очень сильные отклонения от среднего результата в разные стороны: 50,6 и 36,5 лет соответственно (см. рис. 3), что требует отдельных комментариев. Первый, сильно завышенный от среднего показатель, вероятно связан с невозможностью заключить брак в преклонном возрасте. Выше упоминалось, что овдовевшие чаще заключали брак друг с другом – из-за суеверных опасений; в пожилом возрасте для мужчины это было, видимо, проблематично. Причина отклонения возраста в подтипе 3г иная. По классификации Ласлетта, данный вариант – вдова с детьми. Однако здесь вступает в действие фактор юридический, а именно – кого в переписи обозначили домохозяином. Примерно в 2/3 случаев (122 из 192) главой писалась мать при малолетних детях; остальные случаи – домохозяином числится уже повзрослевший сын в возрасте от 13 лет (хотя по формальным критериям это все тот же подтип). Средний возраст матери домохозяйки в этом случае – 43 года, а сына-домохозяина – 22, что и дает такое существенное снижение среднего показателя.

Подводя итог, можно отметить следующее. Саратовская губерния конца XIX в., как собственно и все Нижнее Поволжье, в экономическом отношении представляла «...ярко выраженный аграрный регион с низким уровнем развития промышленности» [Чолахян, 2008, с. 38]. Малая семья данного региона для абсолютного большинства населения – крестьянства (87,2 % – сельские жители по данным переписи 1897 г. [Первая всеобщая перепись..., 1897 г., с. 3]) – выглядела следующим образом. Во-первых, сравнительно с другими семейными группами, она была многочисленной (45 % всех домохозяйств, т. е. большинство) и включала 33,8 % населения (уступая по этому показателю семье сложной). Во-вторых, количественно малая семья скорее была небольшой; стереотип многодетности, на который в свое время указывал А.Г. Вишневский [1989], в данном случае не подтверждается. 3/4 малых домохозяйств находились в пределах 5 человек, т. е. состояли из супружеской пары и одного – трех детей; сюда же включались семейные пары без детей и сравнительно немногочисленные варианты вдов и вдовцов с детьми. Половина малых семей вообще состояла из 4 и менее человек – т. е. не была многодетной даже по современным параметрам; домохозяйства без детей (3а) стабильно составляли от 7 до 12 % от общего количества, причем почти во всех возрастных группах. Наконец, в-третьих, возрастной состав глав таких семей сильно варьируется. К среднему результату (41 год) наиболее приближен возраст домохозяина в «классической» малой семье, варианты же 3в и 3г показали существенное отклонение либо в большую (50,6 лет), либо в меньшую (36,5 лет) стороны соответственно. В большинстве случаев (75 %) глава ма-

лой семьи находился в возрасте от 30 до 50 лет, что хорошо иллюстрирует интенсивный процесс разделов крестьянских домохозяйств в конце XIX в.

Список литературы

1. Авдеев А.А., Троицкая И.А., Ульянова Г.Н. 2015. Сословные различия в структурах домохозяйств в XIX в.: Москва и ее окрестности. Демографическое обозрение. 2(2): 74–91.
2. Борисенко М.В. 2007. Локальные параметры семейно-дворового строя крестьян Западной Сибири конца XVI – начала XX вв. (по материалам Тобольского и Тарского уездов). Дисс. ... докт. ист. наук. СПб.: 471.
3. Вишневский А.Г., Кон И.С. 1979. Предисловие. В кн.: Брачность, рождаемость, семья за три века. Под ред. А.Г. Вишневского и И.С. Кона. М., «Статистика»: 3–13.
4. Вишневский А.Г. 1989. Образ прошлого в демографической литературе. В кн. Историческая демография: проблемы, суждения, задачи. Под ред. Ю.А. Полякова. М., «Наука»: 29–43.
5. Гозулов А.И. 1957. История отечественной статистики. М., Госстатиздат, 178.
6. Деннисон Т. 2005. Крестьянские дворохозяйства в имении Вожажниково в 1836–1858 гг. Вестник С.-Петербургского университета. Сер. 2. История. 1: 147–154.
7. Демографическая модернизация России. 2006. 1900–2000. М., Новое издательство: 608.
8. Зверев В.А. 2009. Семейно-брачный строй в деревнях Западной Сибири (по материалам Всероссийской переписи населения 1897 г.) Вестник Томского университета. Серия: История. 4(8): 63–70.
9. Мельников П.Ю. 2017. О структуре крестьянской семьи в России XVII–XIX веков: проблема классификации и терминологии в исследованиях советского периода. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 17(2): 163–166.
10. Миронов Б.Н. 2003. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. СПб., «Дмитрий Буланин». Т. 1.: 583.
11. Миронов Б.Н. 2007. Новая историческая демография имперской России: аналитический обзор современной литературы. Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 52(3): 3–27.
12. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XXXVIII. Саратовская губерния. СПб., Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. 1904: 249.
13. Свамицкий Н.А., Свамицкая З.М. 1926. Земские подворные переписи – 1880–1913 гг. Поуездные итоги. М., ЦСУ СССР: 328.
14. Свод статистических сведений по Саратовской губернии. Ч. 1. Саратов, Издание Саратовского губернского земства. 1888: 850.
15. Семенова А.С. 1972. Сборник задач по курсу демографии. М., «Статистика»: 142.
16. Чаянов А.В. 1989. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., «Экономика»: 492.
17. Чолахян В.А. 2008. Индустриальное развитие Нижнего Поволжья (конец XIX – июнь 1941 г.): исторический опыт и уроки. Саратов, «Научная книга»: 320.
18. Henry L. 1967. Manuel de demographie historique. Paris, Librairie Droz, Geneve Paris: 146.
19. Household and Family in Past Time: Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America. 1972. Cambridge, Cambridge Univ. Press: 623.
20. Kolle H. 1995. The Russian Post-Emancipation Household. Two Villages in the Moscow Area. Master thesis in history, University of Bergen. Bergen: 97.
21. Wheaton R. 1975. Family and Kinship in Western Europe: The Problem of the Joint Family Household. Journal of Interdisciplinary History. 5: 601–628.

References

1. Avdeyev A.A., Troitskaya I.A., Ul'yanova G.N. 2015. Soslovnyye razlichiya v strukturakh domokhozyaystv v XIX v.: Moskva i yeye okrestnosti. [Estates in household structures in the 19th century: Moscow and its environs]. Demograficheskoye obozreniye – Demographic Review, 2(2): 74–91.
2. Borisenko M.V. 2007. Lokal'nyye parametry semeyno-dvorovogo stroya krest'yan Zapadnoy Sibiri kontsa XVI – nachala XX vv. (po materialam Tobol'skogo i Tarskogo uyezdov). [Local parameters of the family-yard system of peasants of Western Siberia at the end of the 16th – beginning of the 20th centuries (based on materials from Tobolsk and Tarsk counties)]. Diss. ... dokt. hist. sciences. St. Petersburg: 471.

3. Vishnevskiy A.G., Kon I.S. 1979. Predisloviye [Foreword]. Pod red. A.G. Vishnevskogo i I.S. Kona. V kn.: Brachnost', rozhdayemost', sem'yaza tri veka. Moscow, Publ. «Statistika»: 3–13.
4. Vishnevskiy A.G. 1989. Obraz proshlogo v demograficheskoy literature. V kn.: Istoricheskaya demografiya: problemy, suzhdeniya, zadachi [The image of the past in demographic literature. V kn.: Historical demography: problems, judgments, tasks]. Pod red. Ju.A. Poljakova. Moscow, Publ. «Nauka»: 29–43.
5. Gozulov A.I. 1957. Istoriya otechestvennoy statistiki [History of domestic statistics]. Moscow, Publ. Gosstatizdat: 178.
6. Dennison T. 2005. Krest'yanskiye dvorokhozyaystva v imenii Voshchazhnikovo v 1836–1858 gg. [Peasant households on the estate Voshchazhnikovo in 1836–1858 y.] Vestnik S.-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. Istoriya. 1: 147–154.
7. Demograficheskaya modernizatsiya Rossii. 2006. 1900–2000. [Demographic modernization of Russia. 1900–2000]. Moscow, Publ. Novoye izdatel'stvo: 608.
8. Zverev V.A. 2009. Semeyno-brachnyy stroy v derevnyakh Zapadnoy Sibiri (po materialam Vserossiyskoy perepisi naseleniya 1897 g.) [Family-marriage system in the villages of Western Siberia (based on the materials of the All-Russian Census of 1897)]. Vestnik Tomskogo universiteta. Seriya: Istoriya. 4(8): 63–70.
9. Mel'nikov P.Yu. 2017. O structure krest'yanskoy sem'i v Rossii XVII–XIX vekov: problema klassifikatsii i terminologii v issledovaniyakh sovetskogo perioda. Izvestiya Saratovskogo universiteta [On the structure of the peasant family in Russia of the 17th–19th centuries: the problem of classification and terminology in studies of the Soviet period]. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya. 17(2): 163–166.
10. Mironov B.N. 2003. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) Genesis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva [The social history of Russia during the empire (XVIII – early XX centuries.) The genesis of the individual, a democratic family, civil society and the rule of law]. V 2 t. St. Petersburg., Publ. Dmitriy Bulanin. T. 1.: 583.
11. Mironov B.N. 2007. Novaya istoricheskaya demografiya imperskoy Rossii: analiticheskiy obzor sovremennoy literatury [The new historical demography of imperial Russia: an analytical review of modern literature]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya. 52 (3): 3–27.
12. The first general census of the population of the Russian Empire, 1897. T. XXXVIII. Saratov province. St. Petersburg, Izdaniye Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del. 1904: 249.
13. Svavitskiy N.A., Svavitskaya Z.M. 1926. Zemskiye podvornyye perepisi – 1880–1913 gg. Pouyezdnyye itogi [Zemsky courtyard censuses – 1880–1913 Train results]. Moscow, Publ. TSSU SSSR: 328 p.
14. Code of statistics for the Saratov province. Part 1. Saratov, Publ. Izdaniye Saratovskogo gubernskogo zemstva. 1888: 850 p. (in Russian).
15. Semenova A.S. 1972. Sbornik zadach po kursu demografii [Collection of tasks on the course of demography]. Moscow, Publ. «Statistika»: 142 p.
16. Chayanov A.V. 1989. Krest'yanskoye khozyaystvo. Izbrannyye trudy [Peasant farming. Selected Works.] Moscow, Publ. «Ekonomika»: 492 p.
17. Cholakhyan V.A. 2008. Industrial'noye razvitiye Nizhnego Povolzh'ya (konets XIX – iyun' 1941 g.): istoricheskiy opyt i uroki [Industrial Development of the Lower Volga Region (end of XIX – June 1941): historical experience and lessons]. Saratov, Publ. «Nauchnaya kniga»: 320 p.
18. Henry L. 1967. Manuel de demographie historique. Paris, Librairie Droz, Geneve Paris: 146.
19. Household and Family in Past Time: Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America. 1972. Cambridge, Cambridge Univ. Press: 623.
20. Kolle H. 1995. The Russian Post-Emancipation Household. Two Villages in the Moscow Area. Master thesis in history, University of Bergen. Bergen: 97.
21. Wheaton R. 1975. Family and Kinship in Western Europe: The Problem of the Joint Family Household. Journal of Interdisciplinary History. 5: 601–628.

Ссылка для цитирования статьи

Link for article citation

Мельников П.Ю. 2020. Малая крестьянская семья Саратовской губернии (по данным земских сельскохозяйственных переписей 1880-х – 90-х гг.). Via in tempore. История. Политология, 47(1): 130–138. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-130-138

Melnikov P.Yu. 2020. Nuclear peasant family of the Saratov province (according to data of the Zemsky agricultural census 1880 – 90s). Via in tempore. History and political science, 47(1): 130–138 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-130-138

УДК 94.87

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-139-150

**БЕССАРАБИЯ В 1917 ГОДУ: ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТЫЛА
РУМЫНСКОГО ФРОНТА****BESSARABIA IN 1917: THE ECONOMIC SITUATION OF THE REAR
OF THE ROMANIAN FRONT****М.В. Оськин****M.V. Os'kin**

Институт законоведения и управления Всероссийской полицейской ассоциации,
Россия, 300028, г. Тула, ул. Болдина, 98

Institute of Jurisprudence and Management of the All-Russian police association,
98, Boldina st, Tula, 300028, Russia

E-mail: maxozv@yandex.ru

Аннотация

Вследствие продовольственного кризиса накануне и после Февральской революции 1917 года регионы России частично обособились друг от друга. В наиболее сложном положении оказались прифронтовые губернии, вынужденные кормить сами себя и снабжать фронт. Ближайшим регионом Румынского фронта являлась хлебодородная Бессарабская губерния, в которой производились заготовки и для армии, и для тыла. В результате крайней концентрации политики заготовок экономическое положение Бессарабии лишь обострилось, что усугубилось военными заготовками продуктов питания войсками Румынского фронта. Помимо этого, в 1917 г. закупки продовольствия в Бессарабии проводились и румынскими представителями, вынужденными кормить не только войска, но и беженцев. Приоритет снабжения фронта вызвал продовольственные затруднения в городах региона, а нехватка рабочих рук не позволила выйти на предвоенный уровень сбора хлебов. К моменту октябрьского переворота ресурсы Бессарабии оказались истощенными, однако запасы на военных складах позволили на рубеже 1917–1918 г. сравнительно успешно провести демобилизацию русских войск Румынского фронта.

Abstract

The food crisis before and after the February revolution of 1917 resulted in the partial isolation of Russian regions from each other. In the most difficult situation were the front-line provinces, forced to feed themselves and supply the front. The nearest region of the Romanian front was the grain-bearing province of Bessarabia, where preparations were made for the army and for the rear. As a result of the extreme concentration of procurement policy, the economic situation of Bessarabia only worsened, which was aggravated by the military procurement of food by the troops of the Romanian front. Besides, in 1917 purchases of food in Bessarabia were carried out also by the Romanian representatives compelled to feed not only armies, but also refugees. Priority supply of the front caused food difficulties in the cities of the region and a shortage of workers is not allowed to reach the prewar level of collection of breads. By the time of the October revolution, Bessarabia's resources were depleted, but the stocks in military warehouses allowed at the turn of 1917–1918. relatively successfully demobilize the Russian troops of the Romanian front.

Ключевые слова: Бессарабская губерния, урожай хлебов, снабжение фронта, Помглавкорум, самоорганизация, уполномоченный Министерства земледелия, революция 1917 года.

Key words: Bessarabia region, harvest loaves, the supply front, Pallavaram, self-organization, the Commissioner of the Ministry of agriculture, the revolution of 1917.

История Бессарабской губернии в годы Первой мировой войны непосредственно связана с историографией русско-румынских взаимоотношений в 1914–1918 гг. Сотрудничество, а

затем противостояние между союзниками по Антанте на Восточном фронте непосредственно сказалось на Бессарабии. Приграничный с Румынией российский регион испытал на себе массовое передвижение войск, военные заготовки, беженские потоки, эвакуацию соседней страны, развал Румынского фронта и, наконец, румынскую оккупацию Бессарабию на излете войны.

Анализ социально-экономической ситуации в Бессарабской губернии в 1917 г. позволяет представить объективную картину положения тыла Румынского фронта, взаимоотношений русских и румынских союзников в проблемах снабжения войск и мирного населения, политики хлебных закупок в регионе. Исследование взаимосвязанного единства экономических и социальных процессов в крае в революционный период рассматривает совокупность различных факторов нагрузок военного времени для юго-востока России.

Советская историография, в которой выделяются, прежде всего, работы В.Н. Виноградова [Виноградов, 1969; За балканскими фронтами..., 2002], неизменно подчеркивала тяжелое состояние Бессарабии в годы войны и революции, анализируя тяготы военного времени, выпавшие на долю ближайшего тыла Румынского фронта. Немалое внимание уделялось сельскому хозяйству региона в военный и революционный период [Шемаков, 1963], ресурсы которого постепенно истощались военными усилиями страны, а также взаимоотношениям крестьянства с союзной Румынией, которая в начале 1918 г. перешла к прямой интервенции в Бессарабии [Березняков, 1957; Лунгу, 1979]. В современной молдавской историографии период Первой мировой войны характеризуется с противоположных позиций – как возможность региона к постреволюционному витку развития в составе Румынии, а с другой стороны – как борьба молдавского народа с румынскими интервентами [История Бессарабии, 2001; Репида, 2008; Кушко, 2012; Стати, 2014]. Румынский автор характеризует события 1917 г. в Бессарабии в качестве предварительного этапа якобы добровольного присоединения Бессарабии к Румынии [Якоб, 2005]. Эту точку зрения в целом поддерживают и другие румынские исследователи в совместном русско-румынском сборнике, посвященном Румынскому фронту и русско-румынским взаимоотношениям в 1914–1918 гг. [România și Rusia în timpul Primului Război Mondial, 2018].

Источниковой базой советской историографии служили опубликованные сборники документов, в которых были отражены особенности революционного времени в Бессарабии [Революционное движение в 1917 году..., 1964; Большевики Молдавии..., 1967], политические процессы в данном крае [Борьба трудящихся Молдавии..., 1967; За власть Советскую..., 1970], экономические изменения в жизни бессарабского региона.

В августе 1916 г. королевство Румыния вступило в Первую мировую войну, приняв сторону Антанты, что первоначально не несло в себе какой-либо существенной дополнительной нагрузки для России, чьи войска должны были воевать с румынами плечом к плечу на Восточном фронте. Соединения русской 9-й армии П.А. Лечицкого, сражавшиеся в Южных Карпатах и теперь взаимодействовавшие с румынской Северной армией К. Презана, не меняли своей дислокации. Отправленный в румынскую Добруджу русский 47-й армейский корпус А.М. Зайончковского подчинялся штабу Юго-Западного фронта, и в силу своей относительной малочисленности (около 50 тыс. чел.) не представлял собой проблемного фактора. Снабжение корпуса всеми видами интендантского довольствия осуществлялось через интендантство Юго-Западного фронта с помощью работавшей в юго-западных губерниях России организации уполномоченного Министерства земледелия гофмейстера С.Н. Гербеля в губерниях Одесского военного округа. Для закупок отдельных или требовавшихся немедленно предметов интендантского снабжения на территории Румынии корпус получил денежные средства, так как по соглашению с румынами русские деньги (пусть и по искусственно заниженному курсу) принимались в Румынии⁵⁷.

В связи с неудачами на фронте – поражения в Трансильвании и Добрудже, падение Бухареста после проигрыша генерального сражения, последующее отступление в Молдавию – осенью 1916 г. из русских войск в Румынии формируется уже Дунайская армия, а к

⁵⁷ Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 2072. Оп. 1. Д. 400. Л. 60.

концу года – целый фронт из четырех армий. Приток русских войск в Румынию – более 1 млн чел. – в 20 раз увеличил количество бойцов в юго-западном углу Восточного фронта в сравнении с августом. Слабость железнодорожной инфраструктуры, не позволявшая в надлежащей степени снабжать такую массу войск, увеличила издержки ближайших к Румынскому фронту регионов – прежде всего, оставшейся под контролем союзников по Антанте территории румынской Молдавии и русской Бессарабской губернии.

Фронтирным регионом, связывавшим Россию и Румынию, являлась Бессарабская губерния, территория которой подчинялась штабу Одесского военного округа, а в отношении военных реквизиций – командованию Юго-Западного фронта. Нейтралитет Румынии в первые два года войны означал, что губерния оказалась в войсковом тылу. Положительным моментом именно для Бессарабии стало то обстоятельство, что регион большей своей частью примыкал к нейтральной Румынии, и лишь Хотинский уезд оказался близ линии фронта на границе с Буковиной, в 1914–1915 гг. переходившей у русских и австрийцев из рук в руки. Предполагавшиеся в 1915 г. эвакуационные мероприятия вследствие отступления русских армий так и остались предположениями, ибо южный фас Восточного фронта удалось удержать. Распространение военных действий на Румынию с осени 1916 г. сделало Бессарабию приграничной территорией, что повлекло за собой резкое усиление издержек военного времени для этого региона. Армейские закупки и питание проходящих войск, наплыв румынских беженцев, увеличение непосредственной работы губернии на нужды фронта (госпитали, гужевая и подводная повинности крестьянства, борьба с эпидемическими заболеваниями и проч.) поставили Бессарабию последнего года участия России в Первой мировой войне в ряд регионов, непосредственно затронутых войной. Худшим положение было лишь в тех губерниях, на территории которых велись боевые действия и располагался позиционный фронт, а население полностью эвакуировалось в тыл. Соответственно, до того сравнительно благополучное экономическое положение Бессарабской губернии, обусловленное значительными избытками сельскохозяйственного производства, было подвергнуто дополнительным нелегким испытаниям.

Наращение неблагоприятных тенденций в экономике края проявилось достаточно быстро. В 1916 г. в Российской империи стали резко расти цены на продукты питания, так как до войны сельское хозяйство в отношении получения прибыли на затраченный капитал и труд было поставлено в самое худшее положение в сравнении с другими отраслями народного хозяйства. Во время войны, в условиях резкого подорожания предметов первой необходимости и промышленных товаров вести хозяйство без убытка при условии сохранения прежних цен на хлеб, стало тяжело. Поднялись цены на рабочие руки и инвентарь, что сделало дороже производство продукции сельского хозяйства. В Бессарабской губернии поденная плата выросла с 30–60 коп. в 1913 г. до 0.60–1.50 в 1916 г., то есть вдвое, а «если принять во внимание вздорожание продовольствия, то цены на рабочие руки за время войны возросли в 3 раза, не считая того, что качество и производительность их значительно понизились». Пример некоторых цен на продовольствие (1913 г. / июнь 1916 г.): соль – 0.30 (1.10) за пуд, сало свиное – 8.00 (20.00), крупа гречневая – 1.80 (3.60), пшено – 1.00 (2.40), сахар-песок – 4.80 (6.80), масло сливочное – 24.00 (40.00), пшеничная мука – 2.00 (3.20), рис – 3.60 (6.80)⁵⁸. Остановить инфляцию могла только система твердых цен на продукты питания.

Доклад чрезвычайного Кишиневского уездного земского собрания от 5 июля 1916 г. по вопросу об установлении твердых цен на хлеб показывал: «Если Бессарабская губерния и в части Кишиневский уезд, несмотря на изобилие производства в них продуктов потребления, нуждаются в целой организации для борьбы с дороговизной этих продуктов, то нечего и говорить о том, что нужда в предметах, которые совершенно не производятся в пределах губернии, чрезмерно велика. Между тем некоторые предметы настолько же необходимы, насколько необходимы и предметы первой необходимости. Отсутствие этих предметов и чрезвычайная их дороговизна крайне неблагоприятно отражается на ведении сельского хозяйства, про-

⁵⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее ГА РФ). Ф. 6831. Оп. 1. Д. 462. Л. 96об.

изводящего продукты продовольствия»⁵⁹. Удовлетворить в полной мере интересы всех сторон (производители и потребители, покупатели и продавцы) было невозможно, а потому следовало во главу угла ставить интересы государства и армии, что предполагало ведение экономической политики в соответствии с твердыми ценами на продовольствие.

Установление твердых цен в сентябре 1916 г. на все хлеба (основные хлеба подверглись государственному регулированию ранее) позволило региону выполнить свои обязательства не только по снабжению армии, но и по выполнению хлебной разверстки. Уже к середине зимы Бессарабия, в которой хлеб закупался путем сделок купли-продажи, а не реквизиции, выполнила свой план на 80 %. На 6 февраля 1917 г. в Бессарабской губернии было закуплено около 32 млн пудов различных хлебов и бобовых⁶⁰, которые в первую голову поставлялись действующей армии, а затем – в потребляющие регионы Центральной России. Остальное, и более того, было добрано после Февральской революции. По тем же твердым ценам происходила и реквизиция фуража, «по коим надлежит рассчитываться с местным населением за реквизируемые продукты», воинскими частями у населения: сено – 0.80, солома – 0.40 руб. за пуд⁶¹.

Образование Румынского фронта в декабре 1916 г. наложило на Бессарабию новые и тяжелые обязанности. Во-первых, это поставка продовольствия и фуража 4 армиям, численность которых к моменту Февральской революции превысила миллион человек. Являясь транзитным регионом, сквозь который русские войска спешили на помощь гибнущей под ударами противника Румынии, Бессарабия должна была кормить этих людей по мере их следования. Слабая транспортная инфраструктура приводила к «пробкам» на железных дорогах, что вынуждало войска переходить к реквизициям на местах. Во-вторых, питание войск Румынского фронта в условиях развивающегося в России продовольственного кризиса, бывшего кризисом снабжения, должна была обеспечить Бессарабия, ибо румынские запасы к началу весны оказались истощены и почти полностью выработаны. Если учесть румынских беженцев, то дополнительное число «ртом» в юго-западном углу империи выросло на 2 млн чел. В-третьих, население региона было обязано нести различные виды натуральной повинности – дорожную, подводную и оборонную (работа на строительстве тыловых укрепленных линий и инфраструктуры). Так, к концу декабря на саперных работах было задействовано 11 тыс. рабочих на 1 100 подводах⁶².

27 ноября генерал-квартирмейстер Ставки Верховного командования М.С. Пустойтенко телеграфировал Главному полевому интенданту К.Н. Егорьеву: «необходимо иметь в виду, что с отходом всей армии и значительной части населения в Молдавию местные средства столь быстро истощаются, что на сколько-нибудь широкое пользование ими наших войск рассчитывать нельзя»⁶³. Местные средства – это ресурсы той территории, на которой располагаются войска и их ближайшие тылы. Военные власти имели право принудительной реквизиции этих ресурсов по твердым ценам, но в данном конкретном случае резкого и быстрого увеличения численности русских войск в Румынии (с 50 тыс. до 1,2 млн чел. за 3 месяца) местные средства оказывались исчерпанными.

Это обстоятельство – необходимость образования запасов продовольствия для прибывающих в Румынию русских войск – было быстро осознано. В тот же день русский представитель при румынском командовании М.А. Беляев сообщил в штаб Юго-Западного фронта, которому подчинялась Дунайская армия, что «хотя до сего времени все следующие походом порядком эшелоны получают продовольствие и фураж, однако главному [В.В. Сахаров] опасается, что быстрое истощение запасов Молдавии при чрезвычайно повысившемся населении не дает возможности удовлетворять все поступающие требования»⁶⁴. То есть запасов зерна могло не хватить и на самих жителей Бессарабии.

⁵⁹ ГА РФ. Ф. 6809. Оп. 1. Д. 37. Л. 98 об.

⁶⁰ Там же. Л. 167.

⁶¹ РГВИА. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 70. Л. 191.

⁶² РГВИА. Ф. 2006. Оп. 1. Д. 15. Л. 271.

⁶³ РГВИА. Ф. 2009. Оп. 1. Д. 30. Л. 97.

⁶⁴ РГВИА. Ф. 2072. Оп. 1. Д. 33. Л. 443.

Конечно, деревня, даже при обширных продажах зерна войскам и уполномоченным, все равно имела небольшие запасы для собственного питания, но города даже в хлебной Бессарабии, обделяемые централизованными поставками уполномоченных Министерства земледелия, вынужденных в первую очередь работать на снабжение фронта, недополучали требовавшихся для горожан продуктов питания. Кризисные явления в питании городского населения производящих регионов стали проявляться с начала 1916 г. в связи с существенным увеличением закупок для армии и, следовательно, подходом к снабжению городов по остаточному принципу. Поэтому городские управления приступили к закупке предметов первой необходимости и продуктов питания, затем продававшихся в городских лавках по фиксированным ценам (немного выше оптовых и в 1,5–2 раза ниже, нежели у частных торговцев).

Испытывая нехватку денег, шедших на поддержание жизнедеятельности города и обеспечение нуждавшихся слоев населения, в первой половине 1916 г. многие города (в лице губернских и уездных земских управ) занимали ссуды для заготовки продовольствия на 9 месяцев. В конце года следовало отдавать, а было нечем, и города просили об отсрочке и новых кредитах, так как денег не было на продовольственные закупки, не то чтобы отдать ссуду. Из городов Бессарабской губернии Бендеры взяли ссуду в 20 тыс. руб., Сороки – 70 тыс., Бельцы – 150 тыс., Оргеев – 50 тыс., Болград – 30 тыс., Измаил – 125 тыс., Рени – 30 тыс., Килия – 30 тыс., Аккерман – 50 тыс., Хотин – 20 тыс., Кишинев – 100 тыс. рублей. Однако указанной суммой дело не ограничивалось. Например, с начала 1917 г. Хотинское городское управление стало получать от местной земской управы ежемесячно по 18 тыс. пудов пшеничной муки. Так как следовало рассчитывать тут же, то требовались наличные деньги. В январе Хотин заплатил 90 тыс. руб. за муку и около 20 тыс. за сахар⁶⁵. Так как продовольственный кризис продолжался, города просили об отсрочке выплат по выданным весной 1916 г. продовольственным ссудам.

Пример обустройства городского продовольственного хозяйства дает г. Сороки: «городская управа имеет две собственные лавки, из которых отпускается населению мука, соль, мясные продукты, масло, сахар и другие предметы первой необходимости. При управе имеется склад дров, керосина и подошвенных кож для продажи населению по возможно доступным ценам». Для выпечки хлеба управа отпускает муку в частные хлебопекарни, так как своей у города нет. Управа отметила, что «во избежание недоразумений и нареканий со стороны населения, городское управление старается по возможности отпускать предметы первой необходимости (мука, соль, сахар и керосин) по установленным ценам в две существующие в городе общественные кооперативные лавки – «Самопомощь» и «Нольза»». При этом продукты в городских лавках были в 1,5 раза дешевле, чем на рынке. Вывод: «организация городом снабжения населения предметами первой необходимости является весьма целесообразной как ограждающая население от эксплуатации со стороны торговцев и искусственного повышения цен на эти продукты»⁶⁶.

В свою очередь, Кагульская городская управа 2 марта 1917 г. отчитывалась, что «организация по снабжению местного населения печеным хлебом и сахаром является не только целесообразной, но настоятельно необходимой». Управа отметила, что «до открытия продовольственной за счет казны операции местные мукомолы, хлебопекари и бакалейщики часто без всяких оснований взвинчивали цены на муку, хлеб, сахар и проч. предметы первой необходимости»⁶⁷. Торговцы беззастенчиво наживались, пользуясь продовольственным кризисом в России. Для Бессарабской губернии эта спекуляция была обусловлена образованием в конце 1916 г. Румынского фронта и необходимостью страны обеспечить продовольствием сотни тысяч солдат, переброшенных в юго-западный угол империи. Наиболее близко расположенный к создаваемому в короткие сроки фронту регион должен был в наибольшей степени участвовать в снабжении войск.

⁶⁵ ГА РФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 210. Л. 1, 7–8, 11, 13–18, 28, 40.

⁶⁶ ГА РФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 462. Л. 78.

⁶⁷ ГА РФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 68. Л. 73 об.

Главной заботой региональных властей, разумеется, стало обеспечение столицы губернии. В прифронтовых районах горожанам приходилось конкурировать с войсками за снабжение. В заседании 15 октября губернское продовольственное совещание Бессарабской губернии определило, что Кишиневу до нового урожая требуется 1,5 млн пудов пшеницы. Совещание считало, что «ввиду близости фронта и частых железнодорожных перерывов в подвозе и громадной отвлеченности подвоз разными экстренными и принудительными повинностями необходимо иметь во всякое время в самом городе запас не менее 300 тыс. пудов пшеницы». Это количество обязался дать губернатор М.М. Воронович как уполномоченный Министерства земледелия в Бессарабской губернии, и для начала – 400 тыс. пудов из Рени, из коих 60 тыс. было перевезено в Кишинев к середине ноября. Однако резко возросшие требования армии (в ноябре на Румынский фронт перебрасывалось три армии, и питать их в пути должны были транзитные губернии), вынудили губернатора отказать в вывозе этого хлеба. Как жаловался в своей телеграмме в МВД от 28 ноября заместитель Вороновича А.В. Синадино, такое решение – недопоставить 340 тыс. пудов пшеницы – «ставит город Кишинев в крайне безвыходное положение не только по вопросу об образовании крайне необходимого запаса, но и в вопросе насущного пропитания». В это время в Кишиневе проживало 120 тыс. чел., которые были обеспечены хлебом только на 5 дней. Сделать Воронович ничего не мог (хлеб пошел войскам), и Кишинев просил дать эти 400 тыс. пудов хлеба если не из Рени, то откуда-то еще. Управление сельской продовольственной части МВД поддержало эту просьбу, но 12 декабря Министерство земледелия телеграфировало, что «относительно обеспечения Кишинева пшеницей бессарабскому уполномоченному предложено обратиться к окружному уполномоченному Гербелью, которому телеграфировано о необходимости озаботиться снабжением Кишинева продовольствием в размере текущих потребностей. Образование в Кишиневе крупных продовольственных запасов ввиду близости к фронту представляется нежелательным»⁶⁸. Воронович не имел достаточных запасов хлеба, так как ими распоряжался прежде всего окружной уполномоченный С.Н. Гербель, которому бессарабский губернатор подчинялся как уполномоченный Министерства земледелия.

Иными словами, в конце 1916 г. в центре считали, что существует угроза дальнейшего отступления и потери Бессарабии, почему города региона недополучали продуктов питания. Укрепление фронта по рубежу реки Серет и удержание союзниками румынской Молдавии отставили вопрос об угрозе Бессарабии, но ситуация не улучшилась. Идя навстречу потерпевшим военную катастрофу румынам, помощник августейшего главнокомандующего армиями Румынского фронта (Помглавкорум) В.В. Сахаров разрешил румынским военным агентам «свободную покупку по всей Бессарабии всех зерновых продуктов, скота и сена»⁶⁹. Данная позиция объяснялась межсоюзническими договоренностями. Осенью 1916 г. находившиеся в Румынии русские войска снабжались румынским хлебом, и теперь, после их истощения, румынские подразделения перешли на русский «кошт». В попытке избежать ненужных трений Сахаров по согласованию с Министерством земледелия и разрешил румынам эти закупки. Тем самым в Бессарабии, конечно, расходовалось продовольствие, но выхода не было – подвоз хлеба из тыла вплоть до мая 1917 г. не был налажен в достаточной степени.

Вдобавок к задаче снабжения Румынского фронта Гербель не мог выполнить нарядов еще и потому, что Бессарабская губерния должна была участвовать в поставке пшеницы во Францию, о чем существовали предварительные договоренности с Лондоном и Парижем. В начале января главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта А.А. Брусилов разрешил вывоз хлеба для союзников «из губерний Волынской, Подольской и Киевской, оговариваясь, что вывоз пшеницы из Херсонской и Бессарабской губерний зависит от главнокомандующего Румынским фронтом». После запроса в штаб Сахарова и учета мнения министра земледелия А.А. Риттиха, в это время находившегося в Одессе, было решено, что Бессарабия также примет участие в поставках⁷⁰.

⁶⁸ ГА РФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 209. Л. 1–4, 9.

⁶⁹ РГВИА. Ф. 2009. Оп. 1. Д. 123. Л. 279–280.

⁷⁰ РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1577. Л. 5.

Транспортная комиссия Особого Совещания по продовольственному делу считала, что возможно поставить 35–40 млн пудов хлеба союзникам в навигацию 1917 г. Из этого количества Гербель принял на себя 20 млн пудов пшеницы Херсонской и Бессарабской губерний. Цена определялась примерно, так как мировые цены на май 1917 г. еще не были известны, а именно: 3.90 руб. за пуд – мягкая пшеница, 4.20 – твердая и 3.00 – рожь. Однако планы союзных поставок стали проваливаться с самого начала, ибо русская Ставка поставила интересы питания фронта в приоритет перед договоренностями с Англией и Францией. Уже подготовленные Гербелем 1,9 млн пудов пшеницы были запрещены к вывозу Начальником штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексеевым. Телеграмма Алексеева от 5 марта приводила обоснование данного запрета: «ныне ввиду чрезвычайных обстоятельств и полного оскудения запасов на фронтах из-за сокращения подвоза я вынужден часть этой готовой пшеницы, еще не отправленной, взять армиям, а остальное количество, до 10 млн пудов, оставить также на местах для обеспечения мельниц фронта. Для отправления в Архангельск полагаю необходимым собрать пшеницу в более восточных губерниях». Давление союзников продолжилось, и 12 марта Ставка подтвердила, что Гербель должен выполнять распоряжение особого назначения о заготовке пшеницы, но имеющийся в данный момент в его распоряжении «избыток пшеницы» следует отдать фронту, причем отправлять даже на Западный и Северный фронт. До августа 1917 г. Гербелю удалось отправить только 634 тыс. пудов хлеба из предполагавшихся 20 млн пудов⁷¹.

После Февральской революции, для хода и исхода которой продовольственный кризис выступил важным катализатором событий, обстановка в стране в целом и в Бессарабии в частности не особенно изменилась. Невзирая на теоретические значительные хлебные излишки, Организация Гербеля столкнулась с противоречием между теорией и практикой. На рубеже 1916–1917 г., когда русские и румынские войска, равно и беженцы, перемещались по территории Бессарабии, существенная часть запасов оказалась израсходованной⁷². Вдобавок, часть хлебных ресурсов ушла на Юго-Западный фронт и в некоторые регионы Центральной России и Белоруссии.

Штаб Румынского фронта, в отличие от соседних фронтов, где располагались исключительно русские войска, не имел права забывать о союзниках. Назначенный Временным правительством Верховный главнокомандующий М.В. Алексеев 12 марта телеграфировал В.В. Сахарову, что ему следует немедленно предпринять совместные с румынами действия по выходу из тяжелой ситуации. Алексеев считал, что «растущий недостаток продовольственных припасов в Румынии требует скорейшего осуществления всех возможных мероприятий для борьбы с создавшимся в связи с этим положением. Ввиду сего прошу безотлагательно выработать совместно с румынскими Главной квартирой и правительством и при участии нашей миссии детальный план конкретных мероприятий в этом направлении». Следовало выяснить необходимое румынам количество продовольствия, фуража и интендантского имущества (форма, обувь), «выяснить, какое количество грузов фактически может по условиям транспорта быть подвезено в Румынию сверх необходимого для нужд нашей армии», определить пути эвакуации, и особенно – «на случай движения беженцев под влиянием недостатка продовольствия в Румынии»⁷³.

Если сельская местность Юга России имела запасы предыдущих урожаев и, так или иначе, могла самостоятельно регулировать собственные запасы (крестьяне и помещики сами решали – продавать или не продавать войскам или румынам хлеб), то города оказались в более сложном положении. Во-первых, вследствие сравнительно слабой организации городского снабжения продуктами питания (в ситуации продовольственного кризиса рынок имел тенденцию скатывания в «черный»). Во-вторых, ввиду меньших финансовых возможностей в сравнении с военными властями.

Весь революционный год городские и земские власти прифронтовых регионов просили у правительства новые субсидии на продукты питания и предметы первой необходи-

⁷¹ ГА РФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 57. Л. 12, 17, 20 об., 56–58, 62 об., 104.

⁷² РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 81. Л. 268 об.

⁷³ РГВИА. Ф. 2004. Оп. 3. Д. 464. Л. 373.

мости. Так, 20 мая Бендерский городской голова Лопатин просил выдать безвозвратное пособие в 150 тыс. рублей. МВД поддержало просьбу, ибо «нахождение города Бендер в ближайшем тылу, переполнение его войсками и беженцами, наличие в нем усиливающих-ся эпидемических заболеваний и недостаточность средств у городского управления могут угрожать большими бедствиями не только самому населению города, но и действующей армии». Однако 13 июня бывший министр земледелия А.И. Шингарев, занявший к тому времени пост министра финансов, отказал бендерцам⁷⁴.

В середине июня бессарабское губернское земство ходатайствовало перед МВД о разрешении ему займа до 3 млн руб. – «на усиление оборотных средств земской кассы мелкого кредита, приспособленной для снабжения населения предметами первой необходимости». Но и эта сумма не была получена. Ситуацию частично спасала самоорганизация горожан. Например, весной 1917 г. в Одессе, где с войсками и ранеными насчитывалось более 800 тыс. чел., был введен добровольный налог на зажиточных земляков. Как сообщали одесситы, «самообложение граждан Одессы установлено на добровольных началах, применительно к ставкам подоходного налога, без принудительности». Причина – «критическое финансовое положение Одессы и отсутствие источников»⁷⁵.

К сожалению, сознательность граждан проявлялась не везде. Либо в небольших населенных пунктах просто насчитывалось мало зажиточного элемента. Телеграмма министру земледелия из Ольвиополя 25 апреля сообщила, что «население города Ольвиополя голодает. Некоторые лица, имеющие запасы муки, упорно отказываются в выдаче. Как с такими лицами поступать, гуманные меры не оказывают действия?». Вдобавок, нередким случаем стало мародерство со стороны воинских подразделений. В июне землевладельцы Кагульского уезда жаловались в Министерство продовольствия на «самоуправные действия расквартированных в их районе воинских частей, которые захватывают продовольственные продукты и скот и расхищают сельскохозяйственные машины»⁷⁶. Без хлеба периодически оставалась и столица Бессарабии. В середине лета 1917 г. ставший губернским комиссаром председатель губернской земской управы К.А. Мими телеграфировал, что в Кишиневе и Бендерах мука на исходе и «отсутствие зерна поставит население и местные и проходящие воинские части в критическое положение»⁷⁷.

Сильно ударившим по снабжению армии обстоятельством стал слабый урожай хлеба в Европейской части России, а замечательный урожай Сибири невозможно было вывезти к фронту. По донесениям податных инспекторов на 1 января 1917 г. посевная площадь озимых хлебов в 50 губерниях Европейской России составила 28 153 тыс. десятин, меньше площади прошлого года на 335,6 тыс. десятин или на 1,2 %. В том числе у крестьян – 23 225,5 тыс. десятин (82,5 %) и 4 927,5 тыс. десятин (17,5 %) у частных владельцев. В 1916 г. у крестьян было больше на 88,1 тыс. десятин (0,4 %), а у владельцев – на 247,5 тыс. десятин (4,81 %). Наибольшее сокращение произошло в Подольской губернии – 122,5 тыс. десятин (на 13,4 %), Ставропольской – 126,8 тыс. (16,7 %), Кубанской Области – 106,4 тыс. (10,1 %) и, главное для Румынского фронта, – в Бессарабской губернии – на 56,5 тыс. десятин (10,1 %). Главная причина сокращения посевов – «недостаток и дороговизна рабочих рук»⁷⁸. Поэтому урожай 1917 г. в Бессарабии составил всего 115,2 млн пудов⁷⁹ – против 141,2 млн пудов в 1916 г.

Помимо слабой урожайности как объективного обстоятельства, в дело снабжения армии вмешивался и субъективный фактор. Российское крестьянство сосредоточивалось на собственном хозяйстве и личном потреблении, не желая продавать продукты питания и пользуясь как слабостью власти, так и опасаясь вероятного голода, видя общую обстанов-

⁷⁴ ГА РФ. Ф. 6996. Оп. 1. Д. 98. Л. 1, 4.

⁷⁵ ГА РФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 462. Л. 54, 92.

⁷⁶ ГА РФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 14. Л. 59, 287.

⁷⁷ РГВИА. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 15. Л. 425.

⁷⁸ ГА РФ. Ф. 6996. Оп. 1. Д. 277. Л. 54–55об.

⁷⁹ Революционное движение в 1917 году и установление советской власти в Молдавии. Кишинев, 1964. С. 60.

ку в государстве. Так, Главный начальник снабжений Румынского фронта А.С. Санников в телеграмме главнокомандующему армиями Юго-Западного фронта Л.Г. Корнилову от 21 июля жаловался, что «вопреки Вашего приказа от 8 июля, местные крестьяне продолжают оказывать противодействие уборке урожая, устанавливая непомерные цены и не позволяя желающим работать. Штабом Киевского округа оставлены на месяц сербы [военнослужащие выведенного в тыл Сербского добровольческого корпуса из бывших австрийских военнопленных], ибо признано, что они работают на оборону. Местные крестьяне запрещают работать сербам и грозят устроить с ними войну»⁸⁰.

В столь нелегкой обстановке продовольственные и фуражные запасы армий Румынского фронта неукоснительно падали, даже в летний, казалось бы, урожайный и климатически выгодный период сокращаясь до недельного уровня в лучшем случае. Обеспечение Румынского фронта к 25 июля 1917 г. в днях⁸¹:

Обеспечение Румынского фронта к 25 июля 1917 г. в днях

Продукт	6-я армия	4-я армия	9-я армия	1-я румынская армия	2-я румынская армия
Мука	9,5	11 ³ / ₄	16,5	1,5	8
Крупа	17,5	5	5,5	—	—
Соль	36	36	15	15	20,5
Сахар	25,5	53	17	39	16
Жиры	11	9 ³ / ₄	6,5	11,5	7,5
Табак	4 ³ / ₄	—	¹ / ₄	2	¹ / ₂
Сушеные овощи	4	2	2	—	3
Зернофураж	3	4	5,5	1/6	1/7
Сено	3	¹ / ₂	¹ / ₂	—	—
Мясо	¹ / ₄	—	—	—	—
Рыба	1 ³ / ₄	—	—	¹ / ₂	—
Консервы	6 ¹ / ₃	9,5	8	1 ¹ / ₈	5,5
Скот	2 ³ / ₄	6	4	—	—

Запасы фронта в разгар лета по основным продуктам питания (мука, крупа, жиры, мясо и скот), как показывает таблица, составляют около недели. И даже консервов, столь необходимых в наступлении, хватает все на ту же неделю. Рыба не может заменить мясо, ибо ее запасы столь же минимальны (либо вовсе отсутствуют), как и у мяса. Следовательно, опора войск Румынского фронта на близлежащие районы – румынскую Молдавию и русские Бессарабию и Херсонщину в отношении использования местных средств являлась неизбежной, тем более что русская революция изолировала Румынское королевство, оставив его в одиночку на всем Восточном фронте [Hamilton, p. 214].

Повышение твердых цен на хлеб (для Бессарабской губернии, согласно постановлению министра продовольствия от 5 октября, хлебные цены составили 448 коп. за пуд ржи, пшеница – 680, овес – 490, ячмень – 410, просо – 540, гречиха – 720⁸²), отказ производителей от поставки продовольствия государству, нарастающий в стране общеполитический кризис и, главное для фронта, – раскол личного состава действующей армии по итогам корниловского выступления – все эти факторы отнюдь не способствовали улучшению процесса снабжения войск, на что рассчитывали во Временном правительстве. Ранее предполагалось, что сбор урожая 1917 г. и проявившаяся поддержка режима со стороны кооперативов позволит России продолжить свое участие в войне. С началом осени выяснилось, что такие расчеты являлись фикцией, и прокормить 7-миллионную армию страна, вероятнее всего, уже не сможет. В результате увеличить запасы войск до более чем недельной нормы по-

⁸⁰ РГВИА. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 7. Л. 35.

⁸¹ РГВИА. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 15. Л. 545.

⁸² ГА РФ. Ф. 1783. Оп. 1. Д. 25. Л. 143–149.

прежнему не удавалось⁸³. Вдобавок, чтобы не подвергать войсковые склады угрозе возможного захвата со стороны неприятеля, что при наступившем разложении русских войск представлялось реальным, осенью 1917 г. все хлеба Юга концентрировались в Херсоне, Николаеве и по течению реки Днепр⁸⁴. Отсюда их еще следовало подвезти на фронт.

Вследствие неукоснительного падения возможностей железнодорожного транспорта с середины сентября интендантские службы ходатайствовали перед министром продовольствия С.Н. Прокоповичем о запрете вывоза всех продуктов, керосина, мешков и мануфактуры из прифронтовых губерний, так как войскам оставалось рассчитывать лишь на них. Примечательно, что об этом просил как Главный начальник снабжений армий Румынского фронта А.С. Санников, имевший в своем тылу хлеботорговые регионы, так и его коллега с Западного фронта В.Н. Минут, могший полагаться на Белоруссию и западные губернии Центральной России⁸⁵. Смысл заключался в том, что для армии стала важной любая опора на местные средства – неважно, сравнительно обильные, как на Румынском фронте, либо скудные, как на Западном.

После октябрьского переворота в условиях нараставшей экономической разрухи Помглавкорум должен был обеспечить демобилизацию вверенных ему войск, каковая задача осложнялась тем обстоятельством, что три армии фронта из четырех располагались в Румынии. В связи с тем, что румыны взяли курс на сохранение собственных ресурсов, штаб фронта должен был обеспечить питание выводимых из королевства русских соединений вплоть до их убытия по домам. Для того же, чтобы прокормить миллион человек в течение не менее чем трех месяцев, требовалась стабильная обстановка в ближайшем тылу, так как основные продовольственные склады (магазины) находились в Бессарабии, а запасы населения вполне могли стать последним ресурсом на случай реквизиций.

Самовольно уходившие в войсковой тыл отдельные подразделения и массы дезертиров грабили территорию Бессарабии, и борьба с этими явлениями также возлагалась на штаб фронта. Например, в начале декабря Хотинская уездная продовольственная управа телеграфировала в Одессу, что работа невозможна ввиду «повального грабежа взятых на учет и реквизированных продуктов», в прифронтовой полосе полностью отсутствует мука, а в городе и местечках идут погромы. Войска громили продовольственные склады продуправы, не позволяя наладить снабжение горожан⁸⁶.

Вряд ли новый Помглавкорум Д.Г. Щербачев, занявший свой пост в апреле, не имевший надежных войск, мог остановить стихию. Его надежда возлагалась на командование всех уровней, поддержку румынской стороны и сознательность ряда русских соединений. В штабе фронта прекрасно понимали, что при самочинном разгроме складов, инфраструктуры и грабеже местного населения все еще остающимся в окопах людям придется несладко. Соответственно, телеграмма Щербачева от 15 декабря указывала, что «демобилизация должна производиться по подробно разработанному плану. Если войска начнут самовольный общий отход, то люди и лошади погибнут по дороге от голода и холода». Помглавкорум напоминал: «мы не должны забывать, что находимся на территории союзного нам государства, которое принимает меры для сохранения своей территории от грабежей»⁸⁷. К сожалению, следствием всех этих событий стала оккупация российской Бессарабии румынским союзником России по Первой мировой войне.

Военная разруха не коснулась Бессарабии непосредственно, так как враг не дошел до нее, застряв в Буковине и Северной Румынии, однако статус ближнего тыла Юго-Западного, а затем Румынского фронтов поставил регион в столь нелегкое положение, что выходить из него пришлось экстраординарными мерами. Притом Бессарабия как ближайший тыловой регион страдала от всех издержек войны: людских потоков, продовольственных заготовок, угрозы эпидемий,

⁸³ РГВИА. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 17. Л. 13.

⁸⁴ ГА РФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 463. Л. 37.

⁸⁵ ГА РФ. Ф. 1783. Оп. 1. Д. 174. Л. 226–227, 286.

⁸⁶ Российский государственный архив экономики. Ф. 1943. Оп. 3. Д. 13. Л. 1.

⁸⁷ ГА РФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

наплыва беженцев и прочего негатива военного времени. Например, телеграмма гофмейстеру Д.И. Засядко от 13 февраля 1917 г. от особоуполномоченного российского отделения Красного Креста Тарасова о санитарном состоянии прифронтовой полосы в Румынии констатировала, что «несмотря на отсутствие боев, ежедневная убыль достигает значительных размеров вследствие серьезного развития эпидемии возвратного тифа. Главный источник заразы – голодающее население, в особенности беженцы из Валахии, осевшие в прифронтовой полосе, положение которых поистине ужасное». Тарасов предупреждал об угрозе холерной эпидемии и просил принять срочные меры, в том числе усилить питание и вакцинацию, а также сформировать эпидемиологический отряд для создания организации по ликвидации бедствия⁸⁸.

Тяжелой по своим климатическим условиям зимой 1916–1917 г. ставшая в результате поражений в Румынии ближайшим тылом Румынского фронта Бессарабская губерния Российской империи сыграла важнейшую роль в деле снабжения продовольствием и фуражом русско-румынских войск и румынских беженцев. Нехватка транспортных мощностей и слабость инфраструктуры в пограничной полосе между Россией и Румынией не позволяли в должной мере обеспечить питанием солдат, однако удалось и не допустить голодовок. Хлебные запасы производящей Бессарабской губернии стали тем ресурсом, что зимой 1917 г. существенно выправил крайне неблагоприятно складывавшуюся в смысле продовольственного обеспечения обстановку на Румынском театре военных действий. Колебания подвоза непосредственно влияли на обеспечение личного состава войск, находившихся в окопах Румынского фронта.

Продовольственные органы Бессарабии во главе с уполномоченными Особого Совещания по продовольственному делу и Министерства земледелия различного уровня и полномочий – С.Н. Гербелем, М.М. Вороновичем, К.А. Мими – выполнили поставленную перед ними нелегкую задачу продовольствования нового фронта. В период разворачивавшегося в России революционного процесса 1917 года экономическая обстановка в Бессарабии ухудшилась, что было следствием как невысокого урожая, так и падением подвоза продовольствия и фуража фронту, что вынуждало военные власти усиливать реквизиционную практику в ближайшем войсковом тылу. Первыми пострадавшими акторами региона стали города, чья конкуренция за истощавшиеся ресурсы с армией являлась заведомо проигрышной, а к концу года демобилизация русской армии и выход России из войны ввергли приграничные регионы страны в экономический хаос, усугублявшийся ростками начинавшейся гражданской войны. Для Бессарабии военная эпопея завершилась румынской оккупацией и контролем румынских властей над экономикой региона в ситуации ведения переговоров о перемирии с Германией и ее союзниками.

Список литературы

1. Березняков Н.В. 1957. Борьба трудящихся Бессарабии против интервентов в 1917–1920 гг. Кишинев, Госиздат Молдавии, 316.
2. Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 – январь 1918 г.). 1967. Кишинев, Картя молдовеняскэ, 449.
3. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917–1920 гг.). 1967. Кишинев, Картя молдовеняскэ, 684.
4. Виноградов В.Н. 1969. Румыния в годы Первой мировой войны. М., Наука, 370.
5. За балканскими фронтами Первой мировой войны. 2002. М., Индрик, 502.
6. За власть Советскую. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917–1920 гг.). 1970. Кишинев, 403.
7. История Бессарабии (От истоков до 1998 года). 2001. Кишинев, 352.
8. Кушко А., Таки В. 2012. Бессарабия в составе Российской империи (1812–1917). М., Новое лит. обозрение, 392.
9. Лунгу В. 1979. Политика террора и грабежа в Бессарабии 1918–1920. Кишинев, Картя молдовеняскэ, 216.
10. Революционное движение в 1917 году и установление советской власти в Молдавии. 1964. Кишинев, Картя молдовеняскэ, 632.

⁸⁸ ГА РФ. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 224. Л. 2.

11. Репида Л.Е. 2008. Суверенная Молдова. История и современность. Кишинев, ИПФ Центральная типография, 384.
12. Стати В. 2014. История Молдовы. Кишинев, 489.
13. Шемяков Д.Е. 1963. К вопросу о товарности зернового хозяйства Бессарабии в эпоху империализма (конец XIX в. – 1917 г.). Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1961 г. Рига, 458.
14. Якоб Г. 2005. Румыны в период становления национальных государств (1859–1918). История Румынии. М., Весь мир, 678.
15. Hamilton R. Decisions for War, 1914–1917. Cambridge, 2005.
16. România și Rusia în timpul Primului Război Mondial. București, 2018.

References

1. Bereznyakov N.V. 1957. Bor'ba trudyashchihsya Bessarabii protiv interventov v 1917–1920 gg. [The struggle of the workers of Bessarabia against the invaders in 1917–1920]. Kishinev: Gosizdat Moldavii, 316.
2. Bol'sheviki Moldavii i Rumynskogo fronta v bor'be za vlast' Sovetov (mart 1917 – yanvar' 1918 g.) [Bolsheviks of Moldova and the Romanian front in the struggle for power of the Soviets (March 1917 – January 1918)]. 1967. Kishinev, Kartya moldovenyaske, 449.
3. Bor'ba trudyashchihsya Moldavii protiv interventov i vnutrennej kontrrevolyucii (1917–1920 gg.) [The struggle of the workers of Moldova against the interventionists and the internal counter-revolution (1917–1920)]. 1967. Kishinev, Kartya moldovenyaske, 684.
4. Vinogradov V.N. 1969. Rumyniya v gody Pervoj mirovoj vojny [Romania during World War I]. M., Nauka, 370.
5. Za balkanskimi frontami Pervoj mirovoj vojny [Behind the Balkan fronts of the First World War]. 2002. M., Indrik, 502.
6. Za vlast' Sovetskuyu. Bor'ba trudyashchihsya Moldavii protiv interventov i vnutrennej kontrrevolyucii (1917–1920 gg.) [For Soviet power. The struggle of the workers of Moldova against the interventionists and the internal counter-revolution (1917–1920)]. 1970. Kishinev, 403.
7. Istoriya Bessarabii (Ot istokov do 1998 goda) [History of Bessarabia (from its origins to 1998)]. 2001. Kishinev, 352.
8. Kushko A., Taki V. Bessarabiya v sostave Rossijskoj imperii (1812–1917) [Bessarabia in the Russian Empire (1812–1917)]. 2012. M., Novoe lit. obozrenie, 392.
9. Lungu V. 1979. Politika terrora i grabezha v Bessarabii 1918–1920 [The policy of terror and plunder in Bessarabia 1918–1920]. Kishinev, Kartya moldovenyaske, 216.
10. Revolyucionnoe dvizhenie v 1917 godu i ustanovlenie sovetskoj vlasti v Moldavii [The revolutionary movement in 1917 and the establishment of Soviet power in Moldova]. 1964. Kishinev, Kartya moldovenyaske, 632.
11. Repida L.E. 2008. Suverennaya Moldova. Istoriya i sovremennost' [Moldova. History and modernity]. Kishinev, IPF Central'naya tipografiya, 384.
12. Stati V. 2014. Istoriya Moldovy [History of Moldova]. Kishinev, 489.
13. Shemyakov D.E. 1963. K voprosu o tovarnosti zernovogo hozyajstva Bessarabii v epohu imperializma (konec XIX v. – 1917g.) [To the question of marketability of grain economy of Bessarabia in an era of imperialism (the end of XIX century – 1917)]. Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy 1961 g. Riga, 458.
14. Yakob G. 2005. Rumyny v period stanovleniya nacional'nyh gosudarstv (1859–1918) [Romanians during the formation of nation States (1859–1918)]. Istoriya Rumynii. M., Ves' mir, 678.
15. Hamilton R. Decisions for War, 1914–1917. Cambridge, 2005 (in England).
16. România și Rusia în timpul Primului Război Mondial [Romania and Russia during the First World War]. București, 2018 (in Romanian and in Russian).

Ссылка для цитирования статьи

Link for article citation

- Оськин М.В. 2020. Бессарабия в 1917 году: экономическое положение тыла румынского фронта. *Via in tempore. История. Политология*, 47(1): 139–150. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-139-150
- Os'kin M.V. 2020. Bessarabia in 1917: the economic situation of the rear of the Romanian front. *Via in tempore. History and political science*, 47(1): 139–150 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-139-150

УДК 94(47)+72.036

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-151-159

**КОНСТРУКТИВИСТСКИЕ МЕДИЦИНСКИЕ КОМПЛЕКСЫ УРАЛА
1920-х – 1930-х гг.: АРХИТЕКТУРА И РАЗМЕЩЕНИЕ****CONSTRUCTIVIST MEDICAL COMPLEXES OF URALS IN THE ERA OF 1920es
AND 1930es: ARCHITECTURE AND EXPOSITION****К.Д. Бугров****K.D. Bugrov**

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской Академии наук,
Россия, 620990, г. Екатеринбург, ул. Ковалевской, 16

Institute of History and Archaeology of Ural Branch of Russian Academy of Sciences,
16 Kovalevskaja St., Ekaterinburg, 620990, Russia

E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

Аннотация

Настоящая статья посвящена анализу географического расположения и архитектурного облика конструктивистских медицинских сооружений и комплексов, выстроенных на территории Уральского региона в 1920-е – 1930-е гг. Выявлено около 25 конструктивистских медицинских комплексов, возведенных за этот период времени в 12 уральских городах. Эти здания обладают единым набором архитектурно-стилистических и планировочных черт, что позволяет говорить о них как о важной части историко-культурного наследия советского авангарда. Кроме того, за десять с небольшим лет на Урале было выстроено практически столько же крупных больничных зданий, что и за предыдущее столетие, что превращает конструктивистские медицинские комплексы в памятник переломной для истории отечественного города эпохи. Однако анализ территориального размещения новых сооружений позволяет сделать вывод о неравномерности развертывания медицинской инфраструктуры в эпоху индустриализации.

Abstract

The paper deals with the analysis of geographical localization and architectural exterior of the large medical structures and complexes erected in Ural region during the period of forced industrialization in 1920es – 1930es. The total number of constructivist medical complexes is roughly 25 units in 12 cities of Urals, and they share the key stylistic features both in appearance and in exposition. The most prominent complexes are located in Sverdlovsk and Chelyabinsk, which, being the regional administrative centers, account for almost one-fifth of them. Most of the medical buildings, however, were erected in smaller industrial centers – Nadezhdinsk (Serov), Solikamsk, Berezniki, Lysva, Nizhny Tagil, Kamensk-Uralskii, Troitsk, Verkhniy Ufalei, Zlatoust, and Satka. In roughly a dozen years, the overall number of large medical complexes constructed in cities of Urals reached or even exceeded the overall number of medical complexes constructed during the previous hundred of years, and thus the intensity of construction in the field of healthcare increased greatly in the time of industrialization. Thus, the constructivist buildings which we describe, are representing coherent and important part of the national heritage both in terms of cultural legacy of Soviet avantgarde and in terms of the history of key moment in the development of Russian healthcare system which, since that moment, became massively spread. However, the allocation of the newly erected structures was rather lopsided, since the deployment of medical infrastructure depended not only upon the priorities of industrialization but also upon the base that already existed and upon the deficit of resources, which was especially bad in the new construction sites.

Ключевые слова: больница, конструктивизм, здравоохранение, индустриализация, Урал, СССР.
Key words: hospital, constructivism, healthcare, industrialization, Urals, USSR.

Историко-культурная ценность архитектуры советского конструктивизма 1920-х – 1930-х гг. сегодня признана весьма широко, а интерес к ней в обществе растет [Deschepper]. Важной частью конструктивистского наследия являются комплексы советской больничной архитектуры – как правило, это уникальные, нетиповые проекты. Некоторые из этих зданий уже являются памятниками архитектуры, другие же не находятся под охраной, и тщательный учет данных комплексов позволил бы включить медицинскую архитектуру в число культурных аттракций Уральского региона. Примером использования архитектуры медицинских учреждений для создания «добавленной стоимости» в культурном секторе можно назвать госпиталь Сан-Пау архитектора Л. Доменека-и-Монтанера в Барселоне, построенный в 1901–1930 гг., в 1997 г. внесенный в список ЮНЕСКО, а в 2014 г. музеефицированный и открытый для посетителей. С другой стороны, медицинские комплексы являлись важной частью новой системы советского градостроения – амбициозного социального, экономического и культурного эксперимента, социалистического города [Kotkin, p. 235–238].

Архитектурно-градостроительный аспект системы здравоохранения эпохи индустриализации привлекает внимание исследователей [Хан-Магомедов], однако специальные работы, посвященные этому аспекту, единичны [Семякин]. В частности, для Уральского региона специальная характеристика конструктивистских больничных комплексов не предпринималась, хотя отдельные медицинские здания попадали в фокус внимания ученых, изучавших застройку конкретных городов.

В трудах, посвященных истории здравоохранения Урала, на первый план обычно выдвигаются общие организационные и кадровые показатели с опорой на общие цифры числа учреждений, врачей или коек – например, коэффициент обеспеченности врачами на 10 человек населения [Клементьева, 21] или общие цифры строительства новых больниц [Островкин, 2019, 99–100]. Но важно учитывать и конкретную географическую привязку развертывания системы здравоохранения. Именно поэтому анализ распределения крупного больничного строительства межвоенной поры позволит сделать более сбалансированным изучение здравоохранения в целом. Одновременно рассмотрение объемов капитального строительства позволяет фиксировать сдвиги в социально-экономической географии региона.

Настоящая статья призвана восполнить данный пробел, выявляя конструктивистские медицинские комплексы городов Большого Урала, описывая их размещение в конкретных системах градостроения, а также характеризуя архитектурно-стилистическое своеобразие данных комплексов (этой цели служат и приводимые в статье иллюстрации).

Под Большим Уралом мы подразумеваем исторически сложившийся район горно-заводского производства, связанного в первую очередь с добычей минералов (металлы, соль, уголь), входивший в 1930-е годы в состав Уральской области. Таким образом, в понятие Большого Урала мы включаем территорию трех областей – Свердловской, Пермской и Челябинской. При этом относящиеся к горнозаводскому Уралу в экономическом отношении Белорецк и Орск не рассматриваются в нашем анализе, так как никогда не входили в состав Уральской области. Не рассматриваются и территории нынешних Курганской и Тюменской областей, бывшие в 1930-х гг. частью Уральской области, но не относящиеся к исторически сложившемуся горнозаводскому промышленному району. Под конструктивистским медицинским комплексом мы подразумеваем группу зданий либо отдельное крупное здание каменной (кирпич, бетон) постройки, высотой от 2 этажей, с явными признаками конструктивистского стиля в экстерьере (вертикальное остекление лестничных клеток, крупные остекленные объемы, закругленные элементы зданий) и планировке (павильонный принцип). Сюда не относятся барачные больницы, деревянные здания, а также больницы, разместившиеся в неспециализированных зданиях либо встроенные в жилые комплексы, санатории, курорты, профилактории, медицинские учебные учреждения, здравпункты на территории предприятий, ветеринарные лечебницы. Кроме того, в задачи настоящей статьи не входят выявление авторов проектов медицинских комплексов либо специальный анализ их творческих замыслов.

Чтобы оценить масштабы строительства в эпоху индустриализации, нам надо определить объем построенных крупных медицинских сооружений, который существовал к моменту старта первой пятилетки. К середине XIX в. на Урале насчитывалось около 70 госпиталей [Черноухов]. Крупнейшими из них были Нижнетагильский, Чермозский, Кыштымский, Каслинский, Невьянский, Усольский, Верх-Исетский, Каменский. После ликвидации крепостного права заводская медицина пришла в упадок, госпитали начали переходить под управление земств. Земские органы построили в конце XIX – начале XX в. ряд новых больниц, крупнейшими из которых были Александровская больница в Перми, уездные больницы в Ирбите, Кунгуре, Красноуфимске, Камышлове, Верхотурье, Большебрусаянская больница в Екатеринбургском уезде. Кроме того, работали и городские больницы, часто строившиеся на деньги благотворителей – городская больница в Екатеринбурге, Пупышевская больница в Троицке. Но, несмотря на общий рост больничной инфраструктуры, «новые земские и городские больницы представляют собой небольшие двухэтажные здания, маловыразительные по фактуре» [Звагельская, 55]. Абсолютное большинство земских больниц Урала были выстроены с использованием дерева.

Мы можем условно оценить общее число крупных больниц и госпиталей, располагавшееся на территории Большого Урала к 1920-м гг., в 20–25 единиц; предложить более точную оценку сложно из-за отсутствия комплексных исследований большого хронологического и территориального охвата. Эти медицинские комплексы представляли собой каменные, каменно-деревянные, а зачастую и деревянные здания либо группы зданий высотой не более 2 этажей, старейшие из которых были выстроены в начале XIX в. в неоклассическом стиле.

С конца 1920-х до начала 1940-х гг. на Большом Урале было, по нашим подсчетам, выстроено около 25 крупных больничных комплексов. Почти треть от этого числа возведена в областных центрах – Свердловске и Челябинске.

Наибольшие масштабы больничное строительство приобрело в Свердловске. В 1929–1936 гг. здесь был построен новый комплекс городской больницы, ранее базировавшейся в госпитале Верх-Исетского завода [Токменинова, с. 113]. Этот медгородок (ул. Репина, 1, 2, ул. Московская, 12, Верх-Исетский бул., 6) включал 6 зданий – институт физиотерапии и профессиональных заболеваний, институт гигиены труда и профзаболеваний, стационар, гинекологическое отделение, терапевтическое отделение и хирургическое отделение (было снесено в 1990-х гг.) [Букин, Пискунов, с. 24]. Эти здания обладают чрезвычайно сложной, асимметричной планировкой павильонного типа, имеют все признаки конструктивистского стиля – акцентированные лестничные клетки, эффектные закругленные выступы, треугольные эркеры, крупные площади остекления. Еще один городок медиков разместился в районе переуллка Саперов. Главным сооружением здесь было Т-образное в плане здание больницы спецназначения (ул. 8 Марта, 78) – самое крупное медицинское сооружение довоенного СССР [Смирнов, 63–65]. К сожалению, сегодня это здание заброшено. В конце 1930-х гг. была выстроена дорожная поликлиника Свердловска (ул. Гражданская, 7), обладающая F-образной асимметричной планировкой и рядом черт декоративного «обогащения». Наконец, собственной больничной застройкой располагал поселок Уральского завода тяжелого машиностроения (Уралмаш), где в начале 1930-х гг. была построена конструктивистская поликлиника (ул. 40-летия Октября), здание П-образной планировки с закругленными, акцентированными лестничными клетками (рис. 1). В 2012 г. здание было снесено.

Довольно разнообразна и конструктивистская архитектура медицинских учреждений Челябинска, разбросанная по районам города. Так, соцгород Челябинского тракторного завода не имел своей больницы, зато в 1934–1936 гг. здесь был построен единый диспансер (ул. Горького, 18), павильонная структура которого в плане напоминает крест [Машевич, с. 132]. Конструктивистский больничный комплекс, выстроенный в начале 1930-х гг., имелся в поселке ферросплавного завода имени Ворошилова (ул. Российская, 20), а в 1938 г. были введены в эксплуатацию [Отчет, с. 67] корпуса областной больницы (ул. Воровского, 68а).

Рис. 1. Поликлиника поселка Уральского завода тяжелого машиностроения, Свердловск.

Источник: Зауральский бюллетень. 28 июня 1934 г.

Fig. 1. Polyclinic of the town of Ural Heavy Machine-Building Plant, Sverdlovsk

Ряд крупных лечебных комплексов был выстроен в Прикамье. Крупнейший из них находился в Березниках [Бугров, с. 314–316], городе, возведенном с нуля при строительстве химического комбината имени Ворошилова. Медгородок Березников включает здания больницы (ул. Деменева, 12а) и поликлиники (ул. Деменева, 12). Первое из них, выстроенное около 1932 г., является одним из лучших примеров медицинской архитектуры конструктивистского стиля – двухэтажное, сложного крестообразного плана, с многочисленными входами в различные павильоны и оригинальным, лаконичным декором (рис. 2), сохранившимся до наших дней. Второе (трехэтажное) здание, построенное в 1936 г., является примером постконструктивистского стиля, так как его Z-образная асимметричная планировка (два параллельных павильона, соединенные, смещенные относительно друг друга и напоминающие сплюснутую, деформированную букву Z) с характерными акцентированными лестничными клетками «обогащена» неоклассическим декором экстерьера.

Рис. 2. Больница в Березниках. Источник: журнал «СССР на стройке», № 5, 1932 г.

Fig. 2. Hospital in Berezniki

Крупный конструктивистский больничный корпус F-образной планировки был возведен и в Соликамске в 1936 г. (ул. Пушкина, 134, 2 этажа), причем он располагался в старой части города, тогда как основное жилищное строительство шло примерно в 3 километрах к юго-востоку, во вновь создаваемом поселке калийного рудника. Медицинский комплекс поселка завода имени Молотова (Мотовилихинского завода), выстроенный между 1932 и 1934 г. [Материалы к отчету, с. 10–11], включал единый диспансер (ул. Лебедева, 11) и новый терапевтический корпус поликлиники (ул. Грачева, 12; 3 этажа). Здание диспансера имеет

П-образную планировку с эффектными закругленными лестничными клетками фасада (рис. 3); здание терапевтического корпуса имеет Z-образную асимметричную планировку с двумя соединенными параллельными павильонами, смещенными относительно друг друга.

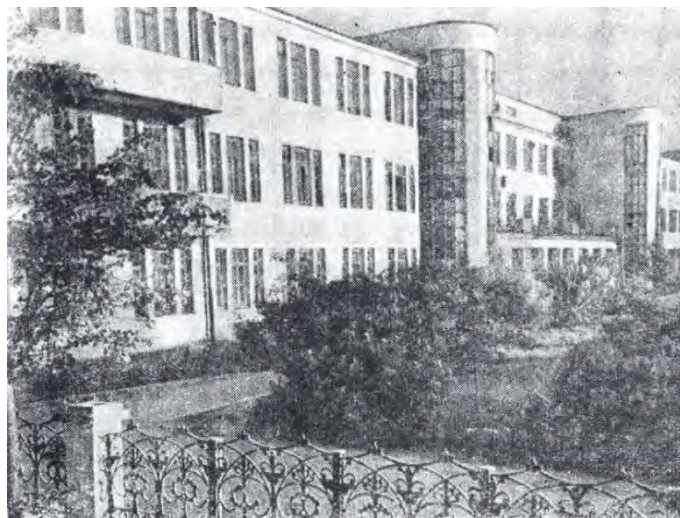

Рис. 3. Единый диспансер в Молотово. Источник: [Пермь]
Fig. 3. Centralized dispensary in Molotovo

Основная же масса лечебных зданий была возведена в центрах металлургического производства, разместившихся вдоль Уральского хребта и восточнее него.

Крупное здание больницы в Златоусте (ул. Горбольница, 1) было завершено в 1927–1929 г., в самом начале первой пятилетки [Дедов; Белостоцкий, с. 21]. Оно не имеет ярких примет конструктивистского стиля, однако своей планировочной структурой (симметрично-линейный план, ориентация по линии юго-восток – северо-запад) показывает ход эволюции от модернизма к конструктивизму. Построенный в 1929 г. медицинский городок Надеждинска (ул. Льва Толстого, 15) состоял из нескольких корпусов высотой 1–2 этажа [Фомичев, с. 135]; главный, каменный корпус имел П-образную планировку и стилистически относился к конструктивизму. Равным образом и в Троицке был в 1928 г. построен крупный хирургический корпус [Белостоцкий, с. 19] – в дополнение к уже работавшей здесь крупной Пупышевской больнице (ул. Денисова, 1). Этот новый корпус также имел яркие конструктивистские черты – Z-образная планировка с двумя параллельными павильонами, смещенными относительно друг друга, с закругленным выступом и несколькими входами (рис. 4).

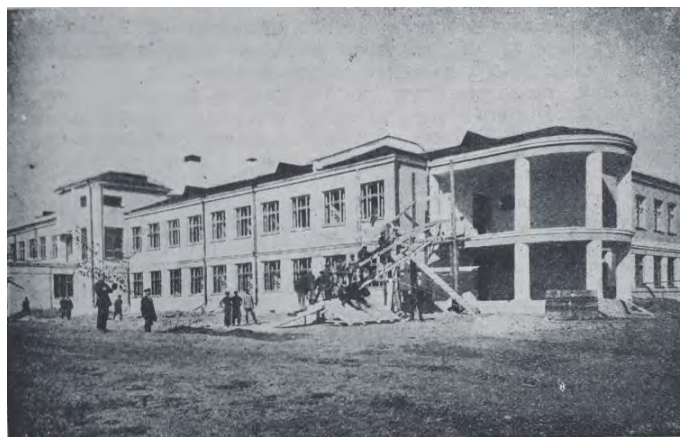

Рис. 4. Хирургический корпус больницы в Троицке. Источник: [Белостоцкий]
Fig. 4. Surgical building of hospital in Troitsk

Широкое медицинское строительство развернулось в 1930-х гг. в Лысьве – здесь были построены одновременно поликлиника (ул. Коммунаров, 18), разместившаяся в старом городском центре, и больничный городок в восточной части Лысьвы (ул. Больничная, 6б, 6г) из 2 небольших корпусов [Бугров, с. 301], с акцентированными лестничными клетками и закругленным выступом. В поселке Уральского алюминиевого завода (Красная Горка) в Каменске-Уральском в конце 1930-х гг. была построена больница (ул. Каменская, 4а), имеющая Z-образную планировку и в стилистическом отношении относящаяся к постконструктивизму [Гаврилова]. В Сатке с большими трудностями к 1937 г. было завершено строительство крупной больницы завода «Магнезит» [О больнице], включавшей корпус сложной функциональной Z-образной планировки (ул. Куйбышева, 15).

Последними в хронологическом отношении среди конструктивистских медицинских сооружений 1930-х гг. должны считаться больничные здания в Верхнем Уфалее и Нижнем Тагиле. Корпус больницы в Верхнем Уфалее (ул. Суворова, 6), находящийся в новой части города, где с 1933 г. в дополнение к старому заводу заработал первый в СССР никелевый завод, обзаведшийся собственным поселком, имеет Z-образный, асимметричный проект со смещенными относительно друг друга корпусами и закругленным выступом (рис. 5), однако «обогащенный» массивным портиком с колоннами, что позволяет датировать его концом 1930-х гг.

Рис. 5. Больница в Верхнем Уфалее. Фотография К.Д. Бугрова, 2018 г.

Fig. 5. Hospital in Verkhniy Ufaley

В Нижнем Тагиле в 1941 г. был завершен крупный туберкулезный диспансер (ул. Победы, 41) района Красный Камень [Штин, Дектерев, с. 63], поселка возводившегося здесь металлургического завода. Двухэтажное П-образное здание было построено по проекту 1930-х гг. и имеет выраженные конструктивистские черты (закругленные выступы павильонов), сочетающиеся с «обогащением» декоративными элементами.

Нами было выявлено 25 конструктивистских медицинских комплексов, обладающих узнаваемыми чертами – планировкой павильонного принципа (чаще – Z- и П-образного, реже Т- и F-образного типа либо крестообразного типа), размещение в виде отдельных медгородков в зеленых зонах вне основного массива жилья, закругленные остекленные выступы и элементы (см. рис. 4, 5), акцентированные лестничные клетки (см. рис. 1, 2, 3). Часто встречается размещение зданий по оси юго-запад – северо-восток, «под углом» к окружающей застройке (Соликамск, Молотово, Златоуст, Троицк, Сатка, областная больница в Челябинске). Выявленные нами объекты резко отличаются как от дореволюционных больничных зданий, так и от медицинской архитектуры 1940-х – 1950-х гг., выдержанной в сугубо неоклассическом стиле. Интенсивное больничное строительство эпохи индустриализации, запрограммированное отсталостью уральской сферы здравоохранения, сформировало уникальный набор

медицинских зданий в стиле конструктивизма, которые к тому же не были затронуты разрушениями Великой Отечественной войны.

К сожалению, на текущий момент сохранность этого набора в значительной мере нарушена. Хотя утрачено лишь два больничных здания, многие из них заброшены и разрушаются – например, здания клинической больницы в Свердловске, медгородков Надеждинска (Серова) и Лысьвы, единого диспансера Молотово (Мотовилихи). Выявление черт стилистического и архитектурного единства конструктивистских медицинских комплексов Урала 1920-х – 1930-х гг. может стать основанием для развития дальнейшей работы по их сохранению и музеефикации как важной части отечественного историко-культурного наследия.

Помимо архитектурно-стилистического единства, выявленный комплекс обладает исторической значимостью, являясь памятником ключевого периода в становлении современного города на Урале. Новые медицинские здания, выстроенные в конструктивистской манере с 1929 по 1939 гг., едва ли не перекрывали весь объем капитального строительства, выполненный на Урале за XIX в. А ведь в 1920-е – 1930-е гг. был построен ряд меньших по размеру больниц в Кусе, Миньяре, Кизеле, Аше и других городах (следует, впрочем, заметить, что и население городов Урала росло в 1930-е годы стремительными темпами). Здание клинической больницы в Свердловске превысило высотный рубеж в 2–3 этажа и по своим масштабам не имело аналогов, относясь к числу наиболее крупных медицинских зданий СССР вообще. Своим обликом и масштабом новые медицинские здания преобразовали социальную среду уральских городов, проходивших этап драматического, болезненного роста населения и расширения инфраструктуры.

Наконец, выявление крупных медицинских комплексов в привязке к их конкретному размещению позволяет предложить характеристику территориальному развертыванию медицинской инфраструктуры на Урале 1930-х гг. Охарактеризованные выше комплексы формировали «костяк» вновь созданной системы здравоохранения на советском Урале. Подобно системе госпиталей эры расцвета «горнозаводского царства» в 1-й половине XIX в., она была привязана к крупнейшим индустриальным производствам. В годы первых пятилеток города, не имевшие крупных промышленных предприятий (Кунгур, Шадринск, Ирбит), имели мало шансов получить новый больничный комплекс (исключением стал Троицк). Но и промышленные новостройки далеко не всегда обзаводились больничными комплексами – здесь медицинские учреждения из-за дефицита площадей часто были вынуждены ютиться в бараках или размещаться в непрофильных зданиях, слабо подходивших для этой цели. К примеру, поликлиника поселка Уралвагонзавода в Нижнем Тагиле и лечебные учреждения Свердловского управления НКВД заняли многоэтажные жилые дома. Не было построено конструктивистских больничных комплексов в Магнитогорске, Красноуральске, Первоуральске, в городках Синарского трубного завода в Каменске-Уральском, завода имени Сталина в Перми и «Стальмоста» в Верхней Салде. При этом именно новостройки испытывали наиболее жесткие проблемы с кадровым обеспечением системы здравоохранения [Островкин, 2016, с. 47]. Таким образом, территориальное размещение больничных комплексов в 1930-е годы демонстрирует острую неравномерность: размещение крупных объектов инфраструктуры зависело от приоритетов индустриализации, от имеющейся в местах строительства медицинской базы, а также от дефицита ресурсов, вынуждавшего руководителей на местах принимать трудные решения относительно того, что именно следует строить в первую очередь.

Список литературы

1. Белостоцкий И.С. 1928. Больничное строительство в Свердловской области. Уральский медицинский журнал, 1: 19–28.
2. Бугров К.Д. 2018. Соцгорода Большого Урала. Екатеринбург, Издательство Уральского университета, 472.
3. Букин В.П., Пискунов В.А. 1982. Свердловск. Перспективы развития до 2000 года. Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство, 256.

4. Гаврилова С.И. 2011. Комплексная застройка Каменска-Уральского 1930-х годов: реализованные и нереализованные проекты. Архитектон: известия вузов, 4: 85–98.
5. Дедов А. 2004. Здравоохранение (после 1917 г.) Златоустовская энциклопедия. URL: <http://www.zlatoust.ru/a/ze/ze.html?946,947> (дата обращения: 29.07.2019).
6. Звагельская В.Е. 2014. Типологические и композиционно-стилистические особенности общественных зданий в архитектуре Урала (середина XIX – начало XX вв.). Академический вестник УралНИИпроект РАСН, 3: 51–55.
7. Клементьева Н.В. 2013. Здравоохранение Южного Урала (1917–1936 гг.) Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 26.
8. Материалы к отчету о работе Молотовского городского совета РК и КД за время с 1 октября 1933 года по 1 октября 1934 года. Молотово: Тип. МЗ им. Молотова, 1934.
9. Машевич Е.А. Об организации единого диспансера ЧТЗ в г. Челябинске. Вестник Совета молодых учёных и специалистов Челябинской области. 2016. 4: 131–134.
10. О больнице. Официальный сайт ГБУЗ «Районная больница г. Сатка». URL: <http://medsatka74.ru/about/index.php> (дата обращения: 30.07.2019).
11. Островкин Д.Л. 2016. Кадровое обеспечение здравоохранения на Урале в 1918–1941 гг. Историческая и социально-образовательная мысль, 4/2: 44–49.
12. Островкин Д.Л. 2019. Развитие сети инфраструктурных учреждений сферы здравоохранения на Урале в 1920-х гг. Историко-педагогические чтения, 23: 96–100.
13. Отчет Челябинского совета РК и КД перед избирателями. Челябинск, 1938.
14. Пермь. Пермь: Кн. изд-во, 1957.
15. Семякин Г.В. Историко-культурные и типологические особенности лечебных зданий и комплексов архитектуры конструктивизма 1920 – 1930-х годов на примере городов северо-восточного региона Украины. Сучасні проблеми архітектури та містобудування. 2014. Випуск 37: 67–79.
16. Смирнов Л.Н. 2015. Петербургский след в архитектуре Екатеринбурга. Екатеринбург, Архитектон, 148.
17. Токменинова Л.И. 2012. Институты физиотерапии и профзаболеваний. Медгородок. Георгий Голубев. Екатеринбург, Tatlin, 48.
18. Фомичев И.А. 2013. Город Надеждинск. 1893–1940 гг. Екатеринбург, [б/и], 572.
19. Хан-Магомедов С.О. 2001. Архитектура советского авангарда. Т. 2. Социальные проблемы. М., Стройиздат, 712.
20. Черноухов Э.А. 2016. Социальная инфраструктура горнозаводских округов Урала в XIX в.: казенный и частный типы. Дис. ... доктора ист. наук. Екатеринбург, 535.
21. Штин О.В., Дектерев С.А. 2012. Конструктивизм в архитектуре общественных зданий Нижнего Тагила. Академический вестник УралНИИпроект РААСН, 2: 61–65.
22. Kotkin S. 1996. The Search for the Socialist City. Russian History, 1/4 (23): 231–261.
23. Deschepper J. 2017. Mémoires plurielles et patrimoines dissonants: l'héritage architectural soviétique dans la Russie poutinienne. Le Mouvement Social, 260: 35–52.

References

1. Belostotskii I.S. 1928. Bol'nichnoe stroitel'stvo v Sverdlovskoy oblasti [Hospital construction in Sverdlovsk region]. Ural'skiy meditsinskiy zhurnal [Ural medicine journal], 1: 19–28.
2. Bugrov K.D. 2018. Socgoroda Bolshogo Urala [Socialist cities of Greater Urals]. Ekaterinburg, Ural University Press, 472.
3. Bukin V.P., Piskunov V.A. 1982. Sverdlovsk. Perspektivy razvitiia do 2000 goda [Perspectives of development to 2000]. Sverdlovsk, Sredne-Uralskoe knizhnoe izdatel'stvo, 256.
4. Gavrilova S.I. 2011. Kompleksnaia zastroika Kamenska-Uralskogo 1930-kh godov: realizovannye i nerealizovannye proekty [Complex construction in Kamensk-Uralskii of 1930es: projects implemented and not implemented]. Arhitekton: izvestiia vuzov, 4: 85–98.
5. Dedov A. 2004. Zdravoohranenie (posle 1917 g.) Zlatoustovskaia enciklopediia [Healthcare (after 1917). Zlatoust encyclopedia]. Available at: <http://www.zlatoust.ru/a/ze/ze.html?946,947> (accessed 29.07.2019).
6. Zvagelskaia V.E. 2014. Tipologicheskie i kompozitsionno-stilisticheskie osobennosti obshchestvennykh zdaniy v arkhitekture Urala (seredina XIX – nachalo XX v.) [Typological and composition-stylistic peculiarities of public buildings in the architecture of Urals]. Akademicheskii vestnik Ural-niiproekt RASN, 3: 51–55.

7. Klementyeva N.V. 2013. Zdravooohranenie Yuzhnogo Urala (1917–1936 gg.) [Healthcare in Southern Urals (1917–1936)] Abstract. dis. ... cand. hist. sciences. Orenburg, 26.
8. Materialy k otchetu o rabote Molotovskogo gorodskogo soveta RK i KD za vremia s 1 oktiabria 1933 goda po 1 oktiabria 1934 goda. Molotovo, Tipografiia MZ im. Molotova, 1934.
9. Mashevich E.A. 2016. Ob organizatsii edinogo dispansera ChTZ v g. Cheliabinske [Establishment of the united dispenser of ChTZ in the city of Chelyabinsk]. Vestnik Soveta molodyh uchenykh i specialistov Cheliabinskoi oblasti, 4: 131–134.
10. O bolnitse. Ofitsianlyi sait GBUZ «Raionnaya bolnitsa g. Satka» [About the hospital. Official site of district hospital in Satka]. Available at: <http://medsatka74.ru/about/index.php> (accessed 30.07.2019).
11. Ostrovkin D.L. 2016. Kadrovoe obespechenie zdravooohraneniia na Urale v 1918–1941 gg. [Human resources in healthcare system in Urals in 1918–1941]. Istoricheskaiia i sotsialno-obrazovatelnaia mysl, 4/2: 44–49.
12. Ostrovkin D.L. 2019. Razvitie seti infrastruktury uchrezhdenii sfery zdravooohraneniia na Urale v 1920-h gg. [Development of the network of infrastructure of healthcare in Urals in 1920es]. Istoriko-pedagogicheskie chteniia, 23: 96–100.
13. Otchet Chelyabinskogo soveta RK i KD pered izbirateliami. Chelyabinsk, 1938.
14. Perm. Perm: Knizhnoe izdatelstvo, 1957.
15. Semiakin G.V. Istoriko-kulturnye i tipologicheskie osobennosti lechebnykh zdaniy i kompleksov arhitektury konstruktivizma 1920 – 1930-h godov na primere gorodov severo-vostochnogo regiona Ukrainy [Historical and cultural specifics of medical structures and complexes of constructivist architecture of 1920es – 1930es, as exemplified by the cities of North-Eastern Ukraine]. Suchasny problem arhitekturi ta mistobuduvannia, 37: 67–79.
16. Smirnov L.N. 2015. Peterburgskii sled v architecture Ekaterinburga [A Petersburg trace in Ekaterinburg architecture]. Ekaterinburg, Arhitekton, 148.
17. Tokmeninova L.I. 2012. Instituty fizioterapii i profzabolevanii. Medgorodok. Georgii Golubev [Institutes of physiotherapy and professional diseases. Medgorodok. Georgy Golubev]. Ekaterinburg, Tatlin, 48.
18. Fomichev I.A. 2013. Gorod Nadezhdinsk. 1893–1940 gg. Ekaterinburg, 572.
19. Khan-Magomedov S.O. 2001. Arhitektura sovetskogo avangarda. T. 2. Socialnye problemy. [Architecture of Soviet avant-garde. Vol. 2. Social problems]. Moscow, Stroiizdat, 712.
20. Chernoukhov E.A. 2016. Socialnaia infrastruktura gornozavodskikh okrugov Urala XIX v.: kazennyi i chastnyi tipy [Social infrastructure of mining districts of Urals in 19th century: public and private types]. Dis. ... doct. hist. sciences. Ekaterinburg, 535.
21. Shtin O.V., Dekterev S.A. 2012. Konstruktivizm v arhitekture obschestvennykh zdaniy Nizhnego Tagila [Constructivism in architecture of public buildings of Nizhny Tagil]. Akademicheskii vestnik UralNIIproekt RASN, 2: 61–65.

Ссылка для цитирования статьи **Link for article citation**

Бугров К.Д. 2020. Конструктивистские медицинские комплексы Урала 1920-х – 1930-х гг.: архитектура и размещение. *Via in tempore. История. Политология*, 47(1): 151–159.

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-151-159

Bugrov K.D. 2020. Constructivist medical complexes of Urals in the era of 1920es and 1930es: architecture and exposition. *Via in tempore. History and political science*, 47(1): 151–159 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-151-159

УДК 94 (470) «1953-1963»

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-160-169

ОСОБЕННОСТИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СССР (1953–1963)

PECULIARITIES OF THE NORMATIVE-LEGAL REGULATION OF THE STATE-CHURCH RELATIONS IN THE USSR (1953–1963)

Н.В. Остроухова

N.V. Ostroukhova

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: 108805@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье проанализированы причины свёртывания политики частичной либерализации со стороны государства по отношению к Русской Православной Церкви (далее РПЦ), обусловившие изменение нормативно-правового регулирования государственно-церковных отношений в СССР в 1953–1963 гг. по сравнению с послевоенным десятилетием. Историографический анализ причин возврата Н.С. Хрущева к политике гонения на РПЦ, а также изучение нормативно-правовой базы регулирования конфессиональной политики способствовали формированию мнения автора о том, что ужесточение антирелигиозной кампании совпало со свертыванием «оттепели» и нарастанием волюнтаристских решений Хрущева. Главной целью новой антирелигиозной кампании было стремление главы государства отвлечь внимание общественности от нарастающих проблем, вызванных его грубыми просчетами в экономическом курсе внутри страны и негативных последствий политических ошибок на международной арене.

Abstract

The article analyzes the reasons for overthrowing the policy regarding private-liberal relations between Russia and the Orthodox Church (hereinafter referred to as the Russian Orthodox Church), causing a change in the legal regulation of state-church relations in the USSR in 1953–1963 compared to the post-war decade. Historiographic analysis of the reasons for the return N.S. Khrushchev's attitude towards the policy of persecution of the Russian Orthodox Church, as well as the study of the legal and regulatory framework for the regulation of confessional policies, contributed to the author's opinion that the toughening of the anti-religious campaign coincided with curtailing the «thaw» and the growth of Khrushchev's voluntaristic decisions. The main goal of the new anti-religious campaign was the desire of the head of state to divert public attention from the growing problems caused by his gross miscalculations in the economic course within the country and the negative consequences of political mistakes in the international arena. The brutal administrative and command pressure on the church often had the opposite effect on the expectations of the authorities, aroused criticism from the intelligentsia of the domestic leadership policy, and outraged the broad masses of ordinary citizens who expected continued partial liberalization of the Soviet regime in the context of the «thaw» policy and reforms undertaken in 1950 years.

Ключевые слова: советское государство, Русская Православная Церковь, духовенство, верующие, государственно-церковные отношения, верующие, антирелигиозная политика.

Key words: soviet government, Russian Orthodox Church, the clergy, believers, state-church relations, anti-religious policy.

Обращение к проблеме изменения нормативно-правового регулирования государственно-церковных отношений в СССР в 1953–1964 гг. по сравнению с послевоенным десятилетием дает возможность осмыслить причины свёртывания политики частичной либерализации со стороны государства по отношению к Русской Православной Церкви (далее РПЦ). Актуальность данной проблемы, прежде всего, состоит в том, чтобы извлечь уроки из негативного исторического опыта государственного вмешательства в религиозную жизнь общества с целью ее регулирования административно-командными методами. Современные события на Украине, связанные с церковным расколом, в еще большей степени актуализируют заявленную проблему.

Методология исследования взаимоотношений советской власти и Русской Православной церкви в 1953–1963 гг. основана на основополагающих принципах исторического познания: принципе историзма, системном подходе, принципе объективности и ценностном подходе, проблемно-хронологическом принципе. В процессе подготовки статьи применялись сравнительно-исторический, хронологический методы исследования.

В отечественной историографии период с 1943 по 1953 гг. принято считать периодом частичного смягчения (или либерализации) государственно-церковных отношений [Алексеев, 1991; Цыпин, 1997; Васильева, 2001; Одинцов, 2002; Шкаровский, 1999, 2010]. Однако усиление авторитета и материальной базы РПЦ, ставшее следствием частичной либерализации государственно-церковных отношений при В.И. Сталине, после его смерти вызывало недовольство партийных структур как в центре, так и на местах. В результате, начиная с 1953 года, вновь, как в 1920-е годы, вопросы тотального регулирования и государственного контроля конфессиональной политики стали перемещаться в сферу влияния КПСС. При этом в партийном руководстве при выстраивании взаимоотношений с РПЦ сложились антирелигиозный и «государственный» подходы. Последний предполагал включение РПЦ в систему управления государства [Шкаровский, 2010, с. 351].

С приходом к власти Н.С. Хрущева в СССР вновь резко активизируется антирелигиозная пропаганда. Н.С. Хрущев как первый секретарь ЦК КПСС во внутренней политике стремился в рамках развернутой им политики «десталинизации» до некоторой степени смягчить советский режим во всех сферах общественной жизни. Практическая реализация данной политики воплотилась в ликвидации системы ГУЛАГа, реформах суда и прокуратуры, частичной реабилитации политических заключенных, в отказе от силовых методов осуществления революционных преобразований за рубежом, в предпринятой попытке наладить позитивный контакт власти с научной и творческой интеллигенцией, в смягчении идеологической цензуры. Однако не решенным оставался вопрос определения курса на дальнейшее развитие взаимоотношений советского государства и РПЦ в условиях мирного времени.

Как показала история, было бы вполне естественным в условиях частичного смягчения политического диктата партийно-государственных структур в общественной жизни СССР сохранить наметившиеся в годы Великой Отечественной войны позитивные тенденции во взаимоотношениях советского государства с РПЦ, имевшие место и в первое послевоенное десятилетие. Моральный авторитет РПЦ являлся важным ресурсом, который советская власть могла бы использовать при реализации политики сплочения сил рабочего, профсоюзного, пацифистского движений, создания на этой основе единого демократического фронта на международной арене, а также для укрепления духовно – нравственных основ советского общества.

РПЦ, которая в ходе Великой Отечественной войны оказывала всевозможную патристическую моральную и материальную поддержку государственным структурам, мобилиующим народ на отпор агрессору, после окончания боевых действий рассматривалась народом в качестве одного из главных идейных вдохновителей победы над гитлеровским блоком.

Если И.В. Сталин в критических условиях первого периода Великой Отечественной войны вынужден был удовлетворить общественные ожидания частичной либерализации в конфессиональной политике советского государства, смог начать реализацию т. н. «политики перемирия» во взаимоотношениях с РПЦ, то Н.С. Хрущев сознательно пошел

на раскол гражданского общества в СССР, вернувшись к жесткой линии «богоборчества» по отношению к религиозным организациям. Вместе с тем причины возврата Н.С. Хрущева к репрессивной политике по отношению к РПЦ не вполне ясны.

Поскольку РПЦ и символически, и институционально была связана с монархией, советская власть стремилась лишить ее прежде всего материальных ресурсов. Уже в первое революционное десятилетие наиболее ценное церковное имущество было национализировано, важнейшие соборы РПЦ получили статус памятников архитектуры. Значительная часть ценностей из конфискованного церковного имущества была передана государственным музеям, то есть «переведена в пространство культуры, не смежное с политикой» [Растимешина, 2012]. Таким образом, к середине 1950-х годов РПЦ экономически была зависима от советского государства, и поэтому не могла предоставить материальную поддержку для потенциальной оппозиции существующей власти.

Можно предположить, что Н.С. Хрущев опасался объединения усилий РПЦ с зарубежными единоверцами, придерживающимися антисоветских установок, прежде всего с Русской Зарубежной Церковью, а также Поместными Православными Церквями: Константинопольской, Александрийской, Антиохийской, Кипрской, Иерусалимской, Сербской, Румынской, Греческой, Кипрской, Албанской, Польской, Чешских земель и Румынии, Болгарской, Православной Церковью Америки.

В современной отечественной историографии до сих пор нет единого мнения о причинах возврата Н.С. Хрущева к политике гонения на РПЦ. Дискуссия по этому вопросу ведется по нескольким направлениям.

Такие историки, как Маслова [2005], Пыжиков [2002], Набиев и др. [2013] придерживаются точки зрения, что религия рассматривалась Н.С. Хрущевым и его окружением как канал проникновения идейно-чуждых воззрений, который мог стать важным фактором политической нестабильности социалистической политической системы как в СССР, так и в странах «социалистического лагеря». Тем более что проводимые под руководством Н.С. Хрущева мероприятия по частичной либерализации общественных отношений в СССР и ослабление политической цензуры стали благоприятной почвой для формирования внутренней и внешней оппозиции. Кроме того, руководство СССР было серьезно обеспокоено усилением религиозных настроений в советском обществе, в том числе среди значительной части выпущенных на свободу заключенных ГУЛАГа и столичной интеллигенции. В этой связи исследовавший данную проблему протоиерей Цыпин [1994, 1997] считает одним из определяющих факторов, повлиявшим на резкое обострение государственно-церковных отношений при Хрущеве, начавшееся еще в годы Великой Отечественной войны «возрастающее влияние церкви». Овчинников [2015, с. 78] также считает, что ужесточение государственной политики в отношении Церкви было связано с усилением значения религии в жизни граждан.

Другая группа историков [Шкаровский, 2010, с. 352; Васильева, 2004; Марченко, 2008; Гераськин, Михайловский, 2010] придерживаются мнения, что резкая активизация атеистической пропаганды и антирелигиозной политики связана с реализацией поставленной Н.С. Хрущевым цели построения в СССР материально-технической базы коммунизма. Воинственный атеизм был с большой долей вероятности обусловлен также принятием морального кодекса строителя коммунизма. То есть в условиях коммунистического строительства в СССР и курса на «мирное сосуществование двух политических систем», принятого на XX съезде КПСС в 1956 г., по мнению советского политического руководства, необходимость в христианской идеологии в будущем коммунистическом обществе полностью отпадала, и идея атеистического воспитания граждан СССР оказалась доминирующей.

Часть исследователей [Штриккер, 1995; Чумаченко, 1999; Фурман, 2011; Одинцов, 2002; Дорош, 2018] считает, что воинствующий атеизм Н.С. Хрущева был связан с внутрипартийной борьбой за власть. Некоторое ослабление давления на РПЦ, приведшее к относительной стабилизации государственно-церковных отношений в СССР при Сталине, преподносилось самим Хрущевым и сторонниками «децентрализации» в его окружении

как негативное сталинское наследие, которое следует ликвидировать, чтобы «отмежеваться» от «преступлений эпохи культа личности». Положение усугублялось тем обстоятельством, что значительная часть иерархов РПЦ и простых прихожан были признательны Сталину за определенный отход от политики воинствующего атеизма. Хрущев же в контексте проводимой им политики «развенчания культа личности» яростно боролся в том числе и с уважительной памятью населения о Сталине. Кроме того, реализация курса на «десталинизацию» помогала постепенно убирать из властных структур наиболее ярких соратников Сталина, представлявших серьезную конкуренцию самому Хрущеву.

В своей борьбе с соратниками Сталина в Президиуме ЦК КПСС Хрущев опирался на группу новых представителей партийно-государственной номенклатуры, имевших крайне антирелигиозные идеологические взгляды, таких как М.А. Суслов, Е.А. Фурцева, П.Н. Поспелов, Л.Ф. Ильичева, а также молодых руководителей ВЛКСМ. Так, исследовавший данную проблему Одинцов [2002] считает, что антирелигиозная политика Н.С. Хрущева была обусловлена борьбой за власть в составе высшей номенклатуры и в руководстве спецслужб. С другой стороны, историк Дорош [2018] доказывает, что при формировании дальнейшего курса во взаимоотношениях РПЦ с советским государством после смерти Сталина в 1953 г. существенную роль сыграло противоборство носителей идеологии «воинствующего атеизма» (Н.С. Хрущев, М.А. Суслов, П.Н. Поспелов, Л.Ф. Ильичев и др.) и сторонников более мягкой модели «сосуществования» РПЦ и советского государства, избранной Сталиным и его ближайшим окружением (К.Е. Ворошиловым, Г.М. Маленковым, В.М. Молотовым и др.) еще в 1940-е годы под влиянием Великой Отечественной войны.

Как показывает анализ отечественной исторической литературы, авторы при аргументации своей позиции опираются на значительный пласт опубликованных нормативно-правовых источников. При подготовке материала статьи были также проанализированы неопубликованные архивные материалы фонда Уполномоченного Советов по делам РПЦ и религиозных культов при СМ СССР по Белгородской области, в том числе руководящие указания и информационные материалы по вопросам деятельности религиозных обществ, церквей РПЦ⁸⁹.

Первым документом, в котором пересматривалась и квалифицировалась как «примиренческая» прежняя сталинская политика в религиозном вопросе, стало «постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения»» [Постановление ЦК КПСС 07.07.1954].

Практическая реализация постановления вызвала недовольство не только среди духовенства и прихожан. Г.М. Маленков, К.Е. Ворошилов, В.М. Молотов, которые пытались продолжить начатый при Сталине курс на интегрирование РПЦ в структуру государственной системы СССР, считали, что очередная антирелигиозная война вызовет крайне нежелательные последствия как внутри страны, так и за рубежом. «Прибывший в СССР в сентябре 1954 года Антиохийский Патриарх также просил прекратить перегибы в отношении церкви, поскольку это, по его мнению, затрудняло работу по сближению между церквями и народами» [Шкаровский, 2010, с. 353].

В результате в условиях борьбы Хрущева за упрочение своей власти давление на Церковь временно ослабло, что нашло выражение в принятом 10 ноября 1954 года постановлении ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» [Постановление ЦК КПСС 10.11.1954]. В тексте постановления отмечалось, что научно-атеистическая пропаганда материалистического мировоззрения не должна была сопровождаться оскорблением чувств верующих и административным произволом. Таким образом, ревизия сталинского курса в проведении конфессиональной политики в СССР под давлением обстоятельств руководством Н.С. Хрущева была временно отложена. Кроме того, в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 17 февраля 1955 года «Об изменении порядка открытия молитвенных зданий», Совет по делам РПЦ

⁸⁹ Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Ф.Р – 1179. Оп. 2.

наделялся правом регистрации приходских общин, действовавших без официального разрешения [Шкаровский, 2010, с. 353].

Развернувшийся в стране общий процесс частичной либерализации первоначально благотворно сказался на положении РПЦ. Выживших в лагерях и тюрьмах священнослужителей стали выпускать на свободу по амнистии, а затем и по реабилитации.

Однако после XX съезда КПСС политическое положение Хрущева упрочилось, и в партийных документах вновь появились антицерковные установки.

Во-первых, 16 октября 1958 года Совет Министров СССР принял постановления «О монастырях в СССР» и «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей» [Законодательство, 1971, с. 35–36]. Реализация данных нормативных актов предполагала сокращение количества обителей, уменьшение земельных наделов, запрет на применение наемного труда в монастырях, возобновление сбора налогов со строений при существенном росте ставок, увеличение земельной ренты⁹⁰. Данные нормативные акты вносили дезорганизацию в экономическую жизнь церкви, приходы разорялись.

Во-вторых, принятое 4 октября 1958 года секретное постановление ЦК КПСС «О недостатках научно-атеистической пропаганды» предписывало усилить борьбу с «религиозными пережитками» советских людей. Постановление адресовалось всем партийным, общественным организациям, государственным органам. [Чумаченко, 2014, с. 83]. В ноябре-декабре 1958 года началась новая волна массовой чистки церковных библиотек, сопровождавшаяся усилением цензуры. Для ограничения поступления новых изданий была выпущена специальная «Инструкция о порядке пропуска в СССР религиозной литературы и предметов религиозного культа» [Шкаровский, 2018, с. 22].

В-третьих, 28 ноября 1958 года ЦК КПСС принял постановление «О мерах по прекращению паломничества к так называемым "святым местам"» [Шкаровский, 2010, с. 363]. Местными органами власти применялись разнообразные методы борьбы с паломничеством верующих. Например, участок, на котором располагались водоисточники бывшего монастыря «Коренная Пустынь», распоряжением Курского облисполкома был передан ремесленному училищу по механизации сельского хозяйства. Участок был огорожен, источники дренажированы в реку, произведены посадки плодовых и декоративных деревьев⁹¹. На местах директивы из центра проводились весьма жестко. Так, в докладной записке уполномоченного Совета по делам РПЦ по Белгородской области А. Сорочкина от 25.05.1959 г. «О проведенных мероприятиях по прекращению паломничества в с. Устинке», направляемой в Совет по делам РПЦ при СМ СССР, подробно изложена процедура борьбы с паломничеством верующих к «святому колодцу»⁹². В записке уполномоченного отмечено, что паломничество в с. Устинке Шебекинского района не состоялось благодаря правильной организации массово-политической работы среди населения. Выполняя указание бюро обкома КПСС, Шебекинский райисполком, хотя и с большим опозданием, вынес решение о засыпке так называемого «святого колодца», его уничтожении за несколько дней до праздников. Помимо мер разъяснительного характера, предпринимаемых представителями сельских и колхозных парторганизаций в населенных пунктах «вероятного сосредоточения паломников» с 18 по 22 мая 1959 года, для поддержания общественного порядка во всех населенных пунктах, расположенных по трассе Белгород – Шебекино, были организованы круглосуточные посты милиции и дежурство депутатов сельского Совета⁹³. По мнению уполномоченного Совета по Белгородской области А. Сорочкина, такие меры имели свое положительное значение.

⁹⁰ ГАБО. Ф. Р – 1179. Оп. 2. Д. 1. Л. 34.

⁹¹ ГАБО. Ф. Р – 1179. Оп. 2. Д. 3. Л. 40.

⁹² ГАБО. Ф. Р – 1179. Оп. 2. Д. 2. Л. 58.

⁹³ Там же. Л. 58–59.

Помимо перечисленных мер вновь возобновилось массовое закрытие храмов. В одном только 1958 году в СССР была снята с регистрации 91 приходская община [Шкаровский, 2010, с. 363–364]. При этом под угрозой привлечения к уголовной ответственности по ст. ст. 123 и 169 УК РСФСР и соответствующим статьям УК союзных республик запрещалось проведение религиозных обрядов лицами, не имеющими духовного сана⁹⁴.

На XXI съезде КПСС, проходившем в январе-феврале 1959 года, Хрущев в своем докладе определил преодоление религиозных пережитков в народном сознании в качестве одной из главных задач предстоящей семилетки. Реализуя его установки, в инструктивном письме Совета по делам РПЦ своим уполномоченным от 12 июня 1959 г. формулировалось требование прекратить благотворительную деятельность РПЦ, провести мероприятия, направленные на полное прекращение заявлений приходских общин об открытии храмов. В августе 1959 года список ограничительных мер пополнился требованием ограничения совершения треб духовенством в домах верующих [Шкаровский, 2010, с. 365].

13 января 1960 г. было принято постановление ЦК КПСС «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах», предусматривавшее отстранение священнослужителей от руководства приходами, сокращение объема правомочий духовенства [Шкаровский, 2010, с. 367]. Вводилась цензура содержания проповедей. В постановлении дополнительно к существующим был включен новый перечень незаконных действий духовенства, в том числе: колокольный звон без разрешения властей, приобретение и строительство недвижимости, материальная помощь маломощным приходам и монастырям, ужесточен запрет на отправление религиозных треб на дому [Чумаченко, 2014, с. 84–85]. При этом перечень нарушений не был открытым, так как содержался в документах секретного характера. Было очевидно, что власть ограничивает РПЦ в правах, которые были ей предоставлены в годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие.

21 февраля 1960 г. от должности председателя Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР был освобожден Г.Г. Карпов, способствовавший частичной либерализации и развитию государственно-церковных отношений. Председателем Совета был назначен партийный функционер В.А. Куроедов, которому были близки задачи, поставленные ЦК КПСС в религиозной политике [Чумаченко, 2014, с. 84]. Смена руководства в Совете по делам РПЦ также стала своеобразным маркером изменения вектора конфессиональной политики советского государства.

Кроме того, за нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви вводилась уголовная ответственность в виде исправительных работ на срок до одного года или штрафа до пятидесяти рублей. За повторное нарушение данных законов и организацию подобных деяний Уголовным Кодексом РСФСР было предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет [Уголовный Кодекс РСФСР, 27.10.1960]. При этом полный перечень нарушений данного нормативного акта был определен «постановлением Президиума ВС РСФСР в марте 1966 года» [Постановление, 18.03.1966].

«16 марта 1961 года было принято постановление Совета Министров СССР «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах»» [Инструкция, 16.03.1961]. Согласно этому постановлению, ни одно религиозное объединение не могло приступить к деятельности без регистрации в органах государственной власти. Духовенство устранялось от управления финансово-хозяйственной жизнью приходов, фактически превращалось в наемных работников. Исполкомы местных органов власти могли влиять на формирование состава исполнительных органов приходских общин, воспользовавшись правом отвода неугодных лиц.

В постановлении отмечалось, что «религиозные объединения и служители культов не должны заниматься другой деятельностью, кроме деятельности, направленной на удовлетворение религиозных потребностей верующих. Они не вправе: а) создавать кассы

⁹⁴ ГАБО. Ф. Р – 140. Оп. 3. Д. 2. Л. 11.

взаимопомощи и заниматься благотворительной деятельностью; б) организовывать санатории и лечебную помощь; в) устраивать экскурсии, детские и спортивные площадки, открывать библиотеки и читальни; г) организовывать какие бы то ни было собрания, кружки и т. п., не имеющие отношения к отправлению культа» [Инструкция, 16.03.1961, с. 79–80].

Для реализации вышеуказанного нормативного акта был принят ряд секретных постановлений, в том числе постановление Совета по делам РПЦ при СМ СССР от 15 ноября 1961 года «О недостатках и мерах улучшения работы по осуществлению постановления Совета Министров СССР от 16 марта 1961 года "Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах"»⁹⁵. В данном постановлении Совета отмечено, что в борьбе за сохранение своего влияния церковники ищут новые формы воздействия на отдельные слои трудящихся. В своих проповедях духовенство особенно старается внушить верующим, что в настоящее время цели религии и коммунизма как никогда тождественны, что новая программа КПСС, принятая 22 съездом, чуть ли не «дар божий», так как «она отражает идеалы Христа», что замечательные достижения СССР в области космоса есть не только проявление разума, гения советского народа, но и действия «божественной силы»⁹⁶. Подвергалась критике работа уполномоченных, которые недостаточно изучают проповедническую деятельность священнослужителей, не принимают должных мер к разоблачению приспособленческих тенденций духовенства⁹⁷. При этом критике подвергались меры грубого администрирования со стороны должностных лиц, представителей местных советских органов, такие как закрытие храмов, снятие с регистрации священнослужителей, ограничение колокольного звона, допросы верующих о доходах и др.⁹⁸

Следствием принятия подобных нормативных актов стала ликвидация паломничества к «святым местам», в государственный фонд подлежало передаче все имущество, приобретенное РПЦ в послевоенные годы. Чумаченко [2014, с. 86] отмечает, что изъятое у религиозных организаций и монастырей недвижимое, а также движимое имущество переводилось на баланс исполкомов местных Советов.

Новая волна жесткой антирелигиозной кампании, инициированная Н.С. Хрущевым, вызывала критику внутренней политики руководства со стороны интеллигенции, возмущала она и широкие массы простых граждан, ожидавших продолжения частичной либерализации советского режима в контексте политики «оттепели» и реформ, предпринятых в 1950-е годы.

Таким образом, грубое административно-командное давление на церковь зачастую давало обратный ожиданиям власти эффект. Молодежь начинала интересоваться историей РПЦ и ее традициями. В этой связи «молодая» идеологическая доктрина советского государства не могла конкурировать с тысячелетней традицией православия, которое на протяжении многих столетий являлось государственно образующей религией и соответствовало менталитету подавляющего большинства населения СССР. Однако руководство страны во главе с Хрущевым считало, что внедрению в быт и сознание советских людей «морального кодекса строителя коммунизма», принятого в качестве важнейшей составной части новой, третьей по счету программы партии на XXII съезде КПСС, мешала РПЦ с ее многовековой исторической, идеологической и культурной традицией.

Ужесточение антирелигиозной кампании совпало со свертыванием «оттепели» и нарастанием волюнтаристских решений Хрущева. Просчеты во внутренней социально-экономической политике руководство страны пыталось в определенной степени компенсировать ужесточением идеологической и организационной борьбы с РПЦ. Главной целью новой антирелигиозной кампании, развернутой по инициативе Хрущева, было стремление отвлечь внимание общественности от нарастающих проблем, вызванных его гру-

⁹⁵ ГАБО. Ф. Р – 1179. Оп. 2. Д. 5. Л. 55–63.

⁹⁶ Там же. Л. 58.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же. 59–60.

быми просчетами в экономическом курсе внутри страны и негативных последствий политических ошибок на международной арене.

Список литературы

1. Алексеев В.А. 2004. Иллюзии и догмы. М., Издательство политической литературы, 400.
2. Васильева О.Ю. 2004. Русская Православная Церковь и Второй Ватиканский Собор. М., Лепта, 380.
3. Васильева О.Ю. 2001. Русская Православная Церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М., Институт российской истории РАН, 456.
4. Дорош А.А. 2018. Государственная политика советской власти в отношении церкви и религии в 1941–1964 гг. (по материалам Воронежской области). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 27.
5. Законодательство о религиозных культах: сборник материалов и документов. 1971. М., Юридическая литература, 210.
6. Инструкция по применению законодательства о культах (утверждена постановлением Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР и постановлением Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР от 16 марта 1961 г.). В кн.: Законодательство о религиозных культах: сборник материалов и документов. 1971. М., Юридическая литература, 77–87.
7. Марченко А.Н. 2008. Хрущевская церковная реформа и ее влияние на внутрицерковную жизнь по материалам уральского региона: 1958–1964 гг. Дис. ... докт. ист. наук. Москва, 392.
8. Маслова И.И. 2005. Эволюция вероисповедной политики советского государства и деятельности Русской Православной Церкви (1953–1991). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 46.
9. Одинцов М.И. 2002. Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. М., РОИР, 312.
10. Постановление Президиума ВС РСФСР «О применении статьи 142 Уголовного Кодекса РСФСР» от 18.03.1966 г. В кн.: Русская Православная Церковь в советское время (1917–1961 гг.). 1995. Сост. Штриккер Г.М., ПроPILEI, 257–258.
11. Пыжиков А.В. 2002. Хрущевская «оттепель». М., ОЛМА-ПРЕСС, 714.
12. Постановление ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» от 10 ноября 1954 года. В кн.: КПСС в резолюциях, в решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1985. Т. 8.: 1946–1955. М., Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 446–450. URL: <http://elibrary.shpl.ru/ru/nodes/8616-t-8-1946-1955-1985#mode/inspect/page/450/zoom/4> (дата обращения 11.03.2019)
13. Русская православная церковь в советское время (1917–1991 гг.): Материалы и документы по истории отношений между государством и церковью. В 2 кн. 1995. Сост. Штриккер Г.М., ПроPILEI, 400.
14. Растимешина Т.В. 2012. Политика российского государства в отношении культурного наследия церкви. Автореферат дис. ... доктора полит. наук. Москва, 407.
15. Уголовный Кодекс РСФСР. 27.10.1960 г. Ст. 142 «Нарушение закона об отделении церкви от государства и школы от церкви» (утратила силу). В кн.: Законодательство о религиозных культах: сборник материалов и документов. 1971. М., Юридическая литература, 197.
16. Фурман Д.Е. 2011. Избранное. М., Территория будущего, 329.
17. Цыпин В.А. 1994. История Русской Православной Церкви, 1917–1990: Учебник для православных духовных семинарий. М., Изд. Дом «Хроника», 251.
18. Цыпин В. 1997. История Русской церкви. 1917–1997. М., Издательство Спасско-Преображенского Валаамского монастыря, 831.
19. Чумаченко Т.А. 2014. Государство и Русская Православная Церковь в 1958–1964 годах: новая политическая война с религией, церковью, верующими. Вестник Челябинского государственного университета. № 19 (348). Право. Вып. 39: 83. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/gosudarstvo-i-russkaya-pravoslavnaya-tserkov-v-1958-1964-godah-novaya-politicheskaya-voyna-s-religiey-tserkovyu-i-veruyuschimi> (Дата обращения 17.02.2019).
20. Чумаченко Т.А. 1999. Государство, православная церковь, верующие, 1941–1961 гг. М., АИРО-XX, 247.
21. Шкаровский М.В. 2018. Антирелигиозные гонения 1958–1964 гг. в Ленинградской епархии и противостояние им митрополита Никодима (Ротова). Вестник исторического общества. 2: 19–33. DOI:

10.24411/2587-8425-2018-10012 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antireligioznye-goneniya-1958-1964-gg-v-leninogradskoy-eparhii-i-protivostoyanie-im-mitropolita-nikodima-rotova> (дата обращения 19.01.2019).

22. Шкаровский М.В. 2010. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече, Лепта, 480.

23. Шкаровский М.В. 1999. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М., Крутицкое патриаршее подворье, Общество любителей церковной истории, 400.

References

1. Alekseev V.A. 2004. *Illyuzii i dogmy* [Illusions and dogmas]. M., Political Literature Publishing House, 400.

2. Vasil'eva O.Yu. 2004. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i Vtoroy Vatikanskiy Sobor* [Russian Orthodox Church and the Second Vatican Council]. M., Lepta, 380.

3. Vasil'eva O.Yu. 2001. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v politike sovetskogo gosudarstva v 1943–1948 gg.* [The Russian Orthodox Church in the politics of the Soviet state in 1943–1948]. M., Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (RAS), 456.

4. Dorosh A.A. 2018. *Gosudarstvennaya politika sovetskoy vlasti v otnoshenii tserkvi i religii v 1941–1964 gg. (po materialam Voronezhskoy oblasti)* [State policy of the Soviet government in relation to the church and religion in 1941–1964 (based on materials from the Voronezh region)]. Abstract. dis. ... kand. ist. nauk. Belgorod, 27.

5. *Zakonodatel'stvo o religioznykh kul'takh: sbornik materialov i dokumentov* [Legislation on religious cults: a collection of materials and documents]. 1971. M., Yuridicheskaya literatura, 210.

6. *Instruktsiya po primeneniyu zakonodatel'stva o kul'takh (utverzhdena postanovleniem Soveta po delam religioznykh kul'tov pri Sovete Ministrov SSSR i postanovleniem Soveta po delam russkoy pravoslavnoy tserkvi pri Sovete Ministrov SSSR ot 16 marta 1961 g.)* [Instructions on the application of the legislation on cults (approved by the decree of the Council for Religious Cults under the Council of Ministers of the USSR and the decree of the Council for Russian Orthodox Church under the Council of Ministers of the USSR of March 16, 1961)]. V kn.: *Zakonodatel'stvo o religioznykh kul'takh: sbornik materialov i dokumentov*. 1971. M., Yuridicheskaya literatura, 77–87. : *Legislation on Religious Cults: A Collection of Materials and Documents*.

7. Marchenko A.N. 2008. *Khrushchevskaya tserkovnaya reforma i ee vliyanie na vnutritserkovnuyu zhizn' po materialam ural'skogo regiona: 1958–1964 gg.* [Khrushchev's church reform and its impact on church life based on materials from the Urals region: 1958–1964]. Dis. ... dokt. ist. nauk. Moskva, 392.

8. Maslova I.I. 2005. *Evolutsiya veroispovednoy politiki sovetskogo gosudarstva i deyatelnosti Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi (1953–1991)* [The evolution of the religious policy of the Soviet state and the activities of the Russian Orthodox Church (1953–1991)]. Abstract. dis. ... dokt. ist. nauk. M., 46.

9. Odintsov M.I. 2002. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' v XX veke: istoriya, vzaimootnosheniya s gosudarstvom i obshchestvom* [The Russian Orthodox Church in the twentieth century: history, relations with the state and society]. M., RARR, 312.

10. *Postanovlenie Prezidiuma VS RSFSR «O primeneniі stat'i 142 Ugolovnogo Kodeksa RSFSR» ot 18.03.1966 g.* [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR «On the Application of Article 142 of the Criminal Code of the RSFSR» of March 18, 1966.]. V kn.: *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v sovetskoe vremya (1917–1961 gg.)* [The Russian Orthodox Church in Soviet times (1917–1961)]. 1995. Sost. Shtrikker G.M., Propilei, 257–258.

11. Pyzhikov A.B. 2002. *Khrushchevskaya «ottepel'»* [Khrushchev's «thaw»]. M., OLMA-PRESS, 714.

12. *Postanovlenie TsK KPSS «Ob oshibkakh v provedenii nauchno-ateisticheskoy propagandy sredi naseleniya» ot 10 noyabrya 1954 goda* [The resolution of the CPSU Central Committee «On Errors in Conducting Scientific-Atheistic Propaganda among the Population» of November 10, 1954]. V kn.: *KPSS v rezolyutsiyakh, v reshe-niyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK* [CPSU in resolutions, in decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. 1985. T. 8.: 1946–1955. M., In-t marksizma-leninizma pri TsK KPSS, 446–450. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/8616-t-8-1946-1955-1985#mode/inspect/page/450/zoom/4> (accessed: 11.03.2019).

13. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' v sovetskoe vremya (1917–1991 gg.): Materialy i dokumenty po istorii otnosheniy mezhdru gosudarstvom i tserkov'yu* [Russian Orthodox Church in Soviet times (1917–1991): Materials and documents on the history of relations between the state and the church]. V 2 kn. 1995. Sost. Shtrikker G.M., Propilei, 400.

14. Rastimeshina T.V. 2012. Politika rossiyskogo gosudarstva v otnoshenii kul'turnogo naslediya tserkvi [The policy of the Russian state regarding the cultural heritage of the church]. Abstract. dis. ... doktora polit. nauk. Moskva, 407.
15. Ugolovnyy Kodeks RSFSR. 27.10.1960 g. St. 142 «Narushenie zakona ob otdelenii tserkvi ot gosudarstva i shkoly ot tserkvi» (utratila silu) [The Criminal Code of the RSFSR. 10/27/1960 Art. 142 «Violation of the law on the separation of the church from the state and the school from the church» (expired)]. V kn.: Zakonodatel'stvo o religioznykh kul'takh: sbornik materialov i dokumentov [Legislation on Religious Cults: A Collection of Materials and Documents]. 1971. M., Yuridicheskaya literatura, 197.
16. Furman D.E. 2011. Izbrannoe. [Favorites]. M., Territory of the Future, 329.
17. Tsypin V.A. 1994. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi, 1917–1990: Uchebnik dlya pravoslavnykh dukhovnykh seminariy [History of the Russian Orthodox Church, 1917–1990: A textbook for Orthodox theological seminaries]. M., Publishing House «Chronicle», 251.
18. Tsypin V. 1997. Istoriya Russkoy tserkvi. 1917–1997 [The History of the Russian Church. 1917–1997]. M., Spassko-Preobrazhensky Valaam Monastery Publishing House, 831.
19. Chumachenko T.A. 2014. Gosudarstvo i Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v 1958–1964 godakh: novaya politicheskaya voyna s religiei, tserkov'yu, veruyushchimi. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. № 19 (348). Pravo. Vyp. 39: 83 [The State and the Russian Orthodox Church in 1958–1964: a new political war with religion, the church, and believers. Bulletin of Chelyabinsk State University. No. 19 (348). Right. Vol. 39: 83]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/gosudarstvo-i-russkaya-pravoslavnaya-tserkov-v-1958-1964-godah-novaya-politicheskaya-voyna-s-religiei-tserkovyu-i-veruyushchimi> (accessed: 17.02.2019).
20. Chumachenko T.A. 1999. Gosudarstvo, pravoslavnaya tserkov', veruyushchie, 1941–1961 gg. [State, Orthodox Church, believers, 1941–1961]. M., AIRO-XX, 247.
21. Shkarovskiy M.V. 2018. Antireligioznye goneniya 1958–1964 gg. v Leningradskoy eparkhii i protivostoyanie im mitropolita Nikodima (Rotova). Vestnik istoricheskogo obshchestva. [Antireligious persecution of 1958–1964 in the Leningrad diocese and the confrontation by Metropolitan Nicodemus (Rotov). Bulletin of a historical society]. 2: 19–33. DOI: 10.24411/2587-8425-2018-10012 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antireligioznye-goneniya-1958-1964-gg-v-leningradskoy-eparhii-i-protivostoyanie-im-mitropolita-nikodima-rotova> (accessed: 19.01.2019).
22. Shkarovskiy M.V. 2010. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v XX veke [Russian Orthodox Church in the twentieth century]. M., Veche, Lepta, 480.
23. Shkarovskiy M.V. 1999. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' pri Staline i Khrushcheve (gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v SSSR v 1939–1964 godakh) [The Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev (state-church relations in the USSR in 1939–1964)]. M., Krutitsky Patriarchal Compound, Society of Church History Fans, 400.

Ссылка для цитирования статьи

Link for article citation

Остроухова Н.В. 2020. Особенности нормативно-правового регулирования государственно-церковных отношений в СССР (1953–1963). Via in tempore. История. Политология, 47(1): 160–169. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-160-169

Ostroukhova N.V. 2020. Peculiarities of the normative-legal regulation of the state-church relations in the USSR (1953–1963). Via in tempore. History and political science, 47(1): 160–169 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-160-169

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

УДК 32.019.51:81

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-170-177

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ КАК МЕТОД ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА ЭКСПЕРТА-ПОЛИТОЛОГА (НА ПРИМЕРЕ Н.В. СУНГУРОВСКОГО) CONTENT ANALYSIS AS A METHOD FOR DETERMINING THE POLITICAL PICTURE OF THE WORLD OF AN EXPERT-POLITICAL SCIENTIST (EVIDENCE FROM N.V. SUNGUROVSKY)

О.В. Онопко, Д.И. Борозенец
O.V. Onopko, D.I. Borozenets

Донецкий национальный университет,
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24

Donetsk national university,
24 Universitetskaya St., Donetsk, 283001

E-mail: onopko.oleg@gmail.com, borozenets.daria@gmail.com

Аннотация

На примере текстов украинского политолога, эксперта в сфере национальной безопасности и обороны Н.В. Сунгуровского, опубликованных в 2017–2019 гг., впервые продемонстрировано применение авторской методики контент-анализа для определения политической картины мира индивида. Исследование заключается в последовательном проведении политико-семантического, политико-лингвистического и жанрового анализа публикаций эксперта. Это позволяет выявить специфику восприятия им отдельных действующих лиц мировой политики (прежде всего коллективного «Запада», России и Украины) и отношений между ними; получить дополнительную информацию об эксперте, степени его вовлечённости в тему, используемых им манипулятивных приёмах. Применение данной методики в политологических исследованиях экспертного дискурса будет способствовать созданию дискурсивных портретов (профилей) экспертов-политологов, а также получению более глубокой информации об экспертном сообществе и политической экспертизе.

Abstract

For the first time the applying of the authors' method of content analysis to identify the political picture of the world is demonstrated. It's made on example of the texts by the Ukrainian political scientist and expert in the area of national security and defense N.V. Sungurovsky, published in 2017–2019. The study consists in the sequential conduction of political-semantic, political-linguistic and genre analysis of expert's publications. The intermediate results of each stage of the work allow 1) to draw the conclusions about how the expert models his political picture of the world; 2) to identify the most frequent and characteristic for him images; 3) to investigate how different political categories are related in his texts; 4) finally, to conclude how deeply the expert understands the problem he writes about. This allows to understand the specifics of his perception of some actors of the world politics (primarily the collective «West», Russia and Ukraine) and the relations between them and to get additional information about the expert, the degree of his involvement in the topic, also the manipulative techniques using by him. Applying of this method in political studies of expert discourse will contribute to the creation of discursive portraits (profiles) of political experts, as well as obtain deeper information about the expert community and political expertise.

Ключевые слова: политическая картина мира, контент-анализ, экспертный дискурс, эксперт-политолог.

Keywords: political picture of the world, content analysis, expert discourse, political expert.

В условиях постправды всё более значимой для понимания и влияния на политическую действительность становится фигура политического эксперта. Тенденциозные экспертные оценки используются действующими лицами политики для манипулирования общественным мнением, создания и продвижения альтернативных политических реальностей, мифологизации политических явлений и процессов. Как отмечает М.М. Мchedлова, «во многом в рассматриваемых координатах «гибридной правды» очень действенны экспертные оценки, которые во многом становятся критерием, определяющим истинность и достоверность знания. Доверие к экспертным мнениям становится первостепенным по важности условием достоверности знаний, аргументов и интерпретаций, меняя саму суть отличий мнения и знаний, конструируя и объясняя картину мира и смыслозначимые координаты политической реальности в соответствии с запросами субъектов политического целеполагания» [Мchedлова, 2017, 147]. С другой стороны, привлечение экспертов позволяет политикам, органам государственной власти, СМИ, корпорациям и другим акторам получать независимые, взвешенные и объективные представления о происходящем в политической сфере, эффективнее вырабатывать, принимать и реализовывать политические решения. Так или иначе, эксперт-политолог всё чаще перестаёт быть беспристрастным наблюдателем политики, но становится её активным сотворцом, чья вовлечённость определяющим образом влияет на легитимность и эффективность принимаемых решений. Отсюда – изучение экспертного дискурса того или иного государства позволяет понять не только меседжи, которые пытаются с помощью публичных экспертов донести до общественности различные политические акторы, но и политическую картину мира самого экспертного сообщества, через свои оценки действительности влияющего на политику.

Под «политической картиной мира» авторы вслед за И.В. Самаркиной понимают подвижную систему «образов и представлений о власти и политике, её структуре, механизмах и конфигурации в окружающей действительности, отражающую политический мир. Политическая картина мира является результатом интериоризации политического мира как части жизненного мира в индивидуальном и коллективном сознании» [Самаркина, 2013], а её отражением является язык эксперта-политолога. Язык выполняет множество функций, но большинство из них имплицитны. Так, например, идентификационная и суггестивная функции языка практически незаметны, если только не искать способы и результаты их действия целенаправленно. Именно для решения подобных задач создан контент-анализ.

На примере данного исследования будет продемонстрировано, как при помощи новой методики контент-анализа определить такие ключевые моменты, как политическая картина мира эксперта-политолога и идентификация им остальных объектов; воздействие текста на читателя: принципы и возможные результаты.

В теоретико-методологическом плане исследование основывается на уже существующих наработках в сфере политологического изучения политической экспертизы и экспертного дискурса. Авторы принимают во внимание представления о политической экспертизе и об эксперте-политологе как о действующем лице политических процессов, изложенные в работах Л.А. Волинкиной [Волинкина, 2010], А.В. Еленского [Еленский, 2011], М.А. Хрусталёва [Хрусталёв, 2008], К.М. Федерико и М.С. Шнайдер [Federico, Schneider, 2007] (в частности под «экспертом-политологом» в данном исследовании понимается persona, которая в силу сложившихся обстоятельств и (или) личных особенностей обладает эксклюзивными знаниями в определённой предметной области, эрудицией и опытом, а также способностью эффективно применять их для оценки политической действительности). Учтены выводы зарубежных и постсоветских исследователей, которые сквозь призму политической коммуникативистики изучали вопросы, связанные с функционированием экспертного дискурса, в частности, С.В. Данилова [Данилов, 2012], С.А. Калландера [Callander, 2008], Н.А. Медушевского [Медушевский, 2011], Н.В. Тищенко [Тищенко, 2016], И.Ф. Ухвановой-Шмыговой [Ухванова-Шмыгова, Савич, Ефимова, 2009], Р. Хакфельдта [Huckfeldt, 2001], О.И. Хвостуновой [Хвостунова, 2006], А. Хорсбола [Horsbøl, 2010], М.-Л. Хсу и В. Прайса [Hsu, Price, 1993]. Вместе с тем поли-

тическая картина мира как часть экспертного дискурса до сих пор так и не стала самостоятельным предметом изучения в политической науке.

Для решения этой проблемы авторы предлагают воспользоваться методом контент-анализа. Его развитие началось в 1930-е гг., а в сфере политологических исследований его начали использовать в годы Второй мировой войны. В 1960-е гг. применение контент-анализа активизировалось в связи с началом использования в исследованиях компьютерной техники. Задачи данного метода в этот период были достаточно широкими и заключались в анализе разнообразных пропагандистских текстов. В современном мире контент-анализ широко применяется для составления лингвополитических портретов как отдельных персон, так и целых партий или даже государств. Методы, применяемые для анализа контента, позволяют делать определенные выводы о политических взглядах эксперта-политолога, его восприятии мира, лингвистических способах манипулирования и т. д.

Принимая во внимание актуальность изучения экспертного политического дискурса, а также уже существующие исследования в данной сфере, авторы преследовали цель – выявить специфику применения новой методики контент-анализа для определения политической картины мира эксперта-политолога. Для проведения исследования, включающего в себя политико-семантический, политико-лингвистический и жанровый анализ, были взяты авторские тексты директора военных программ Центра Разумкова (Украина) Н.В. Сунгуровского, созданные им в период с августа 2017 г. по июль 2019 г. Выборка представлена двумя жанрами (авторская колонка и видео-комментарий) с целью максимально объективизировать и обобщить результаты.

Н.В. Сунгуровский родился в Москве в 1951 г., полковник запаса, стаж военной службы – 31 год. Согласно информации, представленной на официальном сайте Центра Разумкова, эксперт специализируется на системном анализе, стратегическом планировании в сфере обеспечения национальной безопасности. С 1982 г. занимался научно-исследовательской работой (39-й Научно-исследовательский институт боевого применения войск ПВО сухопутных войск, Центральный научно-исследовательский институт Министерства обороны, Национальный центр оборонных технологий и военной безопасности, Аналитическая служба Аппарата Совета национальной безопасности и обороны Украины); с декабря 1999 г. – координатор программ Центра Разумкова; с февраля 2000 г. – внештатный консультант Комитета по вопросам национальной безопасности и обороны Верховной Рады Украины; последняя должность в государственных органах – заведующий отделом аналитической службы Аппарата СНБО; с декабря 2006 г. – директор военных программ Центра Разумкова [Центр Разумкова, 2006].

Политико-семантический анализ

Первый из исследуемых текстов выделяется на фоне остальных своим заголовком – «Чем грозит возможный выход Ирана из ядерного соглашения» [Сунгуровский, 2017]. По мнению авторов, именно этот текст наиболее ярко характеризует Н. Сунгуровского как человека с антироссийской позицией, для которого в то же время Россия имеет достаточно большое значение: в тексте присутствует параллель с т. н. «российско-украинским конфликтом», которая абсолютно неуместна в рамках данной темы.

Остальные тексты менее показательны в этом плане, так как тема «российско-украинского конфликта» обозначена в них сразу. Однако в то же время каждый текст добавляет деталей к портретам действующих лиц мировой политики в представлении Н.В. Сунгуровского. Так, например, Украина в его представлении слишком слаба и беспомощна, одинока на политической арене, чтобы ожидать помощи: «Ще на самому початку захоплення Криму Україні радили бути обережніше, не провокувати Путіна тощо» [Сунгуровський, 2018]; «Исходя даже из того, что Россия идёт вот на такие действия, говорит о том, что в Азовском море у Украины сил недостаточно». «И сравниться с той группировкой, которая есть у России в Азовском море, мы пока не в состоянии»; «Он [фрегат, представленный Украине США] списан, да, но в том положении, в котором находится Украина, в общем-то, харчами не перебирают, как говорится» [Сунгуровский, 2018]; «...нужно вдвое

увеличить коалицию «друзей Украины». Это просто огромная дипломатическая работа. Но кто захочет на себя такую работу взвалить?» [Сунгуровский, 2019].

Условный «Запад» (который в текстах Н.В. Сунгуровского представлен либо как единая фракция, либо как объединение двух политических сил: Европы и США) также предстаёт единцей недостаточно мощной, чтобы помочь Украине противостоять мифической «российской агрессии»: «...я не слышал пока что ни одного выступления, которое бы, скажем так, было в пользу России и её действий в Азовском море. Такую поддержку мы имеем, но, к сожалению, только на словах» [Сунгуровский, 2018]; «З самого початку російської агресії – і це вже визнано всіма – Захід виявився неготовим дати адекватну відповідь» [Сунгуровський, 2018].

Нигде в тексте нет прямых обвинений России, но само строение фраз, их эмоциональный окрас и описание других политических группировок помогают нам понять, что Россия, по мнению Н.В. Сунгуровского, является своеобразной «империей зла», якобы желающей захватить весь мир.

Подобные мысли легко находят отклик у людей, следящих за политической ситуацией, но не способных критически осмыслить получаемую информацию. Суггестивные возможности текста не стоит недооценивать.

Политическая картина мира Н.В. Сунгуровского состоит не только из образов, но и из конкретных слов и тематических групп. Преобладают в его лексиконе слова и словосочетания, так или иначе связанные с военными конфликтами: экономическая блокада, война, военное положение и тому подобное. Результатом постоянного возвращения к схожим темам и оперирования лексикой одной семантической группы, близкими или одинаковыми образами является сильное воздействие на адресанта.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: насколько предоставляемые данные объективны? Определить это также возможно с помощью более глубокого контент-анализа текста, делая упор на его лингвистический аспект.

Политико-лингвистический анализ

Квантитативный этап. Подсчет таких категорий, как абзацы, предложения, словоформы, слова, семантические единства и начальные формы семантических единств, позволяет сделать определенные выводы о лексическом запасе изучаемого эксперта и смысловой насыщенности его текстов. Маленький коэффициент позволяет предположить, что эксперт просто повторяет одну и ту же мысль в нескольких вариациях, а его цель не столько объективно описать ситуацию, сколько внушить конкретные идеи.

В анализируемых текстах соотношение слов с их словоформами составляет 198:412, 130:602, 193:395, 295:582. Большое количество случаев одних и тех же слов и фраз свидетельствует о среднем лексическом запасе эксперта (0,56).

Лексический этап. Рассмотрение лексики текста с точки зрения смыслов, которые она несёт, также позволяет детализировать информацию. Разделение смысловых единиц текста на асемантические (то есть такие, которые не имеют собственного смысла или смысла вне контекста) и автосемантические (то есть такие, которые имеют собственный смысл) элементы определяет степень информативности.

В анализируемых текстах соотношение асемантических элементов (служебных частей речи, местоимений, пустых словарных оборотов) к автосемантическим (ценностным, общественно значимым, тематическим и т. п. единицам) составляет 44,1 % : 55,9 %. Информативная составляющая лишь на немного превышает семантически пустые единицы (рис. 1).

На примере данной обобщенной таблицы можно увидеть, как в речи Н.В. Сунгуровского соотносятся различные лексические категории. Преобладают здесь лексемы категории *Другое*, разрыв между ними и следующей по количеству категорией – *Сценарными лексемами* – составляет 132 единицы. Эксперт употребляет большое количество тематически нейтральных слов, которые могут одинаково употребляться в разных текстах. Непосредственно связанными с политикой являются слова таких категорий, как «общественно значимые», «тематические», «энциклопедические». Их доля достаточно

велика в текстах Н.В. Сунгуровского, однако соотношение между количеством слов и словоформ довольно небольшое. Это позволяет заключить, что эксперт подводит все свои тексты к одной теме и рассуждает всегда одними и теми же категориями.

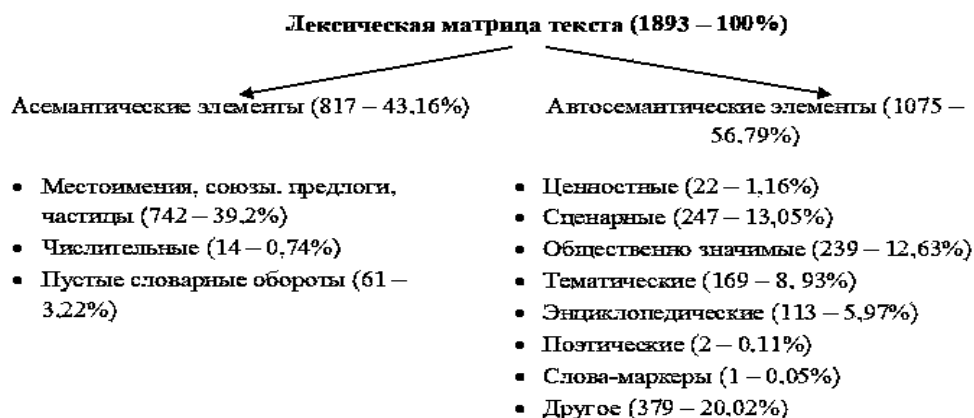

Рис. 1. Средние показатели лексического этапа контент-анализа текстов Н.В. Сунгуровского
Fig. 1. Average indicators of the lexical stage of the content analysis of texts by N.V. Sungurovsky

Интерес при анализе представляет определение тона отдельных лексем, их сочетаний и предложений. В данных текстах негативно-tonированные единицы преобладают над позитивно-tonированными, однако в целом все тексты нейтральны. Причины этого, во-первых, в большом количестве нейтральных слов, а во-вторых, в процессе нейтрализации лексем в пределах предложения: «То есть война (–) или есть, или её нет» [Сунгуровский, 2018]. Нейтрализация связана, помимо прочего, с посылом, который делает эксперт: предложения, в которых просто констатируется факт, всегда будут нейтральными.

Синтаксический этап. Большое значение для определения степени вовлечённости эксперта в то, о чём он говорит, имеет синтаксическая матрица текста, то есть обобщённая информация о построении предложений (рис. 2).

Синтаксическая матрица текста		
Предложения		
По структуре	По эмоциональной окраске	По типу
(141 предложение – 100%)	(141 предложение – 100%)	(141 предложение – 100%)
• Простые (65 – 46,1%) • Сложносочинённые (16 – 11,35%) • Сложноподчинённые (23 – 16,31%) • Сложные с разными типами связей (30 – 21,28%) • Бессоюзные сложные предложения (7 – 4,96%)	• Невосклицательные (141 – 100%)	• Невопросительные (133 – 94,33%) • Вопросительные (8 – 5,67%)

Рис. 2. Средние показатели синтаксического этапа контент-анализа текстов Н.В. Сунгуровского
Fig. 2. Average indicators of the syntactic stage of the content analysis of texts by N.V. Sungurovsky

В случае с текстами Н.В. Сунгуровского получены следующие данные: небольшая доля риторических вопросов, обилие парцеллятов, относительно равномерное распределение семантической нагрузки между разными по структуре предложениями. Наблюдается объяснимая зависимость синтаксической матрицы от жанра текста. Так, например, в видеоконментарии риторических вопросов, которые выполняют роль предложений-скреп, больше, чем в авторской колонке.

Достаточно большое количество простых предложений вызвано парцелляцией. Она, как и обилие сложных конструкций, используется экспертом неуместно. Он при помощи знаков препинания и интонации разделяет цельные блоки информации, помещая их

в разные предложения: «Ще говорити про те, що змінюються оцінки західних, у тому числі європейських, країн щодо агресивної поведінки Путіна. І в цьому є сенс. Оскільки досі ресурсні можливості країн Заходу залишають бажати кращого» [Сунгуровський, 2018]; «Потому что здесь участвует, в общем-то, всё население. То есть война или есть, или её нет. Не бывает войны локальной в каком-нибудь регионе. Война всегда для государства – это тотальное явление» [Сунгуровский, 2018]. Это приводит к тому, что информация дробится, её становится сложно воспринимать цельно.

Жанровый анализ

Большой интерес представляет анализ отдельных жанров. Он обобщает данные, полученные ранее. Оба представленных в нашей выборке жанра – авторская колонка и видеокомментарий – достаточно близки, поскольку относятся к публицистическому стилю и направлены в первую очередь на широкую аудиторию, однако у них есть и отличительные черты. Так, видео-комментарий – это устное, заранее не подготовленное выступление, в то время как авторская колонка представляет собой письменно зафиксированный и тщательно выверенный текст.

Устная речь Н.В. Сунгуровского, доступная нам для анализа в видео-комментарии [Сунгуровский, 2018], предоставляет следующую информацию. В этом тексте доля асемантических элементов превышает долю автосемантических (53,89 % : 46,11 %), что вызвано частыми повторами и заминками. Однако соотношения слов разных категорий позволяют предположить, что тема, о которой идет речь (действия России в Азовском море), достаточно известна эксперту: в тексте присутствует большое количество *общественно значимых* и *тематических* слов. Некоторые мысли озвучиваются экспертом несколько раз подряд, что можно трактовать двояко: во-первых, это может быть манипулятивным, суггестивным приемом, направленным на внедрение определенных мыслей в сознание адресата, а во-вторых, они могут рассматриваться как пустые словарные обороты, призванные каким-либо образом скрепить отдельные части текста.

В авторских колонках присутствуют другие характерные жанровые черты: так, здесь соотношение между асемантическими и автосемантическими элементами меняется в пользу последних (как результат исправления и осмысления уже созданного текста) и практически исчезают риторические вопросы. Однако в целом политическая картина мира, представленная обоими жанрами, одинакова.

Помимо указанных, существуют и другие этапы предложенной методики контент-анализа, направленные преимущественно на анализ политико-лингвистического портрета эксперта-политолога. Результаты исследований можно применить для создания текстов, аналогичных исходным. Авторы могут оперировать теми же темами, использовать те же лексические средства и синтаксическую структуру. Искусственно созданные тексты этого плана могут выполнять те же функции, что и настоящие: отражать политическую картину мира как её видит конкретная отдельная личность, внушать определённые установки и так далее.

Таким образом, предложенная в статье методика контент-анализа позволяет достаточно точно определять политическую картину мира эксперта-политолога, а также выявлять дополнительную информацию о нём, его интенциях, типичных для его речи манипулятивных приёмах; предполагать его заданность по тем или иным политическим вопросам. Применение данной методики в политологических исследованиях экспертного дискурса будет способствовать созданию дискурсивных портретов (профилей) экспертов-политологов, а также получению более глубокой информации об экспертном сообществе в целом.

Список литературы

1. Волынкина Л.А., 2010. Роль политической экспертизы в процессе принятия политических решений. Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология, 4 (10): 88–91.
2. Данилов С.В., 2012. Власть и стратегии коммуникации в модернизирующемся обществе: рискогенное измерение. Известия Саратовского университета, 12 (4): 14–18.

3. Еленский А.В., 2011. Политическая экспертиза: генезис, понятие и когнитивные возможности. Вопросы философии, 2: 57–69.
4. Медушевский Н.А., 2011. Экспертное сообщество в политической сфере в конце XX – начале XXI века, Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва, 32.
5. Мчедлова М.М., 2017. Эпистемологическая проекция феномена «постправды». Политика постправды и популизм в современном мире, СПбГУ, 147.
6. Самаркина И.В., 2013. Политическая картина мира: опыт концептуализации и интерпретации. Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, 3 (23): 117–127.
7. Сунгуровский Н.В. 2017. Чем грозит возможный выход Ирана из ядерного соглашения. URL: <https://www.unian.net/world/2084386-chem-grozit-vozmojnyiy-vyihod-irana-iz-yadernogo-soglasheniya.html> (дата обращения: 23 сентября 2019).
8. Сунгуровский Н.В. 2018. Военные действия России на Азове противоречат правилам международных отношений. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3LtbyfwrWAo&t=12s> (дата обращения: 23 сентября 2019).
9. Сунгуровский Н.В. 2019. Мир на Донбассе. К чему ведёт Зеленский. URL: <https://nv.ua/opinion/ukaz-zelenskogo-normandskiy-format-novosti-ukrainy-50032887.html> (дата обращения: 23 сентября 2019).
10. Сунгуровський М.В. 2018. Велика війна в рукаві: Путін буде підривати Україну іншими методами. URL: <https://apostrophe.ua/ua/article/society/accidents/2018-03-13/bolshaya-voyna-v-rukave-putin-budet-podryivat-ukrainu-drugimi-metodami/17382> (дата обращения: 23 сентября 2019).
11. Тищенко Н.В., 2016. Властный дискурс. Дискурс Пи, 1 (22): 139–141.
12. Ухванова-Шмыгова И.Ф., Савич Е.В. Ефимова Н.В., 2009. Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Политическое поле Беларуси глазами дискурс-аналитика (Выпуск 6), ИЦ БГУ: 216.
13. Хвостунова О.И., 2006. Эксперты как субъект политического дискурса в СМИ. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 24.
14. Хрусталёв М.А., 2008. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. Москва: НОФМО: 232.
15. Центр Разумкова. Микола Сунгуровський. 2006. URL: <https://www.razumkov.org.ua/avtor/mykola-sungurovskiyi>. (дата обращения: 23 сентября 2019).
16. Callander S.A., 2008. Theory of Policy Expertise. Quarterly Journal of Political Science, 3: 123–140.
17. Federico C.M., Schneider M.S. 2007. Political Expertise and the Use of Ideology: Moderating Effects of Evaluative Motivation. Public Opinion Quarterly, 71 (2): 221–252.
18. Horsbøl, A., 2010. Experts in Political Communication: The Construal of Communication Expertise in Prime Time Television News. Journal of Language and Politics, 9 (1): 24–49.
19. Hsu M.L., Price V. 1993. Political Expertise and Affect: Effects on News Processing. Communication Research. Available at: <http://www.doi.org/10.1177/009365093020005003>. (accessed 23 September 2019).
20. Huckfeldt R., 2001. The Social Communication of Political Expertise. American Journal of Political Science, 45(2): 425–438.

References

1. Volynkina L.A., 2010. Rol' politicheskoy jekspertizy v processe prinjatija politicheskikh reshenij [The Role of Political Expertise in Political Decision-Making]. Izvestija Saratovskogo universiteta. Serija Sociologija. Politologija [News of the Saratov University. Series Sociology. Political Science], 4 (10): 88–91 (in Russian).
2. Danilov S.V., 2012. Vlast' i strategii kommunikacii v modernizirujushhemsja obshhestve: riskogennoe izmerenie [Power and Communication Strategies in a Modernizing Society: a Risk-Based Dimension]. Izvestija Saratovskogo universiteta [News of the Saratov University], 12 (4): 14–18 (in Russian).
3. Elenskij A.V., 2011. Politicheskaja jekspertiza: genezis, ponjatje i kognitivnye vozmozhnosti [Political Expertise: Genesis, Concept, and Cognitive Opportunities]. Voprosy filosofii [Problems of Philosophy], 2: 57–69 (in Russian).
4. Medushevskij N.A., 2011. Jekspertnoe soobshhestvo v politicheskoy sfere v konce XX – nachale XXI veka [The Expert Community in the Political Sphere in the Late XX – Early XXI Century], Abstract. dis. ... cand. pol. sciences. Moscow, 32 (in Russian).
5. Mchedlova M.M., 2017. Jepistemologicheskaja proekcija fenomena «postpravdy» [Epistemological Projection of the «Post-Truth» Phenomenon]. Politika postpravdy i populizm v sovremennom mire [Post-Truth Politics and Populism in the Modern World], SPbGU, 147 (in Russian).

6. Samarkina I.V., 2013. Politicheskaja kartina mira: opyt konceptualizacii i interpretacii [Political Picture of the World: Experience of Conceptualization and Interpretation]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija [Tomsk State University Journal. Philosophy. Sociology. Political Science], 3 (23): 117–127 (in Russian).
7. Sungurovskij N.V. 2017. Chem grozit vozmozhnyj vyhod Irana iz jadernogo soglashenija [What Does Threat Iran's Possible Withdrawal from the Nuclear Agreement]. Available at: <https://www.unian.net/world/2084386-chem-grozit-vozmojnyiy-vyihod-irana-iz-yadernogo-soglasheniya.html> (accessed 23 September 2019) (in Russian)
8. Sungurovskij N.V. 2018. Voennye dejstvija Rossii na Azove protivorechat pravilam mezhdunarodnyh otnoshenij [Russia's Military Operations in Azov Contradict the Rules of International Relations]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=3LtbyfwrWAO&t=12s> (accessed 23 September 2019) (in Russian).
9. Sungurovskij N.V. 2019. Mir na Donbasse. K chemu vedjot Zelenskij [Peace in the Donbass. What Zelensky leads to]. Available at: <https://nv.ua/opinion/ukaz-zelenskogo-normandskiy-format-novosti-ukrainy-50032887.html> (accessed 23 September 2019) (in Russian)
10. Sungurovskij M.V. 2018. Velika vijna v rukavi: Putin bude pidrivati Ukraïnu inshimi metodami [Great war up its sleeve: Putin will undermine Ukraine by other methods]. Available at: <https://apostrophe.ua/ua/article/society/accidents/2018-03-13/bolshaya-voyna-v-rukave-putin-budet-podryivat-ukrainu-drugimi-metodami/17382> (accessed 23 September 2019) (in Ukrainian).
11. Tishhenko N.V., 2016. Vlastnyj diskurs [The discourse of Power]. Diskurs Pi, 1 (22): 139–141 (in Russian).
12. Uhvanova-Shmygova I.F., Savich E.V. Efimova N.V., 2009. Metodologija issledovanij politicheskogo diskursa: aktual'nye problemy sodержatel'nogo analiza obshhestvennopoliticheskikh tekstov [The Methodology of Political Discourse Research: Current Problems of Meaningful Analysis of Social-Political Texts]. Politicheskoe pole Belarusi glazami diskurs-analitika [The Political Field of Belarus through the Eyes of Discourse Analyst] (Vypusk 6), IC BGU: 216 (in Russian).
13. Hvostunova O.I., 2006. Jeksperty kak subekt politicheskogo diskursa v SMI [Experts as a Subject of Political Discourse in the Media]. Abstract. dis. ... cand. pol. sciences. Moscow, 24 (in Russian).
14. Hrustal'jov M.A., 2008. Analiz mezhdunarodnyh situacij i politicheskaja jekspertiza: ocherki teorii i metodologii [Analysis of International Situations and Political Expertise: Essays on Theory and Methodology]. Moscow: NOFMO: 232 (in Russian).
15. Razumkov Center. Mikola Sungurovskij. 2006. Available at: <https://www.razumkov.org.ua/avtor/mykola-sungurovskiyi> (accessed 23 September 2019) (in Ukrainian).
16. Callander S.A., 2008. Theory of Policy Expertise. Quarterly Journal of Political Science, 3: 123–140.
17. Federico C.M., Schneider M.S. 2007. Political Expertise and the Use of Ideology: Moderating Effects of Evaluative Motivation. Public Opinion Quarterly, 71 (2): 221–252.
18. Horsbøl, A., 2010. Experts in Political Communication: The Construal of Communication Expertise in Prime Time Television News. Journal of Language and Politics, 9 (1): 24–49.
19. Hsu M.L., Price V. 1993. Political Expertise and Affect: Effects on News Processing. Communication Research. Available at: <http://www.doi.org/10.1177/009365093020005003>. (accessed 23 September 2019).
20. Huckfeldt R., 2001. The Social Communication of Political Expertise. American Journal of Political Science, 45(2): 425–438.

Ссылка для цитирования статьи Link for article citation

Онопко О.В., Борозенец Д.И. 2020. Контент-анализ как метод определения политической картины мира эксперта-политолога (на примере Н.В. Сунгуровского). Via in tempore. История. Политология, 47(1): 170–177. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-170-177

Onopko O.V., Borozenets D.I. 2020. Content analysis as a method for determining the political picture of the world of an expert-political scientist (evidence from N.V. Sungurovsky). Via in tempore. History and political science, 47(1): 170–177 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-170-177

УДК 325.2

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-178-186

КООРДИНАЦИОННЫЙ ЦЕНТР КАК ЭЛЕМЕНТ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАЩИТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ МИГРАНТОВ

COORDINATION CENTER AS AN ELEMENT OF INTERNATIONAL PROTECTION OF ENVIRONMENTAL MIGRANTS

Э.Р. Абиева**E.R. Abieva**

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9

Saint Petersburg state university,
7/9 University embankment, Saint-Petersburg, 199034, Russia

E-mail: abievae@list.ru

Аннотация

Рассматривается вопрос создания единого координационного центра по работе с экологическими мигрантами в системе международно-правовой защиты человека. В статье используются общенаучные методы исследования: литературный анализ работ отечественных и зарубежных ученых, обзор существующих международно-правовых систем, сопричастных защите прав экологических мигрантов. Рассмотрены характерные свойства и признаки понятия экологический мигрант. Обосновывается необходимость создания единого механизма международно-правовой защиты лиц, пострадавших в экстремальных ситуациях природного характера в виде модели единого координационного центра по работе с экологическими мигрантами, отличающегося от существующих ориентацией на прогнозирование экологической миграции, учетом опыта ведущих мировых правозащитных организаций и региональных особенностей принимающих и пострадавших регионов. Было предложено использование подхода из концепции «климатической справедливости» и обоснована его значимость для функционирования единого координационного центра по работе с экологическими мигрантами. В совокупности эти меры способствуют выработке наиболее приемлемого и эффективного механизма для успешной координации и решения проблем, связанных с экологической миграцией населения на международном уровне.

Abstract

The issue of climate change carries important ethical and social elements. Modern practice shows that the concept of «environmental migrant», as well as common approaches to managing environmental migration are absent in international systems and standards. The article discusses the necessity to create a unified system of international legal protection for persons affected in extreme situations of a natural character. Victims are understood as persons who were forced to leave areas with a dangerous for life and human health state of the environment, for example, in the result of technological disasters and related climate changes. This kind of population movement is often called «environmental migration», and those affected and forced to move are called «environmental migrants». The article discusses the characteristic properties and signs of «environmental migrant». A model of a unified coordinating center for working with environmental migrants is proposed, which differs from the existing ones by a focus on forecasting environmental migration, considering the experience of leading internationally known human rights organizations and the regional characteristics of the host and affected regions. The study uses an approach from the concept of «climate justice» to be implemented in a model of unified coordination center working with environmental migrants. To sum up, these measures contribute to the development of the most acceptable and effective mechanism for the successful coordination and solution to the problems associated with environmental migration at the international level.

Ключевые слова: изменение климата, экологическая миграция, вынужденное переселение, экологические беженцы, устойчивое развитие, урбанизация, международное право, международное экологическое право, международные организации.

Keywords: climate change, ecological migration, forced relocation, environmental migrants, refugees, sustainability, urbanization, international law, international environmental law, international organizations.

Сегодня человечество стоит перед лицом серьезных, осязаемых и быстро грядущих климатических изменений. Эти изменения выражаются в таких негативных природных проявлениях, как глобальное потепление и вызванное им повышение уровня воды в Мировом океане, ураганы, опустынивание, засухи в отдельных регионах и одновременное затопление территорий в других регионах планеты. Все перечисленные явления несут с собой существенные изменения климата, которые уже вызывают экологические катастрофы. Экологические катастрофы негативно влияют на среду обитания человека, часто делая ее непригодной для проживания и опасной для жизни. Данные обстоятельства являются условием и причиной миграции населения в климатически безопасные и более благоприятные местности. По прогнозам исследования World Bank Group (WBG) [Rigaud et al., 2018] и оценкам некоторых ученых-международников и экологов [Kniveton et al., 2017; Webber, Barnett, 2010; Nissani, 1997], в результате изменения климата к 2050 году от 150 до 300 миллионов человек будут находиться под угрозой вынужденного переселения с привычной территории проживания. Если представить, что эта группа сформировала бы страну, она была бы четвертой по величине в мире с населением, соответствующим населению Соединенных Штатов Америки.

Названные ранее экстремальные погодные явления уже сегодня заставляют людей покидать свои дома с угрожающей скоростью. Например, три четверти густонаселенного юга Азии — Индия, Пакистан и Бангладеш — предупреждены, что их территории окажутся непригодными для жизни из-за высокого уровня засухливости и влажности, что не позволит населению находиться на данных территориях без какой-либо специальной инфраструктуры. Также под угрозой оказывается Латинская Америка и Центральная Азия, где на протяжении последнего десятилетия наблюдается повышенный показатель максимального уровня температуры, что приводит к затоплению земель и вынужденной миграции в Венесуэле, Бразилии и пр. Необходимо понимать, что обозначенное изменение климата приводит к перераспределению населения на планете и несет социальные последствия [Adamo, 2010; Afifi, 2011; Black et al., 2011; Findlay, 2011].

Текущие тренды в экологической миграции. По данным Организации Объединенных Наций (ООН), в период с 2008 по 2015 год в результате климатических или погодных катастроф перемещалось в среднем 26,4 миллиона человек в год. Исследования в области изменения климата показывают, что эти тенденции могут ухудшиться. С каждым повышением температуры на один градус влагоемкость воздуха увеличивается на 7 процентов, что усиливает сильные штормы. Уровень моря может подняться на один метр к 2100 году, затопляя прибрежные районы и населенные острова. Тихоокеанские острова чрезвычайно уязвимы, как и более 410 городов США и других стран мира, включая такие мегаполисы как Лиссабон, Амстердам, Гамбург, Санкт-Петербург и Мумбаи.

Существует ли неявная связь между изменением климата и социальными проблемами? Так, некоторые эксперты [Ferris, 2012] сходятся во мнении, что продолжительная засуха в Сирии могла послужить катализатором гражданской войны и, как следствие, миграции. Конечно, основной причиной миграции здесь служит военная обстановка в Сирии, но причины, которые к ней привели, могут лежать и в более косвенных областях. Это наводит на мысль, что изменение климата нашей планеты может влиять на политическую стабильность и безопасность.

Понятие «экологический мигрант». Как справедливо отмечено Элизабет Феррис [Ferris, 2012] из Всемирного центра по изучению причин миграции, а также отечественными учеными Д.В. Ивановым и Д.К. Бекашевым [2013], в настоящее время не существует единого общеупотребимого термина в отношении людей, подпадающих под категорию «экологических мигрантов». Управление Верховного комиссариата ООН по работе с беженцами использует термин «экологические беженцы» при обозначении людей, которые были вынуждены покинуть районы постоянного проживания в виду опасности, угрожающей их здоровью и жизни со стороны окружающей среды.

Исследователи [Fröhlich, 2016; Lele, 1991; Mayer, 2016; Obokata, Veronis, McLeman, 2014] употребляют и другие наиболее часто встречаемые в этом контексте в научной литературе понятия, такие как:

- беженцы из-за изменения климата;
- вынужденные переселенцы;
- экологические мигранты;
- эколо-мигранты;
- кризисные мигранты;
- перемещенное лицо;
- будущий экологический беженец.

Рассматривая приведенные выше термины, можно отметить содержащиеся в них два элемента: экологический и миграционный. Вместе с тем эти термины не являются идентичными. В научных кругах сегодня ведутся дискуссии для определения феномена «экологический мигрант», так как климатический фактор в причинах миграции является не единственным, существуют также политическая ответственность государства и его участие в экологической катастрофе и переселении. Например, в научном докладе Стивена Кастлса и Ричарда Блэка [Castles, 2002] отмечается, что экологические причины тесно взаимодействуют с политическими и экономическими факторами, и только их совокупное влияние способно вызвать перемещение. Таким образом, ученые говорят о невозможности идентификации феномена «экологический мигрант» только через его привязку к экологическому аспекту без учета политического.

Определение разницы между климатическим беженцем и мигрантом является важным этапом для последующей разработки политики решения вопроса экологической миграции. Выделим характерные свойства и признаки понятия «экологический мигрант» (см. таблицу).

Таблица
Table

Характеристики понятия «экологический мигрант»
Characteristics of the concept of «environmental migrant»

Признак классификации	Виды
Скорость изменения климата	– внезапные изменения; – постепенные изменения состояния окружающей среды;
Характер (мотивация) переселения	– добровольный; – вынужденный; – смешанный характер;
География	– внутренняя (в пределах одного государства); – международная (с пересечением государственной границы и размещением за пределами государства гражданской принадлежности);
Длительность	– миграция на короткий срок; – миграция на длительный срок;
Политический и экономический аспект (наличие системы государственной поддержки переселения и защиты экологических мигрантов)	– защита прав человека; – защита окружающей среды; – мероприятия, проводимые принимающей стороной; – мероприятия, проводимые пострадавшей стороной; – координация и поддержка миграции и перемещения.

На наш взгляд, экологическим мигрантом следует признавать переселенцев, вынужденных покинуть районы своего постоянного проживания в связи с экологическими изменениями и использующих меры государственной поддержки при переселении. В случае международной миграции меры поддержки солидарно обеспечиваются как принимающей, так и пострадавшей стороной (государством).

Нормативно-правовые механизмы защиты экологических мигрантов. Сегодня в международном праве отсутствует единый нормативно-правовой координирующий механизм по защите экологических мигрантов, способный предсказывать ожидаемое перемещение людей. Для решения этой проблемы в данной статье мы предлагаем ряд нововведений, заключающихся в создании единого международного координационного центра по работе с экологической миграцией, например, в структуре ООН. Целью этих изменений в том числе является создание организации, предоставляющей правовой статус, помощь и защиту переселенцам, попадающим под категорию экологического мигранта.

Международное право и экологическая миграция. Проблема миграции населения ввиду ухудшений климатических условий затрагивает многие вопросы международного права. Понимание этих вопросов является ключевым для определения списка полномочий международной организации (координационного центра) по защите экологических мигрантов, а также помогает установить, каким требованиям она должна соответствовать и какую форму может принимать. Как отмечает профессор McAdam [2012] проблема экологической миграции включает в себя следующие пять вопросов международного права: 1) защита прав человека; 2) защита окружающей среды; 3) стихийные бедствия и чрезвычайные ситуации природного характера; 4) миграция и перемещение; 5) устойчивое развитие.

Защита прав человека. Очевидно, что миграция происходит потому, что население определенного государства или его территории более не имеет возможности пользоваться своими элементарными и неотъемлемыми правами человека по причине чрезвычайных ситуаций природного или техногенного характера. В этом случае происходит нарушение естественного права человека на жизнь [Goodhart, 2016]. На сегодняшний момент ни одно из международных соглашений в области защиты прав беженцев не предусматривает защиту лиц, пострадавших и вынужденных покинуть районы с опасным для жизни состоянием окружающей среды.

Права беженцев и правовое обязательство государств защищать их были впервые определены в Конвенции о статусе беженцев 1951 года⁹⁹, которая была расширена протоколом к ней в 1967 году¹⁰⁰. Согласно конвенции, беженец определяется как лицо, неспособное или не желающее вернуться в страну происхождения из-за вполне обоснованного страха преследования по признаку расы, религии, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений. Однако в этом определении не содержится информации о невозможности возвращения ввиду экологической ситуации. Конвенция юридически обязывает страны предоставлять доступ к судам, удостоверениям личности и проездным документам и предлагать возможную натурализацию. Она также запрещает дискриминацию в отношении беженцев, наказание их, принудительное возвращение в страны их происхождения. Беженцы имеют право исповедовать свои религии, получать образование и получать доступ к государственной помощи.

Говоря о вопросах *миграции и перемещения* можно отметить, что экологические мигранты, аналогично трудящимся мигрантам, сталкиваются с проблемой отсутствия работы в государстве происхождения, обеспечивающей приемлемый уровень жизни. В случае экологической миграции это может быть обусловлено отсутствием работы в результате разрушения инфраструктуры вследствие стихийных бедствий или полного исчезновения государства (как в случае затопления островных государств).

⁹⁹ Генеральная Ассамблея ООН, Конвенция о статусе беженцев, 28 июля 1951 // United Nations, Treaty Series. Vol. 189. P. 137

¹⁰⁰ Генеральная Ассамблея ООН, протокол, касающийся статуса беженцев, 31 января 1967 // United Nations, Treaty Series. Vol. 606. P. 267.

Интересно отметить, что несмотря на то, что Международная конвенция ООН о защите прав трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г.¹⁰¹ является всеобъемлющим международным договором в области прав человека и миграции, она не предоставляет новых прав для мигрантов, при этом гарантируя равное обращение и предоставление таких же условий труда, как и гражданам соответствующего государства. На международном уровне проблемами миграции и перемещения населения занимается ряд организаций, деятельность которых также связана с защитой прав человека: Специальный докладчик по вопросу о правах человека мигрантов (Special Rapporteur on the Human Rights of Migrants), Специальный докладчик ООН по вопросу о правах человека внутренне перемещенных лиц, Центр наблюдения за процессами внутреннего перемещения (Internal Displacement Monitoring Centre, IDMC), Глобальный форум по миграции и развитию (Global Forum on Migration and Development) и пр.

Естественно, что экологическая миграция является следствием *чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера*. Экологические мигранты нуждаются в предоставлении помощи, а также на содействие во временном переселении [McAdam, 2002]. Проблемой предупреждения и ликвидации последствий катастроф природного и техногенного характера занимаются многие организации международного уровня: Международная стратегия ООН уменьшения опасности бедствий (МСУОБ), УКГВ ООН, Программа развития ООН (ПРООН), Всемирная продовольственная программа (ВПП), Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО ООН) и пр.

С точки зрения связи экологической миграции и вопросов *защиты окружающей среды*, следует отметить, что массовые потоки экологической миграции должны стать еще одним предупреждением и толчком для национальных правительств и международного сообщества к проведению политики уменьшения выбросов парниковых газов, а также к принятию необходимых мер по смягчению ущерба от изменения климата. Например, путем разработки законодательства и механизмов, которые будут способствовать защите самих климатических мигрантов-жертв глобального экономического и экологического дисбаланса. Вопросами защиты окружающей среды также занимаются отдельные специализированные организации международного уровня: ЮНЕП, Международный институт проблем устойчивого развития (МИПУР).

Устойчивое развитие представляет всесторонний процесс, ориентированный на постоянное улучшение благосостояния всего населения и каждого человека в отдельности. Одной из целей ООН является обеспечение международного сотрудничества в развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех без различия расы, пола, языка и религии¹⁰². Право устойчивого развития связано с экологической миграцией, поскольку данный вид миграции вызван тем, что пострадавшие регионы не способны обеспечить проживающему населению достаточный уровень жизни. Ряд организаций задействован в сотрудничестве на международном уровне по вопросам устойчивого развития: ПРООН, ЮНФПА, МИПУР, МОТ, Всемирный банк.

Подводя итоги, скажем что по каждому из названных аспектов международного права, связанных с проблемой экологической миграции, существует ряд вовлекаемых международных организаций. Вместе с тем на международном уровне отсутствует единый механизм по защите экологических мигрантов. К задачам такой организации, созданной в виде координационного центра, по нашему мнению, должны относиться: предоставление статуса «экологического мигранта», координация работы по предотвращению и смягчению последствий экологического переселения, предсказание будущих переселений, вынесение прогнозов по изменению климата и вынужденной миграции на обсуждение смежным организациям.

¹⁰¹ Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, принята Генеральной Ассамблеей ООН 18 декабря 1990 г. резолюцией 45/158.

¹⁰² Устав Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.). П. 3 ст. 1.

Координационный центр по проблемам экологической миграции и защите экологических мигрантов. Один из вариантов разрешения проблемы экологической миграции, предложенный профессором МакАдам, состоит в создании координационного механизма перемещения населения на уязвимых территориях. Этот механизм состоит в использовании имеющихся инструментов регулирования, а именно в обеспечении сотрудничества с ранее описанными международными организациями. Подобный вариант позволяет подойти к решению проблемы с разных сторон, поскольку использует специализированные знания и опыт различных организаций, в том числе узкоспециализированных.

С другой стороны, по мнению Е.Ю. Макаровой [2012], нецелесообразным считается создание одной международной организации, которая будет ответственна за решение проблем глобальной климатической миграции, так как она будет являться слабым обоснованием и не приведет к фундаментальному подходу к решению проблемы. А именно с точки зрения определения вероятности миграции населения необходимо учитывать социальную, культурную, политическую и экономическую среду сообщества пострадавших и принимающих, когнитивные процессы людей, испытывающих последствия изменения климата, типы климатических изменений, которые вынуждают население мигрировать. Совокупность этих знаний не может быть доступна одной организации в полном объеме, требуется привлечение опыта разных государств. Поэтому будет более эффективно объединение накопленного опыта и знаний путем использования и интеграции нескольких международных организаций с созданием условий для их сотрудничества. Именно это сможет способствовать наиболее эффективному реагированию международного сообщества на важную проблему экологической миграции.

Обоснованность нецелесообразности создания выделенной международной организации спорна. При создании сети представительств на международном уровне обеспечивается региональное присутствие. Нам кажется перспективным в качестве вспомогательного элемента в работе координационного центра в решении проблемы экологической миграции и реализации вышеописанных перспектив использование модели, анонсированной в новом докладе всемирного банка (WGB 2018) по внутренней миграции, которая является первой в своем роде попыткой смоделировать миграцию, вызванную изменением климата, на больших географических территориях.

Данная модель создана таким образом, что моделирует климатические воздействия на различных регионах планеты и прогнозирует распределения населения, пытаясь восполнить тот пробел информации, который необходим организациям по защите экологических мигрантов для принятия комплексных координационных решений в будущем. А именно в разработанной модели происходит моделирование постепенных климатических явлений, таких как нехватка воды, неурожай, повышение уровня моря и т. д., но не природных катаклизмов с непредсказуемым исходом (ураганы, наводнения, цунами и т. д.). Модель применяет данные демографического, социально-экономического и климатического воздействия для моделирования вероятных перемещений населения. Чтобы учесть неопределенности анализа миграции в течение следующих 30 лет, в исследовании WGB 2018 рассмотрены три возможных сценария климата и его дальнейшего развития:

- 1) «пессимистичный» – высокие выбросы парниковых газов в сочетании с неравными путями развития;
- 2) «более инклюзивное развитие» – такие же высокие выбросы, но с улучшенными путями развития;
- 3) «более благоприятные для климата» – более низкие глобальные выбросы в сочетании с неравным развитием.

По оценкам доклада, в более оптимистичных сценариях, когда глобальное потепление замедляется коллективными действиями стран и государства предпринимают решительные действия по адаптации к изменениям, число внутренних мигрантов может составлять всего 26 миллионов в исследуемых регионах, а не 140 миллионов, как при пессимистичном исходе.

Модель единого координационного центра по работе с эко-мигрантами. Обобщая исследуемый материал, мы приходим к выводу, что необходимо комплексное единое решение к проблеме экологической миграции. Мы предлагаем вариант по созданию специальной международной организации, которая будет заниматься координацией экологических мигрантов, а также использовать в качестве вспомогательного элемента инновационную модель по построению будущих миграций, при этом за счет сети региональных представительств возможен учет региональных особенностей пострадавших и принимающих регионов. Стоит отметить, что информационные технологии будут играть немаловажную роль при решении проблемы изменения климата в части анализа текущих и прогнозирования будущих тенденций к миграции (см. рисунок).

Рис. Модель единого координационного центра

Fig. Model of a unique coordinating center

«Климатическая справедливость». На наш взгляд, эти и все будущие реформы об изменении международного права в вопросе защиты прав экологических мигрантов, должны учитывать концепцию «климатической справедливости», т. к. изменение климата является этической и социальной проблемой. Очевидно, что более развитые страны и экономики внесли наибольший урон проблеме потепления, изменения климата. Вместе с тем именно бедные, отстающие в развитии страны будут нести от этого самые катастрофические последствия, т. к. не имеют достаточно ресурсов в борьбе с ними. В качестве «справедливого» мы видим решение, при котором те страны, которые несут основную ответственность за выбросы парниковых газов, приняли бы большее количество беженцев. В качестве альтернативы, возможно создать фонд, который будет обеспечивать оплату ухода за мигрантами и их переселение теми странами, которые являются крупнейшими загрязнителями CO₂. В последние годы страны назначения по-разному относятся и реагируют на волны миграции. Правительства некоторых стран (США, Германия, Франция, Канада) часто проявляли избирательность, отдавая большее предпочтение молодым, здоровым и определенного уровня образованности мигрантам, оставляя детей, пожилых людей и немощных. Однако в будущем такой проблемы по принятию климатических мигрантов можно будет избежать при установлении ограничений в работе международных организаций, новая политика которых может помочь предотвратить путаницу и определить стандарты отбора климатических мигрантов по принципу одного из подхода «климатической справедливости» [Прокофьев, 2011].

Заключение. Переговоры по международным соглашениям по данным вопросам могут продолжаться длительный период времени, но принятие плана решений по эко-мигрантам должно начаться уже сейчас. Было бы разумным, чтобы сегодня крупные державы G20, такие как США, Европейский Союз, Китай, Россия, Индия, Канада, Австралия и Бразилия приняли промежуточные шаги. Соединенные Штаты могут предложить временный охраняемый статус климатическим мигрантам, которые уже находятся на территории страны. А пра-

вительственные программы помощи и неправительственные организации должны наращивать поддержку координационным организациям по оказанию защиты экологических беженцев для обеспечения скорой помощи пострадавшим от климатических катастроф.

Кроме того, необходимо, чтобы все страны, которые не подписали конвенцию ООН о беженцах, рассмотрели возможность присоединения к числу стран-участников Конвенции. Это многие развивающиеся страны в Южной Азии и на Ближнем Востоке, которые уязвимы к изменению климата и в которых уже проживает большое число беженцев (внутренняя миграция населения). Поскольку большинство пострадавших людей в этих регионах, вероятно, будет переезжать в соседние страны, крайне важно, чтобы все страны в этих регионах придерживались единого набора мер для обращения с беженцами и оказания им помощи. Для этого необходимо предоставить осязаемые выгоды всем участникам, испытывающим влияние в результате присоединения данных стран к конвенции ООН о беженцах.

Хочется обратить внимание на то, что масштабы вызова экологической миграции не похожи ни на что, с чем когда-либо сталкивалось человечество. По всем ожидаемым прогнозам, к середине столетия изменение климата может изменить жизни гораздо большего количества людей, чем это было за время Второй мировой войны, которая привела к перемещению около 60 миллионов лиц по всей Европе. Миграционный кризис, происходящий в Европе с 2015 года, уже охватил более миллиона беженцев и мигрантов. Из-за того, что ситуация только ухудшается, прогнозируются гораздо большие потоки людей, которые будут нуждаться в новых территориях проживания, именно поэтому мировое сообщество усилиями всех наций должно начать работу уже сейчас.

Список литературы

1. Бекашев Д.К. 2013. Экологическая миграция населения: Международно-правовые аспекты. М., Аспект-пресс, 176.
2. Евтушенко В.И. 2016. Экологическая миграция как составная часть системы защиты человека и обеспечения экологической безопасности. *Lex Russica*, 6 (115): 158–169.
3. Маркова Е.Ю. 2018. Международно-правовая защита экологических мигрантов: реалии и перспективы. *Актуальные проблемы Российского права*, №. 7 (92): 209–217.
4. Прокофьев А.В. 2018. Климатическая справедливость: российский контекст. *Этическая мысль*, Т. 11: 140–163.
5. Adamo Susana B. 2010. Environmental migration and cities in the context of global environmental change. *Current Opinion in Environmental Sustainability*, 2.3: 161–165.
6. Afifi T. 2011. Economic or environmental migration? The push factors in Niger. *International Migration*, 49: 95–124.
7. Black R. et al. 2011. The effect of environmental change on human migration. *Global environmental change*, 21: 3–11.
8. Castles, Stephen. 2002. Environmental change and forced migration: making sense of the debate. *UNHCR*: 16 p.
9. Goodhart M. 2016. Human rights: politics and practice. Oxford university press, 528.
10. Ferris E. 2015. Climate change, migration and the incredibly complicated task of influencing policy. *Brookings Institution Conference on «Human Migration and the Environment: Futures, Politics, Invention» Durham University*, vol. 1: 234–240.
11. Findlay Allan M. 2011. Migrant destinations in an era of environmental change. *Global Environmental Change*, 21: 50–58.
12. Fröhlich Christiane J. 2016. Climate migrants as protestors? Dispelling misconceptions about global environmental change in pre-revolutionary Syria. *Contemporary levant*, 1.1: 38–50.
13. Kniveton D. et al. 2008. Climate Change and Migration: Improving Methodologies to Estimate Flows. Brighton, UK. International Organization for Migration, University of Sussex, vol. 72: 57.
14. Lele S.M. 1991. Sustainable development: a critical review. *World development*, 19(6): 607–621.
15. Mayer B. 2016. The arbitrary project of protecting environmental migrants. *Environmental migration and social inequality*. Springer, Cham, 189–200.
16. McAdam J. 2012. Climate change, forced migration, and international law. Oxford University Press, 340.

17. Nissani M. 1997. Ten cheers for interdisciplinarity: The case for interdisciplinary knowledge and research. *The social science journal*. vol. 34 (2): 201–216.
18. Obokata Reiko, Luisa Veronis, and Robert McLeman. 2014. Empirical research on international environmental migration: a systematic review. *Population and environment*, 36.1: 111–135.
19. Rigaud K.K. et al. 2018. *Groundswell: Preparing for Internal Climate Migration*. Washington, DC: World Bank. <https://doi.org/10.1596/1813-9450-5270>.
20. Webber M., Barnett J. 2010. *Accommodating migration to promote adaptation to climate change*. The World Bank: 256.

References

1. Bekyashev D.K. 2013 *Ekologicheskaya migratsiya naseleniya: mezhdunarodno-pravovye aspekty* M., Aspekt Press. 176 (in Russian).
2. Evtushenko V.I. 2016. *Ekologicheskaya migratsiya kak sostavnaya chast sistemi zashishennosti cheloveka b obespecheniya ekologicheskoy bezopasnosti*. LEX RUSSICA, 6 (115): 158–169 (in Russian).
3. Markova E.Yu. 2018. *Mejdunarodno-pravovaya zashita ekologicheskikh migrantov: Realii I perspektivi*. Aktualnie problem rossiyskogo prava, № 7 (92): 209–217 (in Russian).
4. Prokof'ev A.V. 2011. *Klimaticheskaya spravedlivost': rossijskij kontekst*. Eticheskaya mysl'. T. 11: 140–163 (in Russian).
5. Adamo Susana B. 2010. Environmental migration and cities in the context of global environmental change. *Current Opinion in Environmental Sustainability*, 2.3: 161–165.
6. Afifi T. 2011. Economic or environmental migration? The push factors in Niger. *International Migration*, 49: 95–124.
7. Black R. et al. 2011. The effect of environmental change on human migration. *Global environmental change*, 21: 3–11.
8. Castles, Stephen. 2002. *Environmental change and forced migration: making sense of the debate*. UNHCR: 16 p.
9. Goodhart M. 2016. *Human rights: politics and practice*. Oxford university press, 528.
10. Ferris E. 2015. Climate change, migration and the incredibly complicated task of influencing policy. *Brookings Institution Conference on «Human Migration and the Environment: Futures, Politics, Invention» Durham University*, vol. 1: 234–240.
11. Findlay Allan M. 2011. Migrant destinations in an era of environmental change. *Global Environmental Change*, 21: 50–58.
12. Fröhlich Christiane J. 2016. Climate migrants as protestors? Dispelling misconceptions about global environmental change in pre-revolutionary Syria. *Contemporary levant*, 1.1: 38–50.
13. Kniveton D. et al. 2008. *Climate Change and Migration: Improving Methodologies to Estimate Flows*. Brighton, UK. International Organization for Migration, University of Sussex, vol. 72: 57.
14. Lele S.M. 1991. Sustainable development: a critical review. *World development*, 19(6): 607–621.
15. Mayer B. 2016. The arbitrary project of protecting environmental migrants. *Environmental migration and social inequality*. Springer, Cham, 189–200.
16. McAdam J. 2012. *Climate change, forced migration, and international law*. Oxford University Press, 340.
17. Nissani M. 1997. Ten cheers for interdisciplinarity: The case for interdisciplinary knowledge and research. *The social science journal*. vol. 34 (2): 201–216.
18. Obokata Reiko, Luisa Veronis, and Robert McLeman. 2014. Empirical research on international environmental migration: a systematic review. *Population and environment*, 36.1: 111–135.
19. Rigaud K.K. et al. 2018. *Groundswell: Preparing for Internal Climate Migration*. Washington, DC: World Bank. <https://doi.org/10.1596/1813-9450-5270>.
20. Webber M., Barnett J. 2010. *Accommodating migration to promote adaptation to climate change*. The World Bank: 256.

Ссылка для цитирования статьи

Link for article citation

Абиева Э.Р. 2020. Координационный центр как элемент международной защиты экологических мигрантов. *Via in tempore. История. Политология*, 47(1): 178–186.
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-178-186

Abieva E.R. 2020. Coordination center as an element of international protection of environmental migrants. *Via in tempore. History and political science*, 47(1): 178–186 (in Russian).
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-178-186

УДК 327.88
DOI

ВОЗМОЖНОСТИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ ПО РЕАГИРОВАНИЮ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ГИБРИДНЫМ УГРОЗАМ

CAPABILITIES OF DEMOCRATIC STATES TO RESPOND AND COUNTER HYBRID THREATS

П.В. Попов
P.V. Popov

Балтийский государственный технический университет «Военмех» им. Д.Ф. Устинова,
Россия, 190005, г. Санкт-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, 1

Baltic State Technical University «Voenmeh» of D.F. Ustinov,
1, 1ya Krasnoarmeyskaya St, Saint-Petersburg, 190005, Russia

E-mail: pa052vel@rambler.ru

Аннотация

Гибридные угрозы стали одним из современных вызовов национальной безопасности любого государства. Они отражают значительные изменения в характере международной безопасности. Некоторые концепции гибридной войны включают обширные невоенные инструменты. В статье рассматриваются возможности иностранных демократических государств по реагированию и противодействию гибридным угрозам с точки зрения иностранных специалистов. Проведен анализ созданных в ряде европейских государств основных структур, отвечающих за противодействие гибридным угрозам. Рассмотрены правовые акты Европейского союза, объединяющие имеющийся опыт и вырабатывающие новые механизмы и передовые практики. Сделан вывод по ряду общих черт по подготовке, реагированию и противодействию гибридным угрозам ведущих иностранных государств.

Abstract

Modern technologies, changing the familiar picture of the world and the perception of reality, lead to cardinal changes in all spheres of society. New forms and methods of warfare appear which led to the emergence of hybrid wars. Hybrid threats have become one of the modern challenges to the national security of any state. They reflect significant changes in the nature of international security. Some hybrid warfare concepts include extensive non-military tools. Within the framework of hybrid threats, the adversary can simultaneously use combinations of conventional and irregular methods of warfare, along with political, military, economic, social and informational means. The article discusses the capabilities of foreign democratic states in responding to and countering hybrid threats from the point of view of foreign experts. The analysis of the main structures created in several European countries responsible for countering hybrid threats has been carried out. The legal acts of the European Union uniting the existing experience and developing new mechanisms and best practices for preparing, responding to and counteracting the hybrid threats of leading foreign countries are considered, the conclusion on a number of general features is made.

Ключевые слова: гибридные войны, гибридные угрозы, кибербезопасность, кибератаки, Европейский союз.

Keywords: hybrid wars, hybrid threats, cyber security, cyber-attacks, European Union.

Открытые общества по своей природе уязвимы, однако крайне важно, чтобы они оставались открытыми. Всемирная сеть Интернет всё чаще становится ареной противостояния государств и открывает новые возможности для гибридных угроз. Вместе с тем

она также необходима для открытой глобальной торговли. Так, демократии могут быть достаточно инертными и громоздкими, но всё же они являются частью системы, которая является основой современных государств. При этом необходимо соблюдать баланс между защитой свободы слова граждан и безопасностью государства от гибридных угроз.

Тем не менее это не значит, что возможности демократии вести гибридные войны ограничены. Демократиям не чужды информационные операции, тайные операции и использование агентов влияния. Тем не менее они сталкиваются с тремя проблемами при реагировании на гибридные угрозы [Sahin, 2016].

Во-первых, поскольку гибридные угрозы затрагивают как всё правительство, так и общество в целом, им будет сложнее, чем авторитарным противникам, быстро координировать принятие решений на разных уровнях власти. Так, по мнению научного сотрудника Центра возникающих угроз и возможностей при командовании по развитию боевых действий морской пехоты США подполковника Ф. Хоффмана [Hoffman, 2009], необходимо реагировать и адаптироваться быстрее, чем противник завтрашнего дня. При этом как проявлять гибкость на всех уровнях принятия управленческих решений, так и развивать необходимый комплекс оборудования [Hoffman, 2009, p.36]

Во-вторых, связанные с этим сдержки и противовесы, бюрократия и отдельные институты демократического общества усложняют сами операции гибридной войны.

В-третьих, гибридный конфликт бросает вызов важным этическим принципам. По словам одного аналитика, «демократии [не] могут вести гибридную войну всеобъемлющим и организованным образом, как это могут делать их авторитарские и негосударственные противники. Если бы они это сделали, они бы скомпрометировали саму суть того, что они стремятся защитить» [Sahin, 2016].

Деятельность государств и региональных структур по противодействию гибридным угрозам

Европейский союз

В апреле 2016 г. ЕС выпустил «Совместную рамочную договорённость по противодействию гибридным угрозам – ответ Европейского союза» [Joint Framework on countering hybrid threats..., 2016], в которой были сформулированы 22 практических предложения по повышению устойчивости ЕС и государств-членов, а также партнёров к гибридным угрозам. Отмечалось, что постоянное изменение как определения, так и характера гибридных угроз требует гибкости для реагирования, чтобы охватить сочетание силовой и диверсионной деятельности, обычных и нетрадиционных методов (т. е. дипломатических, военных, экономических, технологических), которые могут быть использованы скоординированным образом государственными или негосударственными акторами для достижения конкретных целей, оставаясь при этом ниже порога официального объявления войны. При этом противником будут использоваться выявленные им уязвимости цели, а также создаваться неопределённость, препятствующая процессам принятия решений.

Хотя повышение устойчивости государств-членов имеет решающее значение, так как большинство национальных уязвимостей зависят от конкретной страны, ЕС надеется эффективно реагировать на общие угрозы, направленные на трансграничные сети инфраструктуры. В ходе первого мероприятия государствам-членам было предложено выявить ключевые факторы уязвимости. Другие меры включали повышение уровня защиты и устойчивости критической инфраструктуры, координацию действий в киберпространстве, нацеленность на финансирование защиты от гибридных угроз и усиление координации с НАТО. В рамках Совместной договорённости выдвигалось предложение о создании Координирующего подразделения (EU Hybrid Fusion Cell) для выработки единого подхода к анализу гибридных угроз.

19 июля 2017 г. Европейская комиссия выпустила обновлённую информацию о шагах, предпринятых для реализации «Совместной рамочной договорённости 2016 года по

противодействию гибридным угрозам» [Security and defence..., 2017]. Сотрудничество с государствами, не являющимися членами, расширилось после запуска в Молдове пилотного исследования риска с целью выявления ключевых факторов уязвимости и оказания целевой помощи в этих областях. ЕС также принял «План ЕС» для противодействия гибридным угрозам [Joint Staff Working Document..., 2016]. В документе подробно описывается процедура реагирования ЕС на гибридную угрозу, в котором Координирующее подразделение ЕС играет критически важную роль для первоначального выявления угрозы до возникновения полного кризиса.

Великобритания

В Великобритании для реагирования на гибридные угрозы государственные структуры объединяются под эгидой кризисного центра. Его ядро – COBR (COBRA, The Cabinet Office Briefing Rooms «А», комната «А» заседаний кабинета министров). Будучи чрезвычайным советом, COBR собирается для обсуждения приоритетных вопросов, национальных или региональных кризисов, угрожающих безопасности страны, решение которых требует координации действий нескольких ведомств в правительстве.

В июне 2016 г. Комитет по обороне Палаты общин опубликовал доклад, посвящённый угрозе России и её последствиям для политики безопасности. В докладе акцентируется внимание на всём спектре задач, стоящих перед российскими военными и не конвенционными возможностями. Основным подразделением как по работе с угрозами, создаваемыми враждебной дезинформацией и пропагандой, так и собственно их проведением в Министерстве обороны Великобритании является 77-я Бригада. Подразделение, созданное в сентябре 2014 г. и преобразованное в июле 2015 г., ставит своей целью «бросить вызов трудностям современной войны, с использованием как нелегальных действий, так и легальных невоенных рычагов в качестве средств для реагирования на действия противоборствующих сил и противников». Великобритания также призывает НАТО увеличить ресурсы и полностью разработать стратегию эффективного противодействия российской пропаганде и дезинформации [Russia: Implications..., 2016, p. 36–37].

В октябре 2016 г. в Британии был создан Национальный центр кибербезопасности (National Cyber Security Centre, NCSC), объединяющий отдельные структуры правительства, занимающиеся вопросами кибербезопасности [2017 Annual Review, 2017]. NCSC анализирует вопросы кибербезопасности, реагирует на инциденты в области кибербезопасности, использует отраслевой и академический опыт для развития возможностей кибербезопасности, а также снижает риски для Великобритании, защищая сети государственного и частного секторов. Создание центральной организации для борьбы с угрозами кибербезопасности позволяет NCSC решать задачи защиты наших критически важных сервисов от кибератак, управления крупными инцидентами и улучшения базовой безопасности Интернета в Великобритании посредством технологического совершенствования и консультирования граждан и организаций [About the NCSC, 2017].

В декабре 2017 г. Британский комитет по разведке и безопасности опубликовал свой ежегодный отчёт за 2016–2017 гг. [Annual report 2016–2017..., 2018]. В докладе рассматривались угрозы национальной безопасности, с которыми сталкивалась страна, от терроризма в Северной Ирландии до кибербезопасности. Хотя в нём явно не упоминаются гибридная война, нетрадиционные возможности, асимметричные подходы или война нового поколения, но рассматриваются конкретные уязвимости и инструменты, связанные с гибридной угрозой, особенно в киберсфере. Киберугроза является значительной и разнообразной, нацеленной на «все слои общества ... от государственных сетей до компаний и частных лиц» [Annual report 2016–2017..., 2018, p. 29].

Изучив кибероперацию по «вмешательству» в президентские выборы в США 2016 г., комитетом был сделан вывод о том, что «Государственные акторы обладают высокой способностью осуществлять передовые кибератаки, однако использование этих ме-

тодов исторически было ограничено дипломатическими и геополитическими последствиями, которые последуют в случае обнаружения такой деятельности. Недавняя российская киберактивность, похоже, указывает на то, что это перестало быть сдерживающим фактором» [Annual report 2016–2017..., 2018, p. 31].

Великобритания придаёт большое значение обеспечению контроля систем критической национальной инфраструктуры, что включает в себя защиту британской политической системы от кибератак. Целями таких атак могут быть подрыв целостности политических процессов в Великобритании, подрыв конкретных выборов или референдума с выгодой для предпочитаемой стороны враждебного актора, нанесение вреда общественному дискурсу по чувствительным политическим вопросам и выявление людей, которые могут быть открыты для подрывной деятельности или политического экстремизма в интересах враждебного актора [Annual report 2016–2017..., 2018, p. 32–33].

Для решения этих проблем NCSC отслеживает известных преступников, предоставляет наиболее эффективные методы защиты уязвимым лицам, сотрудничает в борьбе с враждебной пропагандой, а также повышает безопасность данных. Великобритания также инвестирует в наступательный киберпотенциал через Национальную наступательную киберпрограмму (National Offensive Cyber Programme, NOCP) для разработки специальных возможностей контратак в киберпространстве, которые будут выступать сдерживающим фактором [Annual report 2016–2017..., 2018, p. 43].

Финляндия

Финляндия является ещё одним примером комплексного подхода к обеспечению безопасности, при котором жизненно важные функции общества обеспечиваются за счёт сотрудничества между органами власти, бизнес-сообществом, организациями гражданского общества и отдельными гражданами [Cederberg, Eronen, p. 9, 2015]. Такой масштабный подход необходим для эффективной защиты от гибридных угроз, поскольку такие атаки не делают различий между отраслями экономики, гражданскими лицами, органами власти и военными целями. Министерство обороны Финляндии опубликовало Стратегию безопасности для общества в качестве основы для гибридной обороны [Security Strategy for Society, 2010].

Помимо простой публикации стратегических документов, Финляндия также приняла конкретные шаги по укреплению своего потенциала. Ярким примером является создание Европейского центра передового опыта по противодействию гибридным угрозам (European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats, Hybrid CoE). Государство работает над улучшением национальной ситуационной осведомлённости в киберпространстве и является активным партнёром в региональных оборонных инициативах и учениях. Правительство также создало Национальный центр кибербезопасности (National Cyber Security Centre). Создается и совершенствуется группа реагирования на компьютерные инциденты (GOVCERT) для круглосуточного функционирования государственного сектора в информационно-телекоммуникационных сетях. Тщательно проработаны полномочия и ресурсы для полиции и военных, включая разведку, работающих в киберобласти. Что касается регионального партнёрства, то финские эксперты были направлены в Центры передового опыта НАТО (NATO's Centres of Excellence) в Таллине и Риге, а все подразделения Вооружённых сил Финляндии принимали участие в военных учениях, организованных в регионе Балтийского моря [Cederberg, Eronen, 2015, p. 9].

В то же время Финляндия разработала законодательство, предусматривающее предоставление более широких полномочий по проведению сбора разведывательной информации внутри и за пределами Финляндии» своим военным и силовым ведомствам, что позволит расширить полномочия вооружённых сил по проведению разведывательных операций с помощью агентурных каналов, радиоканалов связи, информационных и телекоммуникационных систем [Finland launches national..., 2017].

Швеция

В январе 2018 г. премьер-министр Ст. Лёвен также объявил об инициативе создания нового органа, ответственного за укрепление «психологической защиты» шведской общественности путём выявления, анализа и реагирования на «кампании внешнего влияния» [Rettman, Kirk, 2018]. Это будет воссозданием версии 2.0 предыдущего агентства, действовавшего в период Холодной войны – Комитета по психологической защите (The Board of Psychological Defence), который был поглощён в 2009 г. Агентством по гражданским чрезвычайным ситуациям (The Civil Contingencies Agency, MSB), которое взяло на себя и разработало функцию по управлению национальными кризисными ситуациями. Под руководством правительства Швеции MSB задействовалось в противодействии враждебным операциям влияния. Воссоздание нового органа, занимающегося вопросами контрпропаганды, станет частью более масштабных мер, в том числе по обеспечению безопасности выборов. Другие шаги буду включать в себя увеличение финансирования шведских разведывательных служб и служб киберзащиты.

Франция

Президент Франции Э. Макрон предложил изменить законодательство для борьбы с фальшивыми новостями и вмешательством в выборы [Chrisafis, 2018]. Хотя это не соответствует полноценной стратегии противодействия гибридным угрозам, оно нацелено на борьбу с манипуляциями во время прошедших президентских выборов, которые якобы имели место со стороны России. В ходе предвыборной кампании Э. Макрон обвинил Россию в использовании «гибридной стратегии, сочетающей в себе военное запугивание и информационную войну». Предлагаемое законодательство предусматривает требование к веб-сайтам раскрывать информацию о том, кто их финансирует, а также ограничение расходов на спонсорский контент. Закон идёт ещё дальше, чтобы противостоять тому, что Э. Макрон называет «пропагандой, выраженной тысячами учётных записей социальных сетей» в предвыборный период, позволяя властям удалять контент или блокировать веб-сайт. Высшему совету аудиовизуальных средств (Conseil supérieur de l'audiovisuel, CSA), наблюдательному агентству страны, будет предоставлено больше полномочий для борьбы с любой попыткой дестабилизации со стороны телевизионных каналов, контролируемых или находящихся под влиянием иностранных государств [Serhan, 2018].

Эстония

В 2008 г. в Эстонии был открыт Центр передового опыта совместной киберзащиты НАТО (NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence, CCDCOE) в Таллинне. Он поддерживает создание возможностей по сотрудничеству и обмену информацией между странами НАТО и партнёрами в области киберзащиты на основе профессионального образования, научных исследований и разработок, извлечённых уроков и консультаций [NATO Cooperative Cyber..., 2019]. Центр был создан после того, как в 2007 г. Эстония «подверглась политически мотивированной» трехнедельной российской кибератаке в связи с перемещением советского мемориала времён Великой Отечественной войны [Iap Траупог, 2007]. Атака была направлена на сайты президента Эстонии, парламента, правительственных министерств, политических партий, трёх из шести крупных новостных организаций, двух крупных банков и компаний связи.

В 2011 г. в Эстонии было сформировано подразделение киберзащиты Лиги обороны (Cyber Defence Unit of the Defence League). Подразделение киберзащиты является частью Лиги обороны Эстонии, добровольной организации, связанной с вооружёнными силами Эстонии [Government formed Cyber Defence Unit..., 2011]. Киберобъединение состоит из патристически настроенных волонтеров, которые являются специалистами в ключевых областях кибербезопасности, владеющих навыками в области информационных технологий, а также экс-

пертами в других областях (например, юристы и экономисты) [Ruiz, 2018]. Его цель – повысить готовность населения защищать независимость Эстонии и её конституционный порядок, опираясь на свободу воли и личную инициативу [Kaska et al., 2013, p.11].

В 2013 г. CCDCOE опубликовал анализ работы этого подразделения, в котором был подтвержден положительный опыт участия сотрудников подразделения киберзащиты в различных мероприятиях, предусмотренных законом, как для повышения потенциала и возможностей самого подразделения киберзащиты, так и повышения киберустойчивости и способности реагировать на угрозы государства в целом. Группа киберзащиты занимается одним из ключевых аспектов противодействия гибридным угрозам – формированием устойчивости к ним, повышением способности реагировать на потенциальную кибератаку [Kaska et al., 2013, p. 27–28].

Выводы

Современные технологии, изменяя привычную картину мира и восприятия реальности, приводят к кардинальным переменам во всех сферах жизнедеятельности общества. Появляются новые формы и способы ведения боевых действий, что привело к появлению гибридных войн. Гибридные угрозы стали одним из современных вызовов национальной безопасности любого государства. Они отражают значительные изменения в характере международной безопасности. В рамках гибридных угроз противником могут одновременно использоваться комбинации обычных и иррегулярных методов ведения войны наряду с политическими, военными, экономическими, социальными и информационными средствами. В этой связи можно выделить следующие передовые практики ведущих государств по подготовке, реагированию и противодействию гибридным угрозам, которые имеют ряд общих черт:

- они охватывают все системы управления государством с одновременным подключением возможностей всего общества;
- они оценивают уязвимости. В первую очередь необходимо сосредоточиться на информационной сфере, против угроз в телекоммуникационной среде: шпионажа, цифровых атак и манипулирования информацией [Cederberg, Eronen, 2015];
- они уделяют особое внимание кибербезопасности, поскольку киберсфера, наряду с социальными сетями, являются основными компонентами гибридных угроз;
- они проявляют творческий подход к работе с негосударственным сектором, в чьих руках находятся телекоммуникационная инфраструктура, подлежащая государственной защите. Так, например, подразделение киберзащиты Эстонии является частью Лиги обороны Эстонии, добровольной военной организации национальной обороны;
- они зависят от общей ситуационной осведомленности, получаемым разведывательным сведениям, проводимому высококачественному анализу и активных контрразведывательных действий. В некоторых странах это потребовало изменения законов, чтобы предоставить разведывательным службам больше полномочий для сбора информации как внутри страны, так и за её пределами.

Список литературы: References

1. «2017 Annual Review», National Cyber Security Centre, October 3, 2017, URL: <https://www.ncsc.gov.uk/news/2017-annual-review> (дата обращения: 18.01.2020).
2. «About the NCSC», National Cyber Security Centre, 2017. URL: <https://www.ncsc.gov.uk/section/about-ncsc/what-we-do> (дата обращения: 18.01.2020).
3. Andrew Rettman, Lisbeth Kirk, 2018. «Sweden Raises Alarm on Election Meddling», EU Observer. URL: <https://euobserver.com/foreign/140542> (дата обращения: 18.01.2020).
4. Angelique Chrisafis, 2018. «Emmanuel Macron promises ban on fake news during elections», The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/jan/03/emmanuel-macron-ban-fake-news-french-president> (дата обращения: 18.01.2020).

5. Annual report 2016–2017, Intelligence and Security Committee of Parliament, 2018. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/intelligence-and-security-committee-annual-report-2016-2017> (дата обращения: 18.01.2020).
6. Cederberg, A., Eronen, P., 2015. How can societies be defended against hybrid threats? Strategic Security Analysis, Geneva Centre for Security Policy, 9(1): 1–10. URL: <https://www.fdd.org/analysis/2015/10/05/how-are-societies-defended-against-hybrid-threats/> (дата обращения: 18.01.2020).
7. Frank Hoffman, 2009. «Hybrid Warfare and Challenges», National Defense University. Institute for National Strategic Studies. URL: <https://smallwarsjournal.com/documents/jfqhoffman.pdf> (дата обращения: 18.01.2020).
8. «Finland launches national security initiatives defending against hybrid threats», Pentagon Defense News, 2017. URL: <https://www.defensenews.com/pentagon/2017/04/28/finland-launches-national-security-initiatives-defending-against-hybrid-threats/> (дата обращения: 18.01.2020).
9. «Government formed Cyber Defence Unit of the Defence League», Republic of Estonia Ministry of Defence, 2011. URL: <http://www.kaitseministeerium.ee/en/news/government-formed-cyber-defence-unit-defence-league> (дата обращения: 18.01.2020).
10. Ian Traynor, 2007. «Russia accused of unleashing cyberwar to disable Estonia», The Guardian, May 16, 2007, URL: <https://www.theguardian.com/world/2007/may/17/topstories3.russia> (дата обращения: 18.01.2020).
11. «Joint Framework on countering hybrid threats – a European Union response», European Commission, 2016. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52016JC0018> (дата обращения: 18.01.2020).
12. «Joint Staff Working Document – EU operational protocol for countering hybrid threats _EU Playbook_», Council of the European Union, 2016. URL: <http://statewatch.org/news/2016/jul/eu-com-countering-hybrid-threats-playbook-swd-227-16.pdf> (дата обращения: 18.01.2020).
13. Kaan Sahin, «Liberal Democracies and Hybrid War», International Institute for Strategic Studies, 2016. URL: <https://www.iiss.org/blogs/military-balance/2016/12/liberal-democracies-hybrid-war> (дата обращения: 18.01.2020).
14. Kadri Kaska et al., 2013. «The Cyber Defence Unit of the Estonian Defence League – Legal, Policy and Organisational Analysis», NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. URL: https://ccdcoe.org/sites/default/files/multimedia/pdf/CDU_Analysis.pdf (дата обращения: 18.01.2020).
15. Monica M. Ruiz, 2018. «Is Estonia's Approach to Cyber Defense Feasible in the United States?» War on the Rocks, January 9, 2018. URL: <https://warontherocks.com/2018/01/estonias-approach-cyber-defense-feasible-united-states/> (дата обращения: 18.01.2020).
16. «NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence – About Us», NATO, 2019. URL: <https://ccdcoe.org/about-us/> (дата обращения: 18.01.2020).
17. «Russia: Implications for UK defence and security - First Report of Session 2016-17», House of Commons Defence Committee, 2016. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201617/cmselect/cmdfence/107/107.pdf> (дата обращения: 18.01.2020).
18. «Security and defence: Significant progress to enhance Europe's resilience against hybrid threats – more work ahead», European Commission, 2017. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-17-2064_en.htm (дата обращения: 18.01.2020).
19. «Security Strategy for Society», Ministry of Defence of Finland, 2010. URL: <https://www.defmin.fi/files/1883/PDF.SecurityStrategy.pdf> (дата обращения: 18.01.2020).
20. Yasmeen Serhan, 2018. «Macron's War on _Fake News_», The Atlantic. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2018/01/macrons-war-on-fake-news/549788/> (дата обращения: 18.01.2020).

Ссылка для цитирования статьи
Link for article citation

Попов П.В. 2020. Возможности демократических государств по реагированию и противодействию гибридным угрозам. Via in tempore. История. Политология, 47(1): 187–193.
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-187-193

Popov P.V. 2020. Capabilities of democratic states to respond and counter hybrid threats. Via in tempore. History and political science, 47(1): 187–193 (in Russian).
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-187-193

УДК 327.7

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-194-201

НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИКИ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

NEW APPROACHES IN THE INTEGRATION POLICY OF MIGRANTS IN EUROPEAN UNION

Ф.М. Рамазанова¹, К.Н. Лобанов²
F.M. Ramazanova¹, K.N. Lobanov²

¹⁾ Среднерусский институт управления – филиала РАНХиГС,
Россия, 302028, г. Орёл, б. Победы, 5а

²⁾ Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, 308024 г. Белгород, ул. Горького, 71

¹⁾ Orel branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Boulevard Pobedy, 5A, Orel, 302028, Russia
The I.D. Putilin Belgorod Institute of Law, 71 Gorkogo St, Belgorod, 308024, Russia

E-mail: fati.ramazanova@gmail.com; Lobanov-pol@yandex.ru

Аннотация

В данной статье представлена практика Европейского Союза в регулировании политики по интеграции мигрантов с учётом социального и антропологического аспектов. Работа опирается на проведенные исследования во Франции и Бельгии и их опыт в разрешении поставленных задач. В настоящей статье уделено внимание формированию правовой основы национальной политики в области интеграции иммигрантов. В ходе работы были охарактеризованы современные формы интеграционной политики Европейского Союза, в частности Франции и Бельгии, подвергнуты анализу исследования в области антропологии. Предложено авторское видение на разрешение проблем в сфере миграции и интеграции иммигрантов на территории Европейского Союза.

Abstract

In article presents an attempt to consider the integration policy of the European Union within the social and anthropological aspects. The integration of Muslim migrants remains actual issue for the past decades, with their political participation being a strong focus. I used my experience, which was forged in the different countries I worked in, to develop a common conception of integration policy for the European Union as whole. The investigation structured within a theoretical framework and composed it using a comparative perspective in the social and political spheres. In the current study have applied strong working methodology for the collection and the analysis of specific. To examine the results of the implemented policies (study of migration centers' reports: integration in the labor market, ongoing programs and activities, language proficiency), the statistical data to assess the effects on migrants was used. Modification of interior legislation towards common regime and conditions in the EU might resolve the further problems with territorial concentration of migrants.

Ключевые слова: иммиграция, интеграционная политика, Европейский Союз, Франция, Бельгия.
Keywords: immigration, integration policy, European Union, France, Belgium.

Общие тенденции интеграционной политики начали своё формирование под влиянием развития процессов интеграции непосредственно между странами Европейского Союза (ЕС), что в последствии привело к развитию общих направлений. Стоит отметить тот факт, что в настоящее время так и не существует единой концепции интеграционной политики имми-

грантов, что широко обсуждается в научных кругах Западной Европы. Данная тема обретает более актуальный характер в условиях современного миграционного кризиса. Сложность развития общей концепции интеграционной политики иммигрантов для ЕС состоит в многогранности Европы, её миграционной истории, экономики и политического строя. В работах современных западных авторов всё чаще поднимается вопрос законодательного права в рамках ЕС [Adam, 2013], насколько государство свободно в своих решениях [Orgad, 2016], и как при этом сохранять баланс с общими принципами демократии ЕС [Zbigniew, 2012].

Первая задача исследования состоит в определении базиса наднациональной политики интеграции мигрантов в Европейском союзе. Для решения поставленной задачи в первую очередь стоит обратиться к опыту таких стран, как Франция и Бельгия, где политика по интеграции мигрантов представлена в соответствии с государственной концепцией. На основе почти 50-летнего опыта рассматриваемых стран по интеграции мигрантов в принимаемое общество и личных наблюдений в ходе исследований в работе представлен авторский взгляд на пути адаптации новопривывших и уже натурализованных мигрантов.

Методом системного анализа были рассмотрены основные структурные элементы интеграционной политики мигрантов на европейском пространстве. Важное методологическое значение для системного анализа механизмов интеграционной политики имело выявление ключевых элементов в национальной политике, определяющих результативность проводимых мер на основе движения от частных примеров к общим закономерностям и выводам. Он позволяет проанализировать специфику, общие закономерности, фундаментальные тенденции и взаимосвязи социальных и политических процессов на территории исследуемых стран Европы. Эмпирическую базу исследования составили данные, полученные в ходе научных стажировок в Эстонии, Бельгии и Франции в виде серии проведённых интервью среди мигрантов.

Интеграционная политика ЕС и её реализация в регионах

Интеграционная политика западноевропейских стран начала своё формирование во второй половине XX века, когда статус «временного пребывания» рабочих мигрантов перешел на «постоянное место жительства». В Европейском Союзе интеграционная политика мигрантов является национальной компетенцией, то есть регулируется членами-государствами обособленно. Однако после подписания Лиссабонского договора в 2007 году Европейские институты получили полномочия проводить стимулирование и поддержку государств ЕС в осуществлении интеграции граждан из третьих стран¹⁰³. С вступлением в силу в 1999 году Амстердамского соглашения интеграция мигрантов из стран вне ЕС находится под влиянием европейской политики – ЕС может предпринимать действия по борьбе с дискриминацией, в том числе основанной на расовой и этнической принадлежности, по религиозным или иным убеждениям¹⁰⁴.

До 2004 года общая интеграционная политика была закреплена в Тамперской программе¹⁰⁵, разработанной ЕС, о предоставлении государствами-членами союза гражданам третьих стран тех же прав, что и гражданам ЕС. Кроме того, в программе отражены распоряжения о долгосрочных резидентах стран и положения касательно объединения семьи. Для долгосрочных резидентов вводится единый статус с целью обеспечения равных возможностей: всем лицам, законно проживающим более пяти лет на территории ЕС, должен быть предоставлен долгосрочный вид на жительство. В том числе, мигрант имеет право подать документы на восстановление семьи и может привезти своего супруга и несовершеннолетних детей.

Процессом развития общей иммиграционной политики явилось принятие Советом ЕС по вопросам правосудия и внутренним делам в 2004 году общих базовых принципов в сфере интеграционной политики. Общие базовые принципы руководствуются большинством дей-

¹⁰³ Treaty of Lisbon. 2007. Official Journal of the European Union, № 360, 231 p.

¹⁰⁴ Treaty of Amsterdam. 1997. Official Journal of the European Communities, № 340, 111 p.

¹⁰⁵ 'Tampere Program' 2002. The Information and Communication unit of the Directorate-General Justice and Home Affairs of the European Commission, B-1049 Brussels, 4 p.

ствий ЕС в области интеграции и представляют собой основополагающий базис развития общей интеграционной политики. Одиннадцать установленных принципов формулируют интеграцию как динамичный двусторонний процесс взаимной адаптации иммигрантов и местных жителей при условии уважения демократических ценностей ЕС. Также в документе подчеркивается значение сферы занятости, знания локального языка, местных органов власти, культурного обмена, образовательного процесса, участия в демократических процессах, равных возможностей и признания ключевой роли интеграционной политики на всех уровнях власти. Спустя 10 лет государства-участники возобновили обязательства в 2014 году.

Несмотря на попытки ЕС урегулировать интеграционную политику в соответствии с демократическими принципами и ценностями союза, проблемы интеграции остаются всё ещё значительными. Как уже сказано выше, интеграционная политика находится в компетенции государств-членов ЕС, но обязана придерживаться установленных демократических принципов. В то же время, если мы внимательно посмотрим на внутреннюю политику отдельных стран ЕС, то можно заметить полное расхождение концепций интеграции инокультурных мигрантов.

Франция

Рассмотрим случай Франции, где главенствует концепция «французского гражданина», т. е. это одна из немногих стран с ассимиляционной политикой. Политика ассимиляции подразумевает полное включение мигранта в гражданскую и культурную жизнь страны, слияние его идентичности с общепринятыми на государственном уровне понятиями гражданина. Франция является единственной страной ЕС, не подписавшей рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств, объясняя это равенством всех перед французским государством¹⁰⁶. Переезд в страну, принятие местного законодательства и гражданских ценностей, последующее получение гражданства – уже, по мнению французских структур, являются завершённым процессом интеграции. Этот подход был изменен в 1970-х годах, когда государственные органы начали рассматривать культурные особенности мигрантов. Однако с 70-х годов подход к иностранцам, желающим остаться на постоянное место жительства, претерпевал диаметрально противоположные изменения от ассимиляции к концепции мультикультуризма и обратно. На сегодняшний день интеграционная политика Франции ориентирована на максимальное включение мигранта во французский социум посредством образовательных программ, реализуемых ответственными за то органами [Lapeyronnie, 2009, p. 70].

С точки зрения французского правительства, гражданин должен обладать определённой идентичностью, которая определяется общим признанием ее основополагающих принципов. Характеристики личности каждого человека являются частью частного, четко определенного публичного пространства. Что касается частных критериев или характеристик, таких как раса, религия, происхождение или общественное мнение, государство воспринимает эти элементы частного характера. Это объясняет, почему государственные учреждения не могут собирать статистические данные, дающие информацию или позволяющие заключать определенные личные характеристики своих граждан¹⁰⁷. Четкое уважение этого принципа равенства следует рассматривать в свете этого самопровозглашенного невмешательства республики. Это «невмешательство» стало более видимым в последние годы, особенно в отношении государства к религии. Таким образом, секуляризм стал одним из основополагающих принципов Французской Республики с момента его введения в практику в XX веке.

Исходя из этого контекста, за всю свою долгую историю миграции Франция никогда не ставила себе вопрос интеграции иммигрантов. По мнению французского правительства, непосредственно приезд в республику уже представляет собой начало интеграционного процесса, а точнее, ассимиляцию с принципами республики.

¹⁰⁶ Framework Convention for the Protection of National Minorities. 1995. European Treaty, № 194, 27 p.

¹⁰⁷ Loi n° 78-17 du 6 janvier 1978 relative à l'informatique, aux fichiers et aux libertés. URL: <https://www.cnil.fr/loi-78-17-du-6-janvier-1978-modifiee> (дата обращения 20 января 2019).

Бельгия

Пример соседней страны, Бельгии, позволяет нам наблюдать как в рамках одного государства сосуществует совершенно две разные концепции интеграционной политики. Последовательная трансформация Бельгии из унитарного государства в федеральное, с высоким уровнем автономии для федеральных структур, началось с фламандского национального движения и ответной реакции франкоговорящей части [Swenden, Jans, 2006, p. 877]. В 1980 годах интеграционная политика мигрантов переходит под юрисдикцию регионов. Начавшиеся дебаты по вопросам единой модели интеграционной политики обозначили ещё более явственное разделение мнений и невозможность определения общего направления [Martiniello, 1995, p. 24]. Как результат, региональная интеграционная политика Бельгии поделена на валлонский подход ассимиляции против фламандского мультикультуризма [Rea, Jacobs, 2005 p. 36].

Сложность и территориальное пересечение субъектов являются результатом компромисса между требованиями фламандской партии, стремящейся к культурной автономии и созданию сообществ, и партии франкофонов, отстаивающей экономическую автономию и создание регионов. В то же время фактическое создание регионов было включено в повестку второй государственной реформы 1980 года, и во время третьей реформы в 1989 году – относительно брюссельского региона. На территории брюссельского региона комиссии французского (COCOF) и фламандского (VGC) сообществ являются компетентными объединениями в сфере единого языка. Каждая из комиссий включает в себя ассамблею и один исполнительный орган, называемый коллегией, которая состоит из депутатов и министров Брюссельского региона. Комиссии сообществ представляют собой учредительную власть, в основном, в области сообществ. Однако существует одно большое различие между Комиссиями сообществ франкофонов и нидерландофонов. В отличие от VGC, COCOF получает законодательную власть в 1993 году, которая ему была передана французскими кантонами (социальная политика, интеграция иммигрантов, здравоохранение) [Adam, 2013, p. 204].

Федеральное государство остаётся компетентным во многих областях, имеющих одно немаловажное значение для интеграции иммигрантов. Конституция в том числе определяет компетенцию законодательного органа для правовой системы относительно получения гражданства и доступа к политическим правам (участие в выборах). Интеграционная политика, а также, в частности, право на въезд, пребывание, размещение и депортация иностранцев, так же, как и нормы касательно их трудоустройства, остаются тоже в компетенции федерального органа.

Структура бельгийского государства была разработана, насколько это возможно, с целью избежания внутригосударственной кооперации между федеральным правительством и федеральными структурами. Таким образом, федеральные структуры имеют полную законодательную и исполнительную власть в переданных им областях управления. Между законодательными актами федерального правительства (законами) и федеральными структурами (постановлениями) нет нормативной иерархии. Несмотря на желание избежать всяческую кооперацию между институтами, данное явление всё же имеет место в государственной политике.

Исходя из вышеуказанных примеров, мы можем наблюдать расхождение интеграционной политики мигрантов на периферии ЕС. Необходимость изменения общего направления политики интеграции постепенно приводит к переосмыслению ведущих факторов в работе над будущими проектами.

Новые подходы в интеграционной политике мигрантов

Все страны ЕС сходятся во мнении, что вовлечение иммигрантов в рынок труда, так же, как и достаточный уровень образования, являются наиболее важными вопросами для успешной интеграции. На деле некоторые из основных факторов интеграции могут распространяться на упомянутые области. Высокий уровень вовлечения в рынок труда и коэффициент распространения образования рассматриваются как потенциальная гарантия получения дохода, и, как следствие, возможность полноценного участия в жизни принимающего

общества без государственной поддержки. Так, горизонтальная, или «непрямая европеизация» предоставляет больше возможностей для негосударственных групп таких, как политические партии, общественные группы, некоммерческие объединения и интеллигенция – группы людей, которые важны в политике развития [Vink, Graziano, 2008, p. 18].

Уже в конце XX в. параллельно вместе с дебатами об интеграционной политике в странах ЕС происходит переосмысление существующих законодательств по вопросам интеграции и натурализации. Исследования на тему интеграционной политики зачастую переходят в разряд философии и этики, поскольку затрагивают моральный аспект, где особое влияние оказали работы Р. Брубейкера [Brubaker, 1992], Д. Раца [Raz, 1975], К. Джопке [Joppke, 2010], Д. Каренса [Carens, 2015].

Несмотря на значительные политические и идеологические разногласия по вопросам интеграции мигрантов, Я. Ниессен [Niessen, 2000, p.119], один из ведущих современных исследователей в области интеграционной политики мигрантов, находит большое количество схожих путей разрешения среди государств-членов ЕС в их усилиях по её содействию. Во всех странах ЕС были приняты законы, регулирующие право на законный вид местожительства, обеспечение доступа к трудоустройству, образование и политическую активность. Автор находит также возрастающее сходство в политике натурализации, а также в усилиях государств-членов по борьбе с дискриминацией, расизмом и ксенофобией.

Большинство государств-членов ЕС рассматривают равный доступ к институтам социального обеспечения как основное условие интеграции иммигрантов. Большинство государств-членов также считают, что они важны в контексте политики интеграции.

Однако, несмотря на кажущуюся схожесть за счёт подобных законопроектов, которые, по сути, должны быть, безусловно, выполнены членами-государствами в силу принятия общих демократических ценностей и условий ЕС, подходы в интеграционной политике весьма различны. Если южные страны ЕС склонны подчеркивать натурализацию как важнейшее условие интеграции, то у северных стран подход противоположный. В восприятии последних, натурализация не является неременным условием интеграции, однако основное внимание уделяется повышению уровня владения языком, уровня гражданской активности и поощрение контактов с местным населением.

Эта тенденция была отмечена Европейской комиссией по вопросам иммиграции, интеграции и занятости ещё в 2003 году: «Интеграцию следует понимать как двусторонний процесс, основанный на взаимных правах и соответствующих обязательствах граждан, проживающих на законных основаниях третьих стран, и принимающего общества, которое предусматривает полное участие иммигранта. Это подразумевает, с одной стороны, что принимающее общество несет ответственность за обеспечение формальных прав иммигрантов таким образом, чтобы индивидуум имел возможность участвовать в экономической, социальной, культурной и гражданской жизни и на другие, где иммигранты уважают основополагающие нормы и ценности принимающего общества и активно участвуют в процессе интеграции, не отказываясь от своей собственной идентичности»¹⁰⁸.

Тем самым это указывает на неоднозначное восприятие интеграции, которое особенно заметно в странах с более устойчивой иммиграционной историей. Юридическое урегулирование иммиграции и удовлетворительная степень вовлечения различных институтов больше не являются единственными условиями для успешной интеграции. Все чаще растет осознание того, что определенная степень знания основного языка и культуры принимаемой страны является также значительным фактором в интеграции мигрантов.

Важнейшим предметом обсуждения является вопрос о том, в какой степени некоторые из стран ЕС проводят политику, основанную на насильственной ассимиляции и дискримина-

¹⁰⁸ Opinion of the European Economic and Social Committee on access to European Union Citizenship. 2003. Official Journal of the European Union, C. 208–76.
URL : <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2003:208:0076:0081:EN:PDF> (дата обращения 29 января 2020).

ции этнических меньшинств в их границах, которые противоречат европейским стандартам. Следует иметь в виду, что в соответствии с этими стандартами национальные меньшинства не должны рассматриваться так же, как граждане третьих стран. Первые уже обладают теми же правами, что и все остальные граждане принимаемой страны, в то время как последние приобретают такие права лишь постепенно. Поэтому вопросы, связанные с интеграцией национальных меньшинств в некоторые из новых государств-членов, не всегда можно сравнить с интеграционными процессами иммигрантов более старших стран-членов ЕС.

В новом подходе к интеграционной политике стоит также обратиться к антропологическим исследованиям. Восприятие «мигранта» как такового за последние десять лет меняется с высокой скоростью, где момент его восприятия принимающим социумом упускается. Тем не менее, возвращаясь к исторической ретроспективе интеграционного процесса на территории Западной Европы, стоит отметить что «мигрант» всегда являлся объектом политики, но не субъектом коммуникации [Feldman, 2011, p. 248]. Проблема социальной сегрегации между правительственными структурами и мигрантами встает как сюжет обсуждений в американской библиографии, в то время как в Европе данная тема занимает свой пьедестал только в философских науках, например, в работах известного французского философа Мишеля Фуко [Foucault, 1980].

При разработке общей концепции политики по интеграции мигрантов необходимо упомянуть и о религиозной составляющей данного дискурса. Возрастающее число радикально настроенных мусульман всё более вызывает опасение как со стороны государства, так и со стороны местного населения, в том числе среди мусульман. Причина возрастающего числа приверженцев салафизма может зависеть от социальных-психологических и экономических факторов.

Переезд, включение в новое общество, незнание языка, ксенофобия, исламофобия, проблемы в социальной сфере зачастую определяют будущую картину мигранта – ассимиляция или отчуждение. Путь ассимиляции ведёт к стиранию этнических особенностей в поведении мигранта, его отрицание собственной культуры, соотечественников, иногда даже родственников. В понимании мигранта выбранный путь ассимиляции поможет его более быстрому включению в принимающее общество, что, на самом деле, может действительно этому способствовать. Однако подобный способ коренным образом подрывает психологическую основу личности, но, что более значимо, не соответствует либерально-демократическим ценностям и устоям ЕС. Отчуждение может сопровождаться дальнейшим уходом в национализацию и радикализацию индивидуума, что приводит к ещё большей поляризации общества.

Обращаясь к национальному вопросу, мы найдём много работ европейских и американских исследований на тему этничности. В работах зарубежных исследователей красной нитью проходит мысль о конфликтах на почве националистических предрассудков [Genna, 2015; Jensen, Van Kersbergen, 2016]. Если люди обладают исключительной национальной идентичностью и враждебны по отношению к другим культурам, то они с меньшей вероятностью поддерживают интеграцию. Чтобы избежать подобного сценария, принимающим странам необходимо разработать систему включения в социум мигранта на ранних порах.

Интеграционная политика ЕС обходит психологические аспекты, ориентируясь исключительно на интересы принимающей страны. В ходе проведения исследовательской работы и работы над интеграционными аспектами было отмечено, что в разработку интеграционной политики включение исследований из области психологии и социологии являются необходимыми для успешной интеграции мигрантов.

По результатам проведенных исследований можно сделать следующие выводы:

1. Проведя теоретический и сравнительный анализ интеграционного законодательства для иммигрантов на региональном уровне в ходе исследования было выявлено расхождение проводимого государствами политического курса по отношению к законодательным актам ЕС.
2. Принимая во внимание современную ситуацию, когда диспропорция расселения иммигрантов достигает критической отметки, члены ЕС должны быть более конструктивны в проведении общего политического курса.

3. Изменение внутренней интеграционной политики к общим условиям внутри ЕС может разрешить дальнейшие проблемы с территориальной концентрацией иммигрантов. При разработке общих направлений для успешной интеграционной политики необходимо учитывать исследования в области антропологии и психологии. Однако здесь возникает вопрос, насколько государства ЕС готовы пойти по данному пути, так как каждая страна извлекает для себя из миграционного режима нужную себе выгоду.

Список литературы

1. Adam I. Les entités fédérées belges et l'intégration des immigrés. 2013. Politiques publiques comparées. Belgique, Editions de l'Université de Bruxelles, 204.
2. Orgad L. 2016. The Cultural Defense of Nations: A Liberal Theory of Majority Rights. United Kingdom, Oxford University Press, 304.
3. Brubaker R. 1992. Citizenship and Nationhood in France and Germany. USA, Harvard University Press, 288.
4. Carens J.H. 2015. The Ethics of Immigration. USA, Oxford University Press, 364.
5. Feldman G. 2011. The Migration Apparatus: Security, Labor, and Policymaking in the European Union. USA, Stanford University Press, 248.
6. Foucault M. 1980. Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972–1977. USA, Pantheon Books, 270.
7. Framework Convention for the Protection of National Minorities. 1995. European Treaty, № 194, 27 p.
8. Genna G.M. 2015. Images of Europeans. Journal of International Relations and Development: 2–23.
9. Jensen C. Van Kersbergen C.J. 2016. The Politics of Inequality. UK, Palgrave Macmillan, 200.
10. Joppke C. 2010. Citizenship and Immigration. UK, Cambridge Polity Press, 216.
11. Lapeyronnie D. 2009. L'intégration menacée – Les grands instruments d'intégration: panne, crise, disparition? Cahiers français, 352: 70–74.
12. Loi n° 78–17 du 6 janvier 1978 relative à l'informatique, aux fichiers et aux libertés. Available at: <https://www.cnil.fr/fr/loi-78-17-du-6-janvier-1978-modifiee> (accessed 20 January 2019).
13. Martiniello M. 1995. Philosophies de l'intégration en Belgique. Homme et Migrations, 1193: 24–29.
14. Niessen, J. 2000. Diversity and cohesion: New challenges for the integration of immigrants and minorities. France: Council of Europe, 119.
15. Opinion of the European Economic and Social Committee on access to European Union Citizenship. 2003. Official Journal of the European Union, C. 208–76. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2003:208:0076:0081:EN:PDF> (accessed 29 января 2019).
16. Raz J. 1975. Practical Reason and Norms. USA, Princeton University Press, 220.
17. Rea A., Jacobs D. 2005. Construction et importation des classements ethniques. Allochtones et immigrés aux Pays-Bas et en Belgique. Revue européenne des migrations internationales, 21(2): 35–59.
18. Swenden W., Jans M. 2006. Will it stay or will it go? Federalisme and the sustainability of Belgium. West European Politics, 29(5): 877–894.
19. Treaty of Amsterdam. 1997. Official Journal of the European Communities, № 340, 111 p.
20. Treaty of Lisbon. 2007. Official Journal of the European Union, № 360, 231 p.
21. Vink M.P., Graziano P. 2008. Europeanization: New Research Agendas. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 419.
22. Zbigniew B. 2012. Strategic vision: America and the crisis of global power. USA, NY Basic Books, 224.

References

1. Adam I. Les entités fédérées belges et l'intégration des immigrés. 2013. Politiques publiques comparées. Belgique, Editions de l'Université de Bruxelles, 204.
2. Orgad L. 2016. The Cultural Defense of Nations: A Liberal Theory of Majority Rights. United Kingdom, Oxford University Press, 304.

3. Brubaker R. 1992. *Citizenship and Nationhood in France and Germany*. USA, Harvard University Press, 288.
4. Carens J.H. 2015. *The Ethics of Immigration*. USA, Oxford University Press, 364.
5. Feldman G. 2011. *The Migration Apparatus: Security, Labor, and Policymaking in the European Union*. USA, Stanford University Press, 248.
6. Foucault M. 1980. *Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972–1977*. USA, Pantheon Books, 270.
7. Framework Convention for the Protection of National Minorities. 1995. European Treaty, № 194, 27 p.
8. Genna G.M. 2015. Images of Europeans. *Journal of International Relations and Development*: 2–23.
9. Jensen C. Van Kersbergen C.J. 2016. *The Politics of Inequality*. UK, Palgrave Macmillan, 200.
10. Joppke C. 2010. *Citizenship and Immigration*. UK, Cambridge Polity Press, 216.
11. Lapeyronnie D. 2009. L'intégration menacée – Les grands instruments d'intégration: panne, crise, disparition? *Cahiers français*, 352: 70–74.
12. Loi n° 78–17 du 6 janvier 1978 relative à l'informatique, aux fichiers et aux libertés. Available at: <https://www.cnil.fr/fr/loi-78-17-du-6-janvier-1978-modifiee> (accessed 20 January 2019).
13. Martiniello M. 1995. Philosophies de l'intégration en Belgique. *Homme et Migrations*, 1193: 24–29.
14. Niessen, J. 2000. Diversity and cohesion: New challenges for the integration of immigrants and minorities. France: Council of Europe, 119.
15. Opinion of the European Economic and Social Committee on access to European Union Citizenship. 2003. Official Journal of the European Union, C. 208–76. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2003:208:0076:0081:EN:PDF> (accessed 29 января 2019).
16. Raz J. 1975. *Practical Reason and Norms*. USA, Princeton University Press, 220.
17. Rea A., Jacobs D. 2005. Construction et importation des classements ethniques. Allochtones et immigrants aux Pays-Bas et en Belgique. *Revue européenne des migrations internationales*, 21(2): 35–59.
18. Swenden W., Jans M. 2006. Will it stay or will it go? Federalisme and the sustainability of Belgium. *West European Politics*, 29(5): 877–894.
19. Treaty of Amsterdam. 1997. Official Journal of the European Communities, № 340, 111 p.
20. Treaty of Lisbon. 2007. Official Journal of the European Union, № 360, 231 p.
21. Vink M.P., Graziano P. 2008. *Europeanization: New Research Agendas*. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 419.
22. Zbigniew B. 2012. *Strategic vision: America and the crisis of global power*. USA, NY Basic Books, 224.

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Рамазанова Ф.М., Лобанов К.Н. 2019. Новые подходы в формировании политики интеграции мигрантов Европейского Союза. *Via in tempore. История. Политология*, 47(1): 194–201. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-194-201

Ramazanova F.M., Lobanov K.N. 2019. New Approaches in the Integration policy of Migrants in European Union. *Via in tempore. History and political science*, 47(1): 194–201 (in Russian).

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-194-201

УДК 327

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-202-210

**УКРАИНСКО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ОСНОВНЫЕ СФЕРЫ
СОТРУДНИЧЕСТВА, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ****UKRAINE-AZERBAIJAN RELATIONS: BASIC FIELDS OF COOPERATION,
PROBLEMS AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT****Д.А. Белашенко, И.Ф. Шоджонов****D.A. Belashchenko, I.F. Shodzhonov**

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,
23 Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod, 603950, Russia

E-mail: dmi-belashhenko@yandex.ru, shodzhonov@inbox.ru

Аннотация

Проблема межгосударственных отношений является одной из самых обсуждаемых в современном академическом сообществе. За период, последовавший за распадом СССР, регион постсоветского пространства и новые независимые государства заняли важную нишу в современной системе международных отношений. Украина и Азербайджан превратились во влиятельных акторов, чья политика оказывает значительное влияние на развитие региональных процессов на постсоветском пространстве. Стремительное развитие данного региона и рост его геополитического значения вкупе с важностью «украинского» и «азербайджанского» факторов играют решающую роль в обосновании актуальности заявленной темы. Объектом данного исследования выступает эволюция украинско-азербайджанских отношений в период с 1991 по 2019 годы. В рамках статьи авторы рассматривают особенности становления и развития двусторонних отношений, формирования ключевых сфер сотрудничества, существующие проблемы и противоречия, а также перспективы дальнейшего взаимодействия между Украиной и Азербайджаном. Особое внимание уделяется сотрудничеству в рамках международных организаций и программ (ОДЭР-ГУАМ, «Восточное партнерство») и анализу региональных кризисных процессов (Нагорно-Карабахский конфликт, украинский кризис, сецессия Крыма, конфликт в Донбассе), оказывающих прямое влияние на формирование внешнеполитической линии государств по отношению друг к другу.

Abstract

The problem of interstate relations is one of the most discussed in the modern academic community. In the period following the collapse of the USSR, the region of the post-Soviet space and the new independent states occupied an important niche in the modern system of international relations. Ukraine and Azerbaijan have become influential actors whose policies have a significant impact on the development of regional processes in the post-Soviet space. The rapid development of this region and the growth of its geopolitical significance, coupled with the importance of the «Ukrainian» and «Azerbaijani» factors, play a decisive role in substantiating the relevance of the stated topic. The object of this study is the evolution of Ukrainian-Azerbaijani relations from 1991 to 2019. In the framework of the article, the authors consider the features of the formation and development of bilateral relations, the formation of key areas of cooperation, existing problems and contradictions, as well as prospects for further interaction between Ukraine and Azerbaijan. Particular attention is paid to cooperation in the framework of international organizations and programs (ODED-GUAM, «Eastern Partnership») and analysis of regional crisis processes (Nagorno-Karabakh conflict, Ukrainian crisis, Crimea secession, conflict in the Donbass), which have a direct impact on the formation of the foreign policy of the states in relation to each other.

Ключевые слова: Азербайджан, Украина, постсоветское пространство, политическая элита, двусторонние отношения, дипломатия, ОДЭР-ГУАМ, Восточное партнерство, украинский кризис, Нагорно-Карабахский конфликт.

Key words: Azerbaijan, Ukraine, post-Soviet space, political elite, bilateral relations, diplomacy, ODED-GUAM, Eastern Partnership, Ukrainian crisis, Nagorno-Karabakh conflict.

Межгосударственные отношения и интеграционные процессы на постсоветском пространстве являются весьма популярными и востребованными темами в академическом сообществе России [Татаринцев, 2011; Внешняя политика стран СНГ..., 2017] и зарубежных стран [Croissant, Aras, 1999; Kembayev, 2009]. В то же время большое количество работ посвящено изучению и анализу взаимодействия России с бывшими республиками СССР [Андропова, 2010; Татаринцев, 2011], а также деятельности наиболее влиятельных региональных международных организаций (СНГ, ОДКБ, ЕАЭС) [Пивовар, 2008; Быков, 2009]. При этом часто вне поля зрения исследователей остаются внешняя политика других важных акторов постсоветского пространства, а также деятельность альтернативных организаций и проектов (ОДЭР-ГУАМ, «Восточное партнерство»). По этой причине стоит обратить внимание на государства, являющиеся, по своей сути, одними из ведущих в регионе, а именно на Украину и Азербайджан. Помимо того, что и Киев, и Баку с момента обретения независимости претендовали на проведение самостоятельной внешней политики, с середины 2000-х гг. они активно сотрудничали в рамках альтернативных организаций и проектов, фактически позиционируя себя в качестве новых центров постсоветского пространства.

Современная история отношений двух государств берет свое начало в конце 1991 г., когда было подписано Беловежское соглашение, зафиксировавшее распад СССР. Официальные дипломатические отношения между Украиной и Азербайджаном были установлены в 1992 г. В силу разных причин окончательное оформление отношений в виде открытия посольств затянулось на несколько лет, вплоть до 1996–1997 гг.

Период первых президентов Азербайджана А.Н. Муталибова и А.Г. Эльчибея, а также Л.М. Кравчука на Украине совпал с решением критических внутренних проблем и установлением дипломатических отношений с ведущими государствами мира. Соответственно, в первой половине 1990-х гг. Киев и Баку в силу объективных причин не рассматривали друг друга в качестве важных партнеров.

Кардинальные изменения начали происходить после прихода к власти в Азербайджане в октябре 1993 г. Г.А. Алиева и Л.Д. Кучмы на Украине в июле 1994 г. Предвыборная программа последнего строилась на сближении с Россией, государствами постсоветского пространства и интенсификации отношений в рамках международных организаций, в частности СНГ. В целом, именно период 1995–2005 гг. стал отправной точкой, когда была заложена нормативно-правовая база взаимодействия Украины и Азербайджана.

В дальнейшем с приходом новых лидеров В.А. Ющенко и И.Г. Алиева углубились межгосударственные контакты в области экономической кооперации, уделялось особое внимание вопросам ассимиляции и социализации украинцев и азербайджанцев в условиях принимающего сообщества. Данный аспект был наиболее важен для Азербайджана ввиду того, что на Украине существует достаточно крупная азербайджанская диаспора, которая активно участвует во внутриполитической жизни страны [Роль, место и вес азербайджанской диаспоры в Украине..., 2019].

Однако в этот же период наметились и определенные противоречия между двумя государствами. Причиной этого стала новая внешнеполитическая риторика украинского руководства, которая после «Оранжевой революции» 2004 г. стала подчеркнута «гипердемократической», что было воспринято в Баку весьма настороженно. Однако именно в этот период интенсифицировалась политика Украины на закавказском направлении, и была предпринята попытка активизации деятельности в рамках ГУАМ (до 2005 года – ГУУАМ) [Белашенко, 2012, с. 340].

Период нахождения В.Ф. Януковича в статусе президента не ознаменовался значительным развитием двусторонних отношений. Основопологающими вопросами на повестке дня оставались энергетическая сфера, экономическое сотрудничество и процесс урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта. Несмотря на то, что В.Ф. Янукович декларировал пересмотр внешнеполитического курса своего предшественника в пользу улучшения отношений с Россией и странами постсоветского пространства, на практике реали-

зовывалась политика «многовекторности» или «маятника», где больший приоритет отдавался европейскому направлению [Бабенко, 2016, с. 125].

Подобная внешнеполитическая неопределенность стала одной из причин массовых протестов на Украине, начавшихся в ноябре 2013 г. и закончившихся бегством В.Ф. Януковича и рядом кардинальных потрясений для государства. В условиях разразившегося кризиса, сецессии Крыма, массовых протестов в юго-восточных регионах, начала боевых действий в Донбассе новое украинское руководство пыталось выстраивать диалог с Азербайджаном, в том числе и с позиции страны, «пострадавшей» от конфликта [Гулиев, 2014; 2015; 2017]. То есть риторика президента П.А. Порошенко формировалась на основе сравнения Нагорно-Карабахского конфликта и событий в Крыму и Донбассе [Порошенко позвал Алиева на войну, 2018], несмотря на всю спорность подобных суждений [Маркедонов, 2018].

На сегодняшний день можно выделить несколько «опорных точек» украинско-азербайджанских отношений [Губа, 2012]:

1. Военно-техническое сотрудничество.
2. Поставки и транзит энергоресурсов.
3. Конфликты в Нагорном Карабахе и Донбассе, а также позиция по Крыму.
4. Отношения в рамках ГУАМ и «Восточного партнерства».

Рассмотрим каждое из этих направлений двусторонних отношений более подробно.

Военно-техническое сотрудничество (ВТС). Последствия Нагорно-Карабахского конфликта, активная фаза которого завершилась в 1994 г. фактическим поражением Азербайджана, привела к пересмотру официальным Баку как направлений внешнеполитической деятельности, так и списка потенциальных союзников и поставщиков вооружений. В свою очередь, Украина, получившая после распада СССР большое количество и военной техники, и вооружений, и технологий, и производственных мощностей, была заинтересована в укреплении своих позиций на рынке оружия и поиске новых покупателей. Азербайджан выступал в качестве привлекательного варианта, поскольку не только обладал значительными финансовыми ресурсами и реальными потребностями в военных закупках, но и являлся партнером Украины по организации ГУАМ [Ниязов, 2014, с. 37], основанной в 1997 г.

Началом систематического военно-технического сотрудничества между Украиной и Азербайджаном принято считать конец 1990-х гг. В тот период также происходила интенсификация отношений в рамках ГУАМ и переговоров относительно поставок азербайджанских энергоресурсов в Украину. Однако активизация военно-технического сотрудничества произошла в период президентства В.А. Ющенко. К 2007 г. Украина наряду с Россией, Турцией, Беларусью и Румынией вошла в число основных партнеров Азербайджана в данной сфере [Ниязов, 2014, с. 39]. В последующие годы объемы поставок и номенклатура вооружений только увеличивались. Стороны также вели сотрудничество в рамках передачи технологий, декларировали общие разработки, проводили совместные военные учения, разрабатывали проекты создания миротворческого батальона в рамках ГУАМ [Полухов, 2008, с. 143]. Существенным стимулом к развитию ВТС стала «пятидневная война» 2008 г. между Россией и Грузией.

В то же время активное военно-техническое сотрудничество Украины и Азербайджана, особенно перманентный рост объемов и номенклатуры поставляемых вооружений вызывали негативную реакцию со стороны Армении, опасавшейся усиления военного потенциала Баку. Именно поэтому Ереван активно закупал оружие у своих партнеров по Организации Договора о коллективной безопасности, прежде всего, у России. Таким образом, возникала угроза нарушения региональной стабильности в Закавказье [Aliiev, 2007; The International Politics of the Armenian-Azerbaijani Conflict..., 2018].

После 2014 г., в силу сложившейся ситуации, основным потребителем продукции ВПК становятся собственные вооруженные силы. Тем не менее ВТС Украины и Азербайджана продолжает оставаться одной из основных сфер двусторонних отношений. Однако наблюдаются негативные процессы, поскольку перечень поставляемых Украиной вооружений существенно сократился, информация о разработке совместных проектов отсутствует в открытых источниках.

Поставки и транзит энергоресурсов. Данный аспект взаимоотношений является одним из драйверов украинско-азербайджанских отношений. Ввиду отсутствия у Украины

больших объемов собственных энергоресурсов, Киев уделял особое внимание поиску потенциальных экспортеров нефти и, прежде всего, газа. Важным пунктом в повестке дня администраций В.А. Ющенко, П.А. Порошенко и действующего президента В.А. Зеленского было сокращение энергетической зависимости от России. В качестве альтернативных поставщиков энергоресурсов в течение длительного периода рассматривался Азербайджан, являющийся одним из мировых лидеров по запасам углеводородов [Oil and Geopolitics in the Caspian Sea Region, 1999; Özdal, Demydova, 2011].

В то же время для Азербайджана Украина являлась лишь одним из вариантов по транспортировке углеводородов в страны Европы. Долгое время в качестве приоритетного направления для Баку выступал маршрут через территорию Грузии и Турции (в частности, запущенный в 2003 году нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан). Единственным серьезным достижением в энергетической сфере можно считать совместную эксплуатацию нефтепровода «Одесса – Броды», построенного в 2001 году. Как отмечает Н.А. Алексеева [2018], первоначально Россия «предлагала использовать нефтепровод для реверсных поставок российской нефти в страны Средиземноморья, этот план был реализован. В 2010 г. реверсные поставки были остановлены, по трубопроводу началась прокачка азербайджанской нефти в Беларусь. Также планировалось начать поставки сырья из Азербайджана в Чехию, но этот план не увенчался успехом. В результате эксплуатация трубопровода была прекращена. По итогам переговоров с Петром Порошенко, в 2016 г. президент Азербайджана Ильхам Алиев сообщил о планах по реанимации проекта».

Что касается ситуации с поставками и транзитом азербайджанского газа, то данная тема продолжает оставаться своеобразным «камнем преткновения» для отношений двух стран. Украина неоднократно выступала с проектами по использованию своей территории, инфраструктуры и танкеров для прокачки и транспортировки азербайджанского газа, но эти проекты были отклонены Баку, либо перенесены на неопределенный срок. Для Азербайджана гораздо больший практический интерес представляют совместные проекты с Турцией (Трансанатолийский газопровод), Грузией и Румынией (AGRI – Azerbaijan, Georgia, Romania Interconnection) и сотрудничество с Россией в Каспийском регионе.

Конфликты в Нагорном Карабахе и Донбассе. Нагорно-Карабахский конфликт между Азербайджаном и Арменией, начавшийся еще в 1980-е гг., на современном этапе находится в стадии латентного, когда ни одна из сторон не хочет идти на уступки [The International Politics of the Armenian-Azerbaijani Conflict, 2017, p. 150]. Периодические обострения, многочисленные раунды переговоров, идеологическое значение утраты Нагорного Карабаха и ряда других территорий для азербайджанской политики продолжают поддерживать данный конфликт в качестве одной из наиболее значимых проблем для постсоветского пространства и Закавказья.

Выбор Киева, сделанный в пользу позиции Азербайджана, представляется закономерным, поскольку, в отличие от Баку, Ереван не мог предложить Украине ни масштабное экономическое сотрудничество, ни поставки энергоресурсов. Среди других причин, определивших позицию Киева по Нагорно-Карабахскому конфликту, можно выделить географическое положение Украины, расположенной на стыке нескольких регионов; скептическое отношение украинских властей к возможностям федерализации страны и нежелание предоставления культурной автономии национальным меньшинствам; роль азербайджанской диаспоры [Курылев, 2019].

Изначально позиция Украины по Нагорно-Карабахскому конфликту базировалась на двух аспектах: Киев не признает геноцид армян в Османской империи в период Первой мировой войны и поддерживает азербайджанский вариант урегулирования [Valiyev, 2014, p. 3]. Данная политическая позиция не представляется оптимальной с точки зрения выстраивания Украиной взаимовыгодных отношений с государствами Закавказья. В то же время возможность получения азербайджанских энергоресурсов, а также в перспективе выход на энергетические рынки других прикаспийских государств (Ирана, Казахстана, Туркменистана) представлялись для Киева более выгодным вариантом [В ожидании бури: Южный Кавказ, 2018, с. 169].

Л.М. Кравчук и Л.Д. Кучма настаивали на необходимости возврата территорий в состав Азербайджана. В.А. Ющенко, в свою очередь, заявлял о возможности отправки в зону конфлик-

та миротворческого контингента ГУАМ [Valiyev, 2017, p. 135]. В.Ф. Янукович также проводил политику по поддержке Азербайджана в карабахском вопросе. Аналогичной позиции придерживался и П.А. Порошенко. Действующий президент В.А. Зеленский пока не отметился публичными заявлениями относительно Нагорно-Карабахского конфликта, но нет оснований предполагать, что новая администрация откажется от преемственности в данном вопросе.

В случае с украинским кризисом Азербайджан вынужден был использовать гибкую модель политики. С одной стороны, Баку должен был поддержать своего партнера, результатом чего стало осуждение «Крымской весны» и действий ДНР и ЛНР на уровне официальных властей [Valiyev, 2014] и азербайджанской диаспоры Украины. С другой, Азербайджан не был настроен на постоянную жесткую риторику в адрес России, будучи заинтересованным в дальнейшем развитии отношений с Москвой. Кризис дал Азербайджану выход на энергетический рынок Европы, но в то же время осложнил политический аспект межгосударственного взаимодействия на пространстве СНГ. Если до 2014 г. Азербайджан старался вести дружественную политику со всеми государствами СНГ, за исключением Армении, то после воссоединения Крыма с Россией и началом конфликта в Донбассе вынужден придерживаться политики нейтралитета [В ожидании бури: Южный Кавказ, 2018, с. 171].

Еще одним важным аспектом для Азербайджана стала возможность вновь привлечь международное внимание к ситуации с Нагорным Карабахом. Критикуя действия России в ситуации с Крымом, Баку проводит параллели с ситуацией вокруг своего бывшего региона: в схожих, по мнению Азербайджана, случаях, мировое сообщество применяет двойные стандарты, оказывая санкционное давление на Россию и не используя никаких мер в отношении Армении [Valiyev, 2017, p. 137].

Отношения в рамках ГУАМ и Восточного партнерства. Организация за демократию и экономическое развитие – ГУАМ (ОДЭР-ГУАМ) и проект «Восточное партнерство» часто рассматриваются в качестве альтернатив для международных организаций постсоветского пространства. Несмотря на ресурсную ограниченность первой и нереализованный потенциал второго, они действительно стали значимыми региональными явлениями, закрепившими неоднородность и фрагментацию постсоветского пространства. В рамках ГУАМ и «Восточного партнерства» Украина позиционировала себя в качестве полноценного лидера, в то время как позиция Азербайджана была более сдержанной и прагматичной.

Несмотря на заявленные экономические, транспортно-логистические, энергетические и инфраструктурные цели ГУАМ-ГУУАМ-ОДЭР-ГУАМ, на практике большое внимание отводилось политической составляющей. Вместо создания полноценной самодостаточной организации получилась попытка перехватить инициативу у находящегося в кризисе СНГ и ограничить влияние России на постсоветском пространстве. Кроме того, большое значение имела роль внешнего фактора, прежде всего, позиции США. Тем не менее в первые годы существования организации, а также в период 2005–2008 гг. Азербайджан и Украина рассматривали возможность реализации совместных проектов в сфере экономики, энергетики и логистики именно на площадке данной организации. Определенный интерес к ГУАМ проявляли ведущие международные организации (ЕС, ОБСЕ и др.) [Полухов, 2008, с. 135–140]. Однако отсутствие консолидированной позиции государств-участников, превалирование политической составляющей над другими сферами, постепенное снижение интереса как самих членов, так и мирового сообщества привели в итоге к практически полной остановке деятельности ГУАМ.

В случае с «Восточным партнерством» позиция Азербайджана изначально отличалась от позиции Украины. Если в Киеве проект рассматривался в качестве одного из промежуточных этапов в процессе европейской интеграции, то Азербайджан делал ставку на экономическое сотрудничество с ЕС, не предпринимая усилий по политическому сближению с Брюсселем. При подведении промежуточных итогов реализации инициатив «Восточного партнерства» Азербайджан оказался на предпоследнем месте среди шести участников [Гомулка, 2015, с. 52–53]. Несмотря на финансовую поддержку со стороны ЕС и реализации ряда проектов на территории Азербайджана, в Баку не рассматривали возможность осуществления широкого спектра политических реформ, отдавая предпочтение изменениям в экономической сфере.

Украина и Азербайджан являются ключевыми странами постсоветского пространства с собственным видением своей роли в региональных политических и экономических процессах. Позиции Киева и Баку подкреплялись разными факторами. В первом случае акцент делался на экономический потенциал, развитую инфраструктуру, доставшуюся от СССР, выгодное экономико-географическое положение, позволяющее выступать в качестве связующего звена между несколькими регионами мира. Во втором большое значение, прежде всего, имел богатый ресурсный потенциал, ставивший Азербайджан в число наиболее перспективных экспортеров нефти и газа. Кроме того, обе страны рассматривали себя в качестве альтернативных «центров силы» постсоветского пространства, что также способствовало их сближению. Однако стоит отметить, что не во всех ключевых вопросах Украина и Азербайджан придерживались схожих позиций.

Сфера ВТС была и остается наиболее успешной для сотрудничества Украины и Азербайджана. Промышленные мощности, технологическая база и большие запасы вооружений, доставшиеся от СССР, позволили Киеву выступать в качестве надежного поставщика и партнера. Азербайджан, потерпевший военное поражение в ходе Нагорно-Карабахского конфликта, нуждался в восстановлении потенциала вооруженных сил, перевооружении и модернизации армии. Вплоть до 2014 г., Киев неизменно входил в число ведущих поставщиков вооружений и технологий, наряду с такими странами, как Турция, Россия и Израиль. Успехи в сфере ВТС позволяли Украине рассчитывать как на дальнейшее плодотворное сотрудничество в данной области (например, разработка совместных технологий и проектов), так и на лоббирование с помощью Азербайджана своих интересов в отношениях с Турцией или продвижение интересов в Каспийском регионе.

Сфера энергетики и поставок энергоресурсов с момента обретения независимости являлась одной из наиболее важных для Украины. Зависимость от российских углеводородов существенно ограничивала внешнеполитическую активность Киева, поэтому поиск альтернативных поставщиков и диверсификация маршрутов поставок были стратегической целью. Азербайджан, в свою очередь, нуждался в надежных транзитерах, способных предложить действующие трубопроводы или совместные проекты по их строительству. Украина, при всей выгоде своего геостратегического положения, не рассматривалась Баку в качестве приоритетного партнера, более выгодными и безопасными считались маршруты через Закавказье и Турцию. Киев же серьезно подпортил свой имидж в ходе «газовых войн» с Россией во второй половине 2000-х гг., когда главными пострадавшими стали европейские страны, оставшиеся без поставок российских энергоресурсов. Однако Азербайджан периодически реализовывал совместные проекты с Украиной (например, эксплуатация нефтепровода Одесса – Броды), которые, впрочем, носили второстепенный характер. Фактически Азербайджан сотрудничал с Украиной в сфере энергетики по остаточному принципу, предпочитая реализовывать стратегические проекты с другими странами, но удерживая Киев менее значительными сделками и обещаниями расширения сотрудничества в будущем.

Позиции двух стран относительно конфликтов имеют большое количество схожих черт: стороны выступают в поддержку территориальной целостности друг друга, подвергают критике действия непризнанных государств, предлагают собственные варианты по урегулированию. Однако если позиция Украины по Нагорно-Карабахскому конфликту, сформулированная во второй половине 1990-х гг., во многом определялась экономическими причинами, то позиция Азербайджана относительно событий украинского кризиса и конфликта в Донбассе определялась как необходимостью сохранить Киев в качестве партнера, так и избежать серьезного ухудшения в отношениях с Россией. Кроме того, Азербайджан сумел использовать украинский кризис для привлечения международного внимания к Нагорному Карабаху, поскольку эта тема долгое время оставалась на информационной «периферии».

Наконец, Украина и Азербайджан, находясь в составе ГУАМ и «Восточного партнерства», по-разному рассматривали свои цели в рамках данных образований. ГУАМ играл роль потенциальной площадки для диверсификации маршрутов поставок азербайджанских энергоресурсов и, в более отдаленной перспективе, мог стать альтернативой для традиционных посредников в урегулировании «замороженных» конфликтов на постсовет-

ском пространстве. Однако политические амбиции Украины и Грузии, неподкрепленные значительными экономическими возможностями и ресурсами, зависимость от влияния внешних факторов, акцентирование внимания на противодействии интересам России отрицательно сказались на эффективности действий организации.

«Восточное партнерство» изначально не рассматривалось в Азербайджане в качестве приоритетного проекта, поскольку европейская интеграция не являлась стратегической целью его внешней политики. Инициативы, проекты и финансовые вливания позволили Баку провести ряд успешных экономических реформ, но практически никак не отразились на внутривластной сфере. Украина, в свою очередь, рассчитывала с помощью «Восточного партнерства» упрочить свои позиции в Европе.

В целом, можно констатировать, что украинско-азербайджанские отношения представляют собой весьма интересный пример для постсоветского пространства, поскольку отличаются высоким уровнем стабильности, отсутствием существенных противоречий, наличием общих интересов и схожих проблем. Также в отношениях между Киевом и Баку фактически отсутствуют элементы принуждения или односторонней зависимости, что позволяет развивать именно равноправное партнерство. Действительно, Азербайджан имеет существенный «козырь» в виде энергоресурсов, но Украина частично компенсирует его за счет ВТС. Тем не менее более заинтересованной стороной можно считать Украину, поскольку именно Киев в официальных документах рассматривает Азербайджан в качестве стратегического партнера.

Говоря о перспективах украинско-азербайджанских отношений, стоит понимать, что стороны в данный момент переживают совершенно противоположные этапы в своем развитии. Если Азербайджан укрепляет свои позиции в Каспийском регионе и, в перспективе, способен стать одним из важных поставщиков углеводородов на европейский рынок, то Украина переживает кризисные явления, которые влияют не только на статус страны в системе международных отношений, но и бросают вызов самой украинской государственности. Существующие четыре ключевых сферы сотрудничества уже сейчас нуждаются в пересмотре, поскольку некоторые уже морально устарели (сотрудничество в рамках ГУАМ и «Восточного партнерства»), другие могут быть пересмотрены в пользу иных партнеров (Азербайджан активно развивает ВТС с несколькими государствами). В случае сосредоточения Украины на решении внутренних проблем или окончательной переориентации внешней политики на «европейский выбор», отношения двух стран сохраняют характер стратегических только в официальных документах. Однако экономическое сотрудничество и позиции в отношении Нагорного Карабаха и Донбасса, как минимум в среднесрочной перспективе, не будут иметь оснований для пересмотра или внесения кардинальных изменений.

Список литературы

1. Алексеева Н.А. «Инородное тело»: сможет ли Украина вступить в торгово-политический союз с Турцией и Азербайджаном // RT на русском. Официальный сайт. URL: <https://russian.rt.com/world/article/489347-turciya-azerbaydzhan-ukraina-soyuz> (дата обращения: 17.10.2019).
2. Андропова И.В. 2010. Внешнеэкономические аспекты национальных интересов России на постсоветском пространстве. М.: Квадрига, 383.
3. Бабенко В.Н. 2016. «Майданная» Украина (2005–2014): между Россией и Евросоюзом // Россия и современный мир. № 3: 115–128.
4. Белашенко Д.А. 2012. Особенности внешней политики Украины на Кавказе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 3. 337–342.
5. Быков А.Н. 2009. Постсоветское пространство. Стратегии глобализации и новые вызовы интеграции. СПб.: Алетейя, 192.
6. В ожидании бури: Южный Кавказ / М.С. Барабанов, М. Йешилташ, А.В. Лавров, Н.А. Ломов, Ю.Ю. Лямин, Л.А. Нерсисян, А.В. Никольский, М. Серен, И.А. Топчий; под ред. К.В. Макиенко. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2018, 200.
7. Внешняя политика стран СНГ: Учеб. пособие для студентов вузов / Ред.-сост. Д.А. Дегтерев, К.П. Курылев. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017, 496.
8. Гомулка К. 2015. Реализация инициатив «Восточного партнерства» в Азербайджане // Историческая и социально-образовательная мысль. № 7–1: 46–55.

9. Губа К.В. 2012. Киев-Баку: три «кита» двусторонних отношений // Одна Родина. Официальный сайт. URL: <https://odnarodyna.org/content/kiev-baku-tri-kita-dvustoronnih-otnosheniy> (дата обращения: 17.10.2019).
10. Гулиев А.Д. 2014. Украина-азербайджанские отношения: право, политика, дипломатия: сб. научных трудов. Том 1. Харьков: Факт, 656.
11. Гулиев А.Д. 2015. Украина-азербайджанские отношения: право, политика, дипломатия: сб. научных трудов. Том 2. Харьков: Факт, 572.
12. Гулиев А.Д. 2017. Украина-азербайджанские отношения: право, политика, дипломатия: сб. научных трудов. Том 3. Харьков: Факт, 564.
13. Курылев К.П. 2019. Факторы, определявшие внешнюю политику Украины по вопросу Нагорно-Карабахского урегулирования (1992–1994 гг.) // 30-летие конфликта в Нагорном Карабахе: сборник научных статей / под ред. К.П. Курылева. М.: РУДН: 40–51.
14. Маркедонов С.М. 2018. Тридцать лет Нагорно-Карабахского конфликта: основные этапы и перспективы урегулирования // Постсоветские исследования. Т. 1. № 2: 129–138.
15. Ниязов Н.С. 2014. Военно-техническое сотрудничество Украины и Азербайджана в 1994–2014 годах // Кавказ и глобализация. Т. 8. № 3–4: 35–46.
16. Пивовар Е.И. 2008. Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. Исторический очерк. СПб.: Алетейя, 320.
17. Полухов Э.П. ГУАМ: Взгляд из Азербайджана // Центральная Азия и Кавказ (специальный выпуск). № 3–4(57–58): 134–144.
18. Порошенко позвал Алиева на войну // RealNewsLand.ru. 2018. URL: <https://realnewsland.ru/ukraine/118035-poroshenko-pozval-alieva-na-voynu.html> (дата обращения: 17.01.2020).
19. Роль, место и вес азербайджанской диаспоры в Украине: что объединяет наши народы – интервью // Новая Эпоха. 2019. URL: <https://yenicag.ru/rol-mesto-i-ves-azerbaydzhanskoj-dias/293866/> (дата обращения: 17.01.2020).
20. Татаринцев В.М. 2011. Двусторонние отношения России со странами СНГ: Монография. М.: Восток – Запад, 2011, 264.
21. Aliev N. 2007. Armenian-Azerbaijani Nagorno-Karabakh Conflict in the Context of International Law // The Caucasus and Globalization. Vol. 1(2): 17–24.
22. Croissant M.P., Aras B. 1999. Oil and Geopolitics in the Caspian Sea Region. Greenwood Publishing Group, 305.
23. Kembayev Z. 2009. Legal Aspects of the Regional Integration Processes in the Post-Soviet Area. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 222.
24. Özdal H., Demydova V. 2011. Turkey-Ukraine Relations: High Potential, Low Voltage. International Strategic Research Organization (USA), 50.
25. The International Politics of the Armenian-Azerbaijani Conflict: The Original «Frozen Conflict» and European Security. Editor S.E. Cornell. Palgrave Macmillan US, 2017, 227.
26. Valiyev A. 2014 Azerbaijan's Balancing Act in the Ukraine Crisis. PONARS Eurasia Policy Memo №. 352, 5.
27. Valiyev A. 2017. Azerbaijan's Foreign Policy: What Role for the West in the South Caucasus? // Eastern Voices: Europe's East Faces an Unsettled West: 135–149.

References

1. Alekseeva N.A. «Inorodnoe telo»: smozhet li Ukraina vstupit' v torgovo-politicheskiy soyuz s Turtsiye i Azerbaydzhanom // RT na russkom. Ofitsial'nyy sayt. URL: <https://russian.rt.com/world/article/489347-turciya-azerbaydzhan-ukraina-soyuz> (дата обращения: 17.10.2019).
2. Andronova I.V. 2010. Vneshneekonomicheskie aspekty natsional'nykh interesov Rossii na postsovetском prostranstve. M.: Kvadriga, 383.
3. Babenko V.N. 2016. «Maydannaya» Ukraina (2005-2014): mezhdru Rossiey i Evrosoyuzom // Rossiya i sovremennyy mir. № 3: 115–128.
4. Belashchenko D.A. 2012. Osobennosti vneshney politiki Ukrainy na Kavkaze // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. № 3. 337–342 (in Russian).
5. Bykov A.N. 2009. Postsovetское prostranstvo. Strategii globalizatsii i novye vyzovy integratsii. SPb.: Aleteyya, 192.
6. V ozhidanii buri: Yuzhnyy Kavkaz / M.S. Barabanov, M. Yeshil'tash, A.V. Lavrov, N.A. Lomov, Yu.Yu. Lyamin, L.A. Nersisyan, A.V. Nikol'skiy, M. Seren, I.A. Topchiy; pod red. K.V. Makienko. M.: Tsentr analiza strategiy i tekhnologiy, 2018, 200.

7. Vneshnyaya politika stran SNG: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov / Red.-sost. D.A. Degterev, K.P. Kurylev. M.: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2017, 496.
8. Gomulka K. 2015. Realizatsiya initsiativ «Vostochnogo partnerstva» v Azerbaydzhane // Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'. № 7–1: 46–55.
9. Guba K.V. 2012. Kiev-Baku: tri «kita» dvustoronnikh otnosheniy // Odnа Rodina. Ofitsial'nyy sayt. URL: <https://odnarodyna.org/content/kyev-baku-tri-kita-dvustoronnikh-otnosheniy> (data obrashcheniya: 17.10.2019).
10. Guliev A.D. 2014. Ukraino-azerbaydzhanskіe otnosheniya: pravo, politika, diplomatiya: sb. nauchnykh trudov. Tom 1. Khar'kov: Fakt, 656.
11. Guliev A.D. 2015. Ukraino-azerbaydzhanskіe otnosheniya: pravo, politika, diplomatiya: sb. nauchnykh trudov. Tom 2. Khar'kov: Fakt, 572.
12. Guliev A.D. 2017. Ukraino-azerbaydzhanskіe otnosheniya: pravo, politika, diplomatiya: sb. nauchnykh trudov. Tom 3. Khar'kov: Fakt, 564.
13. Kurylev K.P. 2019. Faktory, opredelyavshie vneshnyuyu politiku Ukrainy po voprosu Nagorno-Karabakhskogo uregulirovaniya (1992–1994 gg.) // 30-letie konflikta v Nagornom Karabakhe: sbornik nauchnykh statey / pod red. K.P. Kuryleva. M.: RUDN: 40–51.
14. Markedonov S.M. 2018. Tridtsat' let Nagorno-Karabakhskogo konflikta: osnovnye etapy i perspektivy uregulirovaniya // Postsovetskie issledovaniya. T. 1. № 2: 129–138.
15. Niyazov N.S. 2014. Voenno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo Ukrainy i Azerbaydzhana v 1994–2014 godakh // Kavkaz i globalizatsiya. T. 8. № 3–4: 35–46.
16. Pivovarov E.I. 2008. Postsovetskoe prostranstvo: al'ternativy integratsii. Istoricheskiy ocherk. SPb.: Aleteya, 320.
17. Polukhov E.P. GUAM: Vzglyad iz Azerbaydzhana // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz (spetsial'nyy vypusk). № 3–4(57–58): 134–144.
18. Poroshenko pozval Alieva na vojnu. 2018. RealNewsLand.ru. URL: <https://realnewsland.ru/ukraine/118035-poroshenko-pozval-alieva-na-voynu.html> (data obrashcheniya: 17.01.2020).
19. Rol', mesto i ves azerbaydzhanskoy diasporы v Ukraine: chto ob"edinyayet nashi narody – interv'yuu. 2019. Novaya Epoha. URL: <https://yenicag.ru/rol-mesto-i-ves-azerbaydzhanskoy-dias/293866/> (data obrashcheniya: 17.01.2020).
20. Tatarintsev V.M. 2011. Dvustoronnie otnosheniya Rossii so stranami SNG: Monografiya. M.: Vostok – Zapad, 2011, 264.
21. Aliyev N. 2007. Armenian-Azerbaijani Nagorno-Karabakh Conflict in the Context of International Law // The Caucasus and Globalization. Vol. 1(2): 17–24.
22. Croissant M.P., Aras B. 1999. Oil and Geopolitics in the Caspian Sea Region. Greenwood Publishing Group, 305.
23. Kembayev Z. 2009. Legal Aspects of the Regional Integration Processes in the Post-Soviet Area. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 222.
24. Özdal H., Demydova V. 2011. Turkey-Ukraine Relations: High Potential, Low Voltage. International Strategic Research Organization (USAK), 50.
25. The International Politics of the Armenian-Azerbaijani Conflict: The Original «Frozen Conflict» and European Security. Editor S.E. Cornell. Palgrave Macmillan US, 2017, 227.
26. Valiyev A. 2014 Azerbaijan's Balancing Act in the Ukraine Crisis. PONARS Eurasia Policy Memo №. 352, 5.
27. Valiyev A. 2017. Azerbaijan's Foreign Policy: What Role for the West in the South Caucasus? // Eastern Voices: Europe's East Faces an Unsettled West: 135–149.

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Белашенко Д.А., Шоджонов И.Ф. 2020. Украинско-азербайджанские отношения: основные сферы сотрудничества, проблемы и перспективы развития. *Via in tempore. История. Политология*, 47(1): 202–210. DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-202-210

Belashchenko D.A., Shodzhonov I.F. 2020. Ukraine-azerbaijan relations: basic fields of cooperation, problems and prospects for development. *Via in tempore. History and political science*, 47(1): 202–210 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-202-210

УДК 323

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-211-217

**К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ПРИЧИНАХ «ОМОЛОЖЕНИЯ»
ПРОТЕСТНЫХ НАСТРОЕНИЙ В РОССИИ****ON THE QUESTION OF POSSIBLE CAUSES OF «REJUVENATION»
OF THE PROTEST MOODS IN RUSSIA****В.В. Титов, Н.А. Самохвалов****V.V. Titov, N.A. Samohvalov**

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Россия, 125993, Москва, ул. Ленинградский проспект, 49
Балаковский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Россия, 413840, Саратовская область, г. Балаково, ул. Чапаева, 107

Financial University under the Government of the Russian Federation,
49, Leningradsky avenue, Moscow, 125993, Russia
Balakovo branch of RANEPA, 107 Chapayev St, Balakovo, Saratov region, 413840, Russia

E-mail: VVTitov@fa.ru; nikolai-samohvalov@yandex.ru

Аннотация

В представленной статье авторы рассматривают молодежь в качестве базового элемента российской политики. Учитывая, что молодежь представляет собой один из стратегически важных ресурсов общества, от эффективности использования которого во многом определяется его жизнедеятельность, авторы акцентируют свое внимание на рассмотрении проблемных аспектов, стоящих перед молодежью России на современном этапе. При этом не без оснований отмечается, что молодое поколение граждан Российской Федерации, не получая конкретных предложений и механизмов по разрешению актуальных для них проблем со стороны органов государственной власти, вынуждено высказывать свою гражданскую позицию посредством организации протестного движения и непосредственного участия в нем. В контексте сказанного следует констатировать, что в последнее время молодежный протест находится в стадии интенсификации, а также расширяет свою социально-политическую повестку. В рамках данной статьи авторы уделили особое внимание некоторым причинам, лежащим в основе процесса «омоложения» протестных настроений в России.

Abstract

In this article, the authors consider youth as a basic element of Russian politics. Considering that youth is one of the hidden resources of society, the mobilization of which in many respects depends on its viability, the authors focus on consideration of the problematic aspects facing the youth of Russia at the present stage. At the same time, it is noted, not without reason, that the young generation of citizens of the Russian Federation, without receiving specific proposals and mechanisms for resolving issues that are relevant to them on the part of state authorities, are forced to express their civic position by organizing a protest movement and directly participating in it. In the context of what has been said, it should be noted that recently youth protest is in the stage of intensification, and is also expanding its socio-political agenda. In the framework of this article, the authors paid special attention to some of the reasons underlying the process of «rejuvenating» the protest moods in Russia.

Ключевые слова: молодежь, государство, государственная молодежная политика, молодежный протест.

Keywords: youth, state, state youth policy, youth protest.

В окружающей действительности каждый из нас может вольно или невольно заметить попытки различных государственных структур и общественных организаций привлечь на свою сторону молодежь, «заразить» их своими идеями, тем самым сформировать такой «молодежный контент», который позволит им достичь стоящие перед ними цели и задачи. Стихийным образом, а порой и под строгим контролем с помощью определенных методик и моделей возникают различные группы и объединения, эксплуатирующие стремление молодых людей группироваться с себе подобными. К подобным группам и объединениям, к примеру, можно отнести отделения международных организаций, «молодежные» организации политических партий, религиозные организации и другие. К слову сказать, что в последний период времени пристальное внимание на молодежь обратила и православная церковь, которая раньше, казалось бы, не имела интересов в этом вопросе. В частности, появилось множество молодежных лагерей, в том числе и военно-патриотических, поддерживаемых православной церковью.

В контексте сказанного весьма интересным представляется следующий вопрос: почему все так заинтересовались проблемами молодежи, и почему все это актуализировалось именно сейчас? Чем так привлекательна молодежь для представителей политических сил современной России?

На наш взгляд, это объясняется следующими причинами:

1) Российское общество, находящееся на современном этапе развития, оказалось не в состоянии адекватно реагировать на проблемы представителей молодого поколения и формировать гибкую молодежную политику. Во многом это обусловлено тем, что обозначаемые на самых различных властных уровнях вопросы эффективной реализации государственной молодежной политики, к нашему глубокому сожалению, в настоящий момент времени не приобрели особое значение для органов государственного управления. Кроме того, кризисные явления, наблюдающиеся в экономике Российской Федерации на современном этапе, заставили государство искать возможные формы поддержания своей стабильности, тем самым игнорируя некоторые перспективные направления развития, к которым относится и молодежная политика. Подобное смещение вектора внимания в зону экономических проблем привело к тому, что молодежь была на протяжении достаточно долгого временного отрезка предоставлена сама себе, находясь вне интересов каких-либо структур, способных к реализации ее интересов.

2) Как в начале 90-х годов, так и сейчас молодежь двадцать первого столетия характеризуется отсутствием фундаментальных общественных ориентиров. По нашему мнению, это можно объяснить двумя основными тенденциями. Первая тенденция выражена в деструкции классических форм социального развития советской молодежи: комсомола, пионерской организации, молодежного спорта, ДОСААФ и неспособности при этом привести к созданию радикально новых механизмов молодежной политики в постсоветской России. Вторая тенденция заключается в том, что на уровне государства принимается целый ряд программ, таких как проект «Молодежь России», «Государственная концепция молодежной политики», призванных разрешить эту проблему. В них достаточно подробно излагаются насущные проблемы молодежи, которые действительно актуальны в молодежной среде, и предлагается целый ряд способов их решения в виде конкретной программы действий. Однако современная практика реализации подобных действий оставляет, мягко говоря, желать лучшего [Самохвалов, 2018, с. 479].

Активно вовлекать молодежь в свою деятельность стараются, в первую очередь, непосредственные акторы политического процесса России – политические партии. Подтверждением обозначенного нами утверждения выступает тот факт, что молодежная организация есть сейчас практически у каждой российской партии. Однако подобные молодежные организации политической ориентации выражают не интересы молодежи, а политические интересы конкретной партии, хотя лидеры партий постоянно утверждают обратное. Молодежь для политических партий сегодня выступает, скорее, неким субстратом, из которого формируется ее электорат в долгосрочной перспективе. У каждой партии имеет-

ся свой собственный взгляд на практики работы с молодежью, выраженный в реализуемых ими «концепциях» и «программах» деятельности. Чтобы лучше представить себе сущность этих документов, приведем несколько выдержек из молодежных программ наиболее крупных политических партий.

Согласно молодежной программе партии «Единая Россия», «молодежь представляет собой ценнейший и уникальный ресурс любого общества, фундамент его дальнейшего существования и развития. Концепция государственной молодежной политики, предлагаемая данной партией, направлена на создание правовых, экономических, организационных и иных условий и гарантий для самореализации личности молодого человека» [Молодежная программа партии «Единая Россия», 2019].

Целью молодежной политики КПРФ является расширение политического влияния на молодежь. Подобная цель может быть достигнута только при целевой работе с молодежью. Для роста доверия молодежи к КПРФ необходимо реализовывать в нашей работе принцип «промежуточной полезности». Данный принцип заключается в том, что мы должны помогать молодежи в их борьбе за свои права, а не только обещать решение всех их социальных проблем» [Молодежная программа партии КПРФ, 2019].

Согласно молодежной программе партии ЛДПР, «в настоящее время в России отсутствует система государственной молодежной политики. Мы – молодежь России – открыто заявляем, что не позволим использовать себя в грязных политических играх. Мы за сильную и стабильную Россию, за истинный патриотизм, за молодость и перспективу! Мы против революций и их организаторов. И мы всегда готовы выйти на улицу и защитить нашу страну от безумных попыток устроить переворот и окончательно поставить наш народ на колени» [Молодежная программа партии ЛДПР, 2019].

По приведенным выше выдержкам становится очевидным, что молодежь выступает для партии ресурсом и орудием политической борьбы. Речь идет не о решении проблем молодежи как социально-демографической группы, а «расширении влияния» на нее, «вовлечении в классовую борьбу». Члены этих партий, конечно, будут возражать, но так и никак иначе все это выглядит со стороны. И это вполне логично, ведь целью любой политической партии является получение и удержание политической власти. А какими средствами – уже вопрос другой.

Подобное положение дел, когда молодежь используется для решения определенных задач соответствующими политическими субъектами с одновременным отсутствием должного внимания к их проблемам, в своей совокупности создает благоприятную конъюнктуру для формирования протестных настроений и ориентаций в молодежной среде. Протестный потенциал молодежи, а также его теоретико-методологические основания, особенности и последствия постоянно находятся в центре политического дискурса. В частности, они нашли свое отражение в трудах следующих исследователей: Г.И. Авцинова [Авцинова, 2015], Д.А. Аюшеева [Аюшеева, 2019], П.В. Бударин [Бударин, 2018], В.М. Барсегян [Барсегян, 2014], Ю.Ю. Галактионова [Галактионова, 2019], Ю.М. Головкин [Головкин, 2016], М.С. Грачева [Грачева, 2016], Е.Ю. Кирюхина [Кирюхина, 2014], Е.И. Ковтун [Ковтун, 2019], Д.А. Ластовкина [Ластовкина, 2015], П.А. Меркулов, Н.В. Проказина [Меркулов, Проказина 2017], А.В. Петрушина [Петрушина, 2012] и других.

Безусловно, протестные настроения в молодежной среде имели место всегда, однако их особенностью в России в настоящий период времени выступает усиливающаяся тенденция на «омоложение» протестным образом ориентированной молодежи.

Так, в частности, 27 июля 2019 г. в Москве состоялась крупнейшая за минувшие два года несанкционированная акция протеста. Поводом к ней послужил не допуск к выборам в Мосгордуму «независимых кандидатов», в частности Дмитрия Гудкова и соратницы Алексея Навального Любови Соболев.

По информации властей, в митинге приняли участие свыше трех тысяч человек. Однако число протестующих было намного больше, учитывая количество задержанных, которое перевалило за тысячу человек (по официальным данным – 1074). Скорее всего,

27 июля 2019 г. днём в центре города собрались не менее пяти тысяч человек. Вечером того же дня несколько сотен активистов по призыву оппозиционных структур пришли на Трубную площадь [Титов, Самохвалов 2019, с. 52].

Прошедшая акция протеста вновь дала явный повод говорить о проблеме «омоложения» сторонников внесистемной оппозиции. Ядро митингующих составили молодые граждане в возрасте 16–22 лет. Как нам представляется, главным объяснением того, что протестное ядро составили главным образом совсем молодые люди, является отсутствие достаточного жизненного опыта и образования у данных представителей молодого поколения, кроме того, данная категория имеет весьма слабое представление о политических реалиях, в которых находится Россия.

В частности, на тренде по омоложению протестного движения в отечественной социально-политической практике акцентирует свое внимание директор Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ Е. Омельченко. В контексте сказанного Е. Омельченко отмечает следующее: «протест действительно помолодел, это было заметно уже в 2017–2018 году, когда писали, что на улицы вышла ”школота»».

Солитаризировавшись с обозначенной позицией Е. Омельченко, приходим к выводу, что к возможным обстоятельствам и причинам, послужившим «омоложению» российского протестного движения можно отнести следующие:

Во-первых, для современных молодых людей очень важно участие в низовых гражданских практиках, которые вовсе не обязательно напрямую связаны с политикой. Это могут быть экологические проекты, зоозащита, помощь больным людям, людям, которые находятся в трудной жизненной ситуации и многое другое. Для молодых людей очень важно, что это их собственные низовые гражданские практики, они независимы от государства.

Во-вторых, очень важные для нынешней молодежи понятия и ценности – это принятие, понимание, разделенность, включенность, сопричастность и принадлежность. Официальная политика не может ничего из этого дать, потому что молодые люди не могут полноценно участвовать в политических процессах, принимать решения и влиять на результат и выступать в качестве непосредственного актора социально-политических процессов. Поэтому они стремятся формировать собственную независимую повестку и собственную среду.

В-третьих, для молодых людей также очень важна эмоциональная сторона и особенно обострено чувство справедливости. На этом фундаменте формируется своего рода низовой гражданский патриотизм в противоположность существующему милитаристскому патриотизму, который власть навязывает сверху различными методами и средствами путем оказания воздействия на молодежь.

Весьма интересным, как нам представляется, выступает тот факт, что часть молодых людей, принимавших непосредственное участие в митингах, и вовсе лишена права ходить на избирательный участок. Отсюда возникает вопрос: с какой целью они вышли на акции протеста?

Считаем, что отчасти ответ кроется в большой популярности яркого представителя так называемой внесистемной оппозиции Алексея Навального в молодежной среде, а именно популяризация оппозиционера в интернет-контенте и его эффективном использовании в качестве инструмента воздействия, основным пользователем которого выступает именно молодежь.

Наиболее ярким свидетельством о молодежном фундаменте целевой аудитории Алексея Навального выступает волна несанкционированных властями акций, прошедших весной 2017 года после выхода фильма «Он вам не Димон» фонда борьбы с коррупцией, созданного указанным выше оппозиционером. Несовершеннолетних лиц, которые принимали участие в тех акциях, прозвали «навальнятами». Абсолютно искренне и с высокой степенью серьезности на митингах они рассказывали о том, как чудесным образом преоб-

разится Россия, если Владимир Путин покинет пост президента Российской Федерации [Платонов, 2018, с. 24].

Памятуя о тех событиях, что в центре Москвы опять соберутся юные оппозиционеры, правоохранительные органы предупредили о грозящих штрафах, административных арестах, а также о предусмотренной законом мере ответственности за уклонение от воинской повинности. Кроме того, весьма кстати в парке Горького был организован День гамбургера, который с большой вероятностью оттянул тысячи «сопереживающих» Навальному молодых людей.

Продолжая суждения о причинах, которые влияют на процесс «омоложения» протестного движения в России, считаем необходимым акцентировать внимание на том факте, что за время пребывания В.В. Путина в должности первого лица государства в России выросло поколение, которое не помнит другого руководителя государства. Конечно, можно сказать, что в период 2008–2012 гг. пост президента РФ занимал Дмитрий Анатольевич Медведев, однако даже молодежь понимает, что это было определенной формальностью.

Современная молодёжь выросла в достаточно благополучное время. Она не пережила масштабных социально-политических потрясений, не помнит про полуголодные девяностые годы, не представляет, что такое сепаратизм, гражданская война [Руденкин, 2017, с. 28].

Тем самым неотягощённое трагедиями сознание позволяет более уверенно смотреть в будущее без страха возвращения в прошлое, который по-прежнему навязывается сверху. Власть и федеральные СМИ продолжают бессовестно спекулировать на теме 1990-х годов. Дескать, если у руля страны встанут другие люди, то Россия вновь погрузится в хаос первых лет после распада СССР [Челпанова, 2014, с. 59].

Следует констатировать, что в подавляющем большинстве молодёжь не в состоянии сформулировать причины негатива к первому лицу и представить какую-либо альтернативную модель развития российской государственности. Скорее всего, в сознании подрастающего поколения является дикостью сам факт, что один человек находится у власти 20 лет и будет править страной по меньшей мере до 2024 года. При этом кажется весьма парадоксальным, что именно Владимиру Путину юные оппозиционеры обязаны своим благополучным прошлым и настоящим.

Растущее недовольство молодёжи президентом вызвано, прежде всего, нежеланием переваривать господствующий в РФ принцип несменяемости власти. Ярким подтверждением данного обстоятельства служит тот факт, что молодёжь в процессе общественного обсуждения поправок к Основному закону государства высказалась категорически против «обнуления» президентских сроков действующего главы государства.

Таким образом, суммируя вышесказанное, становится очевидным, что в России давно стала очевидной необходимость перемен в социально-политической сфере с целью разрешения основных проблем, стоящих перед молодым поколением. Несмотря на это, в реальности мы видим, что Правительство РФ отказывается проводить работу над ошибками, а оппозиция не предлагает какой-либо внятной программы действий, кроме разрушения сложившейся социально-политической системы, которая пусть и порочна, но находится в более-менее работоспособном состоянии, тем самым просто использует молодёжь в качестве инструмента для решения стоящих перед ней целей и задач. Именно поэтому современная молодёжь, во многом полагаясь исключительно на собственные силы и возможности, пытается обратить на себя фокус внимания властных структур в России, в том числе посредством осуществления молодежного протестного движения.

Список литературы

1. Авцинова Г.И. 2015. Протестный потенциал российской молодежи: парадигмы исследования и политическая практика. PolitBook. 1: 111–126.
2. Аюшеева Д.А. 2019. Участие молодежи в протестных акциях в современной России как способ самоидентичности. Управленческое консультирование. 6: 147–153.

3. Бударин П.В. 2018. Особенности вовлечения подростков к участию протестной деятельности современной оппозицией в РФ. Теории и проблемы политических исследований. 5А: 230–237.
4. Барсегян В.М. 2014. Формы и факторы политической активности молодежи: классические концепции и современные исследования. Гуманитарные и социально-экономические науки. 4 (77): 120–124.
5. Галактионова Ю.Ю. 2019. Политическое протестное поведение современной российской молодежи. Master's Journal. 1: 119–126.
6. Головкин Ю.М. 2016. Реализация принципа «русской мечты» для молодежи или существует ли необходимость участвовать в акциях протеста?. Вестник Башкирского института социальных технологий. 3 (32): 59–65.
7. Грачева М.С. 2016. Политический протест современной молодежи в концептуальном осмыслении западной политологии. Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 5: 138–142.
8. Кирюхина Е.Ю. 2014. Эволюция молодежного политического протеста в современной России: от уличных акций к социальным сетям. Вопросы политологии. 2 (14): 38–45.
9. Ковтун Е.И. 2019. Специфика современных молодежных протестных движений. Вопросы политологии. 4 (44): 712–721.
10. Ластовкина Д.А. 2015. Современные формы протеста: к постановке вопроса. Вопросы территориального развития. 6 (26): 3.
11. Меркулов П.А., Проказина Н.В. 2017. Методологические подходы к анализу протестной деятельности молодежи. Среднерусский вестник общественных наук. 1: 15–23.
12. Молодежная программа партии «Единая Россия». URL: <http://www.old.edinros.ru> (дата обращения: 25.12.2019).
13. Молодежная программа партии КПРФ. URL: http://www.kprf.ru/party_live/55847 (дата обращения: 25.12.2019).
14. Молодежная программа партии ЛДПР. URL: <http://www.ldpr.ru/molodvigenie2> (дата обращения: 25.12.2019).
15. Платонов К.А. 2018. Цифровой протест в социальной сети: специфика молодежной аудитории. Молодежная Галактика. 15: 19–26.
16. Петрушина А.В. 2012. Протестное участие молодежи в современном российском обществе. Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Тула, 27.
17. Руденкин Д.В. 2017. Протестные настроения российской молодежи через год после митингов. Социодинамика. 2: 23–33.
18. Самохвалов Н.А. 2018. Социальные и политические ориентиры российской молодежи. В кн: Политика развития, государство и мировой порядок, Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов. Под общ. ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. Москва, Изд-во «Аспект-Пресс»: 479–480.
19. Титов В.В., Самохвалов Н.А. 2019. Анализ социально-политических ценностей молодежи на современном этапе развития российского общества. Азимут научных исследований: экономика и управление. 1 (26): 51–54.
20. Челпанова Д.Д. 2014. Протестный потенциал студенческой молодежи юга России. Научная мысль Кавказа. 1 (77): 55–62.

References

1. Avcinova G.I. 2015. Protestnyj potencial rossijskoj molodezhi: paradigmy issledovanija i politicheskaja praktika. PolitBook. 1: 111–126.
2. Ajusheeva D.A. 2019. Uchastie molodezhi v protestnyh akcijah v sovremennoj Rossii kak sposob samoidentichnosti. Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 6: 147–153.
3. Budarin P.V. 2018. Osobennosti vovlechenija podroستkov k uchastiju protestnoj dejatel'nosti sovremennoj oppoziciej v RF. Teorii i problemy politicheskikh issledovanij. 5A: 230–237.
4. Barsegjan V.M. 2014. Formy i faktory politicheskoy aktivnosti molodezhi: klassicheskie koncepcii i sovremennye issledovanija. Gumanitarnye i social'no-jekonomicheskie nauki. 4 (77): 120–124.
5. Galaktionova Ju.Ju. 2019. Politicheskoe protestnoe povedenie sovremennoj rossijskoj molodezhi. Master's Journal. 1: 119–126.

6. Golovko Ju.M. 2016. Realizacija principa «rossijskoj mechty» dlja molodezhi ili sushhestvuet li neobhodimost' uchastvovat' v akcijah protesta? Vestnik Bashkirskogo instituta social'nyh tehnologij. 3 (32): 59–65.
7. Gracheva M.S. 2016. Politicheskij protest sovremennoj molodezhi v konceptual'nom osmyslenii zapadnoj politologii. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Istorija i politicheskie nauki. 5: 138–142.
8. Kirjuhina E.Ju. 2014. Jevoljucija molodezhnogo politicheskogo protesta v sovremennoj Rossii: ot ulichnyh akcij k social'nym setjam. Voprosy politologii. 2 (14): 38–45.
9. Kovtun E.I. 2019. Specifika sovremennyh molodezhnyh protestnyh dvizhenij. Voprosy politologii. 4 (44): 712–721.
10. Lastovkina D.A. 2015. Sovremennye formy protesta: k postanovke voprosa. Voprosy territorial'nogo razvitija. 6 (26): 3.
11. Merkulov P.A., Prokazina N.V. 2017. Metodologicheskie podhody k analizu protestnoj dejatel'nosti molodezhi. Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk. 1: 15–23.
12. Molodezhnaja programma partii «Edinaja Rossiya». URL: <http://www.old.edinros.ru> (data obrashhenija: 25.12.2019).
13. Molodezhnaja programma partii KPRF. URL: http://www.kprf.ru/party_live/55847 (data obrashhenija: 25.12.2019).
14. Molodezhnaja programma partii LDPR. URL: <http://www.ldpr.ru/molodvigenie2> (data obrashhenija: 25.12.2019).
15. Platonov K.A. 2018. Cifrovoj protest v social'noj seti: specifika molodezhnoj auditorii. Molodezhnaja Galaktika. 15: 19–26.
16. Petrushina A.V. 2012. Protestnoe uchastie molodezhi v sovremennom rossijskom obshhestve. Avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk. Tula, 27.
17. Rudenkin D.V. 2017. Protestnye nastroyeniya rossijskoj molodezhi cherez god posle mitingov. Sociodinamika. 2: 23–33.
18. Samohvalov N.A. 2018. Social'nye i politicheskie orientiry rossijskoj molodezhi. V kn: Politika razvitija, gosudarstvo i mirovoj porjadok Materialy VIII Vserossijskogo kongressa politologov. Pod obshh. red. O.V. Gaman-Golutvinoj, L.V. Smorgunova, L.N. Timofeevoj. Moskva, Izd-vo «Aspekt-Press», 479–480.
19. Titov V.V., Samohvalov N.A. 2019. Analiz social'no-politicheskikh cennostej molodezhi na sovremennom etape razvitija rossijskogo obshhestva. Azimut nauchnyh issledovanij: jekonomika i upravlenie. 1 (26): 51–54.
20. Chelpanova D.D. 2014. Protestnyj potencial studencheskoj molodezhi juga Rossii. Nauchnaja mysl' Kavkaza. 1 (77): 55–62.

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Титов В.В., Самохвалов Н.А. 2020. К вопросу о некоторых причинах «омоложения» протестных настроений в России. *Via in tempore. История. Политология*, 47(1): 211–217.

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-211-217

Titov V.V., Samohvalov N.A. 2020. On the question of possible causes of «rejuvenation» of the protest moods in Russia. *Via in tempore. History and political science*, 47(1): 211–217 (in Russian).

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-211-217

УДК 327.5

DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-218-225

ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО ЛИДЕРСТВА МЕКСИКИ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

ASSESSMENT OF REGIONAL LEADERSHIP POTENTIAL OF MEXICO IN LATIN AMERICA

Д.А. Тарасова, К.В. Богданов**D.A. Tarasova, K.V. Bogdanov**

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod – National Research University,
23 Gagarin Av., Nizhny Novgorod, 603950 Russia

E-mail: daria.tarasovaZ@yandex.ru; kirill160611@yandex.ru

Аннотация

В статье проводится оценка перспектив возможности становления Мексики региональным лидером в Латинской Америке. В ходе исследования авторы основываются на системном подходе, который способствует более комплексному анализу обозначенной проблемы. Для достижения поставленной цели авторы приводят определение регионального лидера и обозначают непосредственный регион. Данное исследование базируется на анализе внешней политики Мексиканских Соединенных Штатов по отношению к Латинской Америке, и тех факторов, которые влияют на ее реализацию. В этом контексте подвергается оценке роль Соединенных Штатов Америки в формировании внешней политики Мексики. Авторами выявлены основные тенденции современной политической ситуации в латиноамериканском регионе. Основываясь на приведенных в статье фактах и проведенном анализе, авторы дают оценку возможности становления Мексики региональным лидером Латинской Америки.

Abstract

The article assesses the prospects of Mexico to become a regional leader in Latin America. In the course of the research, the authors base on a systematic approach that contributes to a more comprehensive analysis of the identified problem. To achieve this goal, the authors provide a definition of a regional leader and indicate the immediate region. This study is based on the analysis of the foreign policy of the United Mexican States in relation to Latin America, and the factors that affect its implementation. Particularly the authors examine the importance of Mexico in regional integration associations and forums. In this context, the authors evaluate the role of the United States of America in the formation of the foreign policy of Mexico. The authors identify the significant trends in the current political situation in the Latin American region. Based on the facts and analysis presented in the article, the authors assess the possibilities for Mexico to achieve the regional leadership in Latin America.

Ключевые слова: регион, Латинская Америка, Мексика, региональное лидерство, Бразилия, внешняя политика.

Key words: region, Latin America, Mexico, regional leadership, Brazil, foreign policy.

Южная Америка – это регион, получивший свою известность благодаря своему открытию в 1492 г. Христофором Колумбом. Это событие дало старт испанским экспедициям на материк, которые повлекли за собой его колонизацию. Распространение испанского и португальского языков, которые принадлежат к романской группе языков, а соответственно,

произошли от латинского языка, а также культуры Испании и Португалии дало название региону от Мексики до Аргентины, включая испаноязычные страны Карибского бассейна.

Одним из глобальных процессов, происходящих в условиях современного мира, является макрорегиональное деление мирового пространства. Латиноамериканский регион имеет длительную историю своего существования: от колониального прошлого до заметного укрепления влияния на мировой арене. В данном контексте справедливо говорить и об образовании региональных лидеров.

Сам феномен лидерства может трактоваться по-разному. Наиболее полное определение государству-лидеру дает известный российский политолог А.Д. Богатуров: «Под «типичным» лидером понимается государство, обнаруживающее объективную способность и выраженную волю, во-первых, навязать свое видение перспективы международного развития, оптимальных способов обеспечения мира и стабильности другим странам, сообществу государств в целом или какой-то его части; во-вторых, противостоять аналогичным устремлениям других лидеров или игнорировать их, не подрывая при этом основы собственной выживаемости в политическом и страновом качестве» [Богатуров, 1997].

Географическое положение Мексиканских Соединенных Штатов обуславливает многие внешнеполитические процессы государства. Речь в первую очередь идет о их ближайшем северном соседе – США, протяженность границы с которыми составляет 3,2 тыс. км [Russia Today, 2018]. С конца 1980-х гг. правительство Мигеля де ла Мадрида стало сосредотачиваться на интенсификации отношений с США. Период его президентства характеризуется общим истощением мексиканской экономики, долговым кризисом и падением цен на нефть. Все эти факторы побуждали мексиканское руководство к поиску выхода из кризиса через создание зоны свободной торговли вместе с США и Канадой. Вступление в силу договора о создании североамериканской зоны свободной торговли (North American Free Trade Agreement, NAFTA) в 1994 г. на долгие годы сосредоточило внимание Мексики на североамериканском векторе внешнеполитического взаимодействия, но и оставило южноамериканские страны вне интересов Мексики, сделав восстановление мексиканского лидерства в регионе трудно исполнимым.

Однако, в 1991 г. Мексика подписала договор об экономическом сотрудничестве с Чили. Еще более значимым шагом в латиноамериканском направлении становится создание Группы трех (Grupo de los Tres, G3). Соглашение от 13 июня 1994 г., подписанное в колумбийской Картахене-де-Индиас лидерами Мексики, Колумбии и Венесуэлы, предусматривает десятипроцентное снижение тарифов на торговлю товарами и услугами между его участниками в течение десяти лет. Оно также включает такие вопросы, как инвестиции, услуги, государственные закупки, регулирование борьбы с недобросовестной конкуренцией и права интеллектуальной собственности [Tratado de Libre Comercio Colombia-México].

Спустя практически месяц там же подписывается соглашение о создании Ассоциации карибских государств между 25 странами Карибского региона, одной из стран-инициаторов этого процесса стала как раз Мексика. Организация призвана поощрять регионализм среди государств-членов. Основные цели ассоциации заключаются в консолидации общих интересов карибских государств и в совместной работе по устранению барьеров, оставшихся от колониального прошлого [The Convention, 1994].

Создание этих интеграционных объединений подтверждает тот факт, что Мексика все же не хотела окончательно разрывать связи со странами латиноамериканского региона. Хотя учреждающиеся институты не несли сильной политической и экономической власти, оставаясь во многих аспектах исключительно на бумаге.

В контексте NAFTA необходимо подчеркнуть, что стоимостный объем национального экспорта Мексиканских Соединенных Штатов увеличился более чем в 4 раза в результате роста продаж в Северную Америку, причём самые крупные продажи наблюдались в 1992–1995 гг. [Костюнина, 2015] Отсюда понятно, что объем экспорта страны в государства вне NAFTA составлял только лишь 4% [Косевич, 2018].

По успешному же примеру NAFTA США стали активно продвигать идею создания Всеамериканской зоны свободной торговли (Acuerdo de Libre Comercio de las Américas, ALCA), и в тот момент содействие Мексики в этом вопросе было крайне необходимо. Данная идея была резко негативно воспринята странами Латинской Америки. Из-за большого количества противоречий и проблем соглашение подписано так и не было, и после этого государства Южной Америки стали искать свои пути развития. Ведущие государства региона, такие как Аргентина, Бразилия и Венесуэла, сконцентрировали свое внимание на латиноамериканской интеграции, основываясь на расширении МЕРКОСУР (Mercado Común del Sur, Mercosur) и внешнеполитической ориентации на Европейский союз и страны Азии, в частности, Китай. Мексика, Перу и Чили стали ориентироваться на многостороннее сотрудничество в рамках АТЭС [Яковлев, 2007]. Более того, из-за политики продвижения ALCA Президент Мексики В. Фокс нажил себе врагов в лице тогдашних лидеров Боливии и Венесуэлы, Э. Моралеса и У. Чавеса соответственно.

Несмотря на весьма активную внешнеполитическую деятельность В. Фокса по отношению к странам Латинской Америки, положение Мексики в этом регионе не только не укрепилось, но и заметно снизилось, и по большому счету она не имела там большого политического веса.

В ноябре 2005 г. во время Саммита Америк, проходившего в аргентинском Мар-дель-Плата, Мексика оказалась в центре целого ряда скандалов, произошедших на высшем уровне. Главы латиноамериканских стран высказались о том, что Мексика прямо подчиняется США. Так, в знак своего рода протеста Венесуэла вышла из Группы трех, что поставило точку в истории этого объединения. Таким образом, приблизившись к внешнеполитическому курсу США, Мексика разошлась по целому спектру вопросов с южными партнерами. Мексика стала государством, который поддерживает сценарий континентальной интеграции, предложенный США. [Проценко, 2007].

Пришедший к власти в 2006 г., Фелипе Кальдерон начал активный поворот внешнеполитического курса в страны Латинской Америки. В «Национальном плане развития Мексики 2007–2012 гг.», основном документе, определявшем внешнюю политику страны во время правления Ф. Кальдерона, Мексика позиционировала себя как страна, которая создала зрелые и справедливые отношения с Северной Америкой, и занимает лидирующие позиции в Латинской Америке [Plan Nacional de Desarrollo, 2007]. В этом же документе отмечалось, что одной из ключевых задач Мексики на внешнеполитическом уровне было повышение уровня страны на международной арене. Как стратегическое решение было предложено укреплять и расширять политические, экономические и культурные связи с Латинской Америкой и странами Карибского бассейна [Plan Nacional de Desarrollo, 2007].

«Латиноамериканский поворот» также связан и с мировым кризисом 2008 г., который заметно ударил по экономике США и, как следствие, по мексиканской [Тарасова, 2018]. Разразившийся кризис открыл глаза мексиканскому руководству на зависимость от США, которую обеспечила им NAFTA, и заставил задуматься о переориентации внешней политики на латиноамериканский регион.

В подтверждение этого практически сразу после подписания Мексика заключила с Аргентиной договор о стратегическом партнерстве. Позднее Ф. Кальдерон заявил о необходимости расширения связей с Бразилией, которая, в свою очередь, предложила наладить Мексике более тесное сотрудничество с Mercosur. Более того, в то же время Мексика выразила желание вступить в УНАСУР (Unión de Naciones Suramericanas, UNASUR) на правах наблюдателя или даже, возможно, члена, для этого был подписан «Стратегический план сотрудничества» с Уругваем и ряд экономических соглашений с другими странами региона.

В 2012 г. Мексика председательствовала на саммите G-20, проходившем в Лос-Кабос, где подтвердила желание всего латиноамериканского региона занимать уверенную позицию в обсуждении насущных проблем, стоящих перед мировым сообществом, активно участвовать в создании эффективной многосторонней торговой системы [Яковлев, 2013].

Необходимо также отметить, что на протяжении последних десяти лет мексиканские транснациональные латиноамериканские компании успешно инвестировали в такие государства региона, как Бразилия, Чили и Колумбия.

Президент Мексики в 2012–2018 гг. Э.П. Ньето также придерживается курса на восстановление влияния Мексики в регионе. 29 января 2014 г. президент Мексики встретился с президентом Кубы Раулем Кастро в Гаване, что дало толчок к укреплению исторических отношений с Кубой в контексте всего латиноамериканского региона. Р. Кастро отметил особым приоритетом встречу с Э. Пеньей Ньето на II Саммите СЕЛАК (Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños, CELAC) [Excelsior, 2014].

Особое внимание представляется необходимым уделить созданию в 2012 г. Тихоокеанского альянса, куда вошли Мексика, Колумбия, Перу и Чили. Ключевой функциональной особенностью данного объединения как раз и является четкая направленность стран-участников на развитие и укрепление отношений именно с конкретным регионом мира. Хотя страны альянса приветствуют развитие партнерских отношений, приоритет они отдают странам АТР. Согласно Декларации о создании Тихоокеанского альянса, подписанной в Лиме, страны-участники будут стремиться к углублению интеграции, дабы сделать себя привлекательными для инвестиций, особенно в Азиатско-Тихоокеанском регионе [Declaración de Lima].

Появление новой интеграционной единицы вызвало при этом неоднозначную реакцию у ряда лидеров латиноамериканских стран. Так, например, в интервью новостному агентству Russia Today Президент Боливии Эво Моралес обвинил США в попытке разделить UNASUR посредством Тихоокеанского альянса, чтобы препятствовать расширению Боливарианского альянса для народов нашей Америки [Russia Today, 2017].

В период своего первого президентства Барак Обама выдвигал идею создания двух «стратегических» колец – тихоокеанского и трансатлантического. Разыгрывая подобную карту, США делали ставку на создание Тихоокеанского альянса, дабы сплотить главных стратегических партнеров Вашингтона в Южной Америке вокруг Вашингтона. Альянс не остался незамеченным не только в рамках региона, но и во всем мире. Об этом можно судить по числу наблюдателей. Так, на конец 2013 г. в Тихоокеанском альянсе их было 9, на начало 2015 г. – 32, а на апрель 2017 г. – уже 49 (среди которых 9 – из Азии и 20 – из Европы) [Российский совет по международным делам, 2018].

Тихоокеанский альянс также заслуживает рассмотрения с точки зрения его отношений с Mercosur, дабы проследить отношения двух лидеров данных интеграционных единиц – Бразилии и Мексики в контексте их борьбы за региональное лидерство.

Исторически Mercosur фигурировал во внешнеполитическом дискурсе Мексики практически с момента его образования. Однако своё предпочтение Мексика всегда отдавала США. Подписание NAFTA в 1992 г. свело на нет все попытки Мексики установить взаимовыгодные отношения со странами Mercosur, поскольку они не нуждались в партнерстве с Мексикой.

Однако в июле 2002 г. подписывается знаковое Соглашение об экономической дополняемости между Мексикой и странами-членами Mercosur. В рамках этого документа предполагалось снижение таможенных пошлин на более чем 800 продуктов и содействие созданию зоны свободной торговли между Мексикой и Бразилией [El País, 2017]. С 2007 по 2012 г. в рамках Соглашения между Бразилией и Мексикой были устранены ввозные таможенные пошлины на автомобили, но переговоры по созданию зоны свободной торговли не увенчались успехом. Это во многом связано с тем, что Бразилия все равно рассматривается элитами как конкурент, а не как партнер. Этому находится логическое объяснение. Сочетание таких факторов, как экономические реформы и относительная политическая стабильность наряду с обширной территорией и достаточно богатыми землями, придает Бразилии большой политический вес и авторитет [Рыжов, 2018].

В начале второго десятилетия XXI в. большинство стран Mercosur были во власти экономического и политического кризиса, Бразилия не стала исключением [Матвеева,

Рыжов, 2017]. Именно в это же время появляется Тихоокеанский альянс с очевидным лидером в лице Мексиканских Соединенных Штатов. Все это сыграло на руку Мексики в отношении ее укреплений позиций в латиноамериканском регионе. Несмотря на это в 2014 г. Президент Чили Мишель Бачелет, придя к власти, поставила цель укрепить латиноамериканское единство и на саммите Тихоокеанского альянса в июне 2014 г. впервые поставила вопрос об объединении двух союзов [La Segunda, 2014]. А уже весной 2017 г. на повестке первой встречи министров иностранных дел двух объединений стоял вопрос о возможном сближении между ними [Костюнина, 2018]. Однако на данный момент о скором объединении говорить не приходится.

Большое количество созданных в Латинской Америке интеграционных объединений связано с отсутствием явного регионального лидера и определенной разобщенности стран. Это особенно четко проявилось во времена «левого поворота» в регионе, когда страны интегрировались, основываясь на идеологических убеждениях [Onuki, 2016]. Мексика и Бразилия выбрали свои пути развития, а могли бы сыграть объединяющую роль в интеграционных процессах Латинской Америки.

Особо необходимо отметить деятельность Мексики, Бразилии и Аргентины в формате G20. Деятельность этих стран в рамках этой платформы демонстрирует свою несогласованность, что свидетельствует о том, что эти государства выражают свою личную позицию, а не представляют интересы континента.

Рубеж 2018–2019 гг. ознаменовал начало эпохи перемен в латиноамериканском регионе. Это связано с приходом к власти в ведущих странах региона «нетипичных» лидеров. В Мексике на выборах впервые уверенно победил кандидат от левой коалиции «Вместе сделаем историю» (Juntos Haremos Historia) Андрес Мануэль Лопес Обрадор. В Бразилии же с 1 января 2019 г. в должность президента вступил Жаир Болсонару, являющийся лидером Социал-либеральной партии Бразилии (El Partido Social Liberal). Еще до его вступления на пост он уже пообещал беззаветно следовать политике Трампа, заикнулся о переносе бразильского посольства в Израиле в Иерусалим, о выходе из Парижского соглашения, а также выступил с жесткой критикой Mercosur [Clarín, 2018]. Эти события создали неопределенную политическую конфигурацию в регионе. Более того, исходя из риторики Президента Бразилии, можно сделать вывод о том, что страна будет сводить к минимуму свою деятельность в многосторонних форматах, переходя на двусторонние соглашения.

В этом контексте внешняя политика мексиканского Президента А.М. Лопеса Обрадора пока не вносит ясности в политическую картину в регионе. С одной стороны, во время предвыборной риторики он заявлял, что необходимо возвращаться к принципам невмешательства и самоопределения народов [Telesur, 2018.]. С другой же стороны, он не раз отмечал, что «лучшая внешняя политика – это политика внутренняя», подчеркивая, что только лишь разобравшись с внутренними проблемами в стране, можно добиться уважения своего северного соседа в лице США [Azteca Noticias, 2018]. Камнем преткновения в мексикано-американских отношениях служит проблема миграции, которую пока в Мексике не стремятся решать. С географической точки зрения Мексика также удобна и для мигрантов из Центральной Америки. Это и подтверждается мнением профессора международных отношений Университета Южной Калифорнии Сетта Стоуддера: «Мексика превратилась из страны-источника для нелегальной иммиграции в Соединенные Штаты в транзитную страну. Сейчас более половины мигрантов прибывают не из Мексики, а из Центральной Америки». [Chapman, 2017] Подобные препятствия в двусторонних отношениях могут привести к активизации внешней политики Мексики в отношении латиноамериканского региона. Одним из проявлений может служить тот факт, что в рамках Группы Лимы Мексика наряду с Кубой отказалась подписать документ о признании Н. Мадуро в качестве Президента Венесуэлы.

Таким образом, оценивая возможность регионального лидерства Мексики, можно сделать вывод о том, что для стран Южной Америки Мексика – это проводник Вашингтона. Ряд попыток установления взаимовыгодного сотрудничества не приносили должного

результата. Мексиканская внешняя политика долгие годы требовала определенной корректировки, чтобы сделать перспективу становления региональным лидером более осуществимой. На протяжении последних 25 лет внешнеполитический курс Мексики характеризуется традиционно зависимым от США, что не кажется удивительным, поскольку в конце 1980-х гг. правительство Мексики сделало выбор в пользу США, тем самым «повернув» страну прочь от южноамериканских партнеров. Мексика считалась «картой» в руках Вашингтона, поскольку определённые инициативы, отходившие от государства, были в большей степени выгодны для США. Все это ставило под вопрос автономность региональной политики Мексиканских Соединённых Штатов, сводя на нет какую-либо возможность достичь региональное лидерство [Яковлев, 2017].

Однако тенденции, связанные с приходом к власти кандидатов с популистскими взглядами и характеризующиеся определенной «внесистемностью» свидетельствуют о начале коренных изменений в регионе, и хоть и статус регионального лидера Мексикой пока не достигнут, предпосылки к этому уже вполне очевидны.

Список литературы

1. Богатуров А.Д. 1997. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995). М., Конверт – МОНФ, 353.
2. Косевич Е.Ю. 2018. Новые подходы Мексики к интеграционным процессам в Латинской Америке. Латинская Америка, 8: 48–62.
3. Костюнина Г.М. 2018. Интеграционные процессы в Латинской Америке как фактор содействия внешней торговле. Российский внешнеэкономический вестник, 4: 51–67.
4. Костюнина Г.М. 2015. Североамериканская интеграция: 20 лет спустя. Вестник МГИМО Университета, 2: 152–162.
5. Матвеева Д.С., Рыжов И.В. 2017. Бразилия и государство Израиль: история и современность в отношениях региональных лидеров. Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки, 3 (27): 88–96.
6. Проценко А.Е. 2007. Мексикано-американские отношения в условиях глобализации. Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 35 с.
7. Российский совет по международным делам. 2018. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tikhookeanskiy-alyans-no-vaya-zvezda-sredi-integratsionnykh-g/> (дата обращения: 01.12.2019)
8. Рыжов И.В. 2006. Проблемы регионального лидерства в современной системе международных отношений: некоторые теоретические аспекты. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Международные отношения, Политология, Регионоведение, 2: 10–18.
9. Тарасова Д.А. 2018. Латинская Америка как арена борьбы между Китаем и Тайванем. Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки, 1 (29): 65–73.
10. Яковлев П.П. 2013. «Группа двадцати»: от Мексики к России (к итогам саммита в Санкт-Петербурге) URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/politika/gruppa_dvcati_ot_meksiki_k_rossii_k_itogam_sammita_v_sankt-peterburge_2013-10-08.htm.
11. Яковлев П.П. 2007. Латинская Америка: меняющийся облик. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/amerika/latinskaja_amerika_menajushhijsa_oblik_2007-03-19.htm
12. Яковлев П.П. 2017. «Эффект Трампа» или конец глобализации? М., РУСАЙНС, 144.
13. Azteca Noticias. 2018. LA MEJOR POLÍTICA EXTERIOR ES LA POLÍTICA INTERIOR: AMLO. URL: <https://www.aztecanoticias.com.mx/la-mejor-politica-exterior-es-la-politica-interior-amlo/3283922> (accessed: 26.12.2019).
14. Chapman J. 2017. The Future of U.S.-Mexico Relations is Unpredictable. URL: <https://www.pacificcouncil.org/newsroom/future-us-mexico-relations-unpredictable> (accessed: 28.12.2019).
15. Clarín. 2018. Brasil y México, parecidos y diferencias. URL: https://www.clarin.com/opinion/brasil-mexico-parecidos-diferencias_0_a7QJ6I5c7.html (accessed: 10.12.2019).
16. Declaración de Lima. URL: <https://alianzapacifico.net/documentos-acuerdo-marco-de-la-alianza-del-pacifico/> (accessed: 27.12.2019).

17. El País. 2017. Dos gigantes de espaldas. URL: https://elpais.com/internacional/2017/11/23/actualidad/1511406216_419092.html (accessed: 24.12.2019).
18. Excelsior. México se reposiciona en relaciones exteriores. 2014. URL: <http://www.excelsior.com.mx/nacional/2014/06/06/963622> (accessed: 27.12.2019).
19. La Segunda. 2014. Bachelet pide a Alianza del Pacífico acercarse al Mercosur. URL: <http://www.lasegunda.com/Noticias/Politica/2014/06/943082/Bachelet-presenta-en-Cumbre-de-Alianza-Pacifico-su-propuesta-de-apertura-al-Mercosur> (accessed: 24.12.2019).
20. Onuki J., Mouron F., Urdinez F. Latin American Perceptions of Regional Identity and Leadership in Comparative Perspective. 2016. URL: http://www.scielo.br/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S0102-85292016000100433 (accessed: 26.12.2019).
21. Plan Nacional de Desarrollo 2007-2012. 2007. P.128. URL: <http://www.cefp.gob.mx/intr/edocumentos/pdf/cefp/cefp0962007.pdf>
22. Russia Today. 2017. «Planetu nel'zya privatizirovat'»: prezident Bolivii Evo Morales dal interv'yu RT. URL: <https://russian.rt.com/world/article/383363-evo-morales-intervyu> (data obrashcheniya: 21.12.2019).
23. Russia Today. 2018. I tseloy steny malo: zachem Donal'd Tramp styagivayet voyska k meksikanskoy granitse. URL: <https://russian.rt.com/world/article/501026-meksika-stena-tramp-nelegaly> (data obrashcheniya: 28.12.2019).
24. Telesur. 2018. AMLO: México aplicará política exterior de no intervenciñURL: <https://www.telesurtv.net/news/mexico-amlo-politica-exterior-marcelo-ebrard--20180705-0095.html> (accessed: 26.12.2019).
25. The Convention Establishing the Association of Caribbean States. 1994. URL: <http://www.acs-aec.org/index.php?q=about/convention-establishing-the-association-of-caribbean-states> (accessed: 04.12.2019).
26. Tratado de Libre Comercio Colombia-México. URL: <http://www.sice.oas.org/trade/go3/G3INDICE.asp> (accessed 22.12.2019).

References

1. Bogaturov A.D. 1997. Velikie derzhavy na Tihom okeane. Istoriya i teoriya mezhdunarodnyh otnoshenij v Vostochnoj Azii posle vtoroj mirovoj vojny (1945–1995) [Great powers on the Pacific Ocean. History and theory of international relations in the Eastern Asia after the Second World War (1945–1995)]. Moscow, Konvert – MONF, 353.
2. Kosevich E.Y. 2018. Novye podhody Meksiki k integracionnym processam v Latinskoj Amerike [New approaches of Mexico to the integration processes in Latin America]. *Latinskaya Amerika*, 8: 48–62.
3. Kostyunina G.M. 2018. Integracionnye processy v Latinskoj Amerike kak faktor sodejstvija vneshnej trgovle [Integration processes in Latin America as a factor of foreign trade contribution]. *Rossijskij vnesh-neekonomicheskij vestnik*, 4: 51–67.
4. Kostyunina G.M. 2015. Severoamerikanskaya integraciya: 20 let spustya [North American integration: 20 years after]. *Vestnik MGIMO Universiteta*, 2: 152–162.
5. Matveyeva D.S., Ryzhov I.V. 2017. Braziliya i gosudarstvo Izrail': istoriya i sovremennost' v otnosheniyakh regional'nykh liderov [Brazil and Israel: history and the present in the relations of regional leaders]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Istoricheskiye nauki*, № 3 (27): 88–96.
6. Procenko A.E. 2007. Meksikano-amerikanskije otnosheniya v uslovi-yah globalizacii [Mexico-American relations in terms of globalization]. Abstract. dis. ... cand. polit. nauk. Moscow, 35 p.
7. Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam. 2018. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tikhookeanskiy-alyans-no-vaya-zvezda-sredi-integratsionnykh-g/> (data obrashcheniya: 01.12.2019)
8. Ryzhov I.V. 2006. Problemy regional'nogo liderstva v sovremennoj sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij: nekotorye teoreticheskie aspekty [Problems of regional leadership in the modern system of international relations: some theoretical aspects]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya, Politologiya, Regionovedenie*, 2: 10–18.
9. Tarasova D.A. 2018. Latinskaya Amerika kak arena bor'by mezhdru Kitayem i Tayvanem [Latin America as an arena of confrontation between China and Taiwan]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Istoricheskiye nauki*, 1 (29): 65–73.

10. Yakovlev P.P. 2013. «Gruppa dvadtsati»: ot Meksiki k Rossii (k itogam sammita v Sankt-Peterburge) [«Group 20»: from Mexico to Russia (results of the summit in Saint Petersburg)]. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/politika/gruppa_dvadcati_ot_meksiki_k_rossii_k_itogam_sammita_v_sankt-peterburge_2013-10-08.htm
11. Yakovlev P.P. 2007. Latinskaya Amerika: menyayushchiysya oblik [Latin America: changing character]. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/amerika/latinskaja_amerika_mena_jush-hijsa_oblik_2007-03-19.htm
12. Yakovlev P.P. 2017. «Effekt Trampa» ili konec globalizacii? [«Trump's effect» or the end of globalization]. Moscow, RUSAJNS, 2017, 144.
13. Azteca Noticias. 2018. LA MEJOR POLÍTICA EXTERIOR ES LA POLÍTICA INTERIOR: AMLO. URL: <https://www.aztecanoticias.com.mx/la-mejor-politica-exterior-es-la-politica-interior-amlo/3283922> (accessed: 26.12.2019).
14. Chapman J. 2017. The Future of U.S.-Mexico Relations is Unpredictable. URL: <https://www.pacificcouncil.org/newsroom/future-us-mexico-relations-unpredictable> (accessed: 28.12.2019).
15. Clarín. 2018. Brasil y México, parecidos y diferencias. URL: https://www.clarin.com/opinion/brasil-mexico-parecidos-diferencias_0_a7QJ6I5c7.html (accessed: 10.12.2019).
16. Declaraciñ de Lima. URL: <https://alianzapacifico.net/documentos-acuerdo-marco-de-la-alianza-del-pacifico/> (accessed: 27.12.2019).
17. El País. 2017. Dos gigantes de espaldas. URL: https://elpais.com/internacional/2017/11/23/actualidad/1511406216_419092.html (accessed: 24.12. 2019).
18. Excelsior. México se reposiciona en relaciones exteriores. 2014. URL: <http://www.excelsior.com.mx/nacional/2014/06/06/963622> (accessed: 27.12.2019).
19. La Segunda. 2014. Bachelet pide a Alianza del Pacífico acercarse al Mercosur. URL: <http://www.lasegunda.com/Noticias/Politica/2014/06/943082/Bachelet-presenta-en-Cumbre-de-Alianza-Pacifico-su-propuesta-de-apertura-al-Mercosur> (accessed: 24.12.2019).
20. Onuki J., Mouron F., Urdinez F. Latin American Perceptions of Regional Identity and Leadership in Comparative Perspective. 2016. URL: http://www.scielo.br/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S0102-85292016000100433 (accessed: 26.12.2019).
21. Plan Nacional de Desarrollo 2007-2012. 2007. P.128. URL: <http://www.cefp.gob.mx/intr/edocumentos/pdf/cefp/cefp0962007.pdf>
22. Russia Today. 2017. «Planetu nel'zya privatizirovat»: prezident Bolivii Evo Morales dal interv'yu RT. URL: <https://russian.rt.com/world/article/383363-evo-morales-intervyu> (data obrashcheniya: 21.12.2019).
23. Russia Today. 2018. I tseloy steny malo: zachem Donal'd Tramp styagivayet voyska k meksikanskoy granitse. URL: <https://russian.rt.com/world/article/501026-meksika-stena-tramp-nelegaly> (data obrashcheniya: 28.12.2019).
24. Telesur. 2018. AMLO: México aplicará política exterior de no intervenciñnURL: <https://www.telesurtv.net/news/mexico-amlo-politica-exterior-marcelo-ebrard--20180705-0095.html> (accessed: 26.12.2019).
25. The Convention Establishing the Association of Caribbean States. 1994. URL: <http://www.acs-aec.org/index.php?q=about/convention-establishing-the-association-of-caribbean-states> (accessed: 04.12. 2019).
26. Tratado de Libre Comercio Colombia-México. URL: <http://www.sice.oas.org/trade/go3/G3INDICE.asp> (accessed 22.12.2019).

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

- Тарасова Д.А., Богданов К.В. 2020. Оценка возможности регионального лидерства Мексики в Латинской Америке. *Via in tempore. История. Политология*, 47(1): 218–225.
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-218-225
- Tarasova D.A., Bogdanov K.V. 2020. Assessment of regional leadership potential of Mexico in Latin America. *Via in tempore. History and political science*, 47(1): 218–225 (in Russian).
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-1-218-225

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT AUTHORS

- Абиева Э.Р.** – аспирант факультета международных отношений и политики Санкт-Петербургского государственного университета
- Белашенко Д.А.** – доцент кафедры истории и теории международных отношений института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, кандидат исторических наук
- Богданов К.В.** – студент института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
- Болгова А.М.** – доцент кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат педагогических наук
- Бондарев Н.И.** – профессор кафедры промышленной химии и биотехнологии Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, доктор биологических наук
- Бондарева Т.А.** – магистрант кафедры Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева
- Борозенец Д.И.** – магистр филологии Донецкого национального университета
- Бугров К.Д.** – Ведущий научный сотрудник Институт истории и археологии Уральского отделения Российской Академии наук, Екатеринбург, доктор исторических наук
- Вербицкая Т.В.** – преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета, магистр международных отношений
- Гоголев Д.А.** – доцент кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков Тюменского государственного университета, кандидат исторических наук
- Гречухина А.А.** – учитель истории и обществознания МАОУ «СОШ № 1 с УИОП г. Губкина» Белгородской области
- Дегтярев Д.С.** – кандидат исторических наук, независимый исследователь
- Зиньковская И.В.** – доцент кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета, доктор исторических наук
- Колесникова А.Ю.** – аспирант кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета
- Лобанов К.Н.** – начальник кафедры психологии и педагогики Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, доктор политических наук, доцент
- Мельников П.Ю.** – доцент кафедры истории государства и права Саратовской государственной юридической академии, кандидат исторических наук

-
- Миронов В.В.** – профессор кафедры всеобщей и российской истории факультета истории, мировой политики и социологии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, доктор исторических наук
- Онопко О.В.** – доцент кафедры политологии Донецкого национального университета, кандидат политических наук
- Острога В.М.** – доцент кафедра истории Беларуси и политологии Белорусского государственного технологического университета, Минск, кандидат исторических наук
- Остроухова Н.В.** – аспирант кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, учитель истории и обществознания МБОУ СОШ № 36 г. Белгорода
- Оськин М.В.** – доцент кафедры общих гуманитарных и социально-правовых дисциплин Института законоведения и управления Всероссийской полицейской ассоциации, Тула, кандидат исторических наук
- Парусова Н.В.** – магистрант кафедры Центральной Азии и Кавказа факультета востоковедения и африканистики Санкт-Петербургского государственного университета
- Писаревский Н.П.** – доцент кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета, доктор исторических наук
- Попов П.В.** – аспирант кафедры Р1 Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д.Ф. Устинова
- Рамазанова Ф.М.** – соискатель степени кандидата наук кафедры политологии и государственной политики Среднерусского института управления – филиала РАНХиГ, Орёл
- Руднева М.А.** – ассистент кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Самохвалов Н.А.** – старший преподаватель кафедры правового обеспечения управления Балаковского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Балаково, Саратовская область
- Сарапулкин В.А.** – доцент кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Сковородников А.В.** – доцент кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета, Барнаул, кандидат исторических наук
- Тарасова Д.А.** – аспирант кафедры истории и политики России института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

-
- Титов В.В.** — кандидат политических наук, старший научный сотрудник департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ, Москва
- Чореф М.М.** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
- Шелудченко Ю.В.** — аспирант кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Шоджонов И.Ф.** — ассистент кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского